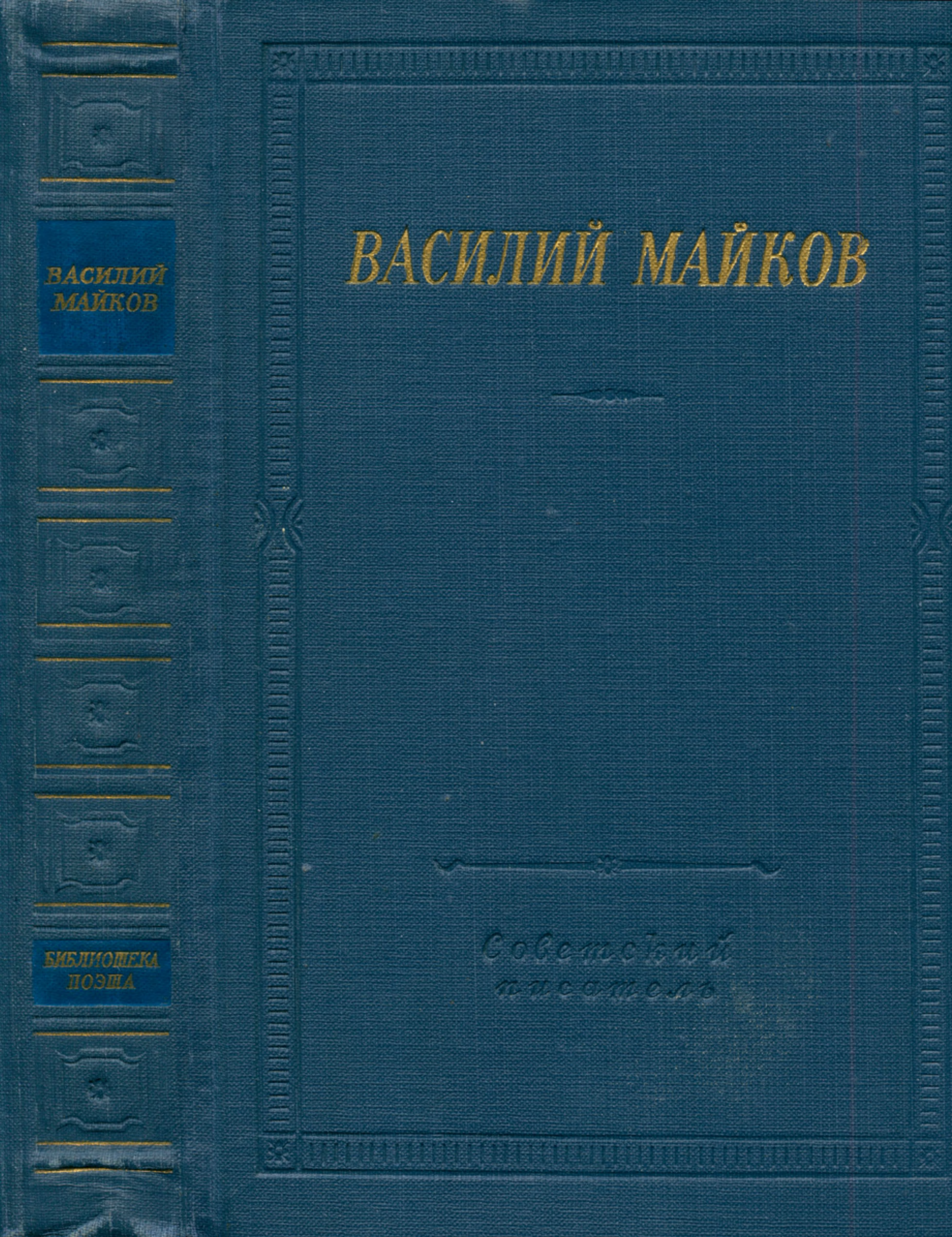

ВАСИЛИЙ МАЙКОВ
БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ВАСИЛИЙ МАЙКОВ
Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор), В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров (зам. главного редактора), В. М. Жирмунский, В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский, Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани, И. Г. Ямпольский

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ВАСИЛИЙ МАЙКОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
А. В. Западова

МОСКВА–ЛЕНИНГРАД · 1966

Р 1
М 12

В историю русской поэзии Василий Иванович Майков (1728—1778) вошел как сатирик, автор двух «ирои-комических поэм»: «Игрок ломбера» и «Елисей, или Раздраженный Вакх». Особую популярность приобрела из них вторая. Забавные, «уморительные» (выражение Пушкина) положения, сценки, сочный народный язык и яркие бытовые краски поэмы до сих пор сохраняют свое живое воздействие на читателя. Помимо «ирои-комических» поэм в сборник вошли басни, различные лирические стихотворения и драматические произведения поэта, не переиздававшиеся около ста лет.

7-4-1
416-66

ТВОРЧЕСТВО В. И. МАЙКОВА

В свое время, а именно двести лет назад, Василий Иванович Майков был знаменитым поэтом. Правда, В. Г. Белинский, для которого в его борьбе за утверждение реалистической русской литературы классицизм представлялся еще сильным противником, отнесся к нему неодобрительно: «Из старой до-державинской школы пользовался большой известностью подражатель Сумарокова — Майков. Он написал две трагедии, сочинял оды, послания, басни, в особенности прославился двумя так называемыми «комическими» поэмами: «Елисей, или Раздраженный Вакх» и «Игрок ломбера». Г. Греч, составитель послужных и литературных списков русских литераторов, находит в поэмах Майкова «необыкновенный пиитический дар», но мы, кроме площадных красот и веселости дурного тона, ничего в них не могли найти». [1]

Однако Пушкин оценивал «Елисея» несколько иначе. Когда А. Бестужев в первой книжке «Полярной звезды» сравнивал Майкова и Н. Осипова, автора «Виргилиевой Энеиды, вывороченной наизнанку», отдавая последнему предпочтение, Пушкин возразил Бестужеву письмом 13 июня 1823 года:

«Зачем хвалить холодного, однообразного Осипова, а обижать Майкова. Елисей истинно смешон. Ничего не знаю забавнее обращения поэта к порткам:

Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда!

---

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, Пг., 1917, с. 203.

А любовница Елисея, которая сожигает его штаны в печи,

Когда для пирогов она у ней топилась,
И тем подобною Дидоне учинилась.

А разговор Зевеса с Меркурием, а Герой, который упал в песок

И весь седалища в нем образ напечатал.
И сказывали те, что ходят в тот кабак,
Что виден и поднесь в песке сей самый знак, —

все это уморительно. Тебе, кажется, более нравится благовещение, однако ж Елисей смешнее, следственно полезнее для здоровья».

«Благовещение» — это поэма Пушкина «Гавриилиада», и если автор ее уверен, что майковский «Елисей» написан «смешнее», спорить с ним не приходится.

1

Василий Иванович Майков родился в 1728 году. Отец его, человек петровской выучки, много лет был в военной службе, участвовал в первой русско-турецкой войне 1735—1739 годов и в шведской кампании 1741—1742 годов, знал двор и столичную петербургскую жизнь. Выйдя в отставку, он поселился в своем ярославском поместье, но часто наезжал в город и вел дружбу с видными людьми края. Иван Степанович Майков одним из первых оценил сценическое дарование Ф. Г. Волкова, бывал на спектаклях, которые тот устраивал в кожевенном амбаре своего отчима купца Полушкина в 1748 году. Когда Волков приступил к созданию в Ярославле театра, воевода Мусин-Пушкин «и помещик Майков деятельно способствовали к осуществлению намерения Волкова, для чего сами употребляли значительные суммы и уговорили ярославских дворян и купечество... способствовать». [1]

Очевидно, молодой Майков был с юности причастен к театру и знал Волкова, безвременной кончине которого посвятил затем стихотворение. Дружил он и с другим знаменитым русским актером — И. А. Дмитревским.

---

[1] С. Серебренников, Федор Григорьевич Волков, первый основатель народного русского театра в Ярославле. — Ярославский литературный сборник, 1850, Ярославль, 1851, с. 115.

Записанный по тогдашнему дворянскому обыкновению солдатом в гвардию, Майков четырнадцати лет, в 1742 году, был отвезен в Петербург и приготовился нести службу рядового в Семеновском полку. Вскоре, однако, был объявлен указ о разрешении молодым солдатам из дворян отправляться по домам, чтобы изучать науки, необходимые военному человеку, — арифметику, геометрию, иностранные языки, а также артиллерию, фортификацию, инженерное искусство. Майков возвратился в Ярославль, но познаний больших дома не приобрел: видимо, не с кем было заниматься, хорошие учителя были редкостью и в столицах. Майкову не удалось даже выучиться французскому или немецкому языку, чем его не раз корили впоследствии литературные противники. С произведениями иностранных авторов писатель должен был затем знакомиться только в русских переводах или пересказах.

Небезызвестный поэт Д. И. Хвостов, памятный больше по шуткам о его бездарности, чем собственными сочинениями, в одной из своих рукописных заметок сообщил: «Сумароков, будучи приятель Майкова, часто забавлялся насчет его малого сведения в словесности и знания иностранных языков, то говоря, что Майков 13-й апостол, приобретя так же, как и они, по благодати дар слова, то рассказывал, что при начале случая кн. Потемкина, когда сей вельможа, приглашая к себе всех стихотворцев, особливо ласкал давно любимого им переводчика «Энеиды» В. П. Петрова и называл его для отличия от прочих Maxime Petroff, то есть великий Петров, то будто Майков, подошед тогда с сердцем к Сумарокову, сказал: «Зачем ты меня уверил, что Петрова зовут Василий Петрович; слышишь ли, что князь его называет Максимом». Но пусть творец «Семиры» и первенец российского Пинда иногда мог издеваться над недостатком просвещения в нашем пиите, но никогда не имел права шутить над дарованиями Майкова, кои были столь блистательны, что сам Сумароков принужден был сказать: «Тебе на верх горы один остался шаг». [1]

В 1747 году Майков начал солдатскую службу в Семеновском полку и очень медленно продвигался в чинах: знатных покровителей он не имел. Семеновский полк нес караулы в петербургских и пригородных дворцах, солдаты работали на полковом дворе, учились «воинской экзерциции». Майков, как позже — Державин, жил вместе со сдаточными солдатами из крепостных крестьян, и к его впечатлениям от народного быта, накопленным в ярославском имении отца, прибавлялись казарменные сценки, западали в память народ-

---

[1] «Ирои-комическая поэма», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1933, с. 91.

ные песни, сказки, крепкие и точные выражения крестьянской речи, присловья и поговорки. Демократическая струя весьма заметна в литературном языке Майкова-писателя, в его устах фольклорные обороты звучат естественно, потому что они были впитаны с юности и закрепились в годы солдатчины.

Когда в 1756 году началась война с Пруссией, — так называемая Семилетняя, — гвардию в поход не посылали. Майков лишь однажды, в 1759 году, был назначен начальником партии рекрутов, отправляемых в действующую армию, отвез их на фронт и возвратился в полк. В сражениях участвовать ему не довелось, и войну он знал только по рассказам и книгам.

Служил Майков без особенного старания, часто брал отпуск и уезжал в ярославскую деревню. Столичная жизнь сблизила его с театром. По-видимому, через своего старинного знакомца Волкова он стал вхож за кулисы «первого российского для представления трагедий и комедий театра», открытого в 1756 году, подружился — насколько это было возможно — с его директором и драматургом Сумароковым, к которому всегда питал особенное уважение. Был он также знаком с И. П. Елагиным, литератором и чиновником, водил дружбу с актерами. К этому времени должны относиться первые литературные опыты Майкова, до нас не дошедшие, ибо то, что он стал печатать несколько лет спустя, показывает поставленную писательскую руку.

В дни тяжелой болезни императрицы Елизаветы Петровны Майков, осведомленный о солдафонских наклонностях будущего государя Петра Федоровича и не желая увеличивать свои служебные тяготы, почел за благо подать в отставку. Он был уволен 25 декабря 1761 года с капитанским чином и не замедлил покинуть Петербург.

Майков поселился в Москве и вошел в группу литераторов, собравшихся в университете вокруг М. М. Хераскова. Вместе с ними он облегченно вздохнул, узнав о перевороте, положившем конец полугодовому царствованию тупого и пьяного Петра III, и приветствовал новую правительницу Екатерину Алексеевну, умевшую посулами привлекать к себе дворянские сердца.

В 1760—1762 годах Херасков издавал при Московском университете журнал «Полезное увеселение», служивший органом кружка дворянской и разночинной молодежи, объединенной общностью литературных интересов и моральных норм. Можно считать, что и сам Херасков и многие его приятели были членами тайной масонской группы. В их «Полезном увеселении» постоянно звучали мотивы необходимости личного совершенствования каждого человека, бренно-

сти всего земного, велась пропаганда образцов добродетели, излагались думы о загробной жизни. Такой образ мыслей был чужд Майкову в эту пору его жизни, — религиозный пыл охватит его через десять-двенадцать лет, после восстания Пугачева, — но все же это была литературная среда, появилась возможность печататься, и он ею воспользовался.

Продолжая сохранять связь с кружком Хераскова, участвуя во втором по времени университетском журнале «Свободные часы» (1763), Майков завел в Москве новые знакомства, подружился с братьями Бибиковыми и князем Федором Козловским. Александр Ильич Бибиков, генерал и царедворец, был причастен к литературным занятиям. Он перевел прозой поэму прусского короля Фридриха II «Военная наука», а Майков изложил этот перевод стихами и напечатал его в 1767 году, сопроводив посвящением Бибикову, которое закончил так:

Не думай, чтобы твой я был преподлый льстец,
Я должность честности и дружбы исполняю,
Какая только есть меж искренних сердец;
Лукавства подлых душ в себе я не питаю.
Не чин твой, но тебя единственно я чту,
А прочее я всё на свете почитаю
За скоротечную и тщетную мечту.

Майков действительно никогда не был льстецом, шел своей дорогой и не заискивал перед фаворитами и вельможами. Тесней он сошелся, например, с братом Александра Бибикова, Василием, также близким к литературе и театру человеком, и ему посвятил стихи, написанные на смерть их общего друга князя Федора Козловского, молодого офицера, по отзывам современников — талантливого писателя, не успевшего развернуть свое дарование. Стоит напомнить, что зимой 1763 года, когда в Москве шли коронационные торжества, солдат Преображенского полка Гавриил Державин принес служебный пакет офицеру Козловскому. Тот в это время читал Майкову свою трагедию. Державин, на досуге писавший стихи, исполнив поручение, остановился в горнице послушать — он первый раз в жизни встретился с писателем. Но Козловский, заметив непрошеного слушателя, сухо сказал ему: «Поди, братец служивый, с богом, что тебе попусту зевать, ведь ты ничего не смыслишь». Достигнув собственной литературной славы, Державин не без удовольствия рассказал этот эпизод в своих записках.

В 1766 году Майков поступил на статскую службу и занял должность товарища московского губернатора. Главнокомандующим Москвы в то время был граф П. С. Салтыков, а губернатором И. И. Юшков, родственник А. П. Сумарокова, женатый на его сестре. Занимаясь административными делами, Майков не бросает пера, пробует силы в басенном роде и выпускает в свет две книги своих «Нравоучительных басен».

Когда летом 1767 года в Москве собралась созванная Екатериной II Комиссия для составления нового Уложения, которой была поставлена задача упорядочить русские законы, она привлекла внимание дворянской общественности. Императрица, составившая Наказ этой Комиссии, давала понять, что в России возникает род учредительного собрания, которое поможет государыне, трудясь под ее руководством, осуществить в стране принципы, выработанные философами-энциклопедистами. На самом же деле комиссии такого типа были не новостью в России, начало им положил еще Петр I, и Екатерина проводила пятую по счету попытку пересмотреть старинные указы силами выборных депутатов. Созыв Комиссии показывал намерение правительства дать известный выход общественному беспокойству, обусловленному волнениями среди крепостных крестьян, испытавших новое усиление помещичьего гнета при воцарении дворянской государыни — Екатерины II.

Подробно составленный регламент заседаний Комиссии, во главе которой был поставлен «маршалом» А. И. Бибиков, надежный исполнитель царской воли, исключал выдвижение каких-либо вопросов по инициативе участников: они должны были только слушать и обсуждать Наказ. Однако, несмотря на стесненную обстановку, некоторые депутаты выдвинули злободневные вопросы положения русского крестьянства, стали искать причины массового бегства крепостных от помещиков. Раздались голоса, потребовавшие ограничения господских прав. Об этом говорили дворянский депутат Коробьин, однодворец Маслов, пахотный солдат Жеребцов, депутат города Дерпта Урсинус Сами крепостные крестьяне в Комиссии не участвовали, депутатов не выбирали.

Никаких решений Комиссия принимать не могла, однако то, что говорилось на ее заседаниях, не пропало бесследно. Впервые там гласно было заявлено о бедственном состоянии крепостных крестьян, предложено поставить предел помещичьей власти. Ряд русских писателей, в том числе Н. И. Новиков, М. И. Попов, А. А. Аблесимов, Г. Р. Державин и другие, участвовали в работе Комиссии, исполняя обязанности секретарей частных комиссий, и то, что они слышали из уст депутатов, хорошо запомнили. Даже в тех сужен-

ных пределах, что были ей предоставлены, Комиссия сыграла заметную роль в развитии русской общественной мысли.

Майков также был в составе сотрудников Комиссии, привлеченный туда, как можно думать, А. И. Бибиковым. Личной доверенностью к нему «маршала» Майков был обязан тем, что получил весьма высокий пост секретаря Дирекционной комиссии. Эта комиссия направляла и контролировала работу депутатского собрания. Она руководила деятельностью всех частных комиссий, рассматривала поступавшие оттуда еженедельные памятные записки, наблюдая, чтобы обсуждение Наказа велось в духе установленных правил. Члены Дирекционной комиссии имели задачей согласовать между собою материалы частных комиссий и привести их в соответствие с Наказом, ибо случалось, что увлекшиеся спорами депутаты о нем забывали. Подготовленные таким образом положения отсылались затем в Большое собрание, и Майков в полном смысле этого слова находился в центре всех работ Комиссии для составления нового Уложения.

После окончания коронационных торжеств осенью 1767 года Екатерина возвратилась в Петербург. Дальнейшие заседания Комиссии также были перенесены в столицу, и Майков уехал туда вместе с депутатами, оставив свою московскую службу. Он продолжал нести секретарские обязанности, но не бросал литературную работу. Складывался замысел новой ирои-комической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх», набрасывались для нее строки смешных и острых стихов, получивших затем распространение в рукописи, ибо с печатанием поэмы пришлось подождать. Россия вступала в полосу тяжелых испытаний, и серьезному поэту не к лицу было забавлять публику шутливым рассказом о похождениях пьяного ямщика. В октябре 1768 года вспыхнула война с Турцией, Екатерина распорядилась прекратить занятия Комиссии, предложила офицерам возвратиться в полки, чиновникам — в коллегии.

Майкову ехать было некуда, он остался в Петербурге.

Занятый работой над «Елисеем», поэт не принял большого участия в журналах, один за другим появлявшихся в Петербурге зимой и весной 1769 года. В «Трутне» напечатал он два стихотворения, связанных с войной, и в «Смеси» — небольшое письмо. Но поэма «Елисей» поставила Майкова в центр журнальной полемики и столкнула его с двумя противниками — В. П. Петровым и М. Д. Чулковым.

Через полтора года после начала войны, 15 марта 1770 года Майков занял место прокурора Военной коллегии, вице-президентом которой был его добрый знакомый граф Захар Григорьевич Чернышев. Принадлежавший к числу единомышленников Н. И. Панина,

Чернышев держался либералом, осуждал крепостнические порядки России и склонялся к идеалу просвещенного монарха, каким отнюдь не считал Екатерину II. С помощью Чернышева, стоявшего во главе Военной коллегии, — должность президента много лет оставалась вакантной, — Майков всегда был в курсе фронтовых новостей и знал о них больше, чем знали в петербургских салонах.

Несколько месяцев работы в коллегии показали Майкову трудности снабжения армии. Большие неурядицы обнаружились при подготовке эскадр адмирала Спиридова и контр-адмирала Эльфинстона к походу в Архипелаг. Корабли были старые, запас ядер и пороха недостаточен, паруса худые. Эскадры шли очень медленно, суда ремонтировались в английских портах, матросы болели и умирали сотнями. Широко понимая обязанности дворянина в трудные для родины дни, Майков, нарушая правила дворянского круга, решил взяться за мануфактурное предприятие — и в 1770 году открыл в Москве полотняный завод, изготовлявший парусный холст для нужд военно-морского флота и для продажи в Англию. Завод вместе с тем был для Майкова средством поправить свое имущественное положение: по смерти матери осталось на нем 4000 рублей долга, которые необходимо было платить. Фабрика начала приносить прибыль, но случился пожар, сгорела пряжеварня, в Москве вспыхнула эпидемия чумы, рабочие разбежались, крах английской фирмы остановил продажу готового холста. Майков понес крупный убыток и должен был просить займа в государственном банке.

Как заводчик, Майков вступил в члены Вольно-экономического общества, где видную роль играл его начальник З. Г. Чернышев. Общество это, открытое по предложению Екатерины II в 1765 году, обсуждало возможности перевода дворянского сельского хозяйства на промышленную основу. Многие его члены, и среди них Чернышев, приходили к мысли о невыгодности рабского труда и были готовы признать за крепостными крестьянами право на личную собственность; ведь все, что те имели, числилось за их помещиками. Майков, избранный членом общества в сентябре 1770 года, принимал живое участие в его работах.

Когда Херасков в 1770 году был назначен вице-президентом Берг-коллегии и переселился из Москвы в Петербург, в его доме вновь составилось литературное общество. Участниками, кроме хозяев, были И. Ф. Богданович, А. А. Ржевский, А. В. Храповицкий, М. В. Сушкова и другие любители словесности. Майков также стал членом этого кружка. В 1772—1773 годах Херасков вместе с приятелями издавал журнал «Вечера». Карты и придворные праздники составляли главные развлечения светского Петербурга. Хераскову и

его друзьям они были чужды. В предисловии к «Вечерам» издатели писали о том, что они «вознамерились испытать, может ли благородный человек один вечер в неделе не играть ни в вист, ни в ломбер и сряду пять часов в словесных науках упражняться». Майков был постоянным вкладчиком журнала и поместил в нем одиннадцать своих произведений — оду «Война», четыре переложения псалмов, эклогу «Аркас», стихотворные переводы «Превращений» Овидия, эпиграмму и загадки.

В начале 1770-х годов Майков вступил в масонскую ложу «Урания», мастером которой состоял В. И. Лукин. Из сохранившихся бумаг видно, что в 1774 году собрания этой ложи посещало более полусотни членов, в том числе братья Бибиковы, Д. Волков, Сиверс, Безобразов, Вердеревский, А. Рубановский, актеры Дмитриевский, Троепольский и другие.[1] В 1775 году Майков уже занимал пост великого провинциального секретаря Великой провинциальной ложи, руководимой И. П. Елагиным.

Начальник Майкова З. Г. Чернышев в сентябре 1773 года был назначен президентом Военной коллегии и получил звание генерал-фельдмаршала, но уже в следующем году вышел в отставку. Дело в том, что вице-президентом коллегии Екатерина поставила Г. А. Потемкина, к нему перешла полнота власти, и Чернышев не желал стать простым исполнителем его воли. Вслед за ним в 1775 году ушел со службы и возвратился в Москву Майков.

Масонская ложа, во главе которой стоял кн. Н. Н. Трубецкой, приняла Майкова в свои члены. Как можно судить по творчеству поэта, масонство для него было средством поиска духовного совершенствования, улучшения человеческой природы, средством помогать ближнему, направляя его на пути добродетели. Он сотрудничает в журнале Н. И. Новикова «Утренний свет», печатая на его страницах оды «Счастие» и «Ищущим премудрости» (1778), обращается к «чадам утреннего света» с предложением искать «вышних тайн», не боясь лжи, которую сплетают против высоких душ «злоречивые зоилы».

В 1777 году Майков в чине бригадира был принят на службу в Мастерскую и Оружейную контору, в чьем ведении состояли царские драгоценности и убранство кремлевских зданий. Но уйти от Потемкина в пору его могущества было трудно, он занимал множество должностей, и среди них — должность Верховного начальника Оружейной конторы. После него Майков был вторым по стар-

---

[1] М. Н. Логинов, Новиков и московские мартинисты, М., 1867, с. 94 и сл.

шинству служащим конторы и выполнял обязанности его распорядителя. Другое дело, что обязанности эти могли не считаться затруднительными, однако служба вовсе не была для Майкова синекурой.

В Петербурге не забыли прямого и честного Майкова. В начале 1778 года его вызвали в столицу, чтобы предложить должность герольдмейстера — начальника конторы, ведавшей дворянскими кадрами, испытаниями молодых дворян, назначением их на службу и дворянским родословием. Майков дал согласие, вернулся в Москву для улаживания своих дел — и скоропостижно скончался 17 июня 1778 года. Похоронили его в Донском монастыре.

2

Как поэт впервые Майков выступил в журнале «Полезное увеселение», в январском номере 1762 года он поместил эклогу «Цитемель» и эпиграмму. На воцарение Екатерины II поэт откликнулся не сразу, и лишь ко дню тезоименитства императрицы 24 ноября выпустил отдельным изданием свое первое торжественное стихотворение.

Майков писал оду после выхода в свет «обстоятельного манифеста», в котором Екатерина подробно изложила причины, побудившие ее захватить трон, и преподала официальную оценку события, и позже ломоносовской оды, опиравшейся на этот манифест. Таким образом, для оды Майков имел признанные литературные источники и воспользовался ими, не стремясь разнообразить трактовку известных вещей.

В согласии с манифестом Майков изображает дело так, будто Екатерина снизошла к мольбам своих подданных, и что Петр I, возникший перед стенящим народом «из земных недр», присоветовал возвести Екатерину на престол — «моя в ней мудрость обитает!». Она якобы «стократно паки отрекалась» от венца, хоть была гонима своим мужем, но потом все же согласилась и бескровно отобрала престол у Петра III. Легко увидеть, что 10-я и 11-я строфы оды соответствуют словам манифеста о том, как бывший император «паче и паче старался умножить оскорбление развращением всего того, что великий в свете монарх... Петр Великий, нам вселюбезнейший дед, в России установил, и к чему он достиг неусыпным трудом тридцатилетнего своего царствования». Строфы 13 и 14 возникли из текста: «Трудно нам было напоследок не смутиться духом, видя отечество погибающее и себя самих с любезнейшим нашим сыном и природным нашим наследником престола российского в гонении...» и т. д.

Майков добросовестно излагал тезисы манифеста, оперяя их рифмами и с несомненной искренностью рассыпая хвалы Екатерине, — после придурковатого Петра III в самом деле стало как будто полегче. А литературным образцом для поэта в первом его значительном выступлении послужила ода Ломоносова на восшествие Екатерины II на российский престол 28 июня 1762 года.

Ломоносовское стихотворение пришлось не по вкусу императрице. Поэт очень резко судил немцев, захвативших видные должности в государстве и не заботившихся о благе страны. Он разъяснял иностранным державам, что Россия не потерпит насилия над собою, и сурово предупредил новую императрицу:

Услышьте, судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы. [1]

Эти и последующие строки оды были прямым требованием охранять интересы отечества, заботиться о состоянии народа, строго соблюдать законы и помнить, что государь должен показывать пример уважения к ним.

Как известно, Екатерина, после прочтения этих непрошеных советов, наказала их автора — обошла при раздаче наград, поощрила врагов Ломоносова — Теплова и Тауберта, а через несколько месяцев подписала указ о «вечной отставке» великого ученого и поэта.

Майков, сочиняя свою оду под влиянием ломоносовских стихов, избегает их резкости и остается в официальных пределах. Ничего не говорит он о немецком засилье, помня, что государыня-то была из немок, и ничего не советует, приговаривая только:

Владей, владей счастливо нами
И купно нашими сердцами. . .
Достойно села ты на трон,
Достойно скипетр приняла *и т. д.*

При этом Майков повторяет сюжетную схему оды Ломоносова — у него также появляется Петр I, произносящий речь в пользу

---

[1] М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8, М. — Л., 1958, с. 778. В дальнейшем цитируется с указанием в тексте тома и страницы.

новой императрицы, — и заимствует поэтические формулы. Например, Ломоносов пишет от лица Петра:

На то ль чтоб все труды несчетны...
На то ль воздвиг я град священный, —

чтоб эти труды были расхищены и погублены нерадивым преемником? Эти риторические вопросы Майков передает России, которая у него обращается с жалобой ко гробу Петра:

К тому ль ты расширял границы
Во мне и бунты усмирял...
К тому ль себя ты беспокоил,
Когда ты флот и грады строил,
К тому ль науки насаждал?..

Он подходит к Ломоносову и ближе. У того сказано:

Слыхал ли кто из в свет рожденных,
Чтоб торжествующий народ
Предался в руки побежденных? —
О, стыд, о, странный оборот!

(VIII, 774)

Майков перефразирует:

Преславные делами россы,
По тьме преславнейших побед,
Безгласны в оном оставались
И побежденным предавались
В неволю вечную. О срам...

В «Оде на новый 1763 год» Майков совершает краткий обзор русской истории, подобно тому как это делал Ломоносов в оде 1761 года. Он вспоминает Бориса Годунова, Михаила и Алексея Романовых, Петра I, которого особенно хвалит, и Елизавету, для того чтобы отметить возвращение с новой императрицей Екатериной славных починов петровского царствования.

По существу, это было лучшее из того, что мог и хотел сказать о ней Майков. Для него, как и для Ломоносова, Петр I был образцом просвещенного монарха, и сравнением с ним измерялись достоинства других владетелей. В «Оде на случай избрания депутатов

1767 года» Майков напоминает о том, что Екатерина в преображенском мундире, ведя за собой гвардию, отправилась свергать своего мужа, и рисует ее на коне, с мечом в руках:

Гордяся, конь, как вихрь, крутится,
От ног его песок мутится,
Восходит кверху пыль столпом.
Таков был Петр велик во славе,
Когда на брани при Полтаве
Бросал на дерзких шведов гром.

Дальше говорится о флоте — и снова Петр приходит на память поэту.

Про будущую Комиссию в этой оде сказано весьма немного — лишь то, что «закон, изображенный ясно», прекратит происки зловредных ябедников и что «судьи возмогут без препоны святую истину хранить», так как смысл законов станет очевидным для всех. В оде нет политических оценок и выводов, составлявших характернейшую черту ломоносовских од. Майков пишет парадные стихи, не вдумываясь глубоко в смысл описываемого события, и нельзя не видеть, что он оставляет в стороне многие возможности созданного Ломоносовым жанра.

«Стихи на возвратное прибытие» Екатерины II из Казани в Москву в 1767 году утверждают тот же излюбленный тезис:

Что было здесь Петром Великим насажденно,
Тобой взращенное уже то видим мы.

Ограничившись этим, Майков главной темой стихотворения делает заботу императрицы о детях и юношестве. Он восхищенно изображает блестящее будущее приемышей Воспитательного дома — благотворительного заведения, незадолго перед тем открытого. Младенцы с годами войдут в юношеский возраст и вознаградят государыню.

В твое владычество богатство принесут,
Индúю съединят с Российскою страною
И Хину во твое подданство приведут.

Питомцы Воспитательного дома, однако, не оправдали торгово-завоевательных пожеланий Майкова, которому в порыве поэтической фантазии представилось, что в этом учреждении «всех енаралами

делают», как сто лет спустя ехидно заметила щедринская Улитушка, получив от Порфирия Головлева поручение свезти прижитого им ребенка в Москву на воспитание.

Заметим попутно, что и в других своих одах Майков нередко черпает у Ломоносова риторические фигуры и образы. Так, в «Оде победоносному российскому оружию» есть строки:

Какая буря наступает
И тмит всходяща солнца луч?
Какая молния блистает
И с серою надменных туч?

В оде на взятие Бендер читаем:

Но кая радость дух объемлет,
Какой я вижу ясный свет,
Какому гласу слух мой внемлет?

Эти вопросы уже задавал себе Ломоносов в оде 1742 года:

Какой приятный зефир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснеет?
Что всех умы к себе влечет?

(VIII, 82)

И в оде 1756 года:

Какую радость ощущаю?
Куда я нынче восхищен?

(VIII, 399)

Ломоносов пишет: «Заря багряною рукою» (VIII, 215); «И се уже рукой багряной Врата отверзла в мир заря» (VIII, 138) — Майков берет у него эпитет: «Там, где зари багряной персты» (Ода на взятие Бендер). И даже весьма рискованные «бурные ноги», отмеченные Ломоносовым у лошади, на которую садилась императрица Елизавета, —

И топчет бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь, —

(VIII, 394)

эти ноги, с яростью опротестованные Сумароковым, находят место в стихах Майкова, правда перенесенные в разряд явлений космических:

И кони бурными ногами
Несут небесными полями
Планет прекрасного царя.

(Ода на новый 1763 год)

Майков и не скрывает своей близости к торжественной лирике Ломоносова. В оде 1768 года, написанной по поводу праздника восшествия на престол Екатерины II, он, говоря о том, что желает «песни петь священны», спрашивает, кто поможет ему, направит мысли, даст богатство речей? И просит Ломоносова настроить его «слабую лиру»,

Дабы я мог пространну миру
Твоим восторгом возгреметь.

Называя Ломоносова несравненным, преславным певцом россов, обладающим слогом отменной красоты, сочинявшим песни огромные и стройные, Майков говорит о том, что подражает ему, возжженный его пламенем.

Ценя Ломоносова как великого поэта, Майков с уважением указывал на его научные заслуги, и об этом следует упомянуть, потому что далеко не все современники понимали значение Ломоносова-ученого. Надпись к изображению Ломоносова, напечатанную в журнале «Санктпетербургские ученые ведомости» (1777), Майков начинает именно с оценки его научной деятельности:

Сей муж в себе явил российскому народу,
Как можно съединять с наукою природу...
...Натуры ль открывал нам храм приятным словом,
Казался важным быть и в сем убранстве новом.

И лишь в последней строке он перечисляет уже ставшие обязательными титулы Ломоносова, по обычаю времени составленные из имен великих писателей древности, — «Он был наш Цицерон, Виргилий и Пиндар».

Ломоносов был учителем Майкова и в переложении псалмов, хотя выбирали они разные произведения: Ломоносов — 1, 14, 26, 34, 70, 103, 143, 145 псалмы; Майков — 1, 12, 41, 71, 89, 111, 136. Совпали они только в первом псалме.

Для Майкова, как и для Ломоносова, библейские тексты были

способом выразить собственные чувства и переживания, поскольку строгие нормативы поэтики классицизма других способов для этой цели не предоставляли. При этом главный мотив псалмов, отобранных Майковым, — не борьба с врагами, как у мужественного Ломоносова, но выражение надежды, связанной с упованием на бога.

В переложении 81-го псалма, относящемся уже к 1773 году, Майков совпал с Державиным, который семью годами позднее напечатал в «Санктпетербургском вестнике» свои стихи «Властителям и судиям» (1780, ноябрь). Переложенный Державиным 81-й псалом прозвучал грозным обличением российских властителей и судей и подвергся цензурным преследованиям. А через пятнадцать лет, в 1795 году, после того как во Франции был казнен Людовик XVI, Екатерина увидела в державинском тексте 81-го псалма «якобинство», и поэту, если бы он не сумел оправдаться, предстоял допрос у секретаря тайной канцелярии Шешковского. В глазах читателя, стало быть, стихотворение имело самый радикальный характер. Державин восклицал, обращаясь к сильным мира сего:

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

Майков справился с переложением не столь успешно: он расширил текст псалма по сравнению с оригиналом, у него обличения лишены конкретности, не звучат злободневно и остро.

Подражания литературной манере Ломоносова нисколько не исключали того обстоятельства, что Майкову, как писателю и дворянину, был гораздо ближе Сумароков. Политические взгляды их совпадали. Майков, будучи верным слугой монархии, осуждал тиранию и возлагал надежды на просвещение дворянства. Он признавал крепостное право законным, но возражал против злоупотреблений им. Судьба крестьян — постоянный труд на господ, однако это люди, их нельзя равнять с рабочей скотиной. Восстание народа, поднятое Пугачевым, явилось для Майкова столь грозной неожиданностью, что он не сумел никак откликнуться на него в своих произведениях, но зато после крестьянской войны решительно повернулся к религии и совсем оставил сатиру.

Что же касается поэзии, то образцы политической лирики, созданные Ломоносовым, были так величественны, что не следовать им для поэтов до-державинских лет было попросту невозможно. Сам

Сумароков не избежал в одах его могучего влияния, однако никогда не признался бы в этом. Майков же, подражая Ломоносову почти неприкрыто, продолжал считать себя литературным союзником Сумарокова. В оде «О вкусе» Майков изложил требования к литературному слогу и, шире, к поэзии, которым следовал его старший собрат:

Не пышность — во стихах приятство;
Приятство в оных — чистота,
Не гром, но разума богатство
И важны речи — красота.
Слог должен быть и чист, и ясен:
Сей вкус с природою согласен.

Сумароков ответил Майкову стихами, — оба послания появились в майской книжке «Собрания разных сочинений и новостей» 1776 года, — в которых повторил свои наставления:

Витийство лишнее — природе злейший враг;
Брегися, сколько можно,
Ты, Майков, оного; витийствуй осторожно, —

и ободрительно добавил:

Тебе на верх горы один остался шаг...

Разумеется, Сумароков видел себя на парнасской вершине и думал, что Майков только совершает свое восхождение. Задерживает его в пути «витийство», то есть манера выражаться напыщенно, метафорически, кудревато, громоздким и темным слогом, длинными периодами, приличными ораторской речи. Другими словами, Сумароков находил недостатки Майкова в том, что он в своих одах следовал образцам Ломоносова, «витийствовал» неосторожно, был излишне громок и чужд простоты. Сравнение, приведенное Сумароковым в конце «Ответа на оду», ясно показывает, кто выставляется в качестве дурного примера, — ведь в «надутости» слога он обычно обвинял Ломоносова:

Когда булавочка в пузырь надутый резнет,
Вся пышность пузыря в единый миг исчезнет,
Весь воздух выйдет вон из пузыря до дна,
И только кожица останется одна.

Полностью принимая в теоретическом плане литературную программу Сумарокова, Майков особенно высоко — впрочем, вместе со своими современниками — оценивает его драматическое творчество:

Друг Талии и Мельпомены,
Театра русского отец,
Изобличитель злых пороков,
Расин полночный, Сумароков, —

аттестует он своего руководителя в «Оде о вкусе».

При столь уважительном отношении к Сумарокову трудно вообразить, что Майков мог с ним полемизировать. Между тем именно такую позицию приписывает поэту М. М. Гуревич, опубликовавший в третьем сборнике «XVIII век» печатное возражение на статью Сумарокова «Господину Пассеку: вот наш бывший разговор...», которое он предлагает «смело считать» принадлежащим Василию Майкову. Доказательством призван служить тот факт, что возражение неизвестного лица заканчивается басней Майкова «Лисица и бобер», имеющей разночтения с редакцией 1767 года.[1] Печатный листок подписан инициалами NN.

Сумароков в статье «Господину Пассеку...» утверждает, что человек есть четвероногое животное, и силу свою приобрел оттого, что встал на путь общежития, а по существу не отличается от прочих, разумом одаренных, тварей.[2] Автор возражения, «не касаяся сего столь славного писателя ни слога, ни мыслей», отвечает, что человек выше всех животных богатством своего природного разума. «Вот, государь мой, — кончает он свое письмо, — мое мнение, с которым можно жить приятнее и веселее. В дополнение же сего вам прилагаю здесь следующую басенку», — и печатает басню Майкова «Лисица и бобер».

Текст этой басни несколько отличается от помещенного в томике «Нравоучительных басен»: вместо «бобр» трижды поставлено «бобер» («Лису Бобер спросил» вместо «Лисицу бобр спросил» и др.), кое-где произведена замена отдельных слов. Впечатление такое, что некто по памяти записал басню, ставя взамен забытых подходящие по смыслу и размеру слова. О «новой редакции» тут говорить не приходится, кроме двух заключительных строк. В «Нравоучительных баснях» они гласят:

---

[1] М. М. Гуревич, Неизвестное произведение Василия Майкова. — «XVIII век», сб. 3, М. — Л., 1958, с. 474.

[2] А. П. Сумароков, Полное собрание всех сочинений, т. 9, М., 1787, с. 335 и сл.

Читатели, и вы, мню, скажете здесь то же,
Что качество души телесных сил дороже.

В тексте сборника «XVIII век» стихи читаются иначе:

Я мню, что...... И сам ты скажешь то же,
Что силы разума телесных сил дороже.

Такая строка отлично заканчивала возражение Сумарокову, но мог ли ее написать Майков?

Небольшая полемика эта относится к 1774—1775 годам, то есть к тому времени, когда Майков вошел в масонскую ложу, усвоил обязательную терминологию, принял учение о том, что человек состоит из духа, души и тела. И если во второй половине 1760-х годов, когда сочинялись басни, он был уверен в превосходстве «качеств души» над телесными силами, то позже, в период масонских увлечений, Майков тем более не мог на первый план выдвигать разум: это означало отказ от религиозной доктрины и противоречило бы общему направлению его творчества последних лет.

Нельзя также забывать, что если бы Сумароков, при его раздражительном и гордом характере, был уверен в том, что печатное возражение на статью «Господину Пассеку...» принадлежит Майкову, которого он считал своим покорным учеником, то через годполтора он не написал бы «Ответа на оду В. И. Майкова» с похвалами ему, а Майков в это же время не подносил Сумарокову почтительных од о суете мира, с типичным масонским лозунгом: «Всякий шаг нам — шаг ко смерти», и о вкусе, где заявлял, что идет по следам «полночного Расина». Таким образом, вопрос об авторе переделки басни «Лисица и бобр» нельзя считать решенным в пользу Майкова, как полагает М. М. Гуревич: поэт не вступал в споры с Сумароковым.

В 1763 году Майков напечатал свою первую ирои-комическую поэму «Игрок ломбера». Она имела большой успех, и при жизни автора вышла еще дважды — в 1765 и 1774 годах. Поэма эта, для нынешнего читателя требующая значительных пояснений, была принята с живейшим интересом, потому что карточная игра составляла ежедневное занятие дворянского общества и стихи, содержавшие описания партий, казались приятной и острой новинкой. Ломбер получил широкое распространение, шли споры о том, какие виды игры следует предпочитать, насколько правы те, кто играет «поляк», неизвестный французским законодателям ломбера, и т. д.

Ирои-комический элемент поэмы заключается в том, что Майков описывает обычную партию картежной игры, уподобляя ходы

игроков сражениям, знаменитым в древности. Исторические и библейские персонажи, изображенные на фигурных картах, позволяли ему это делать. Так, червонная дама, нарисованная в виде Юдифи, вызывает воспоминания поэта об Олоферне, убитом ею. Показывая игрока, высоко занесшего руку с картой, которой он отбирал взятку, Майков сравнивает его с Ахиллесом, напавшим на троянские полки. Бубновый король Цесарь уподобляется Плутону, увлекающему в ад Прозерпину.

Майков не склонен порицать картежную игру вообще, он далек от осуждения картежников, как людей, которые растрачивают свое время и деньги, хотя говорит, что «игра нередко нас и в бедство может ввесть». Нужно уметь играть осторожно, не зарываться, не надеяться на счастье. Эту истину открывают неудачливому Леандру три адских судьи в подземном царстве: «Поди, и только лишь воздержнее играй...» Мораль небольшая, но, что и говорить, весьма практическая.

«Нравоучительные басни» Майков издал через пять лет после выхода двух книг сумароковских «Притч» (1762), и в этом жанре они были для него примером. Басни писали Кантемир, Тредиаковский, три басни сочинил Ломоносов, несколько произведений такого рода были помещены Херасковым и Ржевским в журналах Московского университета, и этим традиция ограничивалась. Сумароков и Майков сообщили дальнейший ход развитию русской басни, сблизили ее с фольклором, закрепили за басней стихотворный размер — вольный ямб вместо шестистопного александрийского стиха, — и в результате их трудов Крылову открылась прямая дорога к его басенному творчеству.

Майков перелагает басни древних авторов — Федра, Эзопа, Пильпая, кое-что берет у датского баснописца Гольберга, пользуясь русскими переводами этих авторов и не ставя перед собой задачи точно следовать оригиналам. Он дополняет изложение подробностями, иногда меняет обстановку, действующих лиц, сокращает или развивает текст по собственному разумению. Басни его включают намеки на русскую действительность, и слог их насыщается народными речениями и образами, почерпнутыми из устной словесности.

В. И. Чернышев утверждал, что басни Майкова «написаны хорошим литературным языком, в котором славянский элемент соединяется с русским, и самые чистые славянизмы встречаются рядом с самыми простонародными областными выражениями».[1] При этом

---

[1] В. И. Чернышев, Заметки о языке басен и сказок В. И. Майкова. — Сб. «Памяти Леонида Николаевича Майкова», СПб., 1902, с. 133.

исследователь заметил, что для XVIII столетия точное разграничение славянского и русского языков бывает затруднительно, ибо то, что кажется людям XX века славянизмом, в свое время входило в общепринятый словарный состав. С лексической стороны язык Майкова характеризуется частым употреблением народных слов, многие из которых существовали в разговорной речи эпохи и лишь позже вышли из обращения. Иностранных слов у Майкова в баснях очень мало, и все они либо принадлежат к числу обрусевших (ад, сатана, солдат, манера, ноты, натура), либо обозначают новые понятия (тиран, стоик, сатира).

В баснях Майкова заметны идеи дворянского либерализма, как они трактовались Паниным, Сумароковым и их друзьями, к числу которых принадлежал и наш поэт. Он пишет, например, о том, что лягушки, недовольные своим царем-чурбаном, просят его заменить:

Он наших бед не ощущает,
Обидимых не защищает.
Пошли ты нам царя,
Который бы, на бедства наши зря,
И царство управлял, как кормщик правит судно...

(«Лягушки, просящие о царе»)

В ответ Юпитер посылает им аиста — и «не осталося в болоте ни лягушки». Басня Майкова предостерегает тех, кто все свои надежды возлагает на самодержца. Не спокойнее ли жить с царем-чурбаном?!

Конь «знатной породы», купленный задешево, потому что способен был только возить воду и навоз, потребовал хорошего обращения с собой, ссылаясь на именитую родню — Пегаса и Буцефала.

Хозяин вдруг пресек речь конску дуби́ною;
Ударив по спине,
Сказал: «Нет нужды мне
До знатнейшего роду;
Цена твоя велит, чтоб ты таскал век воду».

(«Конь знатной породы»)

Происхождение человека не может влиять на его место в обществе, оно должно определяться личными достоинствами каждого и не зависеть от знатности предков. Эту мысль, не раз высказанную Сумароковым, вполне разделяет Майков. Но в то же время он,

подобно Сумарокову, считает, что сословные перегородки не следует разрушать, и в басне «Общество» говорит:

На свете положен порядок таковой:
Крестьянин, князь, солдат, купец, мастеровой
Во звании своем для общества полезны,
А для монарха их, как дети, все любезны.

В оригинальных баснях Майкова достается подьячим, неразумным дворянам, жадным господам («Вор», «Детина и конь», «Господин со слугами в опасности жизни», «Вор и подьячий»).

С художественной стороны басни Майкова еще далеко не совершенны. Поэт не владеет необходимой краткостью, выразительностью изложения. Его рассказы уснащены лишними деталями, справками, которые задерживают развитие сюжета. Известный совет Хераскова: «Чистите, чистите, чистите ваши стихи!» очень годился бы Майкову, чьим произведениям порой можно пожелать более тщательной отделки. Поэт не прочь срифмовать: злаго — сыскало, вместо холмы́, дары́, добы́ча, янычáр — ставит хóлмы, дáры, дóбычь, яны́чар и т. д. Иные фразы построены столь запутанно, что как бы нуждаются в переводе:

Народ мой образ есть морския тишины,
Которо, укротясь после жестокой бури,
Поверхность кажет нам подобною лазури...

(«Стихи ко празднеству Академии художеств»)

Но во времена Майкова слог его вполне выдерживал требования, предъявлявшиеся к литературному языку.

3

Расцвет литературного творчества Майкова наступил в конце 60-х — начале 70-х годов, пришелся на годы русско-турецкой войны (1768—1774), на события которой Майков часто откликался.

Россия воевала с Турцией в 1735—1739 годах, когда была взята крепость Хотин и Ломоносов написал об этом оду, положившую начало новому русскому стихосложению. Война закончилась мирным Белградским договором, согласно которому Северное Причерноморье и Кавказ почти целиком оставались за Турцией. Такую границу Россия не могла считать установленной окончательно — она была не-

выгодна и опасна. Крымом владели татарские ханы, подчинявшиеся турецкому султану. Они совершали разбойные набеги в Приазовье и на Украину. Россия не имела портов на Черном море, и отсутствие их затрудняло вывоз хлеба, задерживало развитие сельского хозяйства на черноземном юге страны.

Европейские державы после побед русской армии в Семилетней войне опасались ее возросшего могущества и потому искали силу, способную ей противодействовать. Английские, французские, прусские министры настраивали Турцию против России, обещая военную помощь и деньги. Интриги велись также в Швеции и Польше.

Год 1768 показался турецкому султану благоприятным для войны, ибо русское правительство было серьезно занято польскими делами. Под нажимом Екатерины II в Польше удалось установить гражданское равноправие православных и католиков, что вызвало сильнейшее недовольство польской реакции. Противники этой реформы опубликовали в г. Бара свои призывы к защите «вольности и веры» и подняли вооруженный мятеж. Для борьбы с Барской конфедерацией, объединившей магнатов и шляхту, были направлены русские военные силы, и открытие второго фронта на юге требовало от страны крайнего напряжения.

Когда началась война, Екатерина учредила под своим предводительством Военный совет, исполнявший роль Главного командования. Были созданы две армии. Во главе 1-й поставили генерал-аншефа князя А. М. Голицына. В его войсках насчитывалось более 80 тысяч человек. 2-ю армию, вдвое меньшую по численности, принял генерал-аншеф П. А. Румянцев, опытный полководец, стяжавший немалые лавры в Семилетнюю войну. Ему приказали только не пускать турок в Крым и быть готовым помочь 1-й армии. Такое назначение Румянцева объяснялось тем, что Екатерина его не любила: он в свое время помедлил с признанием ее императрицей и вообще казался слишком самостоятельным.

Робко задуманная и плохо проведенная Голицыным летняя кампания прошла неудачно для русского оружия, хотя и турки успехов не имели. Неспособность Голицына стала очевидной, и Екатерина, скрепя сердце, согласилась отстранить его от должности и назначить командующим 1-й армией Румянцева. Во 2-й армии его заменил генерал-аншеф П. И. Панин.

Успехи объявились быстро. В начале сентября 1769 года турецкая армия потерпела на Днестре крупное поражение, и крепость Хотин была оставлена. Русские войска, развивая наступление, заняли Бухарест и Яссы. В летнюю кампанию следующего, 1770 года 1-я армия одержала блестящую победу над турецко-татарским

войском на реке Ларга, почти не понеся потерь, затем на реке Кагул у Траянова вала разгромила 150-тысячную турецкую армию и захватила крепости Измаил, Килию, Аккерман. Тем временем 2-я армия осаждала Бендеры и в ночь на 15 сентября штурмом, стоившим ей многих жертв, — каждый пятый выбыл из строя, — овладела крепостью.

Победы сухопутных армий были дополнены успешными действиями русского военного флота. Главная идея морской экспедиции, предложенной, по-видимому, Алексеем Орловым, состояла в том, чтобы поддержать войска, сражавшиеся в Молдавии и Валахии, нападением на Турцию с моря, с южных подступов к султанской империи, оставленных незащищенными, ибо ударов отсюда турки не ждали.

В сражении при Чесме, у малоазийских берегов, близ острова Хиос, 24—26 июня 1770 года русские сожгли и потопили турецкий флот. На островах Архипелага вспыхнули восстания против турок. Русские корабли блокировали Дарданеллы. Победа на море была безраздельно полной.

Успехи надо было закреплять, однако у русского правительства не хватало для этого ни сил, ни средств. Война приняла затяжной характер, часть войск, и притом немалая, вела в Польше борьбу с барскими конфедератами. Летом 1772 года был произведен раздел Польши между Австрией, Пруссией и Россией, с которой воссоединилась Белоруссия. Осенью того же года тревожные для правительства известия пришли с Яика — среди казаков объявился император Петр III, он собирал войско и захватывал крепостцы Оренбургской укрепленной линии. Так начиналась крестьянская война, поднятая Емельяном Пугачевым. Страшась народного гнева, помещики покидали усадьбы, ища убежища в городах, под охраной солдатских штыков.

Турецкую войну следовало скорее кончать. В 1772—1773 годах были созваны два мирных конгресса, но стороны не могли сговориться и возобновили военные действия. Русские войска заняли Крым. На престол вступил новый турецкий султан. Генерал Суворов, воевавший в Польше, был направлен к Румянцеву. В июне 1774 года с небольшим отрядом он близ деревни Козлуджи разбил сорокатысячную турецкую армию. Русские войска продвинулись к Шумле в Болгарии и намеревались развивать наступление, когда турецкий визирь запросил перемирия. 10 июля Румянцев в деревне Кучук-Кайнарджи подписал с представителями турецкого султана мирный договор. Россия получала в Крыму порты Керчь и Еникале, занимала Кинбурн и междуречье Буг — Днепр. Крым признавался

независимым от султана ханством и сохранял подчинение ему только в делах магометанской веры. На Черном море приобреталось право судоходства и торговли. Кроме того Турция уплачивала 4,5 млн. рублей контрибуции.

Событиям русско-турецкой войны Майков посвятил более двух десятков стихотворений — торжественных од, посланий к героям, надписей, а тему греко-турецких взаимоотношений развил в трагедии «Фемист и Иеронима». Он прославляет полководцев — Румянцева, Суворова, Алексея Орлова, Петра Панина, Голицына, Долгорукова-Крымского, пишет о павших в боях рядовых офицерах — Козловском, Беклемишеве, адресует стихи вестникам о победах русской армии, прибывавшим с реляциями в Петербург, — Юрию Бибикову, Михаилу Румянцеву, обращается ко всем русским воинам:

О вы, прехрабрые герои,
Любезны росские сыны,
Вожди, начальники и вои,
Успехом быв ободрены,
Победы дале простирайте,
С трофея на трофей ступайте,
Да видит то пространный свет...

(«Ода на взятие Хотина»)

В чесменской оде Майков драматизирует поэтический монолог, вводя фигуру бога Нептуна, который рассуждает о мощи русского флота. Подвиги Ясона и разорение Трои меркнут по сравнению с подвигами моряков. Нептун, предшествуемый сиренами, выплывает из глубин, чтобы увидеть могучий флот, происшедший от знаменитого ботика Петра I. Покойный государь возвеселился бы, увидев русский флаг в Средиземном море, —

Но се его увидят вскоре
Босфор и Мраморное море,
Эвксин и с ним Архипелаг!

Майков говорит о захвате Дарданелл и проходе флота из Эгейского в Черное море, то есть о стратегическом плане русского командования, не нашедшем своего осуществления, — силы русской эскадры были слишком невелики для столь крупной операции.

Чесменский бой в оде представлен общими чертами, как и водилось в одах. Херасков, сочинивший о Чесме целую поэму, описал сражение, конечно, гораздо подробнее, но в этом и заключалась его литературная задача. Майков ограничивается крупными мазками:

Восходит облак воспаленный,
Летают ядра раскаленны
И воздух огустевший рвут.
Там грома гром предускоряет,
Там бездна звук их повторяет
И бреги ближние ревут.

Из отдельных эпизодов боя в оде представлен только один, наиболее известный и трагический — единоборство линейного корабля «Евстафий» с флагманом турок «Реал-Мустафа»:

Он страшною своей борьбою,
Как Курций, жертвовал собою,
К своим любовью быв возжжен, —

пишет Майков, подыскивая, в духе времени, сравнение для подвига из античных примеров.

Но лира Майкова знает не только мажорный настрой боевых песнопений. Ода «Война» (1772), сочиненная поэтом в разгар польских событий и русско-турецкой кампании, — едва ли не единственное произведение в нашей поэзии XVIII века, наполненное картинами разрушений, причиняемых оружием. Майков пишет о войне вообще, философически размышляя по поводу тех бедствий, которые приносят людям братоубийственные брани:

Ты яд на землю изливаешь,
Плоды ужасные родишь,
Меж царств союзы разрываешь,
Народы мучишь и вредишь...
...Ты гонишь ратаев прилежных
К оружию с обильных нив...
...Ты жен с мужьями разлучаешь,
Отцов лишаешь их детей...

Облака черного дыма, поднимающиеся во время ожесточенного артиллерийского обстрела, Майков сравнивает с тучей, которая не дождь приносит на землю, но после себя оставляет «мертвых воинов тела». Поэт не пренебрегает натуралистическими подробностями:

Лежат растерзанные члены,
Там труп, а там с главой рука,

И сквозь разрушенные стены
Течет кровавая река...

Земля стонет под тяжестью трупов, и люди обращаются к богу с просьбой прекратить кровопролитную войну.

Заметим, что в русской оде обычно сражения живописуются так, что читателю не нужно раздумывать о жертвах войны, представлять, что раненые и убитые будут с обеих воюющих сторон, что их станут оплакивать родные. Кровавые реки, горы трупов «нечестивых агарян» — вот и готова поэтическая картина. Василий Петров в оде «На войну с турками» (1769) призывал русских солдат:

Как грозны молнии летучи
Густые рассекают тучи,
Сверкая по простертой мгле, —
Вы тако турков рассеките,
Ваш жар вам молнийны криле.

Да снидет на главы их кара,
Во громе, в пламени, в дыму;
Да треск им данного удара
В Стамбуле слышен и в Крыму,
Во целом свете слышен будет *и т. д.*

Судьбы людей, охваченных пожаром войны, Петрова не занимают, он полон воинственного азарта, крушит города и сыплет молнии на головы врагов.

Правда, и Майков в оде «Война» не забывает прибавить, что лучшим способом прекратить распри, в частности русско-польские, будет подчинение сильной руке, каковой обладает в целом свете только русская императрица:

Из смертных равного ей нет,
Вручи во власть ее весь свет! —

так якобы просят утомленные войною люди, но эти обязательные формулы не могут приуменьшить главного содержания оды Майкова. А оно гневно свидетельствует против войны, и сцены мирного в древности сосуществования агнца со львом, веселящаяся природа, покой, которым наслаждалось в те блаженные дни человечество, — в самом деле могли увлекать читателя, утомленного потоком кровавых новостей, струившимся с юга.

В стихотворном «Письме графу З. Г. Чернышеву», написанном, как можно судить по содержанию, в 1770 году и тогда же изданном отдельно, Майков развивает мысль о том, что служба в Военной коллегии не менее важна, чем личное участие в боях. Он как бы утешает Чернышева, который, вместо того чтобы совершать подвиги на поле сражения, распоряжается войсками из петербургского кабинета, и объясняет, что его обязанности также весьма почетны и необходимы.

Не будет ошибкой предположить, что тема, развернутая Майковым в письме Чернышеву, близко связывалась поэтом с его собственной судьбою. Кадровый офицер Семеновского полка, с детства знавший, что долг дворянина — защищать отечество, Майков никогда не участвовал в боях, не был на войне, и это, вероятно, его огорчало. Он вполне соглашался с утверждением Сумарокова, что можно пером служить отечеству не хуже, чем шпагой, что все должности в государстве почетны и каждый полезен на своем месте, однако логические рассуждения не могли заглушить упреков совести: «твои товарищи проливают кровь, а ты сидишь в Петербурге». И Майков, как поэт, старался убедить себя и читателей в том, что для тех, кто не пошел в действующую армию, находится дело в тыловых учреждениях, что надобно уметь подчиняться судьбе, а монархиня сумеет оценить роль каждого сотрудника и наградить его по заслугам. Важно при этом одно — быть честным, неукоснительно выполнять свой гражданский долг, соблюдать достоинство дворянина.

Обращаясь к В. И. Бибикову с письмом о смерти князя Федора Козловского, их общего друга, погибшего в Чесменском бою, Майков настойчиво подчеркивает ведущую черту в характере покойного — честь:

Художеств и наук Козловский был любитель,
А честь была ему во всем путеводитель...
...Кто мог нам другом быть, тот должен быть и честен...
...Что он окончил жизнь, как долг и честь велит...

Следование законам этой дворянской чести как бы уравнивало Майкова с героем войны Козловским и приносило ему некоторое облегчение.

В «Оде на выздоровление Павла Петровича, наследника престола российского» (1771) Майков, сказав необходимые фразы о горести державной матери больного, обращает сочувственную речь к воспитателю Павла Н. И. Панину: друзья были с ним во время болезни наследника,

С тобой крушились, унывали,
Ввергаясь в лютую напасть,
Какую ж радость ощущали,
Когда уста твои вещали,
Что Павел в бодрость приходил.

Болезнь Павла была политическим событием. Просвещенное дворянство, недовольное частой сменой фаворитов и тиранскими замашками императрицы, связывало с Павлом, выучеником сочинителя дворянской конституции Панина, надежды на изменение политического режима в стране. Предполагалось, что в следующем, 1772 году, когда Павлу исполнится 18 лет, Екатерина должна будет уступить ему трон, — ведь и в 1762 году ей следовало объявить себя правительницей при мальчике-сыне, как делывалось в других странах, а не самодержавной императрицей. А совершеннолетний Павел имел все права на воцарение. Об этом довольно ясно писал, например, Фонвизин в «Слове на выздоровление Павла Петровича», — документе, основные мысли которого схожи с тезисами оды Майкова. Таково было гласное среди столичного дворянства мнение. Панин продолжал оставаться главою оппозиции, он привлекал к себе симпатии общества, и Майков выразил их в своей оде.

Но Екатерина, не смущаясь тем, что в столице болезнь Павла многие считали попыткой его умерщвления, якобы предпринятой ею, весьма хладнокровно отнеслась к выражениям преданности наследнику, высказанным в печати, и подавила оппозицию. Вскоре она дала отставку Панину; женила в 1773 году сына и назначила его своим наследником, хотя до этих пор он считался наследником отца, Петра III. Как и за десять лет до этого, Панин и его единомышленники снова потерпели поражение от императрицы, не желавшей никаких ограничений своего самодержавия. С надеждами на скорое воцарение Павла простился и Майков. В «Оде на брачное сочетание» Павла (1773) он уже упрашивает Екатерину владеть Россией столько лет, «сколько к ней сердец пылает. . .»

В представлении писателей XVIII века зрелость литературы любой страны измерялась наличием в ней героической поэмы — вершины словесного искусства. Античная литература оставила потомкам древних греков величавые образцы эпоса — «Илиаду» и «Одиссею», во Франции была «Генриада» Вольтера, в Италии — поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», Португалия обладала «Лузиадами» Камоэнса. Эти поэмы почитались наиболее значительными литературными памятниками эпохи, но к их славному ряду Россия еще ничего не сумела прибавить.

Попытки решить эту почетную задачу предпринимались в течение нескольких десятилетий. Поэму «Петрида» начинал Кантемир, однако далее первой книги не двинулся. Ломоносов написал две песни поэмы «Петр Великий» — и не завершил свой труд, хотя и то, что было создано, помогло развитию русского эпоса. Сумароков приступил к поэме «Димитрияда» и остановился на первой странице задуманного описания подвигов Дмитрия Донского. Работа его датируется 1769 годом. Примерно в это же время или года на два-три позднее к эпосу потянулся и Майков. В бумагах его сохранились первые строфы поэмы о том же Димитрии Донском:

Пою Димитрия, российского героя,
Который, россиян для счастья и покоя,
Покой свой пренебрег и при донских струях
Противных агарян развеял яко прах.[1]

Первый приступ к поэме на этом у Майкова и кончился, но за ним последовал второй, и на этот раз поэт сочинил около двухсот строк «Освобожденной Москвы».

Основу героической поэмы составляет крупное, поворотное событие национальной истории, после которого страна как бы поднимается на высший этап своей государственности. Такое событие Сумароков увидел в Куликовской битве, Кантемир и Ломоносов — в преобразованиях Петра I, Майков — в освобождении Москвы от польских интервентов и конце Смуты. Согласно правилам, в поэме должен присутствовать элемент чудесного, и Майков ввел его: воеводе Шеину является дух, оснащенный золотыми крыльями, со скипетром в правой руке. Этот «хранитель российского престола» предсказал русским временное поражение от польских войск и обнадежил заманчивой перспективой возведения на трон Михаила Романова.

Майков лишь начал свою поэму и, судя по тексту, кончить работу для него было бы трудно, потому что исторические события он знал недостаточно твердо. Автор весьма приблизительно рисовал себе место действия, был уверен, что поляки осаждали Псков, а не Смоленск, что польского королевича, временно севшего на московский престол, звали Станислав, а не Владислав. Для поэта-историка такие ошибки непростительны.

Через шесть лет после попытки Майкова героическую поэму в русской литературе создал Михаил Херасков — в 1779 году вышла

---

[1] Сочинения и переводы В. И. Майкова, СПб., 1867, с. 504.

из печати его «Россияда». Монументальное эпическое произведение в двенадцати песнях заключало девять тысяч стихов. Сюжетом своей поэмы Херасков избрал завоевание Иваном IV Казани, находившейся во власти татар. Эту победу автор считал датой окончательного освобождения России от татаро-монгольского ига. Готовясь к своему труду, он справлялся с историческими источниками и внимательно читал «Казанского летописца».

Майков не сумел написать эпической поэмы — этот жанр явно выходил из пределов его творческих возможностей, и он это понял.

Зато ему довелось прославить свое имя созданием пародийной ирои-комической поэмы: он сочинил «Елисея».

4

Жанр ирои-комической поэмы был определен Сумароковым в «Эпистоле о стихотворстве» (1747). Он указал два ее вида:

Еще есть склад смешных геройческих поэм,
И нечто помянуть хочу я и о нем:
Он в подлу женщину Дидону превращает
Или нам бурлака Энеем представляет,
Являя рыцарьми буянов, забияк.
Итак, таких поэм шутливых склад двояк:
В одном богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектор не на войну идет — в кулачный бой,
Не воинов — бойцов ведет на брань с собой...
Стихи, владеющи высокими делами,
В сем складе пишутся пренизкими словами.

Другой тип ирои-комической поэмы отличается той особенностью, что в нем обыденные поступки описываются высоким слогом и о драках рассказано языком Вергилия:

Поссорился буян — не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец в сем складе есть Вулкан,
А лужа от дождя не лужа — океан.
Робенка баба бьет — то гневная Юнона.
Плетень вокруг гумна — то стены Илиона.
В сем складе надобно, чтоб муза подала
Высокие слова на низкие дела.

Таковы рекомендации Сумарокова, основанные на опыте мировой литературы и поддержанные авторитетом Буало.

Ирои-комическая поэма ведет свое начало от поэмы Буало «Налой», вышедшей в 1674 году. Написал он это произведение для того, чтобы противопоставить новый жанр бурлеску — травестированным, «вывернутым наизнанку» вещам, получившим большую популярность у европейских читателей.

В поэме Буало «Налой» изображалась ссора в маленькой провинциальной церкви между казначеем и певчим, рассуждавшими, где нужно стоять налою — кафедре, на которую кладут книгу во время богослужения. Комизм заключался в том, что об этой мелкой сваре рассказывалось слогом героических поэм, так же торжественно и важно, как о страданиях Дидоны, которую покинул Эней.

Для того чтобы смеяться над стихами ирои-комических поэм, читатель должен был держать в памяти классические образцы: пародия всегда предполагает знание оригинала, иначе она не может рассчитывать на успех.

Вторая разновидность ирои-комических произведений — «перелицованные», «травестированные» поэмы, бурлеск (burla — по-итальянски шутка) — становится известна с половины XVII века во Франции, когда выходят поэмы Диссуси «Суд Париса» (1648), «Веселый Овидий» (1653) и Скаррона «Травестированный Виргилий» (1648—1652). Скаррон был участником фронды французской буржуазии против короля и первого министра кардинала Мазарини. Перелицованный Вергилий поэтому обладал элементами политического протеста.

Майков, осведомленный об этих правилах жанра ирои-комической поэмы, тем не менее нарушил их, увлекшись описаниями «низкого быта» настолько сильно, что они приобрели у него как бы самостоятельное значение. Строгий поборник чистоты вкусов А. А. Шаховской в предисловии к своей ирои-комической поэме «Расхищенные шубы» (1811—1815), напоминая историю жанра, писал:

«В нашем языке Василий Иванович Майков сочинил «Елисея», шуточную поэму в 4 песнях. Отличные дарования сего поэта и прекраснейшие стихи, которыми наполнено его сочинение, заслуживают справедливые похвалы всех любителей русского слова; но содержание поэмы, взятое из само простонародных происшествий, и буйственные действия его героев не позволяют причесть сие острое и забавное творение к роду ирои-комических поэм, необходимо требующих благопристойной шутливости». [1]

[1] «Ирои-комическая поэма», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1933, с. 670.

Действительно, благопристойности не видно было в таком, например, описании драки:

Я множество побой различных тамо зрел:
Иной противника дубиною огрел,
Другой поверг врага, запяв через колено,
И держит над спиной взнесенное полено,
Но вдруг повержен быв дубиной, сам лежит
И победителя по-матерны пушит;
Иные за виски друг друга лишь ухватят,
Уже друг друга жмут, ерошат и клокатят.
...Лишь только под живот кто даст кому тычка,
Ан вдруг бородушки не станет ни клочка.

В этом пассаже Майков, оставляя в стороне ученые рецепты, повествует о драке словами одного из ее участников, — и, как показал Г. П. Макогоненко, дело тут вовсе не во французской традиции. Восстанавливая в статье «Враг парнасских уз» подлинный облик поэта-разночинца XVIII века, известного читателю преимущественно в качестве автора «срамных стихов» И. С. Баркова (1730 или 1731—1768), исследователь напоминает, в числе других его произведений, «Оду кулашному бойцу». В этой оде «Парнасу, античной мифологии, венценосным героям Барков противопоставляет кабак, удалых фабричных молодцов; поэту с «лирным гласом» противостоит гудошник, завсегдатай кабаков, поющий вместе с бурлаками. Дерзко обосновывает Барков свое право воспевать нового героя — сына народа:

Хмельную рожу, забияку,
Драча всесветна, пройдака,
Борца, бойца пою, пиваку,
Широкоплеча бузника...
С своей, Гомерка, балалайкой
И ты, Вергилийка, с дудой
С троянской вздорной греков шайкой
Дрались, что куры пред стеной...» [1]

Сравнивая первые строфы «Елисея» с «Одой кулашному бойцу», Г. П. Макогоненко устанавливает тесную связь между ними и убедительно разъясняет, что «возлюбленный Скаррон», к которому обращается Майков и чье имя в контексте поэмы вызывало недоумение писавших о ней (среди них и автора настоящих строк), есть

[1] «Русская литература», 1964, № 4, с. 145.

не кто иной, как Барков, автор оды «Приапу». Стихи эти были «отлично известны всем литераторам. Знание их придавало особую соль и остроту обращению Майкова к своему вдохновителю — «Русскому Скаррону». [1]

Поэма «Елисей» содержала непосредственный отклик на факты российской действительности. Правительство Екатерины II, испытывая нужду в деньгах, решило ввести откупную систему торговли водкой в России, за исключением Сибири. Казна подсчитывала, какие средства можно было получить от продажи питей в данной губернии, и объявляла торги, в результате которых право торговать водкой передавалось одному лицу или компании. Откупщики вносили оговоренную сумму, а все, что они умели выручить сверх уплаченного, было их личной прибылью. В стране широко раскинулась сеть кабаков, сидельцы винных лавок нещадно разбавляли водку.

Откупы были установлены манифестом 1 августа 1765 года, понадобился известный срок для организации продажи — и с 1767 года откупная система утвердилась. Водка стала дорожать. В 1762 году ведро стоило 2 р. 23,5 коп., а в 1770 году — уже 3 руб. Так произошло увеличение косвенного налога, затронувшее сравнительно большие слои населения, и недовольство новой системой не замедлило себя обнаружить.

По-видимому, сюжет «Елисея» Майков придумывал вскоре после введения откупов, то есть в 1768—1769 годах. Злободневные и остроумные стихи в рукописном виде растеклись по Петербургу. Но, хотя в манере века было сразу печатать все, что написано, Майков задержал опубликование «Елисея». Началась война с Турцией, и первые полтора года она не приносила России ожидаемых удач. Армия то переходила Дунай, то возвращалась обратно, славных сражений не происходило. В войска между тем шли пополнения. Финансы были в беспорядке, а расходы на войну возрастали с каждым днем. В такой обстановке насмешки над откупной системой, как-никак приносившей правительству верные деньги, казались неуместными. Военные новости также не располагали к веселью. В годину тяжелых испытаний похождения пьяного ямщика не могли вызывать интереса или сочувствия — и Майков задержал публикацию поэмы, хотя и не мог прекратить ее рукописного размножения.

Лишь после того как в русско-турецкой войне произошел перелом, когда при Чесме сгорел турецкий флот, когда был одержан ряд побед в Молдавии, пала крепость Бендеры, успешно прошла

[1] «Русская литература», 1964, № 4, с. 147.

летняя кампания 1771 года, — Майков решился приступить к печатанию своей поэмы и выпустил ее в ноябре того же года. «Санкт-петербургские ведомости» объявили о продаже новой вышедшей в свет поэмы «Елисей-ямщик, или Раздраженный Вакх» 22 ноября 1771 года. Понятно, что, готовя книгу к изданию, Майков пересмотрел текст, освежил его упоминаниями о новейших событиях и, в частности, вставил строки о поэме Хераскова «Чесменский бой», написанной по горячим следам подвигов русских моряков в Архипелаге.

Сюжет поэмы состоит в том, что Вакх, недовольный откупщиками, поднявшими цены на вино, желает отомстить им, и орудием своей мести выбирает ямщика Елисея, способного пить без меры. После ряда приключений пародийного характера — Майков высмеял перевод «Энеиды», выполненный придворным поэтом В. П. Петровым, — Елисей совершает разгром винного погреба в доме откупщика и отправляется разбивать соседние, но Зевс кладет конец его проказам, и Елисея отдают в солдаты.

В первых строках торжественного зачина Майков, как верно заметил Г. П. Макогоненко, обращается к «Русскому Скаррону» — Баркову — с просьбой настроить ему гудок или балалайку вместо традиционной лиры и хочет мифологических героев нарядить бурлаками,

Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий — шальной детина,
Нептун — как самая преглупая скотина,
И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.

Он рисует Нептуна с трезубцем, «иль, сказать яснее, острогой», которым тот мутит лужу, над ним хохочут малые ребята, а мужики дерут бога за уши и наминают ему бока.

Юнона не в венце была, но в треухе,
А Зевс не на орле сидел, на петухе;
Сей, голову свою меж ног его уставя,
Кричал «какореку!», Юнону тем забавя.

Имитируя слог героической поэмы, Майков сцену кулачного боя начинает высоким сравнением: «Подобно яко лев, расторгнув свой запор», мчится к беззащитному стаду, а оно спасается бегством, подобно тому, как удирают робкие татары при виде российского меча, — так должны были покидать поле битвы ямщики. Развернув на четырнадцать строк это сравнение, Майков обрывает себя:

Но слог сей кудреват, и здесь не очень кстати,
Не попросту ль сказать — они должны бежати?

Комический эффект стихотворной речи Майков усиливает тем, что «высокие» понятия и названия нарядов, принятых у знатных людей, переводит на язык низших классов, на бытовой жаргон среднего сословия, например:

И был расстегнут весь на ней ее роброн,
Иль, внятнее сказать, худая телогрея.

Накинь мантилию, насунь ты башмаки,
Восстани и ко мне на помощь притеки *и др.*

Рассматривая стилистические функции славяно-книжной лексики в ирои-комических поэмах Майкова, новейший исследователь подчеркивает ее пародийное применение и намечает тут несколько приемов. Майков торжественным одическим слогом описывает «низкого» героя, уподобляя, например, карточную игру — кровопролитному сражению. Он охотно сталкивает славянизмы с «низкой» лексикой, соединяет высокие формы выражения с просторечно-разговорными («понт», «глас», «помрачать» — и рядом «пощечина», «рожа» и т. п.), смешивает разностилевую лексику («пьяный зрак», «покивать главой») и др. [1]

Наряд Вакха — персидский кушак, соболью шапочку, черкесские чоботы — Майков описал по стихам народной песни, сославшись на нее: «А песенку сию Камышенкой зовут». Там поется, что по реке Камышенке плывут струги, на стругах сидят казаки,

На них шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны, кумачом подложены,
Астраханские кушаки полушелковые,
Пестрядинные рубашки с золотым галуном,
Что зелен кафтан, кривые каблуки. . .

Это не единственный случай проникновения фольклора в поэму «Елисей». Зевс у Майкова произносит пословицу: «Утро вечера всегда помудренее», да и шапка-невидимка, под которой скрывается Елисей, взята из народной сказки; Эней, становясь невидимым, покрывается облаком.

---

[1] Е. В. Муза, Славяно-книжная лексика, ее стилистические функции и приемы использования в языке ирои-комических поэм В. Майкова и М. Чулкова. — «Ученые записки Орехово-Зуевского Пединститута», т. 2, факультет русского языка и литературы, вып. 1, М., 1955.

Можно присовокупить, что своеобразие творчества Майкова возбудило серьезное внимание Дидро, узнавшего о поэте во время своего пятимесячного пребывания в Петербурге (сентябрь 1773 — март 1774). В русской библиотеке Дидро, среди книг Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и других писателей, Майков был представлен поэмой «Елисей» и двумя книгами «Разных стихотворений». Отмечая этот факт, М. П. Алексеев пишет: «Едва ли оды Майкова представляли для Дидро какой-либо интерес, но он безусловно интересовался творчеством Майкова, и, вероятно, прежде всего его «Елисеем». Именно после издания этой поэмы о зимогорском ямщике Майков, живя в Петербурге, пользовался здесь значительной популярностью; споры и кривотолки о его поэме, понравившейся одним и вызвавшей резкое осуждение других, не прекращались. Отзвуки этих споров должны были дойти и до Дидро; так именно можно истолковать несколько сохранившихся свидетельств по этому поводу».[1] Сводятся они к тому, что Дидро, как передает устное предание, сказал однажды через переводчика Майкову, не знавшему языков, что особенно желал бы прочесть его сочинения, ибо они по названной причине не связаны с иностранными образцами и потому должны отличаться особым национальным своеобразием. Нет сомнения, что Дидро имел в виду «Елисея» и басни Майкова.

Бедность была причиной того, что Елисей покинул родные места и ушел в Петербург навстречу приключениям. Он вспоминает о своей деревне:

Уже мы под ячмень всю пашню запахали,
По сих трудах весь скот и мы все отдыхали,
Уж хлеб на полвершка посеянный возрос,
Настало время нам идти на сенокос,
А наши пажити, как всем сие известно,
Сошлись с валдайскими задами очень тесно;
Их некому развесть, опричь межевщика:
Снимала с них траву сильнейшая рука.

Эти межевые споры служили постоянным поводом для отчаянных драк, и одну, вряд ли самую страшную, описывает Елисей, жалуясь, что через нее он «мать тут потерял, и брата, и жену».

Мужики дерутся, а их начальники находят возможным вести между собой переговоры, не останавливая побоища. Крестьяне, видя, что начальники на конях приближаются друг к другу,

[1] М. П. Алексеев, Д. Дидро и русские писатели его времени. — «XVIII век», сб. 3, М. — Л., 1958, с. 421 и сл.

Все мнили, что они ужасною борьбою
Окончат общий бой одни между собою.

Так водилось в древности, об этом поется в былинах, но, видно, времена эти давно миновали. Тема «князь и дружина», в сущности поставленная тут Майковым, разрешена в том смысле, что младшим нечего надеяться на старших, ждать от них помощи и обороны. Начальники найдут общий язык, а мужики могут биться, если не хватает ума решить спор бескровными путями.

Во время драки валдайский боец начисто отгрыз ухо брату Елисея, и тот

Тащится, как свинья, совсем окровавлен,
Изъеден, оборвáн, а пуще острамлен, —

случай, если не диковинный, то отвратительный. Майков это понимает, но, не желая расстаться с комическим, как ему казалось, эпизодом, круто повертывает его: оказывается, брат, оставшись с одним ухом, слышит лишь тех, кто молвит: «на!», а тем, кто просит: «дай!» — не внемлет, и Елисей теперь не признает его за брата. Так с помощью шутки в пословичном духе Майков смягчает тяжелые сцены крестьянских земельных споров и массовых побоищ на межах.

Да, шутки выходят невеселые. Мать, отпустившая на бой с валдайцами двух сыновей, не чаяла встретить их живыми, почувствовала себя плохо и в одночасье умерла. Дети плакали, — но ведь это крестьянские дети, им свойственна грубость нравов, как убежден Майков, а потому он заставляет Елисея сказать:

Потеря наша нам казалась невозвратна,
Притом и мертвая старуха неприятна.
Назавтре отдали мы ей последню честь:
Велели из дому ее скорее несть...

В Калиновом лесу, по дороге в Петербург, Елисей спасает женщину, подвергшуюся нападению двух мужчин, и узнает в ней свою жену. Рассказ ее также отнюдь не весел. После ухода Елисея брат не стал ее «в дому своем держать», она отправилась в Питер на поиски мужа, получила сведения, что Елисей умер, и нанялась на кирпичный завод. Хозяин, немец, ночью пришел к ней «и стал по-барски целовать», — жена узнала и выгнала ее вон; поступила в дом к секретарю, — тот, после указа против взяток, уехал из Питера, и она опять осталась без места.

Эта биография в общих чертах повторяет историю пригожей поварихи, героини известного романа Чулкова (1770), также вынужденной снискивать пропитание собственной красотой: писатели наблюдали жизнь...

Описание тюрьмы и вовсе не смешно. Майков с содроганием говорит об участи арестантов:

Там зрелися везде томления и слезы,
И были там на всех колодки и железы;
Там нужных не было для жителей потреб,
Вода их питие, а пища только хлеб.
Не чермновидные стояли тамо ложи,
Висели по стенам циновки и рогожи,
Раздранны рубища — всегдашний их наряд
И обоняние — единый только смрад.
...Лишенны вольности, напрасно стон теряют,
И своды страшные их стон лишь повторяют.

Жалобы Цереры, приносимые Зевсу, отражают беспокойство русских экономистов — приятелей Майкова и его самого по поводу бедственного состояния сельского хозяйства в России:

Все смертные теперь ударились в пиянство,
И вышло из того единое буянство;
Земля уже почти вся терном поросла,
Крестьяне в города бегут от ремесла,
И в таковой они расстройке превеликой,
Как бабы, все почти торгуют земляникой,
А всякий бы из них пахати землю мог...

Со второй песней в поэму входит новая, и притом чисто городская тема — Калинкин дом в Петербурге, вид исправительного заведения для проституток, которых занимали принудительными работами. Елисей принимает дом — за монастырь, надзирательницу — за игуменью, и в этом заключен комизм сцены. Однако, сосредоточив внимание читателя на этой смешной ошибке, Майков умеет дать представление о тюремном режиме Калинкина дома и внушить сочувствие к заключенным.

Многие эпизоды поэмы отличаются изобразительностью. Майков описывает их так, словно видит перед собой на сцене, насыщает бытовыми подробностями, называет вещи, участвующие в действии, и живыми репликами вносит в поэму драматургический элемент.

Вот Елисей вошел в кабак, схватил за ворот чумака-прислуж-

ника, пригрозил ему: «Подай вина! Иль дам я тумака. Подай, иль я тебе нос до крови расквашу», показал на пивную посуду, куда потребовал налить анисовой водки, — сорт не оставлен без внимания, — выпил и ударил пустой чашей чумака в лоб. Майков со вкусом живописует последствия удара:

Попадали с полиц ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей все брызнули в окошки.
Меж стойкой и окном разрушился предел;
Как дождь и град, смесясь, из тучи полетел...

Чумак спрятался за стойкой, кричит «караул», а Елисей, протянув через прилавок руку, взял его за штаны,

Которых если бы худой гайтан не лопнул,
Поднявши бы его, герой мой о пол тропнул.

Жанр ирои-комической поэмы целиком входит в систему классических жанров, однако нельзя не видеть, что «Елисей» предвещает приближение новых литературных вкусов. Бытовые подробности, разумеется, не означают еще реализма, но верная обрисовка демократической среды, из которой берутся герои, сочувствие их горестям, пусть не очень глубокое, — эти стороны «Елисея» делают его весьма приметным явлением русской литературы и показывают в Майкове чуткого наблюдателя. Однако, при всей своей кажущейся «третьесословности», Майков остается дворянином, и откупщик, которого он рисует в «Елисее», для него враг, каким он был и для Сумарокова. Исправлять нравы третьего сословия было не его заботой.

Общественно-литературное значение «Елисея» весьма усиливается полемикой с официальной, утвержденной императрицей поэзией, которую представлял В. П. Петров. «Карманный поэт», как называла его Екатерина, в 1770 году издал переведенную им первую песнь «Энеиды» Вергилия, над которой работал двумя годами ранее, о чем знали столичные литераторы. Перевод был посвящен наследнику престола Павлу, а под именем Дидоны восхвалялась императрица Екатерина. Она слушала стихи Петрова по мере их готовности и даже давала ему литературные указания, о чем автор подобострастно говорит в предисловии к своему «Енею», добавляя при этом: «Подаваемое мне от высоких и просвещенных особ ободрение в сердце моем всегда сильнее будет действовать тех укоризн, какие обыкновенно праздные головы против других выдумывают».

Укоризны действительно были обращены к Петрову со стороны прогрессивных авторов, издателей журналов 1769 года «Трутень» и «Смесь». Резко выступил против него в «Елисее» Майков. Екатерина защищала своего льстивого поэта. В книге «Антидот» (1770), полемическом сочинении, опровергавшем неблагоприятные отзывы о крепостнических порядках в России, высказанные французским астрономом аббатом Шаппом д'Отрош, императрица среди других доводов сослалась и на блестящее состояние русской литературы. Характерно, что первое место она уделила именно Петрову, поставив его рядом с Ломоносовым, а таких авторов, как Фонвизин, Херасков или Майков, не помянула вовсе.

Эти казенные похвалы придворному сочинителю оскорбили Майкова, и он откликнулся на них в «Елисее» горячими строками о тех,

> Которые вранья с добром не различают...
> И не страшатся быть истязаны за то,
> Что Ломоносова считают ни за что.
> Постраждут, как бы в том себя ни извиняли,
> Что славного певца с плюгавцем соравняли.

По наблюдениям А. М. Кукулевича[1] в «Елисее» Майков пародировал первую песнь «Енея» — начало переводимой Петровым «Энеиды» Вергилия (остальные песни вышли в свет лишь в 1781—1786 годах). Исследователь сопоставил тексты и увидел многочисленные совпадения. Так, зачин «Елисея»

> Пою стаканов звук, пою того героя, —

соответствует первой строке «Енея»:

> Пою оружий звук и подвиги героя.

Петров изображает столицу, служащую местопребыванием Юноны, так:

> Против Италии, где Тибр лил в море воды,
> Вдали от тирян, град воздвигнут в древни годы,
> Богатством славен был и браньми Карфаген,
> Юноной всем странам и Саму предпочтен;
> В нем скиптр ее, в нем щит храниился с колесницей;
> Она намерила вселенныя столицей

---

[1] «История русской литературы», т. 4, М.—Л., 1947, с. 210 и сл.

Сей град произвести, коль есть на то предел;
Под особливым он ее покровом цвел.

Петербург в «Елисее» Майкова описан сходными выражениями: «Против Семеновских слобод последней роты», «воздвигнут дом», «ковш хранился с колесницей», «назначен быть столицей», «под особливым он его покровом цвел» и т. д.

Петров, уверенный в поддержке своей могущественной покровительницы, отвечал Майкову откровенной бранью, заполнив ею немало стихов в послании («К... из Лондона», 1772). Нужно заметить, что он выступает одновременно и против Майкова, и против Новикова, объединяя их как литературных своих врагов и указывая на демократический характер творчества этих писателей. Автор «Елисея»

Даст жалом знать, кто он; он колокол зазванной,
Гораций он в Морской и Пиндар в Миллионной;
В приказах и в рядах, где Мойка, где Нева,
Неугомонная шумит о нем молва...
Сей первый начертал шутливую пиесу,
По точным правилам и хохота по весу.[1]

Нападки Петрова оказались бессильными подорвать популярность «Елисея», как не повредили Майкову и насмешки Чулкова, рассыпанные в его поэмах «Плачевное падение стихотворцев» и «Стихи на качели» (1769). Чулков писал, что Майков

Овидия себе в наставники избрал,
Который никогда, как думаю, не врал,
Писал он хорошо, остро, замысловато,
А я переводил гораздо плоховато...
Латинский мне язык и русский неизвестен,
Других не знаю я, а прочих не учил...[2]

По мнению Чулкова, Майков в своей поэме «поколебал парнасскую твердыню», смутил чистый источник Иппокрены и представил богов Олимпа в несвойственном им, неприличном виде:

Писатели стихов схватили тут привычку,
И рядят для того Венеру в бабью кичку,

---

[1] «Русская поэзия», под ред. С. А. Венгерова, т. 1, СПб., 1897, с. 427.
[2] «Ирои-комическая поэма», «Б-ка поэта» (Б. с.), 1933, с. 197.

Юнону наподхват описывают так,
Что будто бы платок повязан на колпак.
Юпитер в сапогах со скобками гуляет,
Меркурий лошадей, свистя кнутом, стегает,
Вулкан из кузницы к станку в лаптях идет...[1]

Он возражает против манеры обряжать богов как русских крестьян, хотя сам не прочь перелицевать мифологические сюжеты, и дело тут в подходе, в отношении к теме. Чулков изображает быт как участник народных игрищ и гуляний, Майков же смотрит на эти забавы свысока, он был и остается барином. Его смешат проделки Елисея, но он помнит, что всегда может прекратить пьяное шутовство и наказать ослушника. Так ведь Майков и поступил с Елисеем в поэме:

Елеська, как беглец, а может быть и вор,
Который никакой не нес мирския платы,
Сведен в военную и отдан там в солдаты...

5

Театральное наследие Майкова невелико — две трагедии, две драмы — «пастушеская» и «с музыкой», пролог, изображающий торжество на Парнасе по поводу привития оспы императрице, переложение стихами русского перевода «Меропы» Вольтера, да неразысканная опера «Аркас и Ириса». Майков очень любил театр, но драматические сочинения не были его призванием.

Первая трагедия Майкова «Агриопа» была поставлена в 1769 году актерами придворного театра. Подражая Сумарокову, умевшему вносить настроения политической злободневности в трагедии на исторические темы, Майков, как можно думать, попытался включить в свою пьесу намеки на современные события. Тема трагедии — борьба за трон, и она не могла не быть актуальной в России XVIII столетия, пережившей несколько дворцовых переворотов.

Греческий князь Телеф, спасший в бою жизнь мизийского царя, получает от него право жениться на его дочери, царевне Агриопе, и после этого занять принадлежащий ей трон. Агриопа любит героя Телефа, и он отвечал ей взаимностью, пока не влюбился в дочь вельможи Азора Полидору.

---

[1] Там же, с. 233.

Коварный Азор подталкивает слабовольного Телефа захватить престол, «истребить» царевну Агриопу и жениться на новой избраннице.

Злой умысел Телефа становится известным Агриопе, и она с помощью оставшихся верными ей воинов упреждает события. Происходит восстание, Телеф захвачен в плен. Агриопа великодушно прощает изменника, но он закалывается, узнав, что любезная его Полидора вместе с отцом убита. Агриопа падает в обморок, но остается жить и править мизийским царством.

Майков, конечно, писал не историческую драму и не думал о какой-либо схожести эпизодов. Агриопа — не Екатерина II и Телеф — не Петр III, но какие-то соответствия действительным фактам в трагедии ощущаются. Петр III, о чем было широко известно, намеревался заточить Екатерину в монастырь и жениться на своей любовнице Елизавете Воронцовой. Отец ее, Роман Ларионович, не препятствовал этой связи, ожидая для себя новых милостей монарха. Воины поддержали невинную Агриопу и посадили ее на престол, подобно тому как гвардия под командою братьев Орловых произвела переворот 28 июня 1762 года.

Вопрос о том, куда отправить бывшего властителя, волновал Екатерину так же, как волновал он и Телефа. Она думала и заточить свергнутого Петра III в Шлиссельбург, и выслать его за границу, пока дело не решилось благоприятнейшим для нее образом — царь оказался убитым в пьяной драке со своими караульщиками, которыми начальствовал Алексей Орлов. Если такие ассоциации возникают у нас, читающих трагедию Майкова спустя два века после ее написания, почему не допустить, что современники более остро чувствовали злободневность политических намеков автора и видели их в ней гораздо больше, чем видим это мы теперь? Так оно, вероятно, и было.

Другая трагедия Майкова, «Фемист и Иеронима», была закончена в 1773 году и тогда же намечалась к постановке в придворном театре, но за смертью актрисы Троепольской не вышла на сцену. Замысел пьесы навеян писателю событиями русско-турецкой войны. Речь идет о попытках греков сбросить турецкое иго, и тема эта в свете успешных действий русского военного флота в Архипелаге была весьма злободневной. Однако спектакль своевременно не состоялся, после заключения мира политическая острота сюжета исчезла, и автор больше не продвигал ее на сцену, напечатав лишь в 1775 году уже как чисто литературное произведение.

Л. Н. Майков заметил, что «содержание этой трагедии, вероятно, заимствовано из книги: «История о княжне Иерониме, до-

чери Дмитрия Палеолога, брата греческому царю Константину Мануйловичу». Перев. с французского Ив. Шишкин. СПб., 1752»,[1] но предупредил, что книгу эту он не видел. Оговорка не была принята во внимание, и дальше писавшие о Майкове уверенно говорили о заимствовании сюжета. Прямое утверждение такого рода вошло даже в «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века» (1964). Между тем о заимствовании можно говорить здесь весьма условно.

Майков читал книгу Шишкина и воспользовался фигурой Иеронимы, именами султана Магомета II, Расимы и Сулеймана, но дал иные характеристики этим персонажам, ввел новых действующих лиц, придумал сложную интригу и вообще написал самостоятельное произведение. Второе заглавие перевода Шишкина таково: «Описание великодушных поступок Магомета второго с княжной Иеронимой». Оказывается, Магомет, увидев пленную византийскую княжну, влюбился в нее, оставил свою жену Расиму, но, узнав, что Иеронима охвачена страстью к Солиману-паше и встречает ответное чувство, обуздал себя и соединил любовников. Несомненно, что эта чувствительная история мало соответствует облику жестокого султана, завоевателя Царьграда в 1453 году, подчинившего себе Крым, острова в Средиземном море и страны Балканского полуострова.

Султан Майкова совсем не великодушен. Он яростно домогается любви Иеронимы и хочет устраивать не ее счастье, а свое собственное. Новые лица, введенные драматургом, придают увлекательность сюжету, превращая трагедию, выражаясь современным языком, в детективное, «шпионское» произведение, — удивительный случай в драматургии XVIII века!

Природный турок Сулейман-паша, существующий в переводе Шишкина, стал у Майкова греком Фемистом, сыном князя Феодора Комнина. После падения Константинополя Фемист, лелея планы мести, прикинулся турком, пошел служить Магомету, выдвинулся и занял пост визиря, правой руки страшного султана. Друг его Клит проделал такой же маневр и под именем Мурата состоит начальником серальских садов. В первом явлении трагедии эти греческие резиденты узнают друг друга и намечают план борьбы с Магометом. Им известно, что султан увлечен пленницей, но лишь в третьем действии визирь Солиман-Фемист, выпросивший у Магомета поручение убить пленницу, узнает в ней свою возлюбленную Иерониму. Греки собирают силы, готовят восстание, девушку прячут от Магомета, она подслушивает султанские тайны, Фемист

[1] Сочинения и переводы В. И. Майкова, СПб., 1867, с. 553.

пишет письмо своим сородичам, извещая о начале выступления, оно попадает в руки турок, Магомет ищет Комнина, таинственного руководителя операции, — и вот греки в руках разгневанного султана. Он убивает Иерониму, а Фемист Комнин закалывается сам.

Действия в этой пьесе неожиданно много для трагедии сумароковского типа. Но ведь Майков и не претендовал на ту чистоту литературных принципов, которой так гордился Сумароков. Он был гораздо более склонен считаться со вкусами читателей и зрителей и умел их удовлетворять, что показывают его ирои-комические поэмы. Майкова занимает сюжет, в речах героев нет подробного анализа чувств, нет обмена мыслями, не развивается политико-государственных концепций, как бывает у Расина или Сумарокова. Разговор носит служебный характер, он относится к тому, что происходит на сцене или за ее кулисами. Майков делает некоторые уступки зрителям и вносит в классический репертуар непривычные ноты.

Пьеса о том, как греки после падения византийской столицы готовили восстание против завоевателей, о том, что внутри покоренного народа есть еще силы, способные противоборствовать угнетателям и нужно их поддержать, — должна была прозвучать очень злободневно на пятом году русско-турецкой войны, и Майков сумел ответить на запросы времени.

В трагедии заметны и некоторые намеки на внутренние российские обстоятельства. Трудно не вспомнить о петербургских гвардейцах, читая оценку турецких янычар — привилегированных солдат султана:

Примеров множество возможно сих представить,
Их наглость может всё сие располагать,
На троны возводить и с тронов низвергать.

Майков описывает, как янычары, недовольные султаном Магометом II, предположившим жениться на пленной греческой княжне, грозят свергнуть неугодного правителя и возвести на престол его сына Баязета. Стихи трагедии наводили на мысль о том, что и в России подрос уже законный наследник престола — Павел Петрович, которому мать обещала по его совершеннолетии уступить трон, однако вовсе не торопилась это сделать. Вряд ли проходили бесследно в сознании внимательных читателей и такие исполненные тираноборческого пафоса строки:

Виза́нтия, дотоль цветущий в свете град,
Под властию твоей преобратился в ад;
Ты воздух в нем своим дыханьем заражаешь

И казнью подданным ужасной угрожаешь.
Не я един, не я, но весь желает свет,
Да смерть тебя, злодей, ужасная ссечет!

Деспотизм царей дворянская интеллигенция в России всегда порицала охотно.

В 1777 году Майков написал и поставил пастушескую драму с музыкой «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель», сельскую крепостническую идиллию в двух действиях. Эта пьеса показывает, каким бы желал видеть Майков отношения между крестьянами и помещиками, выражает мечту о классовом мире, невозможность которого совсем недавно показала крестьянская война.

Обычный для русской комической оперы мотив противопоставления развратного города и чистоты сельских нравов здесь дополнен разглагольствованиями двух господ о том, сколь приятно живется барским крестьянам у разумных и честных владельцев. Неверно думать, что Майков так воспринимал крепостные порядки, что он настолько уж не знал жизни: «Елисей» показывает, что он знал о ней предостаточно и не закрывал глаза на беды русского мужика. Но в духе новых своих настроений, возникших в результате увлечения масонством, напуганный размахом народного гнева, писатель выдает желаемое за действительное. Он рассказывает не о том, что есть, а о том, что должно быть в деревне, рисует господина, который правит деревней в соответствии с требованиями разума и добродетели, как учит религия и наставляют собственные интересы помещиков, не желающих погибнуть от мужицкого топора.

Обязанности помещика Майков определяет так, как понимал их и Сумароков и о чем он писал, например, в статье «О домостроительстве» (1759). Господин в пьесе Майкова — он по имени не назван, и это, кажется, тоже имеет значение расширительное, тут имеется в виду не персона, а представитель сословия вообще, — этот господин говорит своему гостю:

«Да в том-то и состоит прямое домостроительство, чтоб крестьяне не разорены были. Ведь они такие же люди: их долг нам повиноваться и служить исполнением положенного на них оброка, соразмерного силам их, а наш — защищать их от всяких обид и, даже служа государю и отечеству, за них на войне сражаться и умирать за их спокойствие. Вот какая наша с ними обязанность».

Хор соглашается с барином:

Мы руками работаем
И за долг себе считаем

Быть в работе таковой.
Дав оброк, с нас положённой,
В жизни мы живем блаженной
За господской головой.

(Действие II, явл. 1)

Дворяне — голова, крестьяне — руки, они выполняют то, что им приказывают, платят оброк и могут больше ни о чем не беспокоиться — вот что следует из этой краткой схемы.

Майков не хочет никого критиковать и рад утвердиться в мысли, что все недостатки общества исправляются мудрым управлением. «Всяк, не делающий пользы обществу, есть тунеядец, как например... Да полно, что говорить, ведь и ульи без трутней не бывают» (действие II, явл. 2). Взятки приказных, кривые судьи — все это в прошлом, а если где и можно встретить нерадивого чиновника, он остался лишь потому, что государь о его плутнях не знает. За добрые дела дворянин не ищет награды. Для него важно сознание, что он хранит свою честь.

Кто живет на свете честно,
Тот в спокойствии живет.
Пусть беды его постигнут,
Но души в нем не подвигнут,
Для него и в мраке свет.

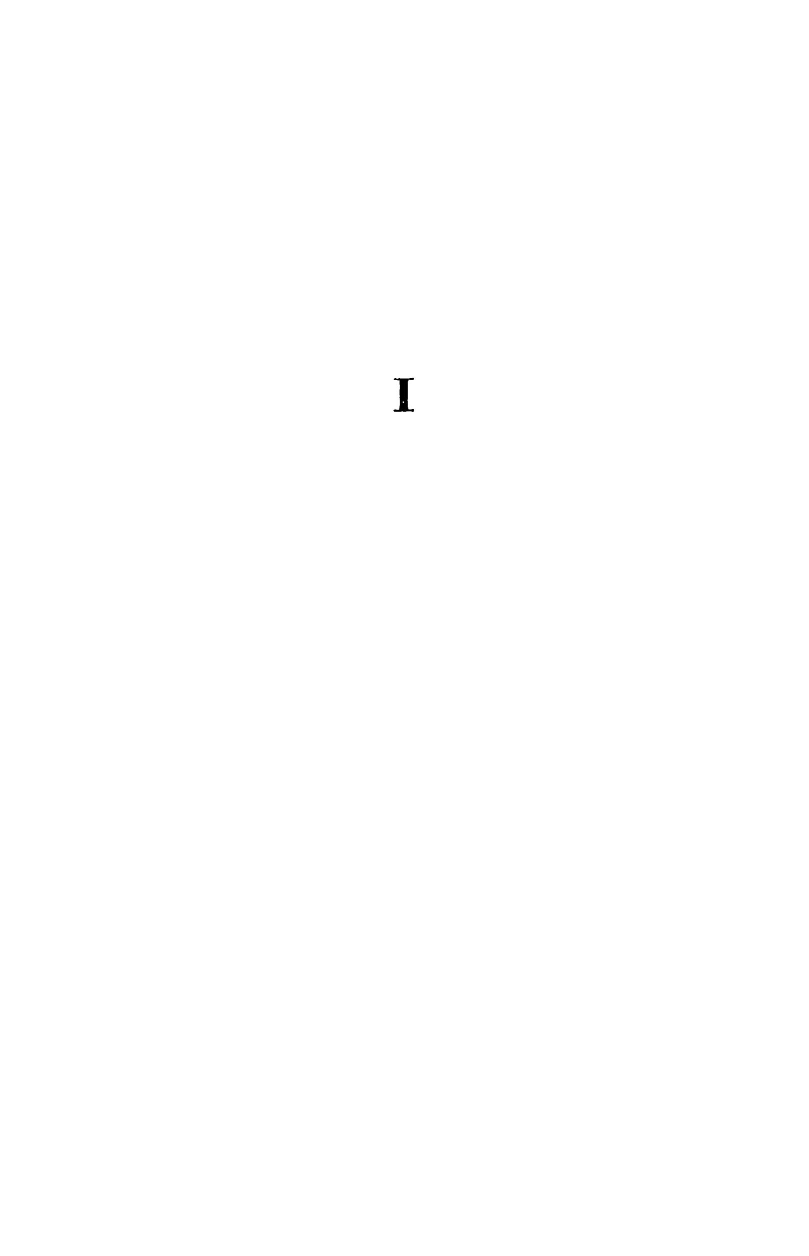
Такой господин, понимая свою примерность и наивно убежденный в неотразимости довода, может с негодованием вопрошать старосту:

«Плут, как ты смеешь обирать крестьян моих, когда я сам, находясь у дел государевых, никогда не бирал и не беру? Добро, мой друг, я тебе отшибу лапу-то, не станешь ты больше крестьян моих обирать» (действие II, явл. 3).

Очевидно, по мнению Майкова, баре своих мужиков не обирают, они пользуются положенным по закону, менять который писатель не собирался.

Майков был сыном своего века, над уровнем которого сумел подняться лишь великий революционер Александр Радищев, смело поднявший голос против крепостного права и самодержавия. Однако в творчестве Майкова есть элементы критики самодержавного режима, сквозит сочувствие людям труда, и в русской литературе XVIII столетия ему принадлежит законное прочное место.

А. Западов

I

ИРОИ-КОМИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

1. ИГРОК ЛОМБЕРА

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Стремится дух воспеть картежного героя,
Который для игры лишил себя покоя;
Бессонницы, труда, и голоду, и слез,
И брани, и побой довольно перенес;
От самой младости в игре что обращался
И в знак достоинства венцом от карт венчался,
Сплетенным изо всех украшенных мастей,
Из вин и из жлудей, из бубен и червей.

Уж три́ дни игроки за ломбером сидели,
Уж три дни, как они не пили и не ели;
Три раза солнца луч в игре их освещал,
И три раза́ их мрак вечерний покрывал;
И утомленные веселою работой,
Три раза спорили со гладом и с дремотой:
Уж счастье, над игрой держащее весы,
Трикраты их ко всем склоняло в те часы;
Но наконец когда к Леандру их склонило,
Искусство счастью верх победы уступило.
Спешат к Леандру все на помощь короли,
Манильи и тузы за ними ж вслед текли.
И се уж зрят его дремотой полны взоры
Грядущие к нему три главны матедоры:
В начале баста, ей последует маниль,
Потом предстала к ним великая шпадиль.

Леандр, приявши их, просить уж воли мыслит.
И плату с игроков за них заране числит.
Три матедора взять утеха не мала,
Затем что винна масть в игре у них была
Почтеннее других, которые тут были,
А вины преферанс у игроков сих слыли.

Хотел уж покупать на винных козырях,
Как понту с королем увидел на руках,
Которым следуя, манилия бубнова
Причиной сделалась несчастья игрокова.
Он мнит, что на червях санпрандер пребогат,
Затем что был Леандр дремотою объят.
Бубновую маниль червонною считает,
И с гордостию в них санпрандер возглашает.
Он был перед рукой... но, о лютейший час!
Лишь только испустил он в гордости сей глас,
Какое вдруг его несчастие постигло!
То привидение из глаз его погибло.
Он зрит уже тогда бубновую маниль,
С которой проиграть нельзя чтоб не кодиль.
Так точно кто почтен фортуною бывает,
Он часто истиной мечты одни считает.
О истина! ты всех доброт прямая мать:
Не должно никогда тебя пренебрегать.
Ты нашей совести правдивое зерцало;
Тебя нам оставлять не надобно нимало.
Ты в злополучьи щит и в счастии краса;
С тобою сносно ждать и смертного часа.
Ты в малых и в больших вещах равно сияешь,
И ты от бедствия и пагубы спасаешь.
Уже Леандр узрел, что гибнет он с игрой:
Манилья у него, но масти лишь не той,
В которой он вскричал санпрандер толь спесиво.
Уж поздно узнает, колико счастье лживо!
Он к пущей горести меж карт своих узрел,
Что и король к нему винновый в них пришел,
С которым мог бы быть санпрандер и винновой.
Леандр тут в горести себя находит новой:
Грызенье совести, отчаянье, боязнь
О! коль великую ему наносят казнь.
Трепещет, прогневя винновую манилью,

Трепещет проиграть с санпрандером кодилью.
Не столько и Орест в тот час терзаем был,
В который мать свою он злобно умертвил,
Как здесь Леандр грустит, мятется и стенает,
И вздохи тяжкие в отчаяньи пускает.
Но уж нельзя ему свой рок переменить:
Повинен к игрокам он картой подходить.

Тогда из рук его Давид[1] на стол вступает,
Которого злой хлап червонный поражает;
Влечет его во плен, копье в его вонзя, —
Леандр то зрит, но что? помочь уже нельзя.
Потом и Цесарь[2] сам свой важный вид являет,
И в гордости маниль бубнову похищает;
Влечет с собою в плен, подобно как Плутон
Цереры красну дщерь влек в ад без оборон.
И се Юдифу[3] в брань как бурный ветр выносит;
Единоборца та себе, гордяся, просит:
«О! есть ли, — вопиет, — меж карт такой герой?
Да выступит со мной, отважась, в смертный бой:
Не устрашусь его я в поле сем широком».
Тут Карл[4] воздвигнут быв своим несчастным роком,
Он храбро на нее напал и поразил,
И казнь достойную Юдифе учинил,
Которая дотоль разила Олоферна:
Сама побеждена, но рана несмертельна
Была, хоть храбрый Карл весь меч в нее вонзил;
На что и сам Леандр, в восторге быв, смотрил,
Любуясь своего победою героя.
Но тут другой игрок, ему ков хитрый строя,
Он руку своего чела превыше взнес,
Подобно как взносил прехрабрый Ахиллес
Победоносную с мечем свою десницу,
Багря в крови врагов и меч, и колесницу,
В которой на троян, яряся, нападал
И смерть в противничьи полки с нее бросал, —
Так зрел тогда Леандр манилью игрокову,
Которая, спустясь с руки, творит брань нову.

---

[1] Король винновый.
[2] Король бубновый.
[3] Краля червонная.
[4] Король червонный.

Но утомленный быв своей победой Карл,
Сражен манильею червонной, мертв упал.

И се уж Александр[1] спешит на помощь к войску,
Златой обременял щит длань его геройску,
На коем начертан был льва ужасный вид.
От скорого его прихода стол дрожит;
И карты, и свещи, и деньги встрепетали,
И с ужасом с стола на землю все ниспали.
Вид белыя брады и свет его венца
Блеснул в четыре все столовые конца,
Повергся с высоты ручной на стол с размаху.
Сама шпадилия содрóгнулась от страху,
И баста потряслась, и понта на руках;
Леандра ж самого сугубый обнял страх.
Старается укрыть Аргину[2] он напрасно,
Котору Александр из рук исторгнул властно,
Победою своей и дóбычью гордясь,
Три раза белыми кудрями он потряс,
На раменах своих с веселием уносит.
Леандр едва-едва печаль такую сносит,
Вослед Аргине зря, потеет и дрожит,
И следующие слова он говорит:
«Увы! избавиться нет средства никакого,
Прогневал я тебя, манилия виннова,
Прогневал я тебя», — еще он повторял,
И только лишь сию он речь окончевал,
Как вдруг и Огиер[3] с ужаснейшим Цербером
Стремится, ободрен толь хрáбрейшим примером,
Который Александр пред ним лишь оказал.
Сей двойку винную тотчас из рук отъял,
Ведет окованну во плен с собой, стенящу;
Леандру, вслед ее с прискорбностию зрящу,
Не могут помощи и сами дать тузы.
Среди такой беды, среди такой грозы
Леандру лишь одна надежда остается,
Что тот лабет с стола кодильей не берется,
Но сделан был ремиз в игре у них тройной.

[1] Король жлудовый или крестовый.
[2] Краля жлудовая.
[3] Хлап винновый.

Леандр, оставшися в надежде таковой,
Что будущей игрой лабет свой поворотит
И игроков самих и с деньгами поглотит,
Но он обманут был надеждою такой;
Хотя играл игру и на лабет двойной,
Однако ж проиграв кодилей десять сряду,
Лишился денег всех, лишился и наряду.
Уже он ни на что дерзает покупать.
Проигрывает всё, лишь с чем начнет играть.
И тако проиграв он всё свое именье,
Повергся и заснул, и в сладком том забвенье
Лишился чувств, и все напасти позабыл,
Колико он в игре несчастлив много был.

О! вы, все игроки, на песнь мою спешите.
И гласу лирному в молчании внемлите;
Внемлите, что игра возможет произвесть:
Игра нередко нас и в бедство может ввесть.
Судьбу Леандрову из действа примечайте
И счастью лестному себя не поручайте.
В ком нет уменья, тот страсть к картам утиши:
Игра без мастерства, как тело без души,
Иль без кормила как корабль носим в пучине.
Внемлите, игроки, внемлите все вы ныне.

Когда Леандр игру несчастьем окончал,
Повергся в одр, и в нем, отчаян быв, лежал,
Воображая в мысль свое несчастье злое.
«О! время, — говорил, — о! время дорогое,
В которое имел я деньги в кошельке.
О! деньги, — он твердил сто раз в своей тоске, —
О! деньги, вы всего на свете сем дороже.
Кто не имеет вас, тот всех, тот всех убоже.
Вы все таланты в нас рождаете собой,
И кто имеет вас, имеет и покой».

Так горестно Леандр о деньгах вспоминая,
И карты и игру нещадно проклиная,
Страдал, стенал, вздыхал, грустил и унывал;
Хотел заснуть, но сон от глаз его бежал.
Мутилась кровь его, и сердце трепетало,
И ко отыгрышу Леандра побуждало.

Тогда сим сжалился мучением Морфей,
Влетел и легкою одеждою своей
Покрыл Леандровы томящиеся очи,
Которые без сна уже три были ночи.
Как море, пременясь по буре в тишину,
Подобную стеклу являет глубину,
И звезды и луну в себе изображает,
И взор пловущего тогда увеселяет, —
Подобно и Леандр по проигрыше вдруг
Заснул, и уж имел в себе спокойный дух;

Но мысль блудящая сон сладкий всколебала,
И странное ему виденье представляла.

Внезапу у одра раскрылись завесá
И растворилися над спящим небеса.
Но если смею я сказать ужасно дело,
Се матедоры три, приявши дух и тело,
Грядут ко игроку во светлых облаках.
О! чудо странное, случившись в наших днях.
Он зрит подобно так, как зрел Парис в пустыни
Пришедшие к себе три красные богини,
Отдавшиеся в суд подобно как царю,
Дабы он разрешил меж их ужасну прю.

Но здесь не для суда предстали матедоры:
Гласите вы со мной, моря, леса и горы;
Внемли с молчанием пространный воздух весь:
Се баста и маниль спускаются с небес,
Меж коими шпадиль, сияюща лучами,
Подобно как луна в ночи между звездами,
Представилися вдруг Леандровым глазам.
Леандр со ужасом повергся к их ногам
И в трепете своем едва сие вещает:
«Не сон ли мя теперь, несчастного, прельщает?
Я зрю перед собой прекраснейших светил,
Трех повелительниц картежных храбрых сил».
Но тут шпадилия свою простерла руку,
Леандру подая. «Прерви, — сказала, — муку,
Которою теперь ты строго так томим;
И верь, Леандр, ты верь словам неложным сим,
Что не прельщаются твои мечтою взоры:
Стоят перед тобой три главны матедоры,
И те, которых ты имел вчера в руках.
Отвергни от себя смятение и страх!
Мы те, которые всем ломбером владеем,
И силой в нем себе подобных не имеем.
Мы те, что игроков победою дарим,
И мы, что выигрыш и проигрыш чиним.
Не будь в отчаяньи прошедшею игрою:
Утешу я тебя и обе сии с мною».
При том к манилии и к басте обратясь,
Рекла им те ж слова, всем ломбером клянясь:

«Мы наградим тебе, Леандр, твое несчастье,
Посыплет на тебя сребро, как дождь в ненастье.
Пребудь в надежде сей, несчастливый игрок!
Уж минул твоея судьбы жестокий рок».
Шпадилия сие с величеством вещала,
И руку игроку с усмешкой подавала:
«Восстани, о! Леандр, восстани, ободрись,
И нам себя вручить нимало не страшись.
Мы поведем тебя в храм Ломбера преславно,
Где ты увидишь всю судьбу игравших явно».
Леандр сим ободрен, восстал и к ним спешит;
Уже на облаках с богинями летит.

Но что тогда его представилося взору!
Он видит пред собой превысочайшу гору,
Котора взнесена на облака главой,
И вкруг ее со всех сторон был лес густой,
На коем он не зрел нигде плода иного,
Как только масть была червонна и бубнова;
А вместо чтобы зреть на ветвиях листы,
Висели всё на них и вины, и кресты.
Леандр, в восторге быв, дивится нову чуду,
Что зрит на древесах сей странный плод повсюду.
Осмелясь, вопросил соспутников своих:
«Вы ль обитаете, богини, в рощах сих?
Иль ино божество сим местом обладает?
И кто от сих древес плоды сии вкушает?
О! если б я возмог от вас сие узнать,
И как могу сие я место называть?»
На то ему маниль и баста отвечали:
«Названия сих мест: веселье и печали,
А плод сей назван так: и счастье, и напасть.
Вкусив, узнаешь их и горесть ты и сласть».
Леандр, сорвав плодов, в уста свои влагает.
И прежде горести он сладость ощущает.
Но только лишь его в гортань он пропустил,
По сладости тогда он горесть ощутил,
Котора ни к чему казалась не примерна:
Лишь горесть то была, и горесть пребезмерна.

Но чтоб мне ломберный ясней представить храм,
О! муза, ты придай красы моим стихам.

Как снежная гора пред тучею белеет
И белизне своей примера не имеет,
Там храм позадь лесов священнейших стоял,
Украшен разными металлами блистал.
От трех сторон его три стены окружали,
И трои воро́та вход разный подавали.
Единые врата из злата зрились быть,
Пятью степе́нями к ним должно приходить.
Вторые ворота все сребряные были
И приходящих взор не столько веселили,
Как первые, где всё лишь злато и пироп,
И к сим уже вратам не столько было стоп,
Но по четы́рем к ним всходити было должно,
И без вожатого войти почти не можно:
На третьих воротах была едина медь;
И должно к ним по трем степе́ням вход иметь,
Которые хотя казалися и низки,
Но столь углажены, и столько были слизки,
Что все, кто шел по них, катилися назад,
А многие, ниспав, свергалися во ад.
Леандр, узрев сие чудесное мечтанье,
Богинь о том спросить пришло ему желанье:
В которые врата войти им должно в храм?
Шпадилия его ответ дала словам:
«О! смертный, счастлив ты пред всеми многократно,
Откроется тебе вся тайна, слушай внятно:
Леса сии и храм, толь красно вещество,
Превосходящее всё в свете естество,
Не смертною оно рукой сооруженно,
И обиталище для тех определенно,
Кто может в ломбере с воздержностью играть;
И если так себя кто может воздержать,
Что без четырех игр и карт не покупает,
А без пяти в свой век санпрандер не играет.
Вторые хоть врата и в тот же храм ведут,
Но многие, желав войти в них, вниз падут.
А третие врата для тех сооруженны,
Кто ломберной игрой как страстью зараженны,
Но тужат, проиграв имение свое.
И если ты, Леандр, послушен будешь мне,
Не приходи во храм вратами ты иными;

Входи в него всегда ты больше золотыми.
Старайся мой совет полезный не забыть,
Ты можешь, о! Леандр, всегда счастливым быть».
По сих речах они ко храму уж приспели,
На первых воротах такую надпись зрели:
«Не сквозь сии врата кто хочет в храм войти,
Тот тщетною себя надеждою не льсти,
Дабы возмог узреть толь здание прекрасно;
Во храм лишь сим путем приходят безопасно».
Леандр, прочтя сие, и начал рассуждать,
Что если станет впредь воздержней играть,
То может быть в игре счастливей, нежель прежде;
И входит он во храм, оставшись в сей надежде.

И се открылася завеса вдалеке,
Услышался и шум, подобный быть реке,
Которая с горы в стремнину упадает,
Беседующих речь что шумом заглушает.
Сей шум происходил от спору игроков,
Которые, сидя́ вкруг множества столов,
О ломберной игре законы составляли,
И вшедших игроков к ним споры разбирали.

Один пред них предстал с санпрандерной игрой:
«Решите! — возопил, — решите спор вы мой!
Се не несчастие мне очи ослепило,
Но можно ль не играть санпрандера мне было?
Имел в моих руках я восемь козырей,
Без матедоров лишь, притом без королей.
Но восемь козырей! чего желати боле?
И я ж притом играл санпрандер поневоле.
Кто был перед рукой, тот воли попросил;
А я санпрандером ту волю перебил.
Но о! несчастие, мой дух еще бунтует;
Тот с матедорами четыремя пашует.
Я в тех же стал играть, в которых он хотел;
В покупке, ах! к нему и тот король пришел,
Котора у меня не козырь быть случилась;
Игра моя чрез то худою учинилась.
Четыре раза я хотя и козырял,
Но тщетно было всё: кодилью проиграл».
Тогда все, сжав плечьми, главами покивали,

И в утешение сие ему сказали:
«Хотя ты с сей игрой кодиль и проиграл,
Однако ж правильно санпрандер ты сказал».
Потом игрок предстал с отменною игрою,
Который выиграл санпрандер пред рукою,
И кою он еще держал в своих руках.
Три было короля там с тройкою в винах,
Которая была и козырь лишь едина,
И с ней случилася жлудовая Аргина.
Все удивилися отважной толь игре,
И, чтоб ту выиграть, в ужасной были пре.
Но он ответствовал: «Поверьте мне неложно,
Что выиграть с такой игрой не невозможно.
Но чтоб вы верили, порядок весь скажу
И выигрыш ее на деле покажу.
Я был перед рукой, идти мне надлежало:
Пошел я королем, вот сей игры начало!
Итак, я отобрал три масти корольми;
Но кралю лишь мою убили козырьми.
Потом кто взял игру, пошел с туза бубнова.
Та масть у игрока случилась и другова;
Но не было ее лишь боле у меня.
Четверту получил игру чрез то и я;
А после игроки делилися играми,
Затем что уж они остались с козырями.
В одной руке король, и баста, и маниль,
В другой семерка, хлап, и краля, и шпадиль, —
Итак, я выиграл игру, как битву воин.
Скажите ж мне, каких я почестей достоин?»
Сказали все ему: «Коль счастье сберегло,
Ты выиграл ни с чем, и прав ты как стекло. [1]
А кто и впредь играть с играми будет сими,
Такие по миру находятся нагими».
Подобных сим Леандр судов тут много зрил:
Иной был обвинен, что он не так ходил,
С которой подходить ему бы надлежало;
Иной, что козырял не так иль очень мало.
И если б описать мне всех здесь игроков,
О! коль бы стоило великих то трудов.

---

[1] «И прав ты как стекло» — присловица, которая меж многими в употреблении.

Но песнь мою теперь я сим лишь скончеваю,
И музу к будущей на помощь призываю;
И ежели она устроит лирный глас,
Потщусь еще, потщусь взойти я на Парнас.

Се муза днесь сама мне лиру настрояет,
И возгласити песнь сию повелевает,
Но если грубо что кому возмнится быть,
Тот должен на нее и пени приносить.
«Ужель, Леандр, твои насытилися взоры?
Ужель ты видел храм, — вещали матедоры, —
Тот храм, где игроки себе награды ждут?
Но ах! Леандр, еще не всё ты видел тут.
Не устрашись еще последовать за нами:
Пойдем отсель, пойдем мы медными вратами,
Которы в царство нас подземное сведут,
Где добродетели — награда, злобе — суд».
По сих словах они к вратам тем приступили,
Которы игроков к Плутону низводили.
По трем степеням вниз их лествица вела,
Неплодоносная долина где была.
Засохши древеса вокруг ее стояли
И скуку вечную собою представляли,
Где зрилась пропасть быть, сводящая во ад,
Из коей исходил огнь, пепел, дым и смрад.
Вкруг пропасти совы́ и гарпии[1] летали,
Именье игроков и кости поедали;
Леандр, увидя то, ужасся и робел
И к устью той идти пещеры не хотел;
Но матедоры дух Леандров ободряли
И к сходу адскому идти повелевали.

Но только лишь Леандр в жилище тьмы вошел,
Он множество духов и теней там узрел.
Там множество ему санпрандеров встречалось,
И касок, поляков и воль ему мечталось.
Мутился тамо Стикс, и Флегетон пылал,
Слезами игроков Коцит[2] там протекал.
Когда ж они к брегам Стигийским приближались,
На мрачных берегах тьмы теней им казались,
Которые сидя к себе Харона ждут.
Узнал он множество себе знакомых тут.

---

[1] Адские хищные птицы.
[2] Три адские реки, из коих Флегетон огненная.

Они Леандра, так, как он их, все узнали,
И, обступив его толпами, вопрошали:
«Давно ли ты, Леандр, исшел от жития?
И как вселилася во ад к нам тень твоя?»
Но не успел Леандр ответствовать ни слова,
Уж ладия была Харонова готова,
Где с матедорами Леандр, вошедши, сел
И к царствию царя подземного пошел.
Там зрит он во вратах треглавного Цербера;[1]
Потом к ним в ярости стремилась и химера,[2]
Рыкая, растворив свою ужасну пасть,
И если б не шпадиль, то б мог Леандр пропасть.
Потом они едва коснулись только суши,
Увидели тут всех игравших в ломбер души,
Которые идут со ужасом пред трон,
Где председательство имеет Радамон
И судит всех дела с Миноем и Эаком,[3]
Смущая всех сердца единым только зраком.
Там зрел он игроков, пришедших к сим судьям,
Которые, ответ дая своим делам,
Нелицемерное решенье получали,
Иные в радости, другие шли в печали.

И се с десной страны предстал пред трон игрок,
Которого низверг в то царство злобный рок.
Он, житие свое вещая всё подробно,
«О! есть ли, — возопил, — где зло, сему подобно,
Которо возвестить я вам теперь пришел?
На свете в ломберну игру ввели раскол,
И вместо каски тот в игре употребляют,
А ересь поляком бесстудно называют».
На что тут Радамон, Миной рек и Эак:
«Ты смеешь называть расколом тот поляк,

---

[1] При выходе из Хароновой лодки, а при входе в ад встречался адский пес треглавый и вместо шерсти покрыт змеями; сей пес называется Цербер, и, по баснословию, караулил он адские врата, куда он всех пропускал, а назад никого.

[2] Химера, изрыгающая пламень, имеет голову львиную, утробу козью, а хвост змеин, которую Беллерофонт убил.

[3] По баснословию, когда души войдут во ад, то надлежало им дать отчет в делах своих трем адским судьям: Миною, Радамонту и Эаку, у которых в руках смертоносная урна, и по их определению определяются души в поля Елисейские или на муки.

Поляк, что в ломбере прямое совершенство?
Кто выдумал его, тот примет здесь блаженство;
А ты постраждешь так, как страждет Иксион. [1]
Поди и испускай во аде вечный стон».
По сих словах к нему три фурий прилетели:
Змей на их главах ужасно зашипели;
Уже несчастного на злую казнь влекут.
Леандр содрóгнулся, увидя строгий суд.

Потом тень старыя жены тут к ним приспела,
«Я век свой, — вопиет, — за ломбером сидела,
Я часто по три дни не ела, не пила,
Не вставывала я для нужд и не спала,
Но в жизнь мою всегда над сей игрой трудилась,
По самый злой тот час, как к вам переселилась.
Но думаю, что вы, о! адские судьи,
За толь несносные в игре труды мои
Здесь не осудите меня на муки строги».
На те ее слова восстали сами боги,
Восстав и начали тень стару обнимать:
«Прими возмездие, прими, о! наша мать».
Таким ее судьи названием почтили,
И в Елисейские поля потом вселили.

Еще идет игрок, в цепях окован весь.
«Отколе ты пришел и к нам явился здесь?» —
Так адские судьи в свирепстве закричали,
И что он делал в жизнь сказать повелевали:
«Как в карты ты играл? несчастный! говори!»
— «О правосудные бессмертные цари, —
Сказал несчастливый, свои потупя очи, —
За ломбером я дни просиживал и ночи;
А в ломбер на земле я сорок лет играл;
Но счастлив никогда до тех пор не бывал,
Доколе подбирать я карт не научился.
Но кто бы мастерством толь легким не прельстился?
И чем возможно так добра кому достать,
Как если карты кто умеет подбирать?
Подбор не воровство, подбор одно уменье,

---

[1] Иксион, привязанный к колесу змеями, которое непрестанно вертится, он осужден за то, что хотел изнасильствовать Юнону.

Чтоб можно доставать у ближнего именье.
Иль могут быть дела безбожны и мои?
Коль многи за сукном сидящие судьи
Приличные к делам приказы подбирают;
И много ли они тем делом погрешают?
Не через то ль слывет искусный всяк судья?
Иль винен я один, что так искусен я?»
Но грозные судьи воззрели грозным взглядом:
«Поди, злодей, и тай, как Та́нтал,[1] тем же гладом;
И лакомы судьи такую ж примут часть,
Когда и в них с тобой была едина страсть».

Но только с игроком суд строгий совершился,
Как пред судья́ми вновь игрок еще явился,
Которого была еще подлее страсть:
Как карты, он умел и деньги также красть;
И если с кем имел казну в игре едину,
Из выигрышных крал он денег половину.
«О! страсть негодная, о! всем негодствам мать,
О! хищник, о! злодей, о! ты преподлый тать», —
Так адские судьи во гневе закричали
И в Тартар мучиться навек его послали.
Леандр со трепетом на все те казни зря,
Как вдруг все на него воззрели три царя:
«О! юноша, вещай, отколе ты явился?
И как в подземное ты царство преселился?
Не сходит к нам никто, с душой не разлучась;
Един лишь Геркулес места сии потряс,
От коего страшась содрогнулась химера,
И Тизифона вдруг, Алекта и Мегера,[2]
Почувствовав его приход, воздвигли стон:
В опасности тогда был ад и сам Плутон.[3]
Но ты, о! смертный, как дерзнул вступить к нам ныне?
Погибнешь, как челнок, ты в грозной сей пучине:
Спеши отсель! скорей спеши! Леандр, спеши!
Но прежде житие свое нам расскажи.

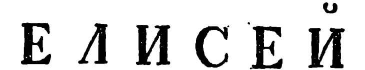
---

[1] Тантал мучится гладом и жаждою, при изобилии всего.
[2] Три фурии, они ж называются и эвмениды, которых должность мучить злых людей.
[3] Плутон — бог подземного царства.

Давно ли ты живешь меж смертными на свете?
И от рождения на коем начал лете
Ты картами играть? и днесь играешь как?»
Леандр тут воздохнув, и повесть начал так:
«О! правосудные цари, бессмертны боги,
Хоть лета я живу на свете и немноги,
Но только много я фортуною гоним,
И нет премены, ах! всем бедствиям моим.
Я в ломбер уж играть лет десять научился,
А на восьмом году играл, как я родился.
Но мой родитель был ко мне безмерно строг,
Затем я никогда играть нигде не мог,
Как только разве что с вернейшими рабами;
Я в карты игрывал украдкою ночами.
Но после как отец мой к вам сюда сошел,
В именьи и в себе я власть уж возымел;
Имение его мое быть после стало,
Играть желанье мне великое припало,
Не хаживал я в те беседы и пиры,
Которые живут без карточной игры;
Где нет ее, мне там всегда бывает скучно.
И с тех пор с картами всегда я неразлучно.
Но ах! бессмертные, мне счастья в картах нет».
Леандру таковой бессмертных был ответ:
«Отныне будешь ты играть, Леандр, счастливо;
Поди, уж счастие тебе не будет лживо.
Поди, и только лишь воздержней играй,
Но поляка отнюдь расколом не считай».

Меж тем уже заря румяная сияла
И солнцев скорый в мир приход предвозвещала,
Пред коей Люцифер все звезды с неба гнал;
Зефир, любуяся, листочки лобызал,
Как вдруг Леандрово окончилось виденье:
Вспрянýл он ото сна, и с час был в изумленье;
Потом, опомнясь, мне виденье всё сказал,
А я что слышал, то на лире заиграл.

<1763>

ЕЛИСЕЙ

или

раздраженный ВАКХЪ

ПОЕМА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

2. ЕЛИСЕЙ, ИЛИ РАЗДРАЖЕННЫЙ ВАКХ

К ЧИТАТЕЛЮ

Благосклонный читатель! я хотел было написать к сей поэме преогромное предисловие, в котором намерен был подробно изъяснить побуждающую меня к сочинению ее причину; но рассудил, что как бы ни важна была причина даже до того, что хотя бы я наконец и поклепал[1] какого-нибудь почтенного мужа, что он меня принудил к сему сочинению, сказав мне: «Не смотри-де ты на всех критиков и пиши-де то, что тебе на ум взбредет, ты-де пишешь хорошо». Однако ж все сие нимало не украсило бы моего сочинения, буде бы оно само по себе не заслужило от благосклонного читателя похвалы. Я ж знаю и то, что не только по совету какого-либо почтенного мужа, но ниже по самому строжайшему приказу скаредный писец ничего хорошего во век свой не напишет, так как и лягушка, сколько ни станет надуваться, равна с быком не будет.

---

[1] Клепать всякого смело можно, знавши, что в таком поклепе никого на очную ставку не позовут.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЭМЫ

Песнь первая

Вакх, раздражен будучи гордостию откупщиков, гневается на них, что по причине дороговизны вина, пива и меду стало число пьяных менее; приезжает в питейный дом, где, увидя ямщика, именем Елисея, радуется, что он нашел такого человека, который по виду кажется ему, что может служить орудием ко отмщению его. Между тем Елисей просит у чумака вина в пивную чашу, и выпивает ее одним духом, чрез то Вакх и более в надежде своей утверждается. А Елисей, выпив вино, ударил чумака в лоб чашею и сделал в кабаке драку, которую услышав, объездной капрал зашел и Елисея, взяв под караул, повел в полицию, а Вакх поехал к Зевсу просить, чтоб он свободил Елисея из-под караула. Зевс ему сказывает, что на самого его дошла к нему просьба от Цереры, будто бы оттого, что все крестьяне спилися, земледелие упадает, и повелевает Ермию собрать всех богов на Олимп для разобрания ссоры между Вакхом и Церерою, и после идти в полицию и оттоль свободить Елисея из-под караула.

Песнь вторая

Ермий приходит в полицейскую тюрьму и там Елисея, перерядя в женское платье, переносит в Калинкинский дом, где тогда сидели под караулом распутные женщины. Елисей пробуждается, дивится, как он там очутился, и думает, что он в монастыре. Между тем начальница того дома, вставши, будит всех женщин и раздает им дело. Но увидя Елисея, скоро его узнала, что он не женщина, ведет его в особый покой, где он ей о себе открывает, что он есть ямщик, а потом рассказывает ей о побоище, бывшем у зимогорцев с валдайцами за сенокос.

Песнь третия

Окончание повествования Елисеева. Любовь начальницы с Елисеем. Собрание богов на Олимп по повелению Зевесову. Суд у Вакха с Церерою и решение Зевесово. Между тем, когда Елисей готовился с начальницею ночевать, начальник стражи пошел дозором, увидел у начальницы Елисея в женском платье и, думая, что он есть девка, но пришлая, спрашивает, откуда она и для чего ее у него нет в реестре. Хотя начальница и оправдается, но сей строгий начальник, не приемля оправдания, велит взять мнимую девку под караул, откуда его паки освобождает Ермий и дает ему шапку-невидимку, в которой Елисей опять забрался к начальнице и пробыл несколько месяцев. Но наскуча ее любовию, уходит вон из дома. Начальница тоскует о его уходе. Командир в самое то время входит и видит оставшие после Елисея вещи, гневается на нее, хочет ее сечь; но скоро, проворном ее быв улещен, с нею помирился.

Песнь четвертая

Елисей, вышедши из Калинкинского дома, пошел в город и, утомясь, лег в лесу спать. Но вдруг проснулся от крика одной женщины, которую два вора хотели ограбить. Он ее от них избавляет и находит в ней жену свою. Она ему рассказывает свое похождение после того, как с ним рассталась. Он ее отпускает в город, а сам остается в лесу, где ему явясь, Силен ведет его в дом одного богатого откупщика, чтоб он тут пил сколько хочет, а сам отходит на небо к Вакху. Елисей, искав погреба, зашел нечаянно в баню, где тогда откупщик с женою своею парился. Он их оттуда выгоняет, а сам, выпарясь, оделся в откупщиково платье, приходит в своей шапке-невидимке в палаты откупщиковы, и, забившись под его кровать, лежал до тех пор, как откупщик, бывши встревожен случившеюся тогда грозою, встал с постели, а он, вышед из-под оныя, лег с его женою спать. По окончании грозы откупщик, приметя странное движение жены своей, думает, что ее давит домовой, хочет наутро посылать по ворожею, которая бы выгнала вон из его дома сего домового черта. Ямщик, услыша то, убоялся прихода ворожеи, выходит вон из палат и ищет погреба, где думает утолить вином свою жажду.

Песнь пятая

Елисей, забравшись в откупщиков погреб, обретает в нем много напитков и радуется. Тут к нему явился Вакх с своею свитою, и, сделав погребу разгром, уходят и Вакх и Елисей пустошить погреба у других откупщиков. Поутру же, когда откупщик проснулся, посылает по ворожею. Она приходит, а в самое то время прибегает его ключник, сказывает о опустошении погреба. Откупщик с печали обмирает, просит ворожею, чтоб она чертей из дома его выгнала. Та обещается сие сделать; но по многим разговорам откупщик с нею поссорился и выгнал самое ворожею от себя вон. Между тем Зевес видит, что Елисей многих откупщиков разоряет, призывает паки богов и делает над ним суд. Наконец определяет ему быть отдану в солдаты, что с ним и последовало.

Пою стаканов звук, пою того героя,
Который, во хмелю беды ужасны строя,
В угодность Вакхову, средь многих кабаков,
Бивал и опивал ярыг и чумаков;
Ломал котлы, ковши, крючки, бутылки, плошки,
Терпели ту же часть кабацкие окошки,
От крепости его ужасныя руки
Тряслись подносчики и все откупщики,
Которы и тогда сих бед не ощущали,
Когда всех грабили, себя обогащали.
О муза! ты сего отнюдь не умолчи,
Повеждь или хотя с похмелья проворчи,
Коль попросту тебе сказати невозможно,
Повеждь: ты ведаешь вину сего не ложно,
За что пиянства бог на всех откупщиков,
Устроя таковой прехитростнейший ков,
Наслал богатыря сего не очень кстати
Любимую свою столицу разоряти.

А ты, о душечка, возлюбленный Скаррон!
Оставь роскошного Приапа пышный трон,
Оставь писателей кощунствующих шайку,
Приди, настрой ты мне гудок иль балалайку,
Чтоб я возмог тебе подобно загудить,
Бурла́ками моих героев нарядить;
Чтоб Зевс мой был болтун, Ермий — шальной детина,
Нептун — как самая преглупая скотина,
И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки.

Против Семеновских слобод последней роты
Стоял воздвигнут дом с широкими вороты,
До коего с Тычка [1] не близкая езда;
То был питейный дом названием «Звезда»,
В котором Вакхов ковш хранился с колесницей,
Сей дом был Вакховой назначен быть столицей;
Под особливым он его покровом цвел,
В нем старый сам Силен, раскиснувши, сидел;

[1] Кабак на Петербургской стороне.

Но злых откупщиков противно Вакху племя
Смутило к пьянству им назначенное время,
Когда они на хмель лишь цену наднесли,
Ужасны из того беды произросли,
Вино со водкою соделались дороже,
И с пивом пенистым случилось само то же;
Дороже продавать и сладкий стали мед.
Тогда откупщики, взгордясь числом побед,
На Вакха в гордости с презрением смотрели,
И мнят, что должен он плясать по их свирели.
Но Вакх против того иное размышлял.
«Иль мне оставить то? — с похмелья закричал. —
Какие из сего вперед я вижу следства?
Лишусь я моего дражайшего наследства:
На водку, на вино цена уж прибыла,
Для пьяниц за алтын чарчоночка мала,
И если бы в таком случáе несчастливом
Хотел бы пьяница какой напиться пивом?
К несчастию его, дороже и оно.
Не станет действовать ни пиво, ни вино.
Не большая ль теперь случилась мне обида,
Как нежели была Юноне от Парида?
Или я не могу повергнуть сих затей? ..»
Уже он закричал: «Робята, дай плетей!»
Но вздумал, что сие бессмертным непристойно,
Хоть дело, по его, плетей сие достойно,
Но сан ему его дурить не дозволял,
Он инако отмстить обиду помышлял,
И рек: «Когда я мог ругавшуюся мною
Достойно наказать прегорду Алкиною,
Презревши некогда мой праздник, сам Пентей
Отведал и дубья, не только что плетей;
Не эдакие я безделки прежде строил
Над теми, кто меня в пиянстве беспокоил».
При сих речах его смутился пьяный зрак;
Он сел на роспуски, поехал на кабак,
Неукротиму месть имея в мыслях рьяных.
О стеночке лепясь, приходит в шайку пьяных.
Тогда был праздный день от всех мирских сует:
По улицам народ бродил лишь чуть был свет,
Вертелися мозги во лбах у пьяных с хмеля,
А именно была то сырная неделя.

Как мыши на крупу ползут из темных нор,
Так чернь валила вся в кабак с высоких гор,
Которы строило искусство, не природа,
Для утешения рабочего народа;
Там шли сапожники, портные и ткачи
И зараженные собою рифмачи,
Которые, стихи писавши, в нос свой дуют
И сочиненьями как лаптями торгуют;
Там много зрелося расквашенных носов,
Один был в синяках, другой без волосов,
А третий оттирал свои замерзлы губы,
Четвертый исчислял, не все ль пропали зубы
От поражения сторонних кулаков.
Там множество сошлось различных дураков;
Меж прочими вошел в кабак детина взрачный,
Картежник, пьяница, буян, боец кулачный,
И словом, был краса тогда Ямской он всей,
Художеством ямщик, названьем Елисей;
Был смур на нем кафтан и шапка набекрене,
Волжаный кнут его болтался на колене,
Который пьяный дом лишь только посетил,
Как море пьяных шум мгновенно укротил;
Под воздухом простер свой ход веселый чистым,
Поехал, как Нептун, по вод верхам пенистым.
Прости, о муза! мне, что так я захотел
И два сии стиха неистово воспел;
Тебе я признаюсь, хотя в них смысла мало,
Да естество себя в них хитро изломало,
Чрез них-то, может быть, хвалу я получу,
Отныне так я петь стихи мои хочу;
Мне кажется, что я тебя не обижаю,
Когда я школьному напеву подражаю.
Но если их пером ты действуешь сама,
Не спятила ль и ты на старости с ума?
Ах! нет, я пред тобой грешу, любезна муза,
С невеждами отнюдь не ищешь ты союза,
Наперсники твои знакомы между нас;
Единого из них вмещает днесь Парнас,
Другие и теперь на свете обитают,
Которых жительми парнасскими считают,[1]

[1] Каков г. Сумароков и ему подобные.

Итак, полезнее мне, мнится, самому
Последовати их рассудку и уму.

Уже напря́гнув я мои малейши силы
И следую певцам, которые мне милы;
Достигну ли конца, иль пусть хотя споткнусь,
Я оным буду прав, что я люблю их вкус;
Кто ж будет хулить то, и тем я отпущаю;
И к повести своей я мысли обращаю.

Уж Вакх пияного увидел ямщика,
В нем радость разлилась по сердцу, как река;
Уж мысленно себе успех свой предвещает;
К Силену обратясь, и так ему вещает:
«Не се ли вышния судьбы теперь предел,
Что я уж то нашел, чего искать хотел?
Детина оный дюж мне кажется по взору,
На нем созижду я надежды всей подпору,
Он кажется на то как будто и рожден,
Что будет всякий им ярыга побежден
И он меня в моей печали не покинет,
Он всё то выпьет, что лишь глазом ни окинет.
Я весь оставлю страх, чем был я возмущен;
Уже я радуюсь, как будто отомщен:
Не ясно ли моя мне видится победа,
Когда возлюбленник мой пьян и до обеда?
И ежели тебя еще смущает страх,
Воззри, то у него всё видно на очах;
Ланиты то его являют мне зарделы,
Что, если попущу, превзо́йдет он пределы
И выпьет более вина, чем выпьешь ты».
Силен было сие почел за пустоты;
Но сей пияница Силена в том уверил,
Что он его провор своим аршином мерил;
Он, за ворот схватя за стойкой чумака,
Вскричал: «Подай вина! иль дам я тумака,
Подай, иль я тебе нос до крови расквашу!»
При сем он указал рукой пивную чашу;
«В нее налей ты мне анисной за алтын
Или я подопру тобой кабацкий тын».
Чумак затрепетал при смерти очевидной,
А Вакх вскричал: «О мой питомец непостыдный!

Тобой я все мои напасти прекращу,
Тобой откупщикам я грозно отомщу.
Противу прать меня весь род их перестанет,
Как купно воевать со мной кулак твой станет.
Польются не ручьи здесь пива, но моря».
Вещает тако Вакх, отмщением горя.

Меж тем ямщик свою уж чашу наливает,
Единым духом всю досу́ха выпивает,
И выпив, ею в лоб ударил чумака:
Удар сей раздался в пространстве кабака;
Попадали с полиц ковши, бутылки, плошки,
Черепья чаши сей все брызнули в окошки,
Меж стойкой и окном разрушился предел,
Как дождь и град, смесясь, из тучи полетел,
Так плошечны тогда с стеклянными обломки
Летели возвестить его победы громки.
А бедненький чумак на стойку прикорнул;
Ошалоумленный, кричит там: «Караул!
Ай, братцы, грабят! бьют!» Сам вверх лежит спиною,
Сие досадою казалося герою;
Он руку в ярости за стойку запустил
И ею чумака за порты ухватил,
Которых если бы худой гайтан не лопнул,
Поднявши бы его, герой мой о пол тропнул;
Но счастием его иль действием чудес,
Сей тягости гайтан тогда не перенес,
И, перервавшися к геройской неугоде,
Оставил чумака за стойкой на свободе;
Которого уж он не мог оттоль поднять,
Он тако стал его отечески щунять:
«Коль мой кулак не мог вдохнуть в тебя боязни,
Грядущия вперед ты жди, мошенник, казни».

Когда сии слова герой сей говорил,
Капрал кабацку дверь внезапу отворил;
Над полицейским сей начальник был объездом,
Услыша в кабаке он шум тот мимоездом,
Хоть не был чумаку ни сват, ни брат, ни кум,
Вступился за него, спросил: «Какой здесь шум,
Не сделалось ли здесь меж кем какия драки?»
Тут все попятились задами вон, как раки,

Никто ответствовать на то ему не смел;
Но он, к несчастию, знать, острый взор имел,
Увидел ямщика, стояща очень смело,
«Я вижу, брат, — сказал, — твое, конечно, дело?
Конечно ты, соко́л, кабак развоевал?»
Тогда чумак уж рот смеляе разевал.
Встает и без порток приходит ко капралу;
«Отмсти, — кричит, — отмсти, честной капрал, нахалу,
Который здесь меня, безвинного, прибил».
Капрал сей был угрюм и шуток не любил.
«Кто бил тебя? скажи!» — нахмурясь, вопрошает.
Чумак ему на то с слезами отвечает:
«Сей пьяница мои все ребра отломал, —
При сем на ямщика он пальцем указал. —
Наделал и казне и мне притом убытку;
И коль запрется он, готов терпеть я пытку;
Пивною чашею он лоб мне расколол
И изорвал на мне все порты и камзол».

Тогда явился вдруг капрал сам-друг с драгуном
И ре́знул ямщика он плетью, как перуном;
Хотя на ней столбец не очень толстый был,
Однако из руки капральской ярко бил.
Ямщик остолбенел, но с ног не повалился,
За то служивый сей и более озлился,
Что он не видывал такого мужика,
Которого б его не сшибла с ног рука;
Велел немедленно связать сего героя,
Который принужден отдаться был без боя.
Не храбрости ямщик иль силы не имел,
Но, знать, с полицией он ссориться не смел.
И бывшим вервием рукам его скрепленным,
Ведется абие в тюрьму военнопленным.

Тогда у Вакха весь надежды луч погас,
И во отчаяньи, как в море, он погряз;
Выходит из сего пияного жилища
Подобно так, как зверь, быв поднят с логовища,
И более он тут, не медля ни часа,
Поехал с дядькою своим на небеса;
Летит попрытче он царицы Амазонской,
Что вихри быстротой предупреждает конской,

Летит на тиграх он крылатых так, как ветр,
Восходит пыль столбом из-под звериных бедр,
Хоть пыль не из-под бедр восходит, всем известно,
Но было оное не просто, но чудесно.

Он ехал в небеса и тигров погонял,
Власы кудрявые ветр тонкий возвевал,
Колени тучные наруже были видны
И у́злом связаны воскрилия хламидны,
Багрян сафьян до икр, черкесски чеботы́
Превосходили все убранства красоты,
Персидский был кушак, а шапочка соболья,
Из песни взят убор, котору у приволья
Бурлаки волгские, напившися, поют,
А песенку сию Камышенкой зовут,
Река, что устьецом в мать-Волгу протекает,
Искусство красоты отвсюду извлекает.

Уже приехал Вакх к местам тем наконец,
В которых пьянствует всегда его отец,
И быв взнесен туда зверей своих услугой,
Увидел своего родителя с супругой,
Юнона не в венце была, но в треухе,
А Зевс не на орле сидел, на петухе;
Сей, голову свою меж ног его уставя,
Кричал «какореку!», Юнону тем забавя.
Владетель горних мест, межоблачных зыбей,
Заснул, и подпустил Юноне голубей,
От коих мать богов свой нос отворотила
И речью таковой над мужем подшутила,
Возведши на него сперва умильный взгляд:
«Или и боги так, как смертные, шалят?
Знать, слишком, батька мой, нектарца ты искушал?»
Зевес ее речей с приятностию слушал;
И божеский ответ изрек ей на вопрос:
«Знать, не пришибен твой еще, Юнона, нос?»
При сих словах ее рукою он погладил.
Тут Мом, пристав к речам, и к шутке их подладил,
С насмешкою сказал: «О сильный наш Зевес!
Я вижу, что и ты такой же Геркулес,
Который у своей Омфалии с неделю,
Оставя важные дела, и прял куделю.

Но что я говорю? Таков весь ныне свет:
Уже у модных жен мужей как будто нет;
Я вижу всякий день глазами то моими,
Мужья все простаки, владеют жены ими».
Юноне речь сия казалася груба,
Сказала: «Слушай, Мом, мне шутка не люба;
Ты ею множество честны́х людей обидишь,
Как будто ты мужей разумных уж не видишь?
Послушай, бедный Мом, ты слова моего:
Мужья жена́м своим послушны для того...
То правда, иногда и жены пред мужьями...
Но что... Не сыплется сей бисер пред свиньями.
Начто мне с дураком терять мои слова?
Не может их понять пустая голова».
Тут Мом хотел было насмешкой защищаться,
И видно, что бы им без ссоры не расстаться
И быть бы согнанным им с неба обои́м,
Но воспрепятствовал приездом Вакх своим.

Имея очеса слезами окропленны,
Вещает так: «О ты, правитель всей вселенны!
Воззри ты на мои потоки горьких слез,
Воззри и сжалься ты на скорбь мою, Зевес!
Ты мощию своей всем светом управляешь,
И ты в напастях нас всегда не оставляешь.
Какою мерзостью тебя я прогневил,
Что ты откупщиков на хмель восстановил,
И отдал в руки ты вино таким тиранам?
Ты не был столько строг во гневе и троянам,
Колико лют теперь являешися мне,
Не согрешившему ни впьяне, ни во сне:
Я кровь твоя, тобой я жизнь мою имею,
Воспомни ты свою любезну Семелею;
И ежели она еще тебе мила,
Склонись и не входи ты в пьяные дела,
Начто тебе в дела сторонние мешаться?
Твой долг есть, отче мой, пить, есть и утешаться,
Но ты теперь пути к пиянству заградил.
По обещанию ль меня ты наградил?
Ты клялся некогда, что в будущие лета
Сопьются жители всего пространна света
И что продлится то до по́зднейших времен.

И как твой стал обет, мой отче, пременен?»
Тогда отец богов сыновни речи внемлет
И отягченные вином глаза подъемлет,
Такой с усмешкою на Вакха взор возвед,
Какой имел, как шел с Юноной на подклет,
Облобызал его и так ему вещает:
«Я вижу, что тебя печаль твоя смущает.
Но ты останься здесь и больше не тужи,
И просьбу такову до утра отложи,
А утро вечера всегда помудренее;
Ты ж видишь, что я сам тебя еще пьянее,
Ты видишь подлинно, что я сие не вру,
Я завтра всех богов в присутствие сберу.
О важных я делах один не рассуждаю
И пьяный никого ни в чем не осуждаю;
Коль надобен тебе, мой сын, правдивый суд,
Бессмертные твое все дело разберут.
Я слышал, некогда Церера здесь просила,
И вот прошения ее какая сила:
Что весь почти спился на свете смертных род,
И хлебу от того великий перевод:
Купцы, подьячие, художники, крестьяне
Спилися с кругу все и нас забыли впьяне;
А сверх того еще от сидки винной дым
Восходит даже к сим селениям моим
И выкурил собой глаза мои до крошки,
Которы были, сам ты помнишь, будто плошки;
А ныне, видишь ты, уж стали как сморчки;
И для того-то я ношу теперь очки.
Церера ж во своем прошеньи пишет ясно,
Что быть свободному вину не безопасно;
Коль так оставить, то сопьется целый свет,
А земледелие навеки пропадет».

Тогда Зевесу Вакх печально отвещает:
«Коль земледелию пиянство, — рек, — мешает,
Я более теперь о том не говорю.
Пусть боги разберут меж нас с Церерой прю;
Я это потерпеть до завтрее умею,
А ныне просьбу я пова́жнее имею:
Ямщик на кабаке теперь лишь в драке взят,
А он возлюбленный наперсник мой и брат;

Его уже теперь в полицию хмельнова
Ведут, или свели, где цепь ему готова.
Ты можешь, отче мой, сие предупредить
И друга моего от кошек свободить:
Я знаю, на него там все вознегодуют
И кошками ему всю репицу отдуют.
Полиция уже мне стала дорога,
И в ней-то точного имею я врага:
Она всех забияк и пьяниц ненавидит
И более меня, чем ты, еще обидит;
От ней-то к пьянству все пресечены пути.
Помилуй, отче мой, вступись и защити!»

Тогда Зевес к себе Ермия призывает,
Призвав, и тако он ему повелевает:
«Послушайся меня, возлюбленный мой сын!
Ты знаешь сам, что мной рожден не ты один:
Сераль побольше я султанского имею,
И ежели теперь похвастаться я смею,
От непрестанныя забавы в прежни дни
Побольше всех богов имею я родни, —
Итак, не должен ли о детях я печися?
Сему ты у меня, Ермиюшка, учися,
Не чудно, что я вам столь многим есмь отец,
Хитро, что мой поднесь не баливал хрестец».

Се так разоврался отец бессмертных оный
И на́врал бы еще он слов сих миллионы,
Когда бы тут его супруга не была;
Сия из-под бровей взор косо возвела
И тем перервала его пустые речи,
Каких бы он наклал Ермию полны плечи,
Отяготя сего разумного посла,
И сделал бы его похожим на осла.
Но вдруг что заврался, он сам то ощущает
И, пустословие оставя, так вещает:
«Послушен будь, Ермий, приказу моему,
Возможно всё сие проворству твоему.
Услуги мне твои давно уже известны;
Оставь ты сей же час селения небесны
И слову моему со тщанием внемли,
Ступай и на пути нимало не дремли,

Неси скорее всем бессмертным повеленье,
Скажи, что есть на то мое благоволенье:
Едва покажется заря на небеса
И станет озлащать и горы и леса,
Доколе Феб с одра Фетидина не вспрянет,
Да на Олимп ко мне бессмертных сонм предстанет,
А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть как шут между богами,
Не со́рвется вовек, кто б ни был как удал,
Но я еще не весь приказ тебе мой дал.
Коль будет всё сие исполнено тобою,
Потщися ты потом помочь тому герою,
О коем Вакх меня с покорностью просил,
Ступай и покажи своих ты опыт сил;
А сей герой ямщик, который за буянство
Сведен в полицию и посаже́н за пьянство,
И если ты его оттоль не свободишь,
Так сам ты у меня в остроге посидишь».
Тогда Ермий приказ Зевесов строгий внемлет;
Он, крылья привязав, посольский жезл приемлет,
Спускается на низ с превыспренних кругов,
Летит и ищет всех, как гончий пес, богов,
Находит их с трудом в странах вселенной разных,
И всех находит он богов тогда не праздных:
Плутон по мертвеце с жрецами пировал,
Вулкан на Устюжне пивной котел ковал,
И знать, что помышлял он к празднику о браге.
Жена его была у жен честных в ватаге,
Которые собой прельщают всех людей;
Купидо на часах стоял у лебедей;
Марс с нею был тогда, а Геркулес от скуки
Играл с робятами клюкою длинной в суки;
Цибела старая во многих там избах
Загадывала всем о счастье на бобах;
Минерва, может быть то было для игрушки,
Точила девушкам на кружево коклюшки;
Нептун, с предлинною своею бородой,
Трезубцем, иль, сказать яснее, острогой,
Хотя не свойственно угрюмому толь мужу,
Мутил от солнышка растаявшую лужу

И преужасные в ней волны воздымал
До тех пор, что свой весь трезубец изломал,
Чему все малые робята хохотали,
Снежками в старика без милости метали;
Сей бог ребяческих игрушек не стерпел,
Озлобился на них и гневом закипел,
Хотел из них тотчас повытаскать все души;
Но их отцы, вступясь, ему нагрели уши,
И взашей, и в бока толкали вод царя,
При всяком так ему ударе говоря:
«Не прогневись, что так ты принят неучтиво,
Ты встарь бывал в чести, а ныне ты не в диво;
Мы благодатию господней крещены
И больше пращуров своих просвещены,
Не станем бога чтить в таком, как ты, болване».
Так православные кричали все крестьяне.
Ермий, приметя то, скорее прочь пошел,
Немного погодя других богов нашел:
Гоняла кубари на льду бичом Беллона,
Не в самой праздности нашел и Аполлона,
Во упражнении и сей пречудном был:
Он у крестьян дрова тогда рубил,
И, высунув язык, как пес уставши, рея,
Удары повторял в подобие хорея,
А иногда и ямб и дактиль выходил;
Кругом его собор писачек разных был.
Сии, не знаю что, между собой ворчали,
Так, знать, они его удары примечали,
И, выслушавши все удары топора,
Пошли всвояси все, как будто мастера;
По возвращении ж своем они оттоле
Гордились, будто бы учились в Спасской школе:
Не зная, каковой в каких стихах размер,
Иной из них возмнил, что русский он Гомер,
Другой тогда себя с Вергилием равняет,
Когда еще почти он грамоте не знает;
А третий прославлял толико всем свой дар
И почитал себя не меньше как Пиндар.
Но то не мудрено, что так они болтали,
Лишь только мудрено, что их стихи читали,
Стихи, которые не стоят ничего
У знающих, кроме презренья одного;

Которые сердцам опаснее отравы.
Теперь я возглашу: «О времена! о нравы!
О воспитание! пороков всех отец,
Когда явится твой, когда у нас конец,
И скоро ли уже такие дни настанут,
Когда торжествовать невежды перестанут?
Нет, знать, скорей судьба мой краткий век промчит,
Чем просвещение те нравы излечит,
Которые вранья с добром не различают,
Иль воскресения уж мертвых быть не чают,
И не страшатся быть истязаны за то,
Что Ломоносова считают ни за что?
Постраждут, как бы в том себя ни извиняли,
Коль славного певца с плюгавцем соравняли.
Но мщенья, кажется, довольно им сего,
Что бредни в свете их не стоят ничего.
У славного певца тем славы не умалит,
Когда его какой невежда не похвалит;
Преобратится вся хула ему же в смех.
Но и твердить о сих срамцах, мне мнится, грех;
А славнейших певцов стихи пребудут громки,
Коль будут их читать разумные потомки».

Постой, о муза! ты уж сшиблася с пути,
И бредни таковы скорее прекрати,
В нравоученье ты некстати залетела;
Довольно про тебя еще осталось дела.
Скажи мне, что потом посланник учинил?
Боюсь я, чтобы он чего не проронил
И не подвержен был он гневу от Зевеса.
Болтлива ты весьма, а он прямой повеса.

Тут более Ермий промедлить не хотел,
Он, встрепенувшися, к Церере полетел;
Всю влагу воздуха крылами рассекает,
И наконец Ермий Цереру обретает.
Не в праздности сия богиня дни вела,
Но изряднехонько и домиком жила:
Она тогда, восстав со дневным вдруг светилом,
Трудилась на гумне с сосновым молотилом,
Под коим охали пшеничные снопы.
Посол узрел ее, направил к ней стопы

И дело своего посольства отправляет.
Отвеся ей поклон, то место оставляет
И прямо от нее к полиции летел,
Во врана превратясь, на кровлю тамо сел,
Не зная, как ему во оную забраться:
Десятских множество, и, если с ними драться,
Они его дубьем, конечно, победят
И, как озорника, туда же засадят.

Подобно как орел, когда от глада тает,
Над жареной вокруг говядиной летает,
Котора у мордвы на угольях лежит, —
Летая так, Ермий с задору весь дрожит
И мнит, коль ямщика он в добычь не получит,
Тогда его Зевес как дьявола размучит,
Он рек: «Готов я сам в полицию попасть,
Чем от Зевесовых мне рук терпеть напасть,
И прямо говорю, каков уж я ни стану,
Тебя я, душечка моя, ямщик, достану».
Пустые он слова недолго продолжал,
Подобно как ядро из пушки завизжал;
Спустился он на низ и трижды встрепенулся,
Уже по-прежнему в свой вид перевернулся,
Он крылья под носом, как черный ус, кладет,
Одежду превратил в капральский он колет,
А жезл в подобие его предлинной шпаги, —
И тако наш Ермий исполнен быв отваги,
Приходит с смелостью на полицейский двор,
Быв подлинно тогда посол, капрал и вор.

Итак, уже Ермий капралу стал подобен,
А обмануть всегда и всякого способен;
Не только чтоб цыган или коварный грек,
Не мог бы и француз провесть его вовек.
Такие он имел проворства и затеи,
Каких не вымыслят и сами иудеи.

Когда утухнула вечерняя заря,
Покрылись темнотой и суша и моря,
По улицам шуметь буяны перестали
И звезды частые по небу возблистали,
Тогда посланник сей темничну дверь отверз
И вшел не яко тать, но яко воин влез;
Тут петли у дверей хотя и заскрипели,
Но караульные, разиня рты, храпели;
Ермий однако же, чтоб их не разбудить,
В темницу лествицей тихонько стал сходить,
Иль красться, ежели то вымолвить по-русски;
К несчастью, лествичны ступени были узки,
И тако сей тогда проворный самый бог
Споткнулся, полетел, упал и сделал жох,
А попросту сказать — на заднице скатился,
Чем сырной всей конец неделе учинился.
И если б не Ермий, но был бы сам капрал,
Конечно бы свою он спину изодрал
И сделал позвонкам немало бы ущерба;
Не обойтися бы служивому без герба,
А попросту сказать — не быть бы без тавра
И не дочесться бы девятого ребра;
Но он, как божество, не чувствовал сей боли,
Скатился без вреда в темничные юдоли,
Где скука, распростря свою ужасну власть,
Предвозвещала всем колодникам напасть;
Там зрелися везде томления и слезы,
И были там на всех колодки и железы;
Там нужных не было для жителей потреб,
Вода их питие, а пища только хлеб,
Не чермновидные стояли тамо ложи,
Висели по стенам циновки и рогожи,
Раздранны рубища — всегдашний их наряд

И обоняние — единый только смрад;
Среди ужасного и скучного толь дома
Не видно никого в них было эконома;
Покойно там не спят и сладко не едят;
Все жители оттоль как будто вон глядят,
Лишенны вольности, напрасно стон теряют,
И своды страшные их стон лишь повторяют;
Их слезы, их слова не внятны никому;
Сей вид ужасен стал Ермию самому.
И се увидел он собор пияниц разных,
Но всех увидел он друг другу сообразных,
Однако ж ямщика багровые черты
Не скрылись и среди ночныя темноты;
Встревоженная кровь от хмеля в нем бродила
И, будто клюква, вся наружу выходила.

По знакам сим Ермий Елесю познает,
Тихохонько к нему на цыпочках идет,
Уже приближился к без памяти лежащу,
И видит подле бок его молодку спящу,
Котора такожде любила сильно хмель,
И, ведая, что ей не пить уж семь недель,
Она тот день в себе червочка заморила
И тем великий пост заране предварила:
Сия тогда была без всяких оборон,
И был расстегнут весь на ней ее роброн,
Иль, внятнее сказать, худая телогрея.

Тогда Ермий, его пославша волю дея,
Старается оттоль исторгнуть ямщика:
Толкает спящего и взашей и в бока,
Но пьяного поднять не могут и побои.
Елеська тако спит, как спали встарь герои,
Что инако нельзя их было разбудить,
Как разве по бокам дубиной походить.

О вы, преславные творцы «Венециана»,
«Петра златых ключей», «Бовы» и «Ярослана»!
У вас-то витязи всегда сыпали так,
Что их прервати сна не мог ничей кулак:
Они-то палицу, соделанну из стали,
Пуд с лишком в пятьдесят, за облако метали.

Теперь поверю я, что вы не врали ввек,
Когда сыскался здесь такой же человек,
Которого Ермий восстати как ни нудит,
Толкает, щиплет, бьет, однако не разбудит.

Когда Ермий не мог Елесю разбудить,
Тогда он вздумал их с молодкой прерядить;
Со обои́х тотча́с он платье скидавает,
Молодку в ямщиков кафтан передевает,
А ямщика одел в молодушкин наряд, —
Сим вымыслом Ермий доволен был и рад,
Что он не разбудил, бия, Елеську прежде:
Елеська на себя не схож уж в сей одежде,
И стали скрыты все татьбы его следы;
Ямщик был без уса, ямщик без бороды,
И словом, счесть сего нельзя за небылицу,
Чтоб не был Елисей не схож на молодицу.
Тогда-то всё Ермий искусство показал:
Елесе голову платочком повязал
И посадил к себе храпящего на лоно,
Уж стала не нужна и дверь во время оно.
Ермий уж как божок то делал, что хотел.
В минуту порх в окно, взвился и полетел:
Не держат кандалы Ермия, ни запоры;
И можно ль удержать, где есть такие воры,
Пред коими ничто и стража и замки,
Ведь боги эллински не наши мужики!

Где речка Черная с Фонтанкою свилися
И устьем в устие Невы-реки влилися,
При устии сих рек, на самом месте том,
Где рос Калинов лес, стоял огромный дом;
По лесу оному и дом именовался,
А именно сей дом Калинкин назывался;
В него-то были все распутные жены
За сластолюбие свое посажены́;
Там комнаты в себя искусство их вмещали:
Еди́ные из них лен в нитки превращали,
Другие кружева из ниток тех плели,
Иные кошельки с перчатками вязли,
Трудились тако все, дела к рукам приближа,
И словом, был экстракт тут целого Парижа:

Там каждая была как ангел во плоти,
Затем что дом сей был всегда назаперти.

Еще завесу ночь по небу простирала
И Фебу в мир заря ворот не отворяла,
И он у своея любезной на руке
Еще покоился на мягком тюфяке,
Когда Ермий с своим подкидышем принесся,
Подкидыш был сей лет осьмнадцати Елеся,
А может быть, уж он и больше в свете жил;
Принес и бережно его он положил
В обители девиц, по нужде благочинных,
А может быть, не так, как думают, и винных:
Снаружи совести трудненько постигать;
Вольно ведь, например, подьячих облыгать,
Что будто все они на деньги очень падки,
А это подлинно на них одни нападки,
Не все-то дéньгами подьячие дерут,
Иные овсецом и сахарцом берут,
Иные платьицем, винцом и овощами,
И мягкой рухлядью, и разными вещами.
Но шашни мы сии забвенью предадим
И повесть к своему герою обратим.

Красавицы того не ведают и сами,
Что между их ямщик, как волк между овцами,
Лишь только овчею он кожей покровен;
Голубки, не овца лежит меж вас, овен!

Тогда уже заря румяная всходила,
Когда начальница красавиц разбудила,
Гласят, чтоб каждая оставила кровать,
И стала ремесло им в руки раздавать;
Теперь красавицам пришло не до игрушки:
Из рук там в руки шли клубки, мотки, коклюшки;
Приемлет каждая свое тут ремесло,
Работу вдруг на них как бурей нанесло.
От шума оного Елеся пробудился,
Но как он между сих красавиц очутился,
Хоть ты его пытай, не ведает он сам,
Не сон ли, думает, является глазам?

И с мыслью вдруг свои глаза он протирает,
Как бешеный во все углы их простирает;
Везде он чудеса, везде он ужас зрит
И тако сам себе с похмелья говорит:
«Какой меня, какой занес сюда лукавый,
Или я напоен не водкой был, отравой,
Что снятся мне теперь такие страшны сны?
Конечно, действие сие от сатаны».
Так спьяна Елисей о деле рассуждает
И, винен бывши сам, на дьявола пеняет.

Но наконец уже и сам увидел он,
Что видит наяву ужасный этот сон;
Теперь, он думает, теперь я понимаю,
Что я в обители, но в коей, я не знаю;
Он красных девушек монахинями чтет,
Начальницу в уме игуменьей зовет;
Но с нею он вступить не смеет в разговоры,
Лишь только на нее возводит томны взоры,
Из коих он свой страх начальнице являл
И думать о себе иное заставлял;
Уже проникнула сия святая мати,
Что на девице сей не девушкины стати,
И также взорами дала ему ответ,
Что страха для него ни малого тут нет.
О чудо! где он мнил, что прямо погибает,
Тут счастье перед ним колена подгибает
И прямо на хребет к себе его тащит.
Начальница ему надежный стала щит,
Она ему стена, теперь скажу я смело,
Понеже купидон вмешался в это дело:
Он сердце у нее внезапно прострелил
И пламень внутрь ее неистовый вселил.
Она уж хочет знать о всей его судьбине,
И хочет обо всем уведать наеди́не:
Рукою за руку она его взяла
И в особливую комна́тку повела,

Потом, когда она от всех с ним отлучилась,
Рекла: «Я в свете сем довольно научилась
Прямые вещи все от ложных отличать,

Итак, не должен ты пред мною умолчать,
Скажи мне истину, кто есть ты и отколе?»
Елеся тут уже не стал таиться боле.

«О мать! — он возопил. — Хоть я без бороды,
Внемли, я житель есмь Ямския слободы;
Пять лет, как я сию уж должность отправляю,
Пять лет, как я кнутом лошадок погоняю;
Езжал на резвых я, езжал на усталы́х,
Езжал на смирных я, езжал на удалых;
И словом, для меня саврасая, гнедая,
Булана, рыжая, игреня, вороная, —
На всех сих для меня равнехонька езда,
Лишь был бы только кнут, была бы лишь узда!

Я в Питере живу без собственна подворья,
А в Питер перешел я жить из Зимогорья,
Откуда выгнан я на станцию стоять,
Затем что за себя не мог я там нанять
Другого ямщика... Но ты услышишь вскоре
О преужаснейшей и кроволитной ссоре,
Которая была с валдайцами у нас.
Прости ты сим слезам, лиющимся из глаз;
Я ими то тебе довольно возвещаю,
Какую и теперь я жалость ощущаю,
Когда несчастие мое воспомяну:
Я мать тут потерял, и брата, и жену.

Уже мы под ячмень всю пашню запахали,
По сих трудах весь скот и мы все отдыхали,
Уж хлеб на полвершка посеянный возрос,
Настало время нам идти на сенокос,
А наши пажити, как всем сие известно,
Сошлись с валдайскими задами очень тесно;
Их некому развесть, опричь межевщика:
Снимала с них траву сильнейшая рука;
Итак, они у нас всегда бывали в споре, —
Вот вся вина была к ужасной нашей ссоре!

Уже настал тот день, пошли мы на луга
И взяли молока, яиц и тво́рога,

Обременилися со квасом бураками,
Блинами, ситными, вином, крупениками;
С снарядом таковым лишь мы явились в луг,
Узрели пред собой напасть свою мы вдруг:
Стоят с оружием там гордые валдайцы.
Мы дрогнули и все побегли, яко зайцы,
Бежим и ищем им подобного ружья —
Жердей, тычин, шестов, осколков и дубья;
Друг друга тут мы взять шесты предускоряем,
Друг друга тут мы все ко брани предваряем.

Начальник нашея Ямския слободы,
Предвидя из сего ужасные беды,
Садится на коня и нас всех собирает;
Лишь со́брал, взял перо, бумагу им марает:
Хоть не был он француз и не был также грек,
Он русский был, но был приказный человек,
И был коришневым одеян он мундиром.
Не дай бог быть писцу военным командиром!
Он, вынувши перо, и пишет имена,
Тогда как нашу боль уж чувствует спина
От нападения к нам каменного града.
И можно ль, чтоб была при писаре Паллада?
Он пишет имена, а нас валдайцы бьют,
Старухи по избам на небо вопиют,
Робята малые, все девки, бабы, куры
Забились под печи и спрятались в конуры.
Мы видим, что не быть письму его конца,
Не стали слушаться мы более писца.

Как вихри ото всех сторон мы закрутились
И, сжавшись кучею, ко брани устремились!
Плетни ни от воды, не могут нас сдержать,
Валдайцам лишь одно спасение — бежать.
Однако против нас стоят они упорно
И действуют своим дреколием проворно.
Не можем разорвать мы их порядка связь:
Летят со обоих сторон каменья, грязь,
Неистовых людей военные снаряды;
Мараем и разим друг друга без пощады.
Но наши так стоят, как твердая стена;

Прости, что я теперь напомню имена,
Которые сюда вносить хотя б некстати,
Однак без них нельзя б победы одержати;
Хотя бы наш писец еще мудрее был,
Но он бы лбом своим стены той не разбил,
Которую едва мы кольем раздробили.

Уж мы каменьями друг друга больно били,
Как первый Степка наш, ужасный озорник;
Хотя невзрачен он, но сильный был мужик.
Сей с яростию в бой ближайший устремился
И в кучу толстую к валдайцам проломился;
Биет ура́зиной, восстал меж ими крик,
А Степка действует над ними, как мясник.
Потом тотчас его племянник, взяв дубину,
Помчался, оробел и дал им видеть спину,
Где резвый на него валдаец наскочил
И верх над нашим сей героем получил.
В средине самыя кровопролитной сечи
Вскочил ко нашему герою тот на плечи,
И превознесся тем над всею он ордой,
Он начал битвою, а кончил шахордой.
Но шутка такова окончилась бедою,
Валдаец не успел поздравить нас с ездою:
Племянник Степкин, взяв валдайца за кушак,
И тропнул о землю сего героя так,
Что нос его разбил и сделал как плющатку;
С тех пор он на нос свой кладет всегда заплатку.
И се увидели мы все тогда вдали:
Несется человек, замаран весь в пыли;
То был прегордый сам валдайцев предводитель;
Сей скот был нашему подобный управитель;
Свирепствуя на нас, во внутреннем огне,
Он скачет к нашему герою на коне.
Все мнили, что они ужасною борьбою
Окончат общий бой одни между собою;
Все смотрим, все стоим, и всех нас обнял страх,
Уже съезжаются герои на конях.
Но вдруг тут мысли в них совсем переменились:
Они не билися, но только побранились;
Оставя кончить бой единым только нам,
Их кони развезли обоих по домам.

Меж тем уж солнышко, коль хочешь это ведать,
Сияло так, что нам пора бы и обедать;
И если бы не бой проклятый захватил,
Я, может быть, куска б уж два-три проглотил,
Но в обстоятельстве, в каком была жизнь наша,
Не шли на ум мне щи, ниже́ крутая каша.

Когда начальников лошадки развезли,
Тогда прямую мы войну произвели;
Не стало между всех порядка никакого,
И с тем не стало вдруг большого, ни меньшого,
Смесилися мы все и стали все равны;
Трещат на многих там и по́рты и штаны,
Восходит пыль столпом, как облако виется,
Визг, топот, шум и крик повсюду раздается;
Я множество побой различных тамо зрел:
Иной противника дубиною огрел,
Другой поверг врага, запяв через колено,
И держит над спиной взнесенное полено,
Но вдруг повержен быв дубиной, сам лежит
И победителя по-матерны пушит;
Иные за виски друг друга лишь ухватят,
Уже друг друга жмут, ерошат и клокатят.
Хотя б и бритый к нам татарин подскочил,
И тот бы, думаю, ерошки получил.
А вы, о бороды! раскольничье убранство!
Вы чувствовали тут всех большее тиранство:
Лишь только под живот кто даст кому тычка,
Ан вдруг бородушки не станет ни клочка,
И в ней распишется рука другого вскоре.
Итак, с валдайцами мы долго были в споре,
Не преставаючи друг друга поражать,
Кому приличнее победу одержать?
Но наконец мы их проворству уступили
И тыл соперникам неволей обратили:
Побегли мы чрез дол, — о дол, плачевный дол!
У каждой женщины в зубах мы зрим подол,
Бегут, и все творят движение различно.
Но мне тебе сего вещати неприлично,
Скажу лишь то, что мы их зрели много тел.
Вдруг брат мой в помощь к нам, как ястреб, налетел,

Смутил побоище как брагу он в ушате.
Но не поставь мне в ложь, что я скажу о брате:
Имея толстую уразину в руках,
Наносит нашим всем врагам он ею страх:
Где с нею он пройдет, там улица явится,
А где пове́рнется, там площадь становится.
Уже он близ часа́ валдайцев поражал,
И словом, от него там каждый прочь бежал,
Как вдруг против его соперник появился,
Вдруг подвиг братнин тут совсем остановился;
Валдаец сей к нему на шею вдруг повис
И ухо правое у брата прочь отгрыз.
И тако братец мой, возлюбленный Илюха,
Пришел на брань с ушьми, а прочь пошел без уха;
Тащится, как свинья, совсем окровавлен,
Изъеден, оборва́н, а пуще острамлен:
Какая же, суди, мне сделалась утрата,
Лишился уха он, а я лишился брата!
С тех пор за брата я его не признаю.
Не мни, что я сказал напрасно речь сию:
Когда он был еще с обоими ушами,
Тогда он трогался несчастливых словами,
А ныне эта дверь совсем затворена,
И слышит только он одно, кто молвит «на!»,
А «дай» — сего словца он ныне уж не внемлет,
И левым ухом просьб ничьих он не приемлет:
В пустом колодезе не скоро на́йдешь клад,
А мне без этого не надобен и брат.

По потерянии подвижника такого
Не стало средства нам к победе никакого:
Валдайцы истинный над нами взяли верх;
Разят нас, бьют, теснят и гонят с поля всех;
Пришло было уж нам совсем в тот день пропасти,
Но Степка нас тогда избавил от напасти:
Как молния, он вдруг к нам сзади забежал
И нас, уже совсем бегущих, удержал,
«Постойте, — вопиет, — робятушка, постойте,
Сберитесь в кучу все и нову рать устройте».
Всё пременилося, о радостнейший час!
Сбираются толпы людей на Степкин глас.
Сбираются, бегут, противных низвергают

И бывшу в их руках победу исторгают;
Сперлися, сшиблися, исправя свой расстрой,
Жарчае прежнего опять был начат бой:
Уже противников к селу их прогоняем,
Дреколия у них и палки отнимаем,
И был бы брани всей, конечно, тут конец,
Когда б не выехал на помочь к ним чернец;
Сей новый Валаам скотину погоняет,
За лень ее своей дубиною пеняет;
Но как он тут свою лошадушку ни бьет,
Лошадушка его не суется вперед;
Он взъехал кое-как на холм и нас стращает,
И изо уст святых к нам клятву испущает,
Но нас не токмо та, — не держит и дубье:
Летим мы на врагов и делаем свое.
Сей благочинный муж, увидя в нас упорство,
Сошел с коня и ног своих явил проворство,
Поспешнее того, как к нам он выезжал,
Явил нам задняя и к дому побежал.

Уже явилася завеса темной ночи.
И драться более ни в ком не стало мочи.
Пошли мы с поля все, валдайцев победив,
А я пришел домой хоть голоден, да жив».

«Уже утихло всё, и ночь свою завесу
Простерла по всему ближайшему к нам лесу,
Покрыла землю всю и с нею купно нас:
Настал спокойствия желанный всеми час;
Покоилися мы, покоились валдайцы,
А на побоище бродили только зайцы,
И там же на рожках играли пастухи;
А дома нé спали лишь я да петухи,
Которы песнь свою пред курами кричали,
А куры им на то по-курьи отвечали.

Лишь в дом я только вшел, нашел жену без кос,
А матушку прошиб от ужаса понос:
Она без памяти в избушке пребывала
И с печи в дымовник, как галочка, зевала,
Перебирая всех по памяти святых:
Всех пятниц, семика, сочельников честны́х,
Чтобы обоих нас в сраженьи сохранили
И целых к ней домой с Илюхой возвратили;
Однако ж по ее не сталося сие:
Отгрызли ухо прочь у дитятка ее,
А с нею и сего рок пущий совершился:
Лишь только вшел я в дом, безмерно устрашился,
Увидя мать мою лежащую в кути;
Она, увидевши меня, ворчит: «Прости,
Прости, мое дитя, я с светом расстаюся», —
Она сие ворчит, а я слезами льюся.
Приходит мой и брат с войны окровавлен,
Смерть матерня и вой обеих наших жен
Ко жалости сердца и наши преклонили;
Крепились мы, но ах! и мы, как бабы, взвыли;
Уж тело старое оставила душа,
А тело без души не стоит ни гроша,
Хотя б она была еще и не старуха;
Я плачу, плачет брат, но тот уже без уха.
И трудно было всем узнать его печаль,
Старухи ли ему, иль уха больше жаль;
Потеря наша нам казалась невозвратна,
Притом и мертвая старуха неприятна.

Назавтре отдали мы ей последню честь:
Велели из дому ее скорее несть,
Закутавши сперва холстом в сосновом гробе,
Предати с пением ее земной утробе.
Сим кончилась моя последняя беда.
Потом я выслан был на станцию сюда,
О чем уже тебе я сказывал и прежде.
Но как я зрю себя здесь в девичьей одежде,
Того не знаю сам, и кем я занесен
В обитель оную, в число прекрасных жен,
Не знаю, по Христе. . .» Тут речь перерывает
Начальница и так ему повелевает:
«Когда ты хочешь быть здесь весел и счастлив,
Так ты не должен быть, детинушка, болтлив;
Молчание всего на свете сем дороже:
Со мною у тебя едино будет ложе,
А попросту сказать, единая кровать,
На коей ты со мной здесь будешь ночевать;
Но чтоб сие меж нас хранилось без промашки,
Возьми иголочку, садись и шей рубашки».
В ответ он ей: «О мать! я прямо говорю,
Что шить не мастер я, а только я порю,
Так если у тебя довольно сей работы,
Отдай лишь только мне и буди без заботы:
Я это дело всё не мешкав сотворю;
Хоть дюжину рубах я мигом распорю!»
Она увидела, что есть провор в детине,
Немножко побыла еще с ним наедине,
Потом оставила в комнáточке его,
Пошла и заперла Елесю одного,
Не давши ни одной узнать о том девице.
И так уже он стал в приятнейшей темнице.

Меж тем уже Зевес от хмеля проспался,
И только чаю он с Юноной напился,
Как вестник, вшед к нему в божественны чертоги,
Сказал, что все уже сидят в собраньи боги;
А он, дабы дела вершить не волоча,
Корону на лоб бух, порфиру на плеча,
И, взявши за руку великую Юнону,
Кладет и на нее такую же корону.
Уже вошел в чертог, где боги собрались,

Они, узря его, все с мест приподнялись
И тем почтение Зевесу оказали;
Все сели, говорить Церере приказали.
Сия с почтением к Зевесу подошла
И тако перед ним прошенье начала:

«О сильно божество! Зевес, всех благ рачитель,
Наставник мой, отец и мудрый мой учитель!
Ты ведаешь, что я для ну́жнейших потреб
Живущих на земли учила сеять хлеб.
Сие мне удалось, я видела успехи,
Когда пахали хлеб без всякия помехи;
А ныне Вакх над мной победу получил,
Когда сидеть вино из хлеба научил:
Все смертные теперь ударились в пиянство,
И вышло из того единое буянство;
Земля уже почти вся терном поросла,
Крестьяне в города бегут от ремесла,
И в таковой они расстройке превеликой,
Как бабы, все почти торгуют земляникой,
А всякий бы из них пахати землю мог, —
Суди теперь о сем ты сам, великий бог!»
Все боги меж собой тут начали ворчати,
Но Зевс им повелел всем тотчас замолчати,
А Вакху повелел немедля отвечать,
Когда он может чем Цереру уличать.

Сей начал говорить себе во оправданье:
«Такое ль ныне мне, о боги! воздаянье,
Что я с Церерою стою на сей среде?
И мне ли, молодцу, быть с бабою в суде!
Или вменяете и то вы мне в безделье,
Что свету я открыл душевное веселье?
Когда в нем человек несчастливо живет,
Он счастлив, ежели вино он только пьет;
Когда печальный муж чарчонку выпивает,
С чарчонкой всю свою печаль он забывает;
И воин, водочку имеючи с собой,
Хлебнувши чарочку, смеляе и́дет в бой;
Невольник, на себе нося свои железы,
Напившися вина, льет радостные слезы.
Но что я говорю о малостях таких!

Спросите вы о том духовных и мирских,
Спросите у дьяков, спросите у подьячих,
Спросите у слепых, спросите вы у зрячих;
Я думаю, что вам ответствуют одно,
Что лучший в свете дар для смертных есть вино:
Вино сердца бодрит, желудки укрепляет,
И словом, всех оно людей увеселяет.
Не веселы бы им все были пиршества́,
Забав бы лишены все стали торжества,
Когда бы смертные сего не знали дара;
Не пьют его одни лишь турки и татара,
Спроси же и у них, не скучно ли и им?»
Он кончил речь свою последним словом сим,
Умолкнул и потом не хочет видеть света.
На то Зевес им рек: «Послушайте ответа,
Какой я на сие теперь вам изреку».
И медоточную пустил из уст реку,
Которой не было витийствию примера:
«Послушайте меня ты, Вакх, и ты, Церера,
Тебе противен хмель, ему откупщики;
Но судите вы так, как частные божки,
А я сужу о всем и здраво и правдиво.
Я думаю, что вам и это будет в диво:
Почто к женам своим ревнует басурман,
А жид, француз и грек способны на обман?
Почто ишпанец горд, почто убоги шведы
И для чего у них россияне соседы?
Почто голанец груб, британец верен, тверд,
Германец искренен, индеец милосерд,
Арапы дикие сердца имеют зверски,
Италиянцы все и хитры и продерзки;
Почто поляк своим словам не господин
И правды ввек цыган не молвит ни один?
Почто во всех вселил я нравы столько разны?
Поверьте, что мои в сем вымыслы не праздны:
Я Трою низложил, дабы воздвигнуть Рим,
И вам ли знать конец намереньям моим!
Я сделаю, что вы с ней будете согласны
И будете от днесь вы оба безопасны:
Премудрость возведу я некогда на трон,
Она соделает полезнейший закон,
Которым пресечет во откупах коварство,

И будет тем ее довольно государство;
Не будет откупщик там ратаю мешать,
А ратай будет им себя обогащать,
И будут счастливы своею все судьбою,
Не ссорьтесь же и вы теперь между собою».
Сим словом их Зевес обоих усмирил
И сына своего с Церерой помирил.

Когда Зевес изрек богам что надлежало,
А солнце между тем в свой дом уже въезжало,
И там ему жена готовила кровать,
На коей по трудах ему опочивать,
И также жен честных начальница и мати
Готовилась идти с Елесей ночевати,
Но чтобы малому товар продать лицом,
Натерлася она настоенным винцом,
Искусною рукой чрез разные затеи
Поставила чепец поверх своей тупеи;
А чтобы большия придать себе красы,
Пустила по плечам кудрявые власы,
Которы цвет в себе имели померанцов;
Потратила белил и столько же румянцов;
Дабы любовника к забавам возбудить,
Потщилася себя получше снарядить,
И думала пробыть всю ночь она в покое,
Но вот случилось с ней несчастие какое:

Внезапно тутошней всей стражи командир
Вздевает на себя и шпагу и мундир;
Он хочет обойтить по комнатам дозором
И хочет девушек своим увидеть взором.
А в этом деле он не верил никому,
Не только чтоб другим, сержанту самому.

Он был лет сорока, или уже и боле,
Служил он двадцать лет, а всё служил он в поле;
Морщливое чело, нахмуренная бровь
Являли в нем уже застылую любовь;
Хотя он некогда в сей школе и учился,
Но так уже он весь в строях изволочился,
Что всю любовную науку позабыл,
И словом, больше он солдат, чем щеголь, был;

Но стоючи у сих красавиц насторо́же,
Почувствовал в себе, почувствовал... и что же?
В какую старичок повергнулся напасть!
Сей муж почувствовал в себе любовну страсть,
И то бы ничего, что он воспламенился,
Но кем? О ужас! он начальницей пленился.
Внезапно на него блажной навеял час,
Хоть совесть не один ему твердила раз:
«Мужчина в двадцать лет красавицам любезен,
И в тридцать может быть для них еще полезен;
А ежели кому пробило сорок лет,
Тот, незван, никуда не езди на обед;
Домашним буди сыт: пей, ешь, живи, красуйся,
А к женщинам отнюдь с амурами не суйся.
Твоя уже черед любиться протекла!»
Так совесть собственна ему тогда рекла,
Но он толь правильным речам ее не внемлет,
К начальнице в покой вломиться предприемлет;
Вещает сам себе: «Во что б ни стало мне,
А я пробуду с ней всю ночь наедине,
Неу́жели она в сем даре мне откажет,
Что на кровать свою уснуть со мной не ляжет?
Ведь я еще себя чрез то не погублю,
Когда скажу я ей, что я ее люблю;
И ежели она со мной не хочет вздорить,
Так будет ли о сей безделице и спорить?»
Се тако командир с собою рассуждал,
И тако он себе удачи ожидал;
В нечистом помысле приходит к той комна́тке,
В которой бабушка со внучком на кроватке.
Она за полчаса пред ним туда пришла
И Елисея в ней храпящего нашла;
Дрожащею рукой его она толкает
И тихим голосом Елесю раскликает,
Касаяся ему, по имени зовет:
«Проснися, Елисей, проснися ты, мой свет!»
Елеся, пробудясь, узрел святую мати,
Подвинулся и дал ей место на кровати.

Но только он наверх блаженства возлетел,
Как грозный командир во дверь идти хотел;
Толкает тростию и настежь отворяет,

Елеська наверху блаженства обмирает
И с оного тотчас как бешеный скочил.
Об этом командир худое заключил
И стал допрашивать Елеську очень строго:
«Отколе ты пришла, одета столь убого?
И для чего тебя в моем реестре нет?
Скажи, голубушка, откуда ты, мой свет?»
Тогда не знал он, что на это отвечати,
Хоть не было на рту замка и ни печати;
Однако ж Елисей, потупяся, молчит,
А командирина шурмует и кричит.
Начальница себя от бедства избавляет,
С учтивостью сему герою представляет,
Чтоб он не гневался напрасно на нее,
Что видит пред собой племянницу ее,
Которая пришла сей день к ней только в гости,
Но, опасаяся людей лукавых злости,
Не смела поздно так домой она отбыть,
Затем чтоб жертвою насильствия не быть,
И что зачем он сам столь поздно к ней приходит?
Такими петлями свой след она отводит.
Но командир ее не внемлет льстивых слов,
За это он хотя в удавку лезть готов,
Что речь ее пред ним единые обманы;
Обыскивает все у девушки карманы,
Не приличится ли виновною она:
В карманах не было у девки ни рожна,
И не было того, что б можно счесть за кражу;
Однако ж он велел отвесть ее под стражу.

Возможно ли сие постигнути уму?
Елеська через день попал опять в тюрьму,
И в этой бы ему не быть уже без казни,
Когда бы Вакх к нему не чувствовал приязни.
К Зевесу он; Зевес Ермия нарядил,
Чтоб паки он его от уз освободил.

Сей тотчас прилетел к нему, несом как ветром,
Но был уже Ермий одеян петиметром:
Высокая тупе, подправлены виски;
Уже он снял с себя капральские уски,
И также не был он одеян и колетом;

Ермий со тросточкой, Ермий мой со лорнетом,
В который, чваняся, на девушек глядел.

Тогда на ямщика он шапочку надел;
А дар в себе такой имела шапка эта:
На чью бы голову была она ни вздета
И кто покроется покровом лишь таким,
Исчезнет абие и будет невидим.

И тако, быв покрыт покровом сим, Елеся
Вторично в комнату к начальнице принесся
И с нею целу ночь в забавах проводил.
Меж тем уж утра час девятый приходил,
Когда разгневанный любовник пробудился
И арестованной колодницы хватился;
Тогда в глазах его блистали гнев и месть,
Велит немедленно к себе ее привесть;
Но караульные ее не обретают
И девку мнимую ушедшею считают.
Сержант ко своему начальнику бежит
И весть ужасную сказать ему дрожит,
Однако ж наконец побег ее доносит,
А строгий командир кафтан и шпагу просит.
Лишь только выбежал, одевшися, во двор,
Вскричал тотчас: «К ружью!», велел ударить в сбор.
«Кто девку упустил, на чьих часах то было?» —
Кричит и всякого толкает в ус да в рыло.
Однако ж, сколько он кого ни истязал,
Служивый ни один того не показал,
Кто выпустил ее и где она девалась.
Хоть с домом девушка отнюдь не расставалась,
Но думают, что сам ее лукавый бес,
Укравши на себе, из дома вон унес.
Итак, весь оный шум окончен сей войною:
Сержант отдулся тут за всех своей спиною,
Хотя и не был он нимало виноват,
Лишь грешен разве тем одним, что он сержант.

Елеся между тем в забавах пребывает
И шапки с головы отнюдь не скидавает,
Не видимый никем под чудным сим шатром,
Выходит иногда он вон и из хором;

Гуляет, пьет и ест, в том доме и ночует,
А командир его не видит и не чует.

Но наконец уж он наскучил сим житьем,
Хотя доволен был он пищею и всем;
Но Вакх вселил в него уйтить оттоль охоту
И делать на него взложенну работу,
Дабы откупщиков немного пощунять;
А Елисей сие был мастер исполнять.

Во время сна сея несчастныя старушки
Оставил Елисей постелю и подушки,
Оставил он свои и пóрты и камзол,
Оставил и ее во сне, а сам ушел.

Лишь только поутру начальница проснулась,
Зевнула и на ту сторонку обернулась,
На коей Елисей возлюбленный лежал,
Ан след уже простыл, любовник убежал.
Подушку хвать рукой, нашла подушку хладну;
Подобно так Тезей оставил Ариадну
И так же изменил любовнице Эней,
Как сделал со своей старушкой Елисей.

Собрав остаток сил, собрав всю крепость духа,
Сначала думала несчастная старуха,
Что с нею Елисей нарочно пошутил
И что из комнаты он вон не выходил;
Встает и по углам как бешеная рыщет,
По стульям, по столам его руками ищет;
Но как ни сýется, Елеси не найдет,
Упала на кровать, вскричала: «Ах мой свет!
Куда, Елесенька, куда ты отлучился?
И где обманывать людей ты научился,
Что ты и самое меня тем превзошел,
Куда, Елесенька, куда, мой свет, ушел?
Где скрылся от меня и где ты пребываешь?
Или ты у какой негодной обитаешь,
Которая, собой пленив твой нежный взор...»
Старухе между тем хотелося на двор;
Она трепещущей рукою таз достала
И только исполнять свою лишь нужду стала,

Узрела на полу и пóрты и камзол.
«Теперь я чувствую, — вскричала, — сколь ты зол!
Ты пуще мне тоски и бедствия прибавил,
Начто ты пóрты здесь, начто камзол оставил,
Или на то, чтоб я была обличена?
Не сам ли в том тебя наставил сатана!
Ну, если командир зайдет сюда дозором,
Не скроешь этыя ты рухляди пред взором,
Который ежели захочет примечать!
И что пред ним тогда я буду отвечать?
Не ясная ли мне последует улика?
Хоть как ни рассуждай, напасть моя велика!»
Когда она сие в печали вопиет,
Ан глядь, уж командир к ней в комнату идет;
Она тут затряслась и вдруг оторопела,
Портков схватить с собой с камзолом не успела,
Вскочила на кровать, а тот уже вошел,
Мерещатся ему и пóрты и камзол;
Приближился потом как бешеный к постеле,
Увидел на полу камзол он в самом деле,
И также видит он лежащие портки.
«О небо! — закричал, — здесь в доме мужики!»
Приспичивает он ее в сем деле тесно,
Кричит: «Живут ли так, моя голубка, честно?
Какой я у тебя увидел здесь мундир,
На то ль над вами здесь поставлен командир,
Чтоб только вы его словами лишь ласкали?
А ночью спать с собой сторонних допускали?
Позору я себе такого не хочу,
Я первую тебя батóжьем укрочу».
Она туда-сюда хвостишком помотала,
Подъехала к нему и тотчас уласкала;
Уже мой командир пред бабою погас,
Утихнул и закис, как будто ячный квас;
Хотя ей постегать он спину и ярился,
Однако ж наконец с старушкой помирился;
Тут не было меж их Гимена и любви,
И также пламени в застылой их крови,
Но им и не было большия нужды в этом,
Затем что не зимой сие уж было, летом,
Они между собой спокойствия делят,
Без жару старички друг друга веселят.

Уж стала заживать ее любовна рана,
Когда ей командир стал другом из тирана.
Хотя прошло еще тому не много дней,
Как отбыл от сея Дидоны прочь Эней,
Но оная не так, как прежняя, стенала
И с меньшей жалостью Елесю вспоминала;
Она уже о нем и слышать не могла,
Портки его, камзол в печи своей сожгла,
Когда для пирогов она у ней топилась,
И тем подобною Дидоне учинилась.

Уж Феб чрез зодиак Близняток проезжал,
Когда мой Елисей от бабушки сбежал,
Хотя и редкие из низкой столь породы
Любуются красой приятныя природы,
Но сей, как в малом том Парижце побывал,
Он мыслил инако и инак рассуждал:
Он знал уж, например, что в свете есть амуры,
Что постоянные одни лишь только дуры;
Он знал, как надобно к кокеткам подбегать,
Он знал, как надобно божиться им и лгать;
Когда ж бы побывал в великом он Париже,
Конечно б был еще к дурачеству поближе.
Но шутка ль и в прямом Париже побывать,
Чтоб только на одни безделки позевать
И только высмотреть живущих в оном моды,
Не тщася рассмотреть их пра́ва и доходы;
Узнать, чем Франция обильна, чем скудна
И без других держав пробудет ли одна?
Какие ремесла, какие в ней науки?
Но ездят щеголи туда не ради скуки.
А если весело там время проводить,
Так должно по домам кофейным походить,
Узнать, в какие дни там зрелища бывают,
Какие и когда кафтаны надевают,
Какие носят там тупеи и виски,
Какие тросточки, какие башмаки,
Какие стеклышки, чулки, манжеты, пряжки,
Чтоб, выехав оттоль, одеться без промашки
И тем под суд себе подобным не подпасть,
Умети изъяснить свою бесстыдно страсть,
Вертеться, вздор болтать по самой новой моде,
Какая только есть во ветреном народе.
Подобно и ямщик сим ум свой навострил:
С манерными он сам манерно говорил.
Коль женщина б каким вертушкой ослепилась,
Елеся бы сказал: «Она им зацепилась»,
А если бы он сам за кем таскаться стал,
Он множество бы слов манерных наболтал,
Которые когда б не очень тут приличны,
Так это оттого, что слишком политичны.

И как об нем уж кто теперь ни полагай,
А он теперь совсем ученый попугай.

Уже пленил свой дух ямщик весны красами,
Пошел ко Питеру не улицей, лесами,
В которых множество росло тогда грибов,
И он бы набрал их хоть десять коробов;
Но не было при нем и маленькой плетюшки,
Затем что наскоро он отбыл от старушки,
Оставя у нее и собственный убор;
Он идет, веселя природою свой взор,
А солнце уж тогда с полудни своротило
И луч умеренный на землю ниспустило,
И так уж ямщика не очень больно жгло;
Там воды ясные, как чистое стекло,
Между зелеными кустами извиваясь,
То инде меж собой в един ручей сливаясь,
Как сонные в брегах излучистых текли
И образ над собой стоящих древ влекли,
И роза и нарцисс себя в них также зрели;
Там слышатся везде пастушески свирели,
Которы стерегли овечек от зверей;
Там также слышался приятный соловей,
Который, пленник став прекрасныя Венеры,
Высвистывал любовь чрез разные манеры;
Тут стука не было от дятловых носов,
И также не было там филинов, ни сов;
Казалось, что тут вся природа отдыхала,
Одна лишь горлица о милом воздыхала,
Которого в тот день лишилася она.
Елеся молвил тут: «Вот так моя жена,
Я думаю, меня теперь воспоминает,
И будто горлица о мне она стенает.
Хотя она без кос, но мне она мила», —
Такую мысль ему та птица родила.
Он лег на бережок под ветвия зелены,
Желая тем свои спокоить томны члены,
Возлег и скоро он на нем тогда заснул;
Но криком женским быв встревожен, воспрянул,
И се — увидел он сквозь связь кустов сплетенну
Бегущу женщину к нему окровавленну;
Она была собой изрядныя красы;

Расстеганная грудь, растрепанны власы
Довольно бедствия ее предвозвещали
И долго размышлять его не допущали;
Потом ямщик узрел бегущих двух мужчин,
И уж касается одежд ее один,
Другой кричит: «Постой! от нас ты не избудешь
И нашей жертвою сей день, конечно, будешь».
Тогда Елеся, быв подвигнутый на гнев,
Стал легок, яко конь, а силен, яко лев:
Встает и, бывши сам невидим, нападает;
Подобно как орел на птицу налетает,
И вдруг озорнику такой влепил удар,
Что разом кинуло в озноб его и в жар;
Другому дал тычка в живот своим коленом,
От коего он пал, как будто бит поленом;
Потом ударов им десяток рассовал;
Хотя он не был врач и также коновал,
Но выпустил из них немало лишней крови.
Подбил им обои́м глаза, скулы́ и брови.
Но как он их щелкал, сам быв им невидим,
Чрез что помстилося буянам обои́м,
Что будто подрались они с собою сами;
Схватилися, и ну меняться волосами,
Друг друга в рыло бьют и тычут по носкам;
Досталося щекам, затылкам и вискам;
То вдруг расскочатся, то вдруг опять сопрутся,
Как будто петухи задорные дерутся;
Так бились меж собой сии озорники:
Трещат их волосы, кафтаны, кушаки.
Я мню и о тебе, исподняя одежда,
Что и тебе спастись худа была надежда.
Но наконец у них дошло и до того,
Не знаю, нé драли они бы тут чего;
Досталося всему, и так они избились,
Что будто пьяные без чувства повалились.
Тогда ямщик мой тут промедлить не хотел,
Он с женщиной от них проворно улетел!
О радостный восторг! куда он духом всходит!
Ямщик в сей женщине жену свою находит.
Услуга днесь твоя, ямщик, награждена:
Ты спас молодушку, а в ней твоя жена!
Невинность часто рок от бедствия спасает,

А добродетель верх над злобой получает.
И тако наконец ямщик жену узнал,
Он, снявши шапочку, ее поцеловал.
Тогда весь плач ее на радость обратился.
«Не с неба ль, — мнит она, — мой муж ко мне
скатился?»
Но он ей бывшее с собою рассказал
И повелительно ей тоже приказал,
Дабы она ему взаимно объявила,
Какая занесла ее в тот случай сила
И за собой каких воров она влекла?
Она заплакала, вздохнула и рекла:
«Как только от меня ты в Питер отлучился,
Тогда со мною весь несчастья верх случился:
Твой брат не стал меня в дому своем держать,
И я принуждена к тебе сюда бежать.
И наконец когда я в Питер дотащилась,
Тогда моя мошна совсем уж истощилась;
Пришла в Ямскую я, тебя в Ямской уж нет,
Все мнили о тебе, что умер ты, мой свет,
А я осталася вдовою горемышной;
Пристанищем моим мне стал завод кирпишной.
У немца тамо я в работницах жила;
И может быть, чтоб тут я счастлива была,
Когда б его жена не столь была брюзглива,
А больше этого она была ревнива;
Но барин был ко мне как к ниточке игла:
Однажды вечером, как спать уж я легла,
А барин тихо встал со жениной кровати,
Пришел ко мне и стал по-барски целовати.
Проснулася жена, потом рукою хвать,
Ан стала бéз мужа пустехонька кровать.
Мы с ним лежим, а та с своей постели встала
И нас в другой избе лежащих с ним застала.
Подумай, муженек, к чему бы ревновать,
Что муж ее пришел меня поцеловать?
Ведь он еще чрез то нисколько сделал худа,
Что кушанья того ж поел с другого блюда.
Он начал было тут жену свою ласкать,
А та взбесилася и ну меня таскать;
Как бешеная мне она глаза подбила
И в полночь самую меня с подворья сбила.

Пошла я, а за мной пошла моя напасть;
Боялась очень я в полицию попасть,
Однако же сея беды не миновала,
Попалася в нее и тамо ночевала,
Но случай вдруг меня пречудный свободил;
Не знаю, кто меня в кафтан перерядил,
И тако поутру, мне выбив палкой спину,
Пустили из нее на волю как детину. . .»
Елеся у нее тут речи перебил,
«Ах, жонушка! я сам в ту ночь в полицьи был;
Так выпущена ты в моем оттоль кафтане,
Затем что я и сам вон вышел в сарафане,
Но только кто меня одел в твой сарафан,
Не знаю, для того что был я очень пьян.
Потом в Калинкином я доме очутился,
В котором весь я пост великий пропостился».
На то ему опять рекла его жена:
«Когда я из тюрьмы была свобождена,
Не знала, где в мужском деваться мне кафтане;
Пошла и пробыла ту ночь в торговой бане;
Потом я перешла жить в дом к секретарю,
Которого еще поднесь благодарю:
Приказного казна на всякий день копилась,
А с тем и жизнь моя по радостям катилась.
Но вдруг несчастие навеяло на нас,
Когда о взятках в свет лишь выпущен указ,
Которым разорять людей им запрещали,
А казнь преступникам строжайшу обещали;
Тогда к поживкам он уж средства не нашел,
Доволен прежним быв, в отставочку ушел,
С хищением своим и с Питером расстался,
Затем что на себя не очень полагался.
А я сегодня, встав почти с зарею вдруг,
Попалася на сих мошенников я двух.
Они мне давеча навстречу лишь попались,
Взглянули на меня и тотчас приласкались;
Хотели для житья мне место показать.
Но нечего тебе мне более сказать,
Ты видел их самих намеренье безбожно,
От коего бы мне избегнуть невозможно,
Когда бы от него не ты избавил сам,
И тако я должна тебе и небесам».

Когда бы Елисей не светский был детина,
Так много бы труда имела тут дубина,
Которою бы он хозяйку пощунял;
Но он уже как весь поступок светский знал,
Словесный выговор он ей употребляет
И более ничем ее не оскорбляет,
Спросил лишь у нее: имеет ли пашпóрт,
А та его впреки: «Зачем, мой свет, без порт?»
И оба как они друг другу изъяснились,
Скорее, нежель бы кто думал, помирились.
С пашпóртом он велел немедля ей идти
По прямо бывшему ко Питеру пути
И тамо ей велел в Ямской хотя пристати,
Дабы возмог ее со временем сыскати,
А сам, простяся с ней, остался в том леску,
Где думал утолить и ревность и тоску,
Которые его тревожили безмерно,
Что сердце женино ему не очень верно,
Хотя он сам вовек не спускивал куме;
Однако ж у него всё немец на уме.

Когда мой Елисей о немце размышляет,
В то время Вакх к нему Силена посылает,
Дабы он утолил Елесину тоску,
Отведши прямо в дом его к откупщику,
Который более был всех ему досаден,
А Елисей и пить и драться очень жаден.
Уже его Силен за рученьку берет
И прямо в дом к купцу богатому ведет,
Который на уезд какой-то водку ставил.
Привел и в нем его единого оставил,
Сказав ему, чтоб он то делал, что хотел,
А сам ко пьяному дитяте полетел.
Елеся мой стоит и о попойке мыслит
И водку в погребе своей купецку числит.
Сей был охвата в три и ростом был высок,
Едал во весь свой век хрен, редьку и чеснок,
А ежели ершей он купит за копейку,
Так мнил, что тем проест он женью телогрейку.
Год целый у него бывал великий пост,
Лишь только не был скуп давати деньги в рост;
И, упражняяся в сей прибыльной ловитве,

Простаивал насквозь все ночи на молитве,
Дабы господь того ему не ставил в грех,
Казался у церквей он набожнее всех.
А эдакие все ханжи и лицемеры
Вдруг християнския и никакия веры.

Умолкните шуметь, дубравы и леса,
Склони ко мне свои, читатель, ушеса;
Внимая моея веселой лиры гласу,
Подвинься несколько поближе ко Парнасу
И слушай, что тебе я в песне расскажу;
Уже на ямщика как будто я гляжу:
Солгал бы пред тобой теперь я очевидно,
Когда б о ямщике сказал я столь бесстыдно,
Что будто задняя вся часть его видна,
По крайности, его одета вся спина,
А только лишь одно седалище наруже,
Но эта часть его была привычна к стуже.
Когда одет ямщик был образом таким,
Он видит всех, никем сам бывши не видим;
Восходит полунаг в купечески палаты,
Подобно как пиит в театр без всякой платы;
Вошел — и в доме он не видит никого,
Не только что рабов, хозяйна самого,
Лишь только на окне он склянку обретает;
Придвинулся, и ту в объятие хватает;
Тут скляница как мышь, а он как будто кот —
Поймал, и горлушко к себе засунув в рот,
И тут уже он с ней, как с девкою, сосался,
Немедля в бывшей в ней он водке расписался.
То первая была удача ямщику.
Но он не для того пришел к откупщику,
Чтоб только эдакой безделкой поживиться.
Он бродит там везде, и сам в себе дивится,
Не обретаючи в покоях никого;
«Неужто, — говорит, — пришел я для того,
Чтоб только скляночку мне эту лишь похитить?
Я целый в доме сем могу и погреб выпить».
Сказал, и из палат как ястреб полетел,
Не на́йдет ли еще он в доме жидких тел;
Но он на задний двор зашел и обоняет,
Что тамо банею топленою воняет;

В ней парился тогда с женою откупщик,
Прямехонько туда ж забился и ямщик;
Но в бане видит он уж действия другие,
А именно он зрит два тела там нагие,
Которы на себя взаимно льют водой, —
То сам был откупщик с женою молодой;
Не знаю, отчего пришла им та охота.
Но я было забыл: была тогда суббота,
А этот у купцов велик в неделе день.
Тогда ямщик вступил в палаческу степень:
Он, взявши в ковш воды, на каменку кидает.
Там стало, что ямщик обоих их пытает:
Переменяется приятный в бане пар
На преужаснейший и им несносный жар,
Который для купца немножечко наскучил:
Он думал, что его то сам лукавый мучил
За многие его при откупе грехи.
Уже оставили полочные верхи,
На нижние они с превыспренних слетают,
Но что? и тамо жар подобный обретают!
Во всей вселенной их единый стал климáт:
В ней прежде был эдем, а ныне стал в ней ад.
Нельзя с невидимой им властью стало драться,
Приходит обоим из бани убираться:
Забыл мужик кафтан, а баба косники,
Он только на себя накинул лишь портки,
А жонка на себя накинула рубашку,
И оба через двор побегли наопашку —
Альцеста тут жена, а муж стал Геркулес.
На ту беду у них был в доме дворный пес,
Который, обоих хозяев не узная,
Вдруг бросился на них, как Цербер адский лая,
И прямо на купца он сзади тотчас скок,
Влепился к новому сему Ираклу в бок,
И вырвал из боку кусок он, как из теста.
Укушен Геркулес, спаслася лишь Альцеста.
На крик откупщиков сбегается народ.
О жалкий вид очам! о странный оборот!
Узрели нового тут люди Геркулеса;
Таскает по двору домашняя повеса,
А древний адского дубиной отлощил
И, взявши за уши, из ада утащил.

Однако ж кое-как героя свободили
И, в дом препроводя, на скамью посадили.
Он стонет, иль, сказать яснее, он кричит
И меж стенанием слова сии ворчит·
«Ты, жонушка, меня сегодня соблазнила,
Что баней мужика ты старого вздразнила,
Не сам ли в том тебя наставил сатана?
Ах нет! не он, но ты виновна в том одна»
Так старый муж свою молодушку шуняет,
Виновен бывши сам, напрасно ей пеняет:
Неужли ей искать чужого мужика!

Но мы оставим их, посмотрим ямщика.
Хозяев выжив вон, ямщик помылся в бане
И вышел из нее в купеческом кафтане.
Так стал Елеся мой совсем теперь одет.
Однако ж в шапочке его как будто нет.
Купчина был велик, ямщик был средня роста,
Так стал в кафтане он, как в рясе поп с погоста.
Не видимый никем, выходит он на двор,
Бросает он по всем местам свой жадный взор,
Он только что о том намерен был стараться,
Каким бы образом до погреба добраться,
Однако ж в этот день его он не нашел,
И паки в дом купца, как в свой, Елеся вшел.
Меж тем уже покров свой ночь распростирала
И чистый весь лазурь, как сажей, замарала,
А тучи к оному чинили больший мрак.
Елеся в дом заполз в кафтане, будто рак;
И прямо под кровать купецку завалился.
Купец тогда и сам с женою спать ложился:
Кладя раскольничьи кресты на жирный лоб,
Читал: «Неу́жели мне одр сей будет гроб?»
Жена за ним тогда то ж самое читала
И мужу оного с усердием желала.
Лишь только откупщик на одр с женою лег,
Тогда ужасный вихрь со всех сторон набег;
Остановилася гроза над самым домом,
Наполнился весь дом блистанием и громом,
Над крышкою его во мраке страх повис,
Летят и дождь, и град, и молния на низ.
Премена такова живущих в ужас вводит:

Не паки ли Зевес в громах к Данае сходит?
Не паки ль на нее он золотом дождит,
Да нового на свет Персея породит?

Не Зевс, но сам ямщик встает из-под кровати,
Идет с купецкою женою ночевати.
Когда хозяина треск дома разбудил,
Он, вставши со одра, и свечку засветил,
Отводит тучу прочь молитвами от дома;
Но гром не слушает такого эконома,
Который животы неправдою сбирал
И откупом казну и ближних разорял.
Хозяйка между тем сама не почивает,
Но только тянется в одре и позевает.
Елеся для себя удобный час обрел,
Он встал и на одре хозяюшку узрел;
Меж глаз ее сидят усмешки и игорки,
Пониже шеи зрит две мраморные горки,
На коих также зрит два розовы куста.
Приятное лицо и алые уста
Всю кровь во ямщике к веселью возбуждали
И к ней вскарабкаться на ложе принуждали.
Не мысля более, он прямо к ней прибег
И вместе на кровать с молодушкою лег.
Она не зрит его, лишь только осязает,
В ней кровь тогда кипит и купно замерзает,
В единый час она и тлеет и дрожит
И во объятиях невидимых лежит;
Что делается с ней, сама того не зная,
И тем-то точная она была Даная.
Меж тем уже гроза ужасная прошла
И ночи прежнюю приятность отдала.
Тогда пришел купец к жене своей обратно,
Зовет по имени хозяйку многократно:
«Проснися, душенька, проснися ты, мой свет!
Все тучи прочь ушли, и страха больше нет».
Жена ему на то с запинкой отвечает,
А старый муж ее движенье примечает;
Толкнул ее рукой тихошенько он в бок,
Елеся с сим толчком тотчас с кровати скок;
А баба будто бы в то время лишь проснулась
И к мужу на другой бочок перевернулась.

Тут муж спросил потом любезную жену:
«Конечно, видела во сне ты сатану,
Что тело всё твое от ужаса дрожало?»
Тогда ей говорить всю правду надлежало:
«Голубчик муженек! я видела во сне,
Как будто что лежит тяжелое на мне».
А этот суевер немедля заключает,
Что будто домовой его с ней разлучает.
Ворчит ей: «Жонушка, на свете сем всё есть.
Я завтра же велю старушку в дом привесть,
Котора сделаться умеет с сатаною;
Теперь не бойся ты и спи, мой свет, со мною».
Ямщик, услыша то, и сам, как суевер,
Не хочет над собой увидеть сей пример,
Чтоб из дома его, как черта, вон погнали,
Встает и из палат выходит в злой печали,
Что старый черт его с хозяйкой разлучил.
Конечно, сам его в том дьявол научил,
Что хочет он послать назавтра по старушку,
А эта бабушка сыграет ту игрушку:
Она сюда сзовет чертей и целый ад,
Которые меня изгонят из палат.
Я лучше к погребу его позаберуся,
Войду и изнутри замком я в нем запруся;
Пускай же выживет оттоль меня она,
Где много для меня и водки и вина.

О муза! умились теперь ты надо мною,
Расстанься хоть на час с превыспренней страною;
Накинь мантилию, насунь ты башмаки,
Восстани и ко мне на помощь притеки.
Не школьник у тебя об этом просит спасский,
Но требует ее себе певец парнасский,
Который завсегда с тобой в союзе жил
И со усердием сестрам твоим служил.

И се я слышу глас с ее высока трона:
«Послала я к тебе давно уже Скаррона;
Итак, не льстись теперь на помощь ты мою,
Я битву Чесмскую с Херасковым пою:
Он, мною восприняв настроенную лиру,
Гласит преславную сию победу миру;
Я ныне действую сама его пером,
И из-под рук его исходит важный гром;
Но ежели и ты сим жаром воспылаешь
И петь оружие России пожелаешь,
Тогда сама к тебе на помощь притеку
И всех подвижников деянья изреку».
О муза! лишь всели ты жар в меня сердечный,
Прейдет через меня то в роды бесконечны.
Приди и ободри охоту ты мою,
Тогда на лире я песнь нову воспою.

А ныне паки я гудочек мой приемлю,
И паки голосу певца Скаррона внемлю;
Уже он мысль мою вослед себе влечет,
Уже и слог его здесь паки потечет.

Лишь только Елисей до погреба доскребся,
Уже он заживо в могиле сей погребся;
Хотя и заперт был он павловским замком,
Но он его сразил с пробоев кулаком
И смелою рукой решетку отворяет,
Нисходит в хлябь сию, и тамо озирает
Расставленны везде бочонки по стенам,
Там склянки видит он, бутылки видит там,

Он видит бочки там с вином сороковые,
Любуется, узря предметы таковые,
Летает, как сокол над стадом робких птиц,
Он видит лебедей, и галок, и синиц.
Лишь к первой он тогда бутылке прилетает,
Уж первую ее в объятия хватает,
Как глазом мгнуть, так он затычку ототкнул
И в три глотка сию он пташку проглонул;
Потом придвинулся к большой он самой бочке,
Откупорил и рот приставил к средней точке,
Из коея вино текло ему в гортань.
Елесенька, уймись, опомнись, перестань;
Ведь бочка не мала, тебя с нее раздует.
Но он сосет, речей как будто и не чует.
Он после сказывал, и если он не лгал,
Что будто бы ему сам Вакх в том помогал,
Который со своей тут свитою явился
И обще с ним над сей работою трудился;
Что будто сам Силен бутылки оттыкал,
И будто сам из них вино в себя глотал;
Что духи Вакховы мертвецки были пьяни,
Кормилица и все вино тянули няни.
Какой тогда всему был погребу разгром,
Клокочут скляницы, бутылки все вверх дном,
Трещат все обручи, вино из бочек льется,
И в них ни капельки его не остается.
Уже окончен был преславный этот труд;
Ушли из погреба, оставя винный пруд.
А откупщик, сего не ведая разгрома,
Покоится среди разграбленного дома;
Но только лишь с своей постели он восстал,
Работника, как пса, к себе он присвистал
И тотчас оного к старухе посылает,
С которой гнать чертей вон из дома желает;
Такая-то ему пришла на мысли пыль!

Уже сия идет, опершись на костыль,
Имея при себе бобы, коренья, травы
И многие при том волшебные приправы.
Громовы стрелки тут, иссохлы пауки,
Тут пальцы чертовы, святóшны угольки,

Которых у нее в мешке с собой немало;
И в сем-то знанье сей Медеи состояло.

Лишь только в дом она ступила чрез порог,
Повергла на скамье чиненой свой пирог,
В котором были все волшебные приборы,
Бобы и прочие тому подобны вздоры.

Уже мой откупщик навстречу к ней течет,
И с благочинием он бабушке речет:
«Помилуй, бабушка! на нынешней неделе
Всем домом у меня здесь черти овладели;
Вчера меня один из бани выгнал вон,
Другой нанес жене ужасный самый сон,
Сие случилося прошедшей самой ночи,
Помилуй ты меня, а мне не стало мочи!»
Лишь он сие изрек, ан ключник прибежал,
Который был в слезах и с ужаса дрожал:
О бывшей в погребе беде ему доносит.
Купец, рехнувшися, попа в безумстве просит,
Дабы ему в своих грехах не умереть
И вечно во огне гееннском не гореть.
О подлая душа! к чему ты приступаешь?
И сею ли ценой ты небо покупаешь?
Когда обиженны тобою сироты
На оное гласят, чтоб был во аде ты.
Такое ли тебе довлеет покаянье?
Да будет ад твой дом и мука воздаянье.
Сперва обиженным ты щедро заплати
И после прямо в рай на крыльях тех лети,
Которые туда честных людей возносят,
А на тебя тобой обиженные просят.

Но наконец его оставил смертный страх,
Опомнился купец у бабушки в руках
И просит, чтоб она ему поворожила,
Откуда истекла сих бед ужасна жила.
Старушка говорит на то ему в ответ:
«О дитятко мое! лихих людей не нет;
Я знаю, что тебе злодеи то помстили
И это на тебя по ветру напустили:

Я всё тебе сие на деле покажу,
Бобами разведу, и это отхожу;
Не станут больше здесь водиться в доме черти;
Я выгоню их вон иль всех побью до смерти.
Третье́ва дни меня просил один рифмач,
Дабы я испекла такой ему калач,
Который бы отшиб к стихам ему охоту;
И я с успехом ту исполнила работу:
Лишь только он рожок в желудок пропустил,
С рожком свою к стихам охоту проглотил,
И ныне больше сим дурачеством не дышит,
Хотя не щегольски ж, да прозою он пишет.
О, если бы сему подобны рифмачи
Почаще кушали такие калачи,
Конечно б петь стихи охоту потеряли
И слуха нежного других не оскорбляли.
Другой меня просил, чтоб был он стиходей, —
Он съел лишь корешок по милости моей,
С тех пор спознался он и с небом вдруг, и с адом
И пишет множество стихов, дурным лишь складом,
Однако ж кажется хорошим для него;
Мне это сотворить не стоит ничего.
Пропажа ли в дому какая где случится,
Иль старый вздумает за девкой волочиться, —
Не празден никогда бывал еще мой труд.
Купцы, подьячие со всех сторон бредут:
Одни, что будут ли на их товары падки,
Другие — выйдет ли указ, чтоб брать им взятки;
Я всем с охотою бобами развожу
И никому из них неправду не скажу.
Вчерась лишь одному врачу я отгадала,
Что скоро свет его почтет за коновала;
То предвещание немедленно сбылось,
Сегодня в городе повсюду разнеслось,
Что от лечбы его большая людям трата, —
И так он сделался палач из Иппократа.
А если пьяница, хотя бы он какой,
Я страсть с него сию снимаю как рукой!»
Тут всю свою болезнь купец позабывает
И речь старушкину своею прерывает:
«Помилуй, бабушка, не делай ты сего,
Чрез это есть ущерб дохода моего,

И эдак откупы мне будет брать несходно;
А вот бы для меня что было лишь угодно:
Чтоб пьяницами весь соделался народ,
Чрез что ты сделаешь великий мне доход».
Тут бабушка ему: «Я это разумею,
Но делать, дитятко, я худо не умею».
На то ей откупщик: «Так слушай же, мой свет,
Не надобен такой мне вредный твой совет,
Когда пияниц ты от пьянства отвращаешь,
Так сим против меня ты чернь всю возмущаешь.
А мне лишь надобно, чтоб больше шло вина,
Так мне твоя теперь и помощь не нужна,
Не верю, как тебе, я бахарю такому;
Возьми свои бобы и ну скоряй из дому,
Доколе я тебя батóжьем не взварил».
Се тако откупщик во гневе говорил,
А та, как ласточка, из дому полетела
И множество чертей наслать к нему хотела,
Которые к нему, как галки, налетят
И весь его припас и выпьют и съедят,
За что купец велел нагреть старухе уши.
Се так поссорились тогда две подлы души!
Когда уже ямщик сей дом вина лишил,
Ушел и погреба другие пустошил,
Тогда Зевес другим богам сие вещает:
«Вы зрите, как ямщик купцов опустошает,
И если я теперь им помощи не дам,
Так сильного руке бессильных я предам;
Вещайте вы: что мне творить бы с ним довлело?»
Тут всё собрание, как море, восшумело,
И шум сей был меж их поболее часа,
Потом ударились все в разны голоса;
Однако ж все они хоть разно рассуждали,
Но все его за то согласно осуждали.
Тогда отец богов сию предпринял речь:
«По-вашему, его, я вижу, должно сжечь;
Но я не соглашусь казнить его столь строго,
Понеже шалунов таких на свете много,
И если мне теперь их жизни всех лишить,
Так должен я почти весь свет опустошить.
Когда б и я, как вы, был мыслей столь нестройных,

Побил бы множество я тварей недостойных,
Которые собой лишь землю тяготят;
И первых бы с нее льстецов я свергнул в ад,
Жестокосердных всех и всех неблагодарных,
Неправедных судей, воров, друзей коварных;
Потом не миновал и тех бы мой указ,
Которые ползут без просу на Парнас.
Помыслите же вы, чему я свет подвергну,
Когда я тварей сих в дно адово низвергну?
Послушайте меня: оставим месть сию,
Я время каждому исправиться даю.
Не столько виноват ямщик, как вам он зрится,
Так ныне инако он мною усмирится;
Чрез два дни у «Руки» кулачный будет бой,
Где будет воевать сей новый наш герой;
Он многих там бойцов ужасно завоюет;
За братскую любовь носки им всем рассует.
И се какой ему предел я положил:
Хочу, чтоб он один за нескольких служил;
Вы узрите, чего сей будет муж достоин.
Он был худой ямщик, а будет добрый воин».
Сие Зевес богам со важностью сказал
И всем разъехаться им в домы приказал.
Когда бы смертные все тако помышляли,
Дабы по склонности к делам определяли,
Тогда бы, может быть, негодный самый врач
Престал людей лечить и добрый был палач;
Судья, который дел совсем не понимает
И только за сукном лишь место занимает,
Он мог бы лучше быть, когда б он был кузнец.
Приемлют за сребро ошибкой и свинец.
Бывает добрый муж — худой единоборец,
Порядочный дьячок — прескверный стихотворец.
Итак, когда бы всяк в степень свою попал,
Давно б в невежестве уж свет не утопал.

Уже настал тот день, стал слышен рев медвежий,
На рев сей собралось премножество невежей,
Стекается к «Руке» со всех сторон народ,
Там множество крестьян, приказных и господ:
Одни между собой идут туда сражаться,
Другие травлею медвежьей забавляться.

О утешение! от скуки позевать,
Как псы невинного там зверя будут рвать;
Иль над подобными глумиться дураками,
Как рыцарствуют, бьясь взаимно кулаками.
Там несогласие стоит уже давно,
И злоба там бойцам разносит всем вино,
Невежество над всем там власть свою имеет,
И мудрость в сих местах явиться не посмеет.

Уже к сражению стояли две стены,
И славные бойцы вином напоены,
Которые сию забаву составляли,
Вытягивалися и руки поправляли;
Один снимал с себя и шапку, и кушак,
Другой навастривал на ближнего кулак,
Иной, до пояса спустя свою рубашку,
Примеривался, как идти ему вразмашку
И как сопернику за братскую любовь
Спустити из носу его излишню кровь
Или на личике фонарь кому поставить,
Чем мог бы всех на то смотрящих позабавить.

Меж тем Зевес окно в зените отворил
И тако всем тогда бессмертным говорил:
«Да будет, боги, вам сие известно ныне:
Выглядывать отсель льзя богу и богине,
Как некогда со мной вы зрели с сих же стран
На битвы страшные меж греков и троян;
Но вы меня тогда нередко облыгали,
Украдкой обойм народам помогали.
А ныне, ежели кто по́мочь дать дерзнет,
Тот гнева моего никак не ускользнет.
Помощник целый год, как гладный пес, порыщет,
Ни в банях, ни в тюрьмах убежища не сыщет;
Хотя бы посреде он скрылся кабака,
И там велю ему натыкать я бока,
Доколе не пройдет сие урочно время.
Как хочете, а вы не суйтесь в это стремя».
Тогда они свои потупили глаза
И ждали, как сия минует их гроза,
Смирнехонько вокруг Зевеса все сидели
И только как сычи в окошечко глядели.

И се настал уже жестокой битвы час:
Сначала стал меж их ребячий слышен глас,
И в воздух раздались нестройные их крики,
А это было тут в подобие музыки.
Как туча, помрачив чистейший оризонт,
Облегшись тягостью своей на тихий понт,
Ужасной бурею на влагу лишь подует,
Престанет тишина и море возбунтует,
Потом ударит гром из темных облаков, —
Подобный оному стал стук от кулаков,
И с пыли облака густые вверх виются,
Удары громкие по рожам раздаются,
Лиется из носов кровавая река,
Побои чувствуют и спины и бока,
И от ударов сих исходят разны звоны;
Разносятся везде пощечин миллионы.
Один соперника там резнул под живот,
И после сам лежит, повержен, яко скот;
Другой сперва пошел на чистую размашку,
Нацелил прямо в нос; но, сделавши промашку,
Отверз свободный путь другого кулакам,
А тот, как по торгу́, гуляет по щекам.
Иной тут под глаза очки другому ставит,
Иной соперника, схватя за горло, давит,
Иному сделали лепешку из лица,
А он пошел в кабак и, выпив там винца,
Со прежней бодростью на битву устремился
И лучше прежнего сквозь стену проломился.

Се тако билися безмозглы мужики:
С одной страны купцы, с другия ямщики,
Как вдруг с купеческой страны герой выходит
И спорника себе меж всеми не находит.
Подобно яко лев, расторгнув свой запор,
Рыка́ет и бежит, бросая жадный взор,
Ко стаду робкому пасущейся скотины
В средине мягких трав прохладныя долины,
Где бедненький его увидя пастушок,
Из рук трепещущих повергнув посошок,
Единым бегствием живот свой избавляет,
А стадо хищнику на добычь оставляет.
Так новый сей Аякс, иль паче Диомид,

Имея на челе своем геройский вид,
Вломился и делит кулачные удары:
Побегли ямщики, как робкие татары,
Когда на их полях блеснул российский меч, —
Так должны ямщики тогда все были бечь...
Но слог сей кудреват и здесь не очень кстати,
Не попросту ль сказать, они должны бежати,
А грозный тот герой, как коршун, в них летит
И кулаками их, бегущих, тяготит.
Смутились все, как прах пред тучи грозной
зраком;
Один падет стремглав, другой ползет там раком,
А третий, как медведь, пораненный, рычит,
Четвертый, яко бык, ударенный, мычит.
О бой, ужасный бой! без всякия корысти,
Ни силы конские, ни мужеские лысти
Не могут быстроты геройския сдержать...
Всё хочется словам высоким подражать.
Уймися, мой гудок, ведь ты гудишь лишь вздоры,
Так надобно ль тебе высоких слов наборы?
Посредственная речь тебе теперь нужна,
И чтобы не была надута, ни нежна;
Ступай своим путем, последуя Скаррону,
Скорее, может быть, достанешь ту корону,
Которую певцам парнасский бог дает.

Герой купеческий ямских героев бьет
И нумерит им всем на задницах пашпóрты,
Трещат на ямщиках рубашки там и пóрты.
Все думали, что он в руках несет перун
И что он даст бойцам последний карачун;
Но вдруг лишился бой сего ужасна вида,
Когда пришел герой под сению Эгида,
Сокрытый им от всех смотрителей очей, —
То был под шапкою своею Елисей;
Не видим никому, он бой переменяет,
Смутил в единый час купцов и прогоняет,
Трясется от него их твердая стена,
А он на них кладет кровавы знамена.
От кулаков его все на розно делятся,
Не сотни перед ним, но тысящи валятся!
Победа к ямщикам прешла в единый миг,

И Елисей уже бойца того достиг,
Который воевал как черт меж ямщиками:
Уже разит его Елеська кулаками,
И множество ему тычков в глаза влепил,
Которыми его разбил и заслепил,
Свалился, яко дуб, секирою подсечен,
Лежит, Елéсею разбит и изувечен;
Трикраты он себя с песку приподымал,
Трикраты на него он паки упадал
И наконец на нем лежит и чуть-чуть дышит
И Елисееву победу тамо пишет,
А попросту песок он задницей чертил,
Но встать с него в себе он сил не находил.
Движенья таковы всех к жалости подвигли,
Товарищи его тотчас к нему достигли,
Полмертвого бойца в кабак перенесли
И там ему вина на гривну поднесли,
Которым дух его ослабший ободрили
И паки тем ему дыханье возвратили.

Исправился купец, идет из кабака,
Вторично он в бою попал на ямщика;
Тут паки на него насунулся Елеся,
И паки, раз ему десятка два отвеся,
Сильнее прежнего он дал ему толчок,
Он паки задницей повергся на песок;
Но так уже ямщик купца туда запрятал,
Что весь седалища в нем образ напечатал,
И сказывают все, кто ходит в тот кабак,
Что будто и поднесь в песке тот виден знак.
Ямщик, сразя его, разить всех начал встречных,
Умножа за собой подбитых и увечных,
Загнал в трущобу всех купеческих повес,
И словом, он тогда был храбр, как Ахиллес.

Но можно ли кому с свирепым спорить роком!
Не знаю, кто с него сшиб шапку ненароком,
А он с открытою главою стал, как рак.
Хотел было бежать с побоища в кабак,
Но тут его свои, бегущего, схватили,
Свели во свой приказ и на цепь посадили.
Сбылася истина Зевесовых речей —

Елесеньке весь лоб подбрили до ушей;
Какой бы это знак, куда Елесю рядят,
Неу́жели его и впрямь во службу ладят?
Увы, то истина! был сделан приговор:
«Елеська как беглец, а может быть и вор,
Который никакой не нес мирския платы,
Сведен в военную и отдан там в солдаты».

<1769>

3. КОЗЕЛ И ЖЕМЧУЖНАЯ РАКОВИНА

Козел, шатаяся, увидел мать жемчужну —
Так раковину все жемчужную зовут —
И, почитая ту за вещь для всех ненужну,
Сказал с насмешкою: «Ты, лежа век свой тут,
Какую сделала, скажи ты мне, услугу
Земному кругу?
А я всегда встаю с зарею по утрам,
Хожу пастись в луга и лажу по горам
День целый».
Ответ дала Козлу и Раковина смелый,
Сказавши так:
«Козел, дурак,
Когда ты по горам, тварь глупая, бродила,
В то время перло я жемчужное родила».

4. ДВОЕ ПРОХОЖИХ И КЛАД

Прохожих двое шло дорогою одною;
Оставили пути уж много за спиною.
А впереди река,
Мелка иль глубока, —
Не знают прямо,
Лишь видят, что река
Быстра и широка;

А за рекою зрят они стату́ю тамо,
У коей ноги, стан, грудь, руки, голова.
Под ней насечены на мраморе слова.
Но если скажет кто: река течет широко,
И надписи едва ль возможет видеть око, —
На то в ответ:
Мой свет,
Иль мнишь, что у моих прохожих трубки нет?
Не думай так: они ее имели,
Так надпись рассмотрели;
А надпись так гласит: «Кто перейдет ко мне,
Тому не снилось и во сне,
Колико подо мной он золота получит».
Обоих жадность к злату мучит.
Но одного из них так разум учит:
«Река мутна,
Не видно дна;
Так я, не зная броду,
И кинусь в воду;
А если потону,
Оставлю я детей, оставлю я жену,
Оставлю сиротами.
Нейду к тебе я, клад, такими воротами,
Где много бед;
Так ты не для меня и положен, мой свет!
Зрю множество богатства,
Да много и препятства;
Хоть был бы миллион,
Я больше жизнь люблю». Так думал, стоя, он.
Другой, не рассуждая много,
Сказал: «Чем жить убого,
Я лучше поплыву:
Умру или богато поживу».
Сказав сии слова, пошел он в воду прямо;
Так счастье не было отважному упрямо:
Реку он перешел и злато взял.
Другой, на берегу задумавшись, сказал:
«Я зрю, что счастие о нас не рассуждает;
Равно и дураков, как умных, награждает».

Между 1763 и 1767

5. ВОР

Мужик был плут,
Украл у палача
Ременный кнут.
Его поймали;
Не волоча,
То дело окончали;
Но как он был введен в приказ,
Так множество нашлось его тогда проказ:
Он деньги у людей,
В церквах он крал иконы,
А ныне таковы законы:
Таких людей
Выводят, будто змей.
Сей кнут, что вор украл, ему же пригодился:
Он пытан тем кнутом,
Потом
И жизни вор лишился.

Но сила басни в том:
Когда по истине дела вершиться станут,
Так воровать навек злодеи перестанут.

Между 1763 и 1767

6. ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ О ЦАРЕ

Лягушки некогда Юпитера просили,
Чтоб дал он им царя;
А просьбу вот они какую приносили
Правителю небес, со плачем говоря:
«Живем мы своевольно;
Неправд у нас довольно,
У нас
На всякий час
Друг дружку ненавидят;
Бессильных сильные обидят;
А сильный сильного считает за врага,
И кто кого смога,
Так тот того в рога;

И словом, всё у нас наполнилось сим ядом;
Мы стали фурии, болото стало адом».
Зевес
Услышал просьбу их с небес
И ко просящему народу
Отрубок древа бросил в воду,
Сказав: «Вот, бедна тварь,
Вам дался царь».
Чурбан от высоты упал и сделал волны;
Лягушки, радости и страха полны,
С почтеньем на владыку зрят
И тако говорят:
«Теперь дадутся нам полезные законы,
Восстановя́тся здесь правдивые суды,
И не останутся вдовы́ без обороны;
Все, словом, кончатся у нас теперь беды».
И, в ожидании сего повсеминутном,
Лягушки много дней сидели в блате мутном,
Не выходя на свет.
Но всё у них равно: царя как будто нет.
Потом лягушек миллионы
Восстали и царю все делали поклоны.
Перед царем тварь бедная дрожит,
А царь лежит,
Поклонов их не примечает
И ни словечушка на речь не отвечает,
Которую ему лягушки говорят.
Лягушки это зрят
И думают, что их владетель горд безмерно;
Однако ж служат все царю нелицемерно;
Притом
Жалеют лишь о том —
Угодна ли царю лягушечья услуга,
И вопрошают все друг друга,
Ко уху говоря:
«Знать, царь не ведает лягушечья язы́ка;
Повеселим царя,
У нас изрядная вокальная музыка».
Запели все: одна кричит,
Другая тут ворчит,
А третия хлехочет,
Четвертая хохочет,

Иная дребезжит.
Но царь лежит,
Музыки их не внемлет
И головы, как мертвый, не подъемлет.
Лягушки целый день кричали: «Крак, крак, крак!
Конечно, царь наш почивает».
А царь и не дышит, и не зевает.
Сказали наконец: «Владетель наш дурак
И ничего не знает;
К себе нас не зовет и прочь не отгоняет.
Приступим мы к нему —
Учить его уму».
Но что за чудеса! Лишь ближе подошли —
Чурбан, а не царя в царе своем нашли;
В противность всей природе,
Опять друг дружку бьют.
Восстал опять мятеж в лягушечьем народе,
Опять бессильные на небо вопиют:
«Умилосердися, Юпитер, над рабами!
Смягчися нашими мольбами!
Воззри на бедну тварь!
Какой тобою дан нам царь?
Он наших бед не ощущает,
Обидимых не защищает.
Пошли ты нам царя,
Который бы, на бедства наши зря,
И царство управлял, как кормщик правит судно».
Юпитеру нетрудно
Спокоить тварь:
Послал айста к ним, и стал айст их царь.
Приняв престол, айст лягушек всех считает,
Обидчиков хватает
И их глотает.
Айсту царску честь
Дают бессильные лягушки,
Что им истреблены обидчиков всех душки;
А царь их всякий день не может, чтоб не есть.
Так не осталося в болоте ни лягушки.

Между 1763 и 1767

7. РЫБАК И ЩУКА

Для птиц силки становят,
Зверей в тенета ловят,
Мышам становят пасть,
Чтоб им в нее попасть.
Подьячие крючки имеют,
Которыми ловить людей умеют
И деньги с них берут;
Об этом все согласно врут.
А уду червяком прикроя,
Поймаешь лучшего из рыб героя.
Река
Мелка
Иль глубока —
Равно для Рыбака:
Он может поимать повсюду;
Рыбак лишь кинул в омут уду,
Тут Щука приплыла и уду трях.
О, Щука, для тебя не пища, смертный страх!
Ты хочешь червяка сорвать с крючка и скушать,
Тварь бедну погубя;
Но если хочешь ты меня послушать, —
Побереги себя.

Между 1763 и 1767

8. НАКАЗАНИЕ ВОРОЖЕЕ

Несется весть,
Что будто колдуны, конечно, в свете есть,
И если должно верить,
Так должен я и сам сие за правду мерить;
А ежели за ложь приемлют весть сию,
Так я за что купил, за то и продаю.
Село стояло,
Велико или мало —
Того не знаю я,
Лишь знаю, что в селе жила Ворожея,
Котора дьяволам на жертву приносила
Прокляты ворожбы,

И через то ей дьявольская сила
Покорна так была, как барыне рабы.
Она могла луну лишати света,
Деревья иссушать средь лета,
Чрез дьявольскую мочь
Из дня творила ночь,
А по зимам цветы произрастала
И ворожбой своей блистала.
В ее послушности был Стикс и Ахерон,
И сам Харон
По повелению ее людей из света
Перевозил во ад в цветущие их лета,
Погибнувших различными смертьми;
И словом, баба эта
Была царица над чертьми.
У сей Ворожеи пропала вещь бездельна —
Любимая ее собачка вдруг постельна.
Несносная печаль!
Собачки жаль.
С печали баба чуть зевает,
Наводит ночь,
Диаволов к себе из ада призывает
И им повелевает
Себе помочь
Чрез дьявольскую мочь.
Земные недры отворились,
И ветры в воздух устремились,
Нагнали грозны облака;
Лиется молния, как огненна река,
Пределы света попалить готова,
И только ждет колдуньина лишь слова,
Что скажет ей она.
Прибегли духи все и сам к ней сатана
И в трепете сие вещает:
«Вселенну гибель устрашает;
Ты можешь всё сожечь».
Ворожея не только внемлет речь,
Не делает и к сожаленью знака;
Ворчит: «Мне нужды нет,
Пускай погибнет свет;
Лишь только мне сыщись любезная собака».
Но что потом?

Блеснула молния, и грянул гром,
Убил Ворожею и сжег ее весь дом;
Вселенна в целости осталась;
Собака вечно не сыскалась.
Разбеглись дьяволы, как лестные друзья,
Погибла изо всех одна Ворожея.

Читатель, волен ты, тебе и думать вольно,
Что в свете есть довольно
Сей
Подобных Ворожей,
Которые рычат о пользе не чужей,
А только о своей.

Между 1763 и 1767

9. ПОВАР И ПОРТНОЙ

Удобней повару и жарить, и варить,
Как о поваренном портному говорить.
Не знаю было где, в Литве ли, или в Польше,
Тот ведает про то, кто ведает побольше;
Я знаю только то, что ехал Пан,
А ехал из гостей, так ехал пьян.
Навстречу вдруг прохожей,
И сшелся с Паном — рожа с рожей.
Пан спесью и вином надут.
Под паном двое слуг коня его ведут.
Конь гордо выступает,
Пан в спеси утопает,
Подобно как петух.
За паном много едет слуг.
А встретившийся с ним в одежде и́дет скудной.
Пан спрашивал его, как человек рассудной:
«Какое ремесло имеешь за собой?»
— «Приспешник, государь, стоит перед тобой».
— «Коль так, ответствуй мне, доколь не плюну в рожу!
Когда Приспешник ты, так знаешь ли ты вкус,
Что почитаешь ты за лучший кус?»
— «У жареного поросенка кожу», —
Ответствовал Приспешник так.

— «Ты — повар не дурак, —
Пан говорил ему, — и дал ответ мне смело;
Поэтому свое ты прямо знаешь дело».
И по словах его Пан щедро наградил,
Подобно как отец, хотя и не родил.
Приспешник с радости мой, поднимая ноги,
Помчался вдоль дороги.
Навстречу Повару дорогой шел одной —
А кто? Портной.
Знакомцы оба.
Притом же и друзья, хотя и не до гроба,
Однако же друзья.
«Куда ты, брат Илья,
Бежишь поспешно?»
Другой ответствует: «Теперь уж я
Скажу смеленько, брат, что мастерство приспешно
Получше твоего;
Не знаешь ничего
Ты, пьяница Петрушка,
Что будет у Ильи великая пирушка!
Взгляни на мой карман.
Довольны мы с женою оба,
И не прожить нам с ней до гроба,
Что дал нам Пан,
Который лишь теперь проехал пьян».
И вытянул мешок со златом он с лисенка:
«Вот что от пана я достал за поросенка!» —
И денежки в мешечке показал,
Притом всё бытие приятелю сказал.
Портной, на деньги глядя, тает,
Из зависти он много их считает
И помышляет так:
«Конечно, Пан — дурак,
Что дал за поросенка
Мешок он золота с лисенка;
И сам я побегу
И господина настигу;
И если мудрость вся лишь в коже поросячей,
Так я его обрею, как подьячий».
Сказав сии слова,
Пустилась в путь безумна голова.

Пан ехал тихо,
Портной бежал мой лихо
И вмиг
Боярина настиг.
Кричит: «Постой, боярин!
Я не татарин
И не срублю;
Я не имею сабли,
Не погублю.
Все члены у меня в бежании ослабли.
Приспешник я, не вор».
Пан слышал разговор
И, видя за спиною
Бегущего не вора с дубиною,
Коня сдержал.
Портняжка прибежал,
Пыхтит и, как собака, рьяет,
И чуть зевает,
Лишася бегом сил.
Тогда его боярин вопросил:
«Зачем ты, скот, за мною
Без памяти бежал?
Лишь только ты меня, безумец, испужал;
Я думал, что бежит разбойник с дубиною».
Портняжка говорит: «Не вор я, государь!»
А Пан ему на то: «Какая же ты тварь?»
— «Я мастерство, — сказал, — приспешное имею
И хорошо варить и жарить я умею».
Пан тотчас вопросил: «Что слаще у быка?»
Сказал безумец: «Кожа».
Тотчас раздулися у повара бока и рожа,
И брюхо, и спина,
Плетьми ободрана.
Пошел портняжка прочь неспешно
И плачет неутешно —
Клянет боярина и мастерство приспешно.

Между 1763 и 1767

10. КОНЬ ЗНАТНОЙ ПОРОДЫ

Два проданы коня,
Какие — лишь о том не спрашивай меня.
Один был в них хорош, другой похуже;
Так за худого дать не можно цену ту же,
Какая за Коня хорошего дана;
Конь хуже был собой, так меньше и цена.
Хорошего Коня поставили на стойло,
Всегда довольный корм дают ему и пойло.
Конем любуется всечасно господин.
Конь, будто дворянин,
Пьет, ест, гуляет в поле
И поднимает нос.
Другой, всегда в неволе,
Таскает на себе грязь, воду и навоз.
Коню то стало скучно,
Что он с трудами неразлучно;
Наскучила навозна вонь;
Хозяину пеняет Конь:
«Конечно, моего не ведаешь ты роду,
Что возишь ты на мне навоз всегда и воду;
А если бы моих ты праотцев узнал,
Конечно б пред Конем ты первенство мне дал,
Которого купил со мною ты недавно;
Рождение мое, конечно, с ним не равно.
Меня
Такого у себя имеешь ты коня,
Которому Пегас и Буцефал родня;
Так может ли тот конь в равéнстве быть со
мною?»
Хозяин вдруг пресек речь конску дубинóю;
Ударив по спине,
Сказал: «Нет нужды мне
До знатнейшего роду;
Цена твоя велит, чтоб ты таскал век воду».

Между 1763 и 1767

11. МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ЛИСИЦА

С богатым не сварись,
А с сильным не борись —
Старинное еще сие нравоученье.
Читатель, примечай в сей басне приключенье.

Медведь, Лисица, Волк
Пошли на промысел иль, лучше, на ловитву;
Да только во зверях не тот, что в людях, толк, —
Мы ходим со двора, всегда творя молитву.
Молитвы утренни судья в дому прочтя,
Уж смело делает неправду, лоб крестя;
Хотя виновного за деньги и оправит,
Но за молитву то господь ему оставит.
«Судья ведь человек;
Коль с правдой жить ему, так жить без хлеба век», —
Так часто говорят бездушники и плуты,
И деньгами чрез то карманы их надуты;
Но у зверей не так,
Да вот, скажу я, как:
У нас устав —
Богатый прав;
У них устав:
Кто силен — прав.
Но рассуждение теперь сие оставим,
Да сказку к этому старинную приставим.
Как только в океан сокрыло солнце свет,
Медведь, Лисица, Волк пошли искать обед,
Но счастья нет:
Нейдет обед;
А попадались им всё волки ж да медведи,
Которые себе такой же ищут снеди.
Уж близок свет,
Обеда нет.
Товарищи в печале,
Пошли подале
Искать еды;
Нашли следы,
Ни заячьи и ни овечьи
Следы, да человечьи,
А именно мужик,

Который ехал на телеге
И полоть ветчины с телеги потерял,
Когда в лесу стоял
Он на ночлеге.
Лишь только что медведь приник,
Какое счастье вдруг явилось...
Но не во сне ль то снилось?
Увидел: полоть ветчины
Лежит
Среди дороги;
Бежит
Медведь, поднявши ноги;
За ним Лиса и Волк. Но голод утолить
Нельзя: как на́трое делить?
И ежели сказать нескрытно —
Как одному, так сытно.
«Так станем разбирать мы лета, не чины, —
Лиса сказала, —
И кто постаре в сем чину,
Тот ешь и ветчину».
Люба речь Волку стала;
Но старшинство по летам чтоб иметь,
Молчит один Медведь.
Меж тем сказала им Лиса словами сими:
«Нельзя считаться вам со летами моими;
Женился как Адам и Ева замуж шла,
Я не последнею на свадьбе их была:
Была вторая дама».
А Волк сказал в ответ:
«Я старее тебя и твоего Адама:
Как зачался лишь свет,
А я был сед».
Медведь то видит,
Что старшинством их не обидит,
Он полоть в лапу взял,
А сам им так сказал:
«Любезная Лиса и ты, дружочек мой,
Хотя я вас моложе
И нету у меня волос седых на коже,
Подите от меня бесспорно вы домой,
А полоть мой».

Между 1763 и 1767

12. ВОР И ПОДЬЯЧИЙ

Пойман Вор в разбое,
Имел поличное, колечко золотое,
Которое пред тем с Подьячего склевал
В ту ночь, как Вор сего воришка разбивал;
Хотя Подьячего так звать неосторожно,
Однако ж взятки их почесть разбоем можно, —
Затем я назвал так.
Подьячий не дурак,
Да только что бездельник;
Он Вора обличал,
Что точно у него кольцо свое узнал,
И с тем еще других пожитков он искал.
На то в ответ сказал Подьячему мошенник:
«Когда меня за то достоит бить кнутом,
Так должно и тебя пытать, Подьячий, в том:
Когда родитель твой жил очень небогато,
Откуда ж у тебя сие взялося злато?
Разбойник я ночной,
А ты дневной;
Скажу я и без пытки,
Что я пожитки
У вора крал,
Который всех людей безвинных обирал.
С тобою мы равны, хоть на весах нас взвесить;
И если должно нас, так обоих повесить».

Между 1763 и 1767

13. СКУПОЙ

Живал-бывал старик, а в нем была душа,
Котора издержать жалела и гроша;
Чрез что скопил себе он денег много
И столько строго,
Как стоик, жил,
Ел хлеб и воду пил,
И только мой старик лишь денежки копил
И их любил,
Любил он страстно;

И держит их, ему казалося, напрасно;
Но пользы нет,
Хотя б во области имел он целый свет
И злата б множество в дому его лежало:
Скупому прибыли в богатстве нет ни мало.
Он —
Как Молиеров Гарпагон
Или каков у Федра есть дракон,
Который на своем богатстве почивает,
А Сумароков называет
Такого дураком
И стражем своего именья,
Которому в нем нет увеселенья.
Детина с стариком
Был свой или знаком —
За подлинно я вас не уверяю,
А только прежнее я слово повторяю:
Детина с стариком в едином доме жил
И спал с ним на одной постеле;
А пил и ел ту ж воду, тот же хлеб,
Чрез что душа едва держалась в теле;
Но взять детине где б
Послаще съесть кусок? Уж скучил той он пищей.
Скупой живет, как нищий;
Все деньги заключил
В неволе у себя, без прибыли народу,
Без пользы и себе, ест хлеб и пьет он воду.
Детина ту тюрьму хотел освободить
И бедных пленников на волю испустить,
Старается о том и денно он и нощно,
Влюбился в денежки детина и заочно;
Желает страстно он мешки пересчитать,
И стал он наконец любовник, а не тать,
Имея сердце нежно,
Старается прилежно.
Детина был удал;
Он, время улуча, желанье исполняет:
Взял деньги, а мешки песком все наполняет,
А деньгам волю дал;
Старик еще сего несчастия не знает,
Мешки свои с песком за деньги почитает.

Но некогда он класть проценты вскрыл сундук;
Поворотя мешок, не тот услышал стук,
Кой прежде в нем бывал. Старик тут удивился,
Вскричал: «Ахти, пропал я, денежек лишился!»
В беспамятстве упал.
Опомнясь и в тоске у петли уж стоял:
Он с деньгами хотел и живота лишиться.
Детина тут сказал: «Доколь тебе крушиться?
Невозвратимо что,
Жалеть о том почто?
Престань, одумайся, прерви рыданье слезно,
Ведь деньги у тебя лежали бесполезно.
Богатства для тебя довольно в сундуке,
И надобность одна — что в деньгах, что в песке».

Между 1763 и 1767

14. ЭЗОП ТОЛКУЕТ ДУХОВНУЮ

У Федра басню я читал подобну этой,
Которую писать намерен я теперь.
Сказать вам не могу отца того приметой,
Который у себя имел едину дщерь;
И наконец
При старости отец
Впал в тяжкую болезнь и, жизнь от ней кончая,
Душеприказчику он дочь свою вручая,
Завещевает так:
«Когда ты дочь мою, приятель, воспитаешь,
То дружбы в знак
Отдай ей только то, что сам ты пожелаешь,
А прочее мое
Имение — твое».
И в силе таковой духовную сложили,
И руки оба к ней бесспорно приложили.
Пришел конец.
Преставился у девушки отец,
А дочь, богатство и супруга
Осталися в руках у истинного друга,
Который мнит:
Приятель спит,
И спит он вечно.

Так я жену и дочь немножко поучу,
Богатство ухвачу,
И с ним куда хочу,
Туда и полечу
И буду жить беспечно.
Намерение толь его бесчеловечно
Услышала оставшая жена;
Напастью сражена,
Печали не стерпя, скончалась и она
И спит уж также вечно.
Минуло много дней, а может быть, и лет;
Пора исполнити приятельский завет.
Душеприказчик мой явить духовну хочет
И дочь умершего на волю отпустить,
А дружнее себе именье ухватить;
Но дочь хлопочет,
Имения всего отдать ему не хочет,
А просит, чтоб он ей хоть половину дал.
Но он на взятки был удал
И не последний в оных роде.
Пришло ему явить духовную в народе.
Он с ней
Пришел перед судей
И говорит: «Отец ее мне дал на волю:
Какую я хочу, такую ей оставлю долю,
А прочее имение — мое».
Судьи́, потолковав писание сие,
Спросили: «Много ли ты хочешь ей оставить?»
— «Чтоб жадностью себя мне вечно не ославить
И не явить к именью страсть,
Даю я ей десяту часть».
Судьи к духовной приступили
И ум свой о сию духовну притупили,
И наконец ее руками закрепили,
Дабы владел всяк долею своей.
Не нравен приговор казался девке сей;
Не перекочкавши ни и́стца, ни судей,
Заплакав слезно,
Пошла и жалобы творила бесполезно,
Сердца ведь у судей
Не так, как у людей:
Они на слезы не взирают

И все дела бесстрастно разбирают.
Привычка делает искуснейших судей,
Привычка делает бессовестных людей.
Пошла бедняжка вон, на злобу плачась богу.
Пошел бездельник вон, творя себе дорогу,
И грудь несет так гордо, будто зоб.
Навстречу им Эзоп;
Уведав бедныя несчастия причину:
«Постойте, я сниму с сей хитрости личину.
И разрушу́ твою, девица, всю кручину.
Духовная гласит твоя не то;
Пойдем назад к судьям, так я скажу вам, что
Она в себе имеет,
Лишь рассудить ее не всякий разумеет».
Вернулась девушка, Эзоп и весь народ,
Стучатся у ворот
Той камеры, судьи где заседают
И важные дела решат и рассуждают;
Отверзлись наконец судейские врата,
Вступила ко судьям пришедшая чета.
«Зачем ты, девушка, пришла сюда обратно?
Не станем для тебя решить мы то стократно;
Что всем собранием однажды суждено,
То будет и дано,
А больше нет».
Эзопов на сие такой им был ответ:
«Послушайте, судьи, что вам Эзоп расскажет,
И узел вам духовныя развяжет,
И изъяснит ее вам толк».
Собор судей замолк,
А им Эзоп речь тако начинает:
«Кто точную сея духовной силу знает?
Она гласит, чтоб то наследнице отдать,
Чего захочет тот себе безбожный тать.
Исполните ж теперь, судьи, отцову волю:
Ему имения десяту дайте долю,
А прочее добро,
Поместье, злато и сребро,
Отдайте дочери несчастной».
Сей толк был ненапрасной:
Бездушника того вернули пред судей
И приговором всех людей

Имение отца девице возвратили,
А душевредника в темницу посадили.

Между 1763 и 1767

15. ДЕТИНА И КОНЬ

Детина на коне, имея ум незрелый,
Скакал день целый
Во всю коневью мочь.
Приходит ночь,
Лошадушка устала,
Скакать потише стала
И шла шаго́м.
Внезапно с стороны набегли воры.
Детина — трус сражаться со врагом;
Дает лошадке шпоры
И плетью бьет.
Лошадушка нейдет
И говорит Детине:
«Моей уж мочи нет,
Хоть бей, хоть нет меня по спи́не;
Когда б ты давеча умел меня беречь
И не давал мне муки,
Не отдала б теперь тебя ворам я в руки».

Читатель, примечай, к чему моя здесь речь:
Кто в юности свои пороки побеждает,
Тот в старости свой век покойно провождает.

16. НЕРОНУ ОСТРЫЙ ОТВЕТ ДВОРЯНИНА, ПРИЕХАВШЕГО В РИМ

Насмешка вредная бывает иногда
Причиной самому насмешнику вреда.
Ко Не́рону один представлен был детина,
Похожий на него и ростом, и лицом;
А Нерон всем была известная скотина,
Он матерью своей ругался и отцом.

С насмешкой сей тиран детину вопрошает:
«Скажи, пожалуй, мне всю правду, молодец,
Бывала ль в Риме мать твоя, как мой отец
Владел престолом сим?» Детина отвечает:
«Как Клавдии носил порфиру и венец,
Тогда в Рим мать моя не ездила ни разу,
А только многажды по цесарску указу
Приезживал сюда покойный мой отец».

Между 1763 и 1767

17. СОРОКА, ГАЛКА И СОЯ

Сорока с Галкою нашли кусок добра,
Мешечек серебра,
И, сидючи, щекочут,
Друг другу уступить не хочут.
Так йдет спор у обойх,
Летела Соя мимо их,
Спустилася проворно.
«О чем, сестрицы, так вы спорите задорно?»
Сорока с Галкою сказали ей в ответ:
«Сестрица, ты наш свет,
Дружечек,
Нашли мы сей мешечек,
И нам принадлежит он обойм,
А разделить мы не умеем —
Затем и спор имеем».
Сказала Соя им:
«Голубушки сестрицы,
Разумные вы птицы,
Обеих вас люблю,
Позвольте мне, я вас обеих разделю;
Скажите правду мне и не утайте дела:
Которая сперва к мешечку прилетела?»
Тут обе говорят пред Соей: «Я сперва
К находке прилетела».
— «Так мне не разобрать, сестры́, меж вами дела.
Вспорхните ж вы отсель и сядьте на древа,
И коя прилетит при мне к находке прежде,
Той будет серебро». Вспорхнули в той надежде.

Но Соя к серебру полакомее их:
Схватя мешок и сестр оставя обеих,
Внезапно улетела,
А дело их решить по времени хотела.
С того часа между людей несется речь,
Что должно серебро от этих птиц беречь,
Которые по всем домам теперь летают
И если деньги где на окнах обретают,
Себе хватают,
Затем что их они своими почитают.

Между 1763 и 1767

18. ГОЛОВА И НОГИ

Средь склизкия дороги
Расспорилися Ноги
И упрекались, так друг другу говоря:
«Ты б, свет мой, без меня ни разу не ступила,
Когда бы я себя к земле не прилепила».
И тако идет пря,
Но как они Главу имели за царя,
То спор свой разрешить судом ее хотели,
И тотчас их слова во уши прилетели.
Сей умный царь их спор сим словом развязал
И повелительно обеим им сказал:
«Вы так сотворены премудрою судьбою,
Чтоб жить в согласии вам век между собою.
То если кончится согласие меж вас,
Мне будет вред и вам». Они, сей слыша глас,
Пошли, дорогою друг друга сберегая,
И так дошли они дороги склизкой края.

Баснь учит быть судьбе послушным нам всегда,
И тако мы свой век пробудем без вреда.

Между 1763 и 1767

19. ЛЕСТНЫЕ ДРУЗЬЯ

Подите вы сюда, о лестные друзья,
И басне сей внимайте,
Которую теперь сказать намерен я;
Оставьте вы меня и вечно не замайте.
Примера вам искал, но лучше нет,
Как вешний лед,
Которым ехать мне случилось ненароком
Через реку,
А именно Оку,
И в самом месте пре широком
Лед толст и зрился быть надежен;
Но вешний лед хотя и толст, да нежен;
И так его я тверда быти мнил,
Сей льстец меня собой проехать заманил;
Уж ехал я реки на половине —
О небо, страшно мне подумать то и ныне, —
Разрушился сей лед внезапно подо мной,
И я конечно бы покрылся глубиной,
Когда б с младенчества я плавать не учился.
Мой рок через мое проворство умягчился;
Я выплыл, и опять я выбился на лед.

О боже, сохрани от сих меня двух бед!

Между 1763 и 1767

20. РОЗА И ЗМЕЯ

Как некогда Змея так Розе говорила:
«Натура нас с тобой подобных сотворила:
Ты жалишься, как я».
Тогда в ответе речь была Змее сия:
«Злохитрая Змея,
Напрасно ты себя ко мне приткнула боком
И хочешь замарать меня своим пороком:
Я жалю только тех,
Которые меня с невежеством ломают,
А ты, хотя тебя и вечно не замают,
Ты жалишь всех».

Читатель мой, внемли, что пела лира:
Змея — преподлая, а Роза — умная сатира.

Между 1763 и 1767

21. СОВА

В пространный лес
Занес Сову лукавый бес,
В котором до того уж пташечки бывали
И песни сладкие певали.
Взгордясь, Сова
Такие говорит слова:
«Хотя я нот не разумею,
А петь не хуже я кого умею».
Сове не надобен совет,
Всех пташечек зовет
Послушать гласа,
Как будто бы она спустилася с Парнаса.
Слетелись птицы все по зву
Услышати Сову;
Но только что Сова лишь рот свой растворила,
Какую кашу заварила.
Все птицы в оный час
Бранили Совушку и мерзкий ее глас,
И все взнегодовали.
«Зачем нас, — говорят, — зачем нас созывали?
Когда б, безумна, ты чрез зов не собрала,
Тогда б врала
Ты что хотела,
Нам не было бы дела;
Или ты удивить тех птичек прилетела,
Которые слыхали соловья?»

А к этому примолвлю я:
Кто дело сил своих превыше затевает,
Тот так же посрамлен, как Совушка, бывает.

Между 1763 и 1767

22. КОРАБЛЬ И ЛОДКА

Невдалеке
Корабль да Лодочка стояли на реке,
И, вздернув нос,
Сей Лодка Кораблю соделала вопрос:
«Не думаешь ли ты, что я тебя похуже?
«Хоть я тебя собой поменьше и поуже,
Но храбрость я в себе имею ту же,
Какую, великан, в себе имеешь ты:
Я также плаваю, как ты, в пространном море,
И ежели со мной ты хочешь стать в сем споре,
Пойдем, отведаем своих мы тамо сил,
И как бы ветр меня по понту ни носил,
То верь, дружечек мой, что я не ослабею
И пред величеством твоим не оробею».
Окончив разговор,
Пошли окончить спор
И вышли в море;
А на море восстала буря вскоре:
Ужасный ветр ревет,
И гладкий вод хребет
Переменился в горы,
Пловцов покрылись мраком взоры,
И парусы все буря рвет.
Трещит Корабль, и рвутся все веревки,
Пришло не до издевки.
Но Лодке с Кораблем сил равных не дано,
И окончание их было не одно:
Корабль по буре цел, а Лодочка — на дно.

Великая душа в напастях познается,
Какая от небес не всякому дается.

Между 1763 и 1767

23. ЛЕВ, ЗВАНЫЙ К МАРТЫШКЕ НА ОБЕД

Мартышке вздумалось Льва кушать попросить, —
А Лев кого с собой захочет пригласить,
Мартышка будет рада.

Меж прочими зверьми Лев звал Быка из стада,
Чтоб он со Львом
Пошел к Мартышке в дом
Откушать.
Бык должен Льва послушать,
Сбирается Мартышку посетить
И мнит: «Мне надобно рога позолотить;
Мой род на свете знатен;
Так должно, чтобы я Мартышке был приятен».
В безмерной гордости слова сии вещал
И удовольствие заране ощущал,
Как будет перед ним Мартышка уклоняться
И золотым рогам в восторге удивляться.
Итако Бык,
Который завсегда дурачиться обык,
Пошел к Мартышке львов приход предупредить,
Чтоб тем в мартышечьем страх сердце возбудить;
Пришел и говорит:
«Мартышка, я тебя счастливой сотворил
Моим приходом».
Потом Бык начал хвастать родом,
Кто прадед, дед и кто его отец,
И, наконец,
Каков и сам он славен,
И что он Льву едва ли что не равен.
На все слова его
Мартышка говорит: «Не знаю ничего
О роде я твоем; я и тебя не знаю,
А только одного я Льва лишь почитаю.
Издревле знаменит здесь в роде он своем,
А храбростью своей гремит во свете всем.
Пристойно ли тебе, о Бык, со Львом сравниться?
Его весь свет боится,
Тебя никто,
И роги ты свои, скажи, златил начто?»

Читатели мои, я вам напоминаю,
Что этаких Быков довольно в свете знаю,
Которы мнят, что свет тряхнут своей рукой,
А их в одном селе не знают за рекой.

Между 1763 и 1767

24. О ХУЛИТЕЛЕ ЧУЖИХ ДЕЛ

О вы, охотники других дела судить,
Внемлите, я хочу вас басней наградить.
Как сами хочете, вы так ее толкуйте
И по привычке злой меня покритикуйте.
Хвал ваших не хочу,
Доволен только тем, что я вас поучу.
В великолепном доме
Жил некакий Старик,
Который завсегда к работе приобык,
А спал он на соломе.
У старого была Старуха и жена.
Старухе в голову вложил сам сатана
Завидовать боярской неге,
И говорит: «Мы спим в худом наслеге,
Боярин наш всегда лежит в пуховике,
И с барыней, как мышь, зарылся он в муке.
Он насыщается всегда хорошим вкусом,
А мы питаемся негодным самым кусом».
Старик на то в ответ: «Я барину не брат».
Старуха сетует: «Адам в том виноват,
Что мы с боярами живем не в равной доле».
— «Неправда, — отвечал Старик, — но Ева боле
Виновна нашей доле:
Когда б она его заказанным плодом
В раю не искусила,
Так был бы рай наш дом:
Я дров бы не рубил, а ты бы не носила,
И жил бы я в раю, как знатный дворянин».
Подслушав их слова тихонько, господин
Велел тотчас давать им честь с собой едину:
Старухе не гнетут дрова горбату спину,
Старик не рубит дров,
Она их не таскает;
Им стол всегда готов,
И мягко Старичок с Старушкой почивает.
На дюжине им блюд
Пирожного с жарким и соусов дают.
Но только промеж тем станавливалась чаша,
Закрытая всегда. «Так то еда не ваша», —
Боярин им сказал

И раскрывать ее им крепко заказал.
Довольны старички сей пищей близ недели.
Старуха говорит: «Из чашки мы не ели;
Знать, пища в ней других послаще вложена;
Отведаем ее». Старик на то: «Жена,
Вить барин заказал вскрывать нам это блюдо;
А ежели его мы вскроем, будет худо».
— «И, батька, Старичок, худой в тебе провор;
Кто вынесет сей сор из горницы на двор,
Что в чашу мы глядели?
Вить мы еще ее глазами не поели,
Мы прежде поглядим,
И ежели нам льзя, так мы и поядим,
А ежели нельзя, так мы закроем,
Глазами ничего мы в ней не перероем».
И так Старуха тут упела Старика.
Над крышку наднеслась продерзкая рука;
Уже вскрывается заказанная миса...
Увы, из мисы вдруг вон выскочила крыса
И в щель ушла.
Беда пришла!
Трясутся у сего Адама с Евой ножки,
Они не кошки,
И мыши не поймать.
Не лучше ли бы вам век чашки не замать?
Могли бы и без сей вы пищи быть довольны:
Теперь вы утаить сего уже не вольны.
Боярин всякий раз
Смотрел после стола, исполнен ли приказ.
Но тут — лишь вскрыл он мису,
Увидел из нее уж выпущенну крысу,
Пришел и Старика с Старухою спросил:
«Почто вы, старые, приказ мой не хранили?
Напрасно, глупые, вы праотцев бранили,
Когда в вас не было самих к терпенью сил;
Вы то же сделали, что Ева со Адамом.
Подите вон отсель и будьте в том же самом,
В чем были вы сперва:
Ты, старый хрен, руби, а ты таскай дрова».

Между 1763 и 1767

25. СУЕВЕРИЕ

Когда кокушечки кокуют,
То к худу и к добру толкуют.
Старухи говорят: кому вскричит сто раз,
Тому сто лет и жить на свете;
А если для кого однажды пустит глас,
Тому и умереть в том лете.
А к этому теперь я басенку сварю,
И вас, читатели, я ею подарю.
Ходила Девка в лес, услышала Кокушку,
И стала Девушка о жизни ворожить:
«Скажи, Кокушечка, долгонько ли мне жить?
Не выпущу ли я сего же лета душку?»
Кокушка после слов сих стала коковать,
А Девушка моя, разиня рот, зевать.
Подкралася змея и Девку укусила,
Подобно как цветок средь лета подкосила;
Хотя Кокушка ей лет со сто наврала,
Но Девка от змеи в то ж лето умерла.

Между 1763 и 1767

26. СУД КАРТИНЕ

Один то так, другой то инако толкует,
И всякий по своей все мысли критикует.
Льву вздумалось себе Венеру написать,
А дело рассудил Мартышке приказать.
Призвав ее к себе, и тако ей вещает:
«Мартышка, знаю я, что зверь искусный ты;
Примись и сделай мне богиню красоты,
Изобрази ее всех прелестей черты».
Мартышка дело всё исполнить обещает,
Пошла домой исполнить львов приказ.
Ей дочь была своя красавица для глаз;
«Довольно,—говорит,—мне будет для примеру
Намалевать с нее прекрасную Венеру».
И написала в-точь
Свою Мартышка дочь.

«Вот, — с радости кричит, — для удовольства львова
Красавица готова!»
И тако своего Мартышка ремесла
Картину принесла.
Лев, зря картину живу,
«Но только, — говорит, — прибавить должно гриву,
Которая б во всем подобилась моей;
Тогда-то должно честь отдать картине сей».
Мартышка говорит: «То было бы безбожно,
Когда Венерин лик похýлить здесь возможно;
Она точь-в-точь
Похожа на мою большую дочь,
Которая, скажу, красавица, я прямо».
Но Лев стоит упрямо.
«Пожалуй, — говорит, — сей мысли не порочь,
Которой никогда не думаю оставить;
Конечно, надобно, чтоб гриву к ней приставить».
И тако и́дет спор.
Но Лев решити тем сей вздумал разговор:
Собрать зверей и всю скотину
Судить карти́ну.
Мартышка и́дет в суд
И мнит, что честь ее картине отдадут;
Так думала Мартышка.
Пришла всех прежде Мышка:
«Прекрасно, — говорит, — лицо ее и рост,
Да только надлежит прибавить ей мой хвост,
Тогда совсем она красавица явится».
Пришел тут Слон и, зря, дивится:
«Куда, — он говорит, — развратен ныне свет!
У сей красавицы и хобота уж нет».
Верблюд сказал: «Когда б моя спина и ноги,
То прямо бы она красавица была».
Оленю речь была верблюжья не мила:
«Когда бы, — говорит, — мои ей только роги;
Да можно ль, чтоб когда без рог могли быть боги?»
Тут Бык сказал: «Тогда б хорошей льзя назвать,
Когда бы роги ей мои прималевать».
И в том стоял упрямо.
Но Вепрь заговорил: «Не знаете вы прямо
Прямого хóрошства, и так вы дураки;
Ей надобно мои клыки».

Потом пришел Осел к написанной картине:
Не полюбилася и сей она скотине;
Он прочих мненье опроверг
И говорит: «Поверх
Сея прекрасной туши
Когда бы написать мои большие уши,
Тогда б сказал и я,
Что прямо хороша красавица сия».
Козел восстал против зверей и всей скотины,
Когда пришла ему промолвить череда:
«Ко украшению прекрасной сей картины,
Конечно, надобна, — сказал он, — борода».
Крот выполз из норы, сказав: «Хоть я не вижу,
Однако ж думаю, что я вас не обижу,
Когда скажу теперь полезное для вас:
По мненью моему, быть должно ей без глаз».
Противу сих речей тут все взнегодовали,
Невежею Крота и глупым называли;
Однако же Крота хотя всяк глупым звал,
Но мненья своего никто не отставал.
Тогда Мартышка Льву и всем зверям пеняла,
А мненья и она того не отменяла,
Что точно ею львов исполнен был приказ
И что она должна всем нравиться для глаз:
«А если вашего держаться мне примеру,
Так должно написать прегнусную химеру,
А не Венеру».

Между 1763 и 1767

27. СОБАКА НА СЕНЕ

Ни самому не брать
И людям не давать —
У всех завистливых такие странны правы,
И те уставы
У них затверждены;
Такие нравы
От злого сатаны
Сим ядом зависти живут повреждены;
И если он себя не пользует благим,

Однако же отнюдь не хочет дать другим.
А к этому скажу старинную я сказку.
Но где, о муза, где возьму такую краску,
Дабы живее мог я зависть описать?
Один хозяин был, смирен иль забияка,
Того нельзя сказать,
Чего не знаю,
Лишь то напоминаю:
Хозяин был, а у него Собака,
Которая свою жизнь счастливо вела:
Один с ним ела кус, а нá сене спала,
Спала, его не ела,
Да только лишь того Собака не терпела,
Чтобы хозяйская скотина сено ела;
Корова ли придет, иль лошадь сено есть,
Собака всё на них от зависти ворчала
И тем скотине всей безмерно докучала;
Хотя скотина вся просила сена в честь,
Собака не внимала
И к сену не пускала,
А и сама не ест.
Хозяин то приметил
И делом сметил,
Что в псе велика злость.
Он, взявши трость,
Которая была потолще и полена,
А именно он, взявши пест,
Погнал Собаку с сена,
Притом ей говорил: «Поди-тко, друг мой гость,
Под лавку ляг и там гложи вчерашню кость,
Которая тебе осталась от обеда,
Коль честь тебе не в честь;
Травы тебе не есть,
А ешь-ко то, что ест собака у соседа,
А это дай другим, кто может это есть».
Пошла Собака с сена,
Боль чувствуя в боку.
О, чудная премена!
Собаки той кровать досталáсь съесть быку.

Между 1763 и 1767

28. ЛИСИЦА И БОБР

Лисица некогда к Юпитеру ходила
И, идучи оттоль, сошлася со Бобром.
«Куда, — спросил Лису Бобр, — кумушка,
бродила?»
— «Ходила я туда, отколь к нам мещут гром,
И множество с собой я весточек имею, —
Лисица в гордости рассказывала так, —
То ведает не всяк,
Что ныне я, сошед с Олимпа, разумею.
Теперь
Не всякий по земли скитаться будет зверь.
Там вышло повеленье,
И так угодно небесам,
А то определенье
Скрепил Юпитер сам:
Вол с зайцем будут в поле,
Баран, конь, бык и пес
Останутся в неволе:
Медведям, тиграм, львам дремучий отдан лес;
В степях отныне жить слонам дано великим;
Стремнины, горы, рвы козáм, баранам диким;
Болота отданы в дом вечно кабанам;
Бобрам в реках со выдрами вселиться,
А прочее во власть оставлено всё нам».
— «Но человеку чем осталось веселиться?» —
Лисицу Бобр спросил.
— «Сию Юпитер тварь всего того лишил
И не дал нашего проворства ей, ни сил;
Единое ему в утеху он оставил,
Чтоб больше нашего умом своим он правил.
И только, кум,
Для человека лишь один оставлен ум.
Какая для него оставлена безделка!»
Но Бобр Лисе в ответ:
«Ах, кумушка, мой свет,
Худая будет нам со человеком сделка,
И дар сей кончится, конечно, не добром.
Не осердись, что я слова промолвлю грубы:
Он будет лисьи шубы
Опушивать бобром».

Читатели, и вы, мню, скажете здесь то же,
Что качество души телесных сил дороже.

Между 1763 и 1767

29. ОБЩЕСТВО

Не знаю, как
Сошлися четверо в кабак:
Портной, Кузнец, Сапожник
Да хлебопашества художник;
И все за стойкою сидят,
Пьют пиво и вино, подовые едят.
Когда допья́на напилися,
Тогда они разовралися,
И ремесло хвалить тут начал всяк свое.
Портняжка прежде всех сказал других сие:
«Когда бы не было портных на белом свете,
Так вы бы в осени, в весне и жарком лете,
И зиму к ним еще прибавить барышом,
Ходили нагишом».
Сапожник при задоре
Не уступил Портному в споре
И говорит: «Портняжка, врешь!
Ты только платье шьёшь
И одеваешь тело, —
Мое нужнее дело;
Я в свете твоего поболее знаком;
А без меня вы, ходя б босиком
В толь дальние дороги,
Попортили бы ноги;
А вздень-ко сапоги,
Куда ты хочешь — побеги
И ног не береги,
Хоть были бы в пути каменья и пороги».
Крестьянин им на то: «Всё ваше ремесло
Давно б крапивой заросло,
Когда бы не пахал я пашенку святую».
— «Оставьте мысль пустую, —
Кузнец сказал им всем, —
Поболе нуждицы вам в ремесле моем,

Один на свете сем прямой лишь я художник;
Вы чем бы стали шить, Портной, и ты, Сапожник?
А ты б, Крестьянин, чем стал пашенку пахать,
Когда бы перестал я молотом махать?»
Тут Виночерпий им сказал, за стойкой сидя:
«Не можно спорить вам, друг друга не обидя;
На свете положен порядок таковой:
Крестьянин, князь, солдат, купец, мастеровой
Во звании своем для общества полезны,
А для монарха их, как дети, все любезны».

Между 1763 и 1767

80. ОСЕЛ, ПРИШЕДШИЙ НА ПИР К МЕДВЕДЮ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖЕ

Медведь
Поймал быка себе на снедь,
Сзывает хищных всех зверей к себе обедать:
«Пожалуйте ко мне говядины отведать;
Теперь ведь не весна,
Говядина вкусна».
На зов медвежий
Пришли во вкусе не невежи,
А именно пришли тут Волки да Лисы,
Да Рыси с Барсами, раздув свои усы,
А только не было лишь Льва при этом сборе;
Однако вскоре
Пришел Осел в его уборе.
Не знаю, где-то он нашел умерша Льва.
Понравилась Ослу находка такова;
Он содрал львову кожу,
Покрыл ей стан и рожу
И в виде таковом
Хотел к зверям явиться Львом.
Пришел к дверям берлоги.
Узрели звери львовы ноги;
Со трепетом тотчас,
Все купно согласясь,
Пошли для встречи,

Чтоб Льву почтение достойное отдать
И слышать львовы речи;
Однако ж не могли сначала отгадать,
Что то не Лев пришел к ним в гости,
И говорят ему: «О ты, великий Лев,
Смягчись и не приди в жарчайший гнев,
Что только от быка одни остались кости».
Тогда Осел,
Вошед, в большое место сел
И разговорами хотел их удостоить:
«Напрасно вам себя так, братцы, беспокоить,
Уже не хочется обедать Льву,
Затем что ел сегодня я траву».
Услышали тогда речь звери такову,
Пошли меж ими толки,
Заговорили Барсы, Рыси, Волки:
«Львы
Не кушают травы».
Когда же с ним Лиса вступила в разговоры,
Приметила тотчас не львову речь и взоры,
И наконец из многого числа
Никто в собрании не чел уж Львом Осла,
Все гневом закипели
И более Осла с собою не терпели:
Погнали гостя вон, сказавши то ему:
«Здесь вашу братью
Встречают лишь по платью,
Проводят — по уму».

Между 1763 и 1767

31. ГОСПОДИН С СЛУГАМИ В ОПАСНОСТИ ЖИЗНИ

Корабль, свирепыми носим волнами в море,
Лишася всех снастей, уж мнит погибнуть вскоре.
В нем едет Господин, при коем много слуг;
А этот Господин имел великий дух,
Спросил бумаги в горе
И, взяв ее, слугам отпускную писал,
А написав ее, сказал:
«Рабы мои, прощайте,
Беды не ощущайте,

Оплакивайте вы лишь только смерть мою,
А вам я всем отпу́скную даю».
Один из них сказал боярину в ответ:
«Велик нам дар такой, да время грозно;
Пожаловал ты нам свободу, только поздно,
С которой вскорости мы все оставим свет».

В награде таковой немного барыша,
Когда она дается
В то время, как душа
Уж с телом расстается.

Между 1763 и 1767

32. ИГОЛКА И НИТКА

Иголка некогда сказала Нитке так:
«Кто в свете не дурак,
Тот ведает уж всяк,
Что я твой повелитель
И предводитель;
Куда велю тебе, ты следуешь за мной;
Дивится иногда и сам тому портной,
Что так ты мне послушна».
— «Когда б ты не была, Иглишка, малодушна,
Не поступала бы со мною грубо так.
Кто в свете не дурак,
Тот ведает уж всяк,
Что ты сама в себе движенья не имеешь
И без портного рук трону́ться не умеешь.
Внимай, а я тебя наставлю в том уму:
Послу́шны обе мы портному одному».

Сей басни та дорога,
Что всяка власть от бога.

Между 1763 и 1767

83. ПЧЕЛА И ЗМЕЯ

Перед пришествием прохладныя Авроры
Зефир свой аромат на воздух разольет
И оросит власы возлюбленныя Флоры;
Тогда Пчела с цветов сладчайши соки пьет;
Тогда же и Змея цветочки посещает
И соки, как Пчела, на жало истощает,
Которы станут мед на жале у Пчелы,
А у Змеи они ж вредительны и злы.

Баснь эта коротка, читателям не скучит;
Я в ней сказал, что нас писанье разно учит:
С которых книг один полезное сберет,
Другой с того ж письма сбирает только вред,
Которым после он себя и прочих мучит.

Между 1763 и 1767

84. МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ

Случилось, что зимой в лесу бродил Медведь.
Внезапно на него напали Волки,
А зубы у Волков подобно как иголки.
Нельзя со множеством войну ему иметь,
Медведь мой лыжи направляет
И от Волков живот свой бегом избавляет;
Однако ж и они
Попрытче, чем кони́.
Медведю бы нельзя спастися бегом,
По счастью сена стог стоит, завеян снегом;
Хоть он поставлен был высок,
Однако же Медведь с разбегу вскок
И с стогом жизнь свою спасет.
Но что потом? Медведь, сердяся на Волков,
Рвет множество из стога вон клоков
И ими во зверей бросает;
Хотя их перебить,
Не престает он сено теребить,
Доколь из-под себя высокий стог весь розно
В Волков не разметал
И жертвой их на ровном месте стал;

Тогда Медведь жалел о сене, только поздно,
Как Волки, подхватя его, тянули розно.

Читатель, примечай, к чему моя здесь речь:
Кто, не радя, свое именье расточает,
Тот жизнь свою в скорбях и бедности кончает;
Так должно денежку на нуждицу беречь.

Между 1763 и 1767

85. СЛУЧАЙ

Случилось одному Прохожему в пути,
Который столь не мог в суме своей нести,
Чтоб мог пробавиться во всю дорогу пищей:
Запас весь кончился, Прохожий стал как нищей;
Сума с припасами пуста;
Через пустые шел Прохожий мой места,
А хлеба взял с собой весьма неосторожно;
Проголодался так, что бресть ему не можно,
Однако же еще поел оставших крох.
Лег спать; во сне ему привиделся горох
В горшечке;
К несчастью, позабыл он ложечку в мешечке,
И нечем из горшка еды ему достать,
Затем он принужден опять голодный встать,
Взяв ложку в пазуху, и спать опять валится:
«Авось-либо мне сон еще такой приснится;
Тогда не буду я дурак,
Не встану так,
Как встал, без ложки,
Я выем весь горох до крошки».
Безумец, хоть с собой сто ложек наклади,
Уже такого сна не будет впереди.

Толк басни этой в том: кто случай упущает,
Тот после никогда его не возвращает.

Между 1763 и 1767

36. КОШКА И СОЛОВЕЙ

Читатели мои, внимайте басне сей.
Она советует не слушаться речей,
Которые льстецы влагают в уши,
Пленяя лестию своей невинны души,
Под медом кроя яд
Обманчивым своим советом тех вредят,
Которы лестным их словам имеют веру.
А к этому я баснь приставлю для примеру:

Не знаю, где и чей
Был в клетке Соловей
И делал голосом хозяину забаву.
Хотелось Кошечке Соловушка достать,
Пришла и стала так ему болтать:
«Хозяин хочет дать тебе, мой свет, отраву,
От коей, бедненький, ты выпустишь свой дух.
Уверься, птичка, что тебе я верный друг,
И согласись со мной; я клетку разломаю,
Я птичек не замаю
И их не ем;
Известно здесь мое смиренье в доме всем;
Я волю дам тебе златую».
Склонился Соловей на речь ее пустую,
Благодаря свою злодейку так, как мать,
Потом дозволил ей и клетку разломать;

Но только что его на волю вышли ножки —
Ан очутился он в зубах у льстивой Кошки.

Между 1763 и 1767

37. РОЗА И АНАНАС

В какой-то вздорный час
Расспоровалися со Розой Ананас;
Но Роза оного была начало спору,
А спор их был в такую пору,
Когда уж Роза все раскинула листы
И, возгордясь своим пригожством красоты,

Сказала: «Ананас, возможешь ли и ты
Равнятися с моею красотою?
Какой цены я стою,
Того не смыслишь ты;
Всех зрение к себе я привлекаю
И аромат драгой на воздух испускаю;
Во мне-то видит свет
Прекрасный самой цвет;
А ты скуднешенько листки свои изводишь,
И столько на меня ты красотой походишь,
Как свет на тьму.
Я красота всему
На свете».
На то ей Ананас сказал в своем ответе:
«Ты, Роза, хороша в едином только лете,
А мой
Приятен вкус и летом, и зимой».

Читатель, баснь моя сие тебе вещает:
Краса хотя прельщает,
Она прельщает нас
На малый только час;
Когда ж краса минется,
Тогда единый ум при нас лишь остается.

Между 1763 и 1767

88. ДУБ И МЫШЬ

На хо́лме превысоком
Матерый Дуб стоял,
Едва его кто оком
Вершины доставал.
Борей вкруг толста древа
Летает и ревет,
Но наглостию зева
Ни ветки не сорвет.
Дуб горд, велик, надежен,
Толст, крепок и широк. . .
Но к сильным так же смежен,
Как и ко слабым рок.

На верх холма высока вскарабкалася Мышь
И корни подглодала.
Где, Дуб, твоя краса? Она уже увяла,
И ты, скатясь на низ, поверженный лежишь.

Вы, гордостью надуты,
Имев свои сердца,
Помыслите минуты
Толь лютого конца,
Которым свержен Дуб;
Так время острый зуб
Подобно вашу жизнь, как Мышка, подъедает,
А рок на свете всем и вами обладает.

Между 1763 и 1767

39. ЗЕМЛЯ И ОБЛАКО

Лишь только из земли родилось Облачкó
И не обсохло с губ ребячьих молочко,
И не успев почти родиться,
Уж матерью своей дитя сие гордится.
«Жить в низких, — говорит, — пределах не хочу,
Вздымусь и полечу
Во вышние пределы,
Отколе пламенны Юпитер мещет стрелы».
Но мать, его родя,
Жалела о дитяти,
Советует, твердя:
«Лететь тебе некстати
В небесны высоты,
Еще младенец ты,
И сердце о тебе мое болит и ноет;
Так ветр ужасный воет,
И он тебя в клочки, о сын мой, разорвет.
Поберегись, мой свет,
Послушай моего ты матернего слова;
А ежели не так — напасть тебе готова».
Но сын, не слушаясь ее, и власть берет,
Вещает так в себе: «Старуха эта врет,
Она страшится
Меня лишиться.

А если буду я по воздуху летать,
То с радостью меня сама увидит мать,
Несущася высоко.
Но может ли меня ее увидеть око?
Я чувствую то сам,
Что улечу я к небесам».
И, больше ничего не мысля, вверх взлетает,
А там его Борей хватает
И, разъярясь, на части рвет;
Летевши Облачко небесный видеть свет,
Пропало, и его теперь уж больше нет.

Тот в басенке моей себя увидит,
Кто мудрых стариков совета ненавидит
И мысльми забредет, не следуя уму, —
Он будет Облаку подобен моему.

Между 1763 и 1767

40. НЕОСНОВАТЕЛЬНАЯ БОЯЗНЬ

Известно, что, когда гремети станет гром,
Робеющи его не выдут из хором,
Страшася смерти,
Хоть от него еще прямой защиты нет:
Гром так же и в дому, как на поле, убьет;
А только прячутся одни от грому черти,
Да и старухи говорят,
Что будто оттого и храмины горят,
Когда в них прячется от грому дьявол злобный;
Ин будь все мнящи так, старухам сим подобны,
А от судьбы никто не спрячется нигде,
Ни в доме, ни в лесу, ни в поле, ни в воде,
На этот случай я хочу сказать вам сказку,
В которой господин велит впрягать коляску
И хочет к одному он другу побывать;
А может быть, чтоб там он стал и ночевать,
Об этом я не знаю;
Да только баснь мою я снова начинаю.
Был Барин от двора еще недалечкó,
Ан вдруг надвинулось с грозою облачко,

Надвинулося с тыла;
Ударов громных треск
И частых молний блеск
Произвели, что кровь в Боярине застыла;
Кричит он на людей:
«Обороти, ребята, лошадей,
Скачи скорее к дому!»
Так видно из сего, что он боялся грому.
«Скачи, — он говорит, — скорее до двора».
А пред двором его была крута гора;
Боярин знает гору,
Однако же велит скакать он без разбору,
Чтобы скорей ему добраться до хором
И, окна скрыв, сидеть в избе без страху.
А между тем гремит ужасный гром,
И лошади его несут к горе с размаху;
Но столько оная крута была гора,
Что малым чем ее и облако повыше.
Боярин, тише,
Не изломи ребра!
Однако же Боярин мчится,
Затем что грому он боится,
Лишь не боится он погибели прямой,
Велит скакать домой.
Но кони на горе, ярясь, рассвирепели,
«Держи коней, держи!» Держать уж не успели,
Помчали Барина во всю коневью скачь,
Поплачь, Боярыня, о Барине поплачь,
Который поскакал домой, бояся грому,
Однако ж доскакать не мог живой до дому;
Не гром его убил, —
Он сам себя без грому погубил:
Коляска с прыткости на камень наскочила
И кровью барскою весь камень омочила.

Между 1763 и 1767

41. ОТЕЦ И ДЕТИ

Коснувшись жизни края,
Родитель Сыновьям твердил так, умирая:
«Из света я гляжу
И к мертвым отхожу;
А вы, оставшися возлюбленные Дети,
Когда не хочете вы спу́стя рук сидети,
Наставлю вас на лад:
Я в поле у себя зарыл великий клад,
Зарыл, не помню где, так поле вы вскопайте
И, ежели его вы сыщете, владайте».
Сих слов и жития последний был конец.
Преставился Отец,
А Дети, должное отдав почтенье телу,
Придвинулися к делу —
Искати клад,
Но дело их нейдет на лад.
Не зная подлинного места,
Взрывают поле мягче теста;
«Но, знать, ребята, клад в сем поле не лежит;
Насеем жит».
Потом посеяли, и житы их родились;
Труды их им самим сгодились:
Они снимают хлеб и продают;
Им цену за него хорошую дают.
Сторично семена к ним с поля возвратились,
И так, искавши клад, они обогатились.

Кто в хлебопашестве хороший знает лад,
Тот подлинно себе находит в поле клад.

Между 1763 и 1767

42. СОЛНЦЕ И ЛУНА

Так Солнце некогда расспорилось с Луною:
«Не можешь, — говорит, — равняться ты со мною:
Я только что с одра Фетидина вскочу,
Все звезды омрачу,
И ты передо мной бледнеешь,
Сиянью моему противиться не смеешь;

Один останусь я
На целом свете».
На то речь от Луны сия
Была в ответе:
«Великий господин,
Иль в том ты своему блаженству быти чаешь,
Что ты меня собой и звезды помрачаешь
И светишься один?
А я хожу в странах небесных,
Нимало не мрача
Сиянья звезд прелестных,
Сама меж их блещу, как ясная свеча».

О вы, которые имеете ум здравый,
Внемлите басне сей!
Возможно ль тиху жизнь равнять с блестящей славой,
В которой никогда нельзя иметь друзей?

Между 1763 и 1767

43. КРЕСТЬЯНИН, МЕДВЕДЬ, СОРОКА И СЛЕПЕНЬ

Мужик пахал в лесу на пегом на коне;
Случился близко быть берлог на стороне.
В берлоге том Медведь лежал в часы тогдашни,
Увидел мужика, трудящася вкруг пашни;
Покиня зверь берлог,
Хотя и не легок,
Да из берлога скок;
Мужик, зря зверя, стонет,
В поту от страха тонет,
А иногда его составы все дрожат;
Хотел бы тягу дать, да ноги не бежат,
Что делать, сам не знает,
И пашню, и коня с собою проклинает.
Меж тем Медведь на пашню шасть.
Пришла напасть;
Мужик хлопочет:
«Медведь, знать, скушать, хочет
Меня

И моего коня;
Уж о коне ни слова,
Была бы лишь моя головушка здорова».
Ан — нет:
Медведь был сыт, не надобен обед,
Медведю пежины крестьянския кобылы
Понравились и стали милы;
Медведь
Желает на себе такую ж шерсть иметь
За тем крестьянину он делает поклоны
И говорит: «Мужик,
Не устрашись, услыша мой медвежий крик;
Не драться я иду, не делай обороны,
А я пришел просить,
Чтоб мог такую ж шерсть носить,
Какая у твоей кобылы;
Мне пятна черные по белой шерсти милы»
Крестьянин, слыша те слова,
Сказал: «Теперь цел конь, цела и голова,
Полезны эти вести,
Медведю нуждица пришла, знать, в пегой шерсти».
Вещает с радости: «Медведь,
Коль хочешь на себе шерсть пегую иметь,
Так должен ты теперь немножко потерпеть;
Не будь лишь злобен,
Связаться дай и стань коню подобен,
А именно ты будешь пег, как конь».
Медведь связаться дал, мужик расклал огонь
И, головеньку взяв, ей стал Медведя жарить,
Подобно как палач в застенке вора парить,
И, наконец, лишь головенькой где прижмет,
Тут шерсти нет
И пежина явилась.
Медведю пегая уж шерсть не полюбилась;
Он, вырвавшись из рук мужичьих, побежал
И, рынувшись в берлог, под деревом лежал,
Лижа дымящи раны.
«Охти, — он говорил, — крестьяне все тираны
И хуже всех людей,
Когда они так жгут всех пегих лошадей;
Когда б я знал то прежде,
Не думал бы вовек о пегой я одежде».

Лишь речь Медведь скончал,
Сороку бес к крестьянину примчал,
А эти птицы
Охочи до пшеницы,
И только что она на пашню прыг,
Поймал ее мужик,
Поймал, как вора.
Худая с мужиком у бедной птицы ссора:
Он скоро воровство Сороке отомстил, —
Ей ноги изломав, на волю отпустил.
Сорока полетела
И кое-как на то же древо села,
Подле которого Медведь берлог имел.
Потом ко мужику Слепнишка прилетел
И сел лошадушке на спину;
Не стоит мужику для мух искать дубину,
Рукой Слепня поймал
И ног уж не ломал,
Но наказание другое обретает:
В Слепня соломинку втыкает
И с нею он его на волю ж отпускает.
Слепень взвился и полетел,
С Сорокой вместе сел.
Меж тем уж солнушко катилося не низко,
Обед был близко,
Конец был ремесла;
Хозяйка к мужичку обедать принесла,
Так оба сели
На травке да поели.
Тогда в крестьянине от сладкой пищи кровь
Почувствовала — что? К хозяюшке любовь;
«Мы время, — говорит, — свободное имеем,
Мы ляжем почивать;
Трава для нас — кровать».
Тогда — и где взялись? — Амур со Гименеем,
Летали вкруг,
Где отдыхал тогда с супругою супруг.
О, нежна простота! о, милые утехи!
Взирают из-за древ, таясь, игры и смехи
И тщатся нежные их речи все внимать.
Была тут и сама любви прекрасна мать,
Свидетель их утех, которые вкушали;

Зефиры сладкие тихохонько дышали
И слышать все слова богине не мешали...
Медведь под деревом в болезни злой лежал,
Увидя действие, от страха весь дрожал,
И говорит: «Мужик недаром так трудится:
Знать, баба пегою желает нарядиться».
Сорока вопиет:
«Нет,
Он ноги ей ломает».
Слепень с соломиной бурчит и им пеняет:
«Никто, — кричит, — из вас о деле сем не знает,
Я точно ведаю сей женщины беду:
Она, как я, умчит соломину в заду».

Читатель, баснь сия ту мысль тебе рождает,
Что всякий по себе о прочих рассуждает.

Между 1763 и 1767

II

44. ОДА

ПО ВОСШЕСТВИИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ, НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЕ 1762 ГОДА

Спеши, спеши, о дух мой, смело!
Спеши, взносися на Парнас.
Воспеть великое толь дело
Возвысь, о лира, громкий глас,
Последуй радостному звуку,
Воспой Петрову ныне внуку,
Восшедшую на русский трон,
И повторяй веселы клики,
Колико чудеса велики
Соделал бог, прервав наш стон.

Ликуй, Россия, ввек отныне,
В тебе нестройства больше нет;
Ты зришь Петра в Екатерине,
И в ней ты зришь Елисавет.
Она суд с милостью спрягает,
Повинных кротко исправляет,
Заслугам мзду она дает;
Рукой науки покрывает,
Другою милость проливает,
Как солнце луч в пространный свет.

Когда господь хотел избавить
Народ любезный свой от бед
И тем могущество прославить
Свое во весь пространный свет, —

Воззрел к нам кроткими очами
И облеченную лучами
Послал свою премудрость к нам,
Воспосадил ее на троне
Страны сея ко обороне,
В отраду верным, в страх врагам.

О, коль блаженна ты, Россия,
В Екатерине кроткий дух.
Лети во все концы земные
Внушити, слава, громкий слух,
Что здесь премудрость на престоле,
И не страшит Россию боле
Суровость дмящихся врагов.
Ее императрице новы
Сплетаются венцы лавровы
От вернейших ее сынов,

Которых славные победы
В концах вселенныя гремят,
И коих óкрестны соседы
Дела геройски с страхом чтят,
Которых при Елисавете
И при Петре в пространном свете
Всегда гремели имена;
То знают Франкфурт и Полтава.
Но, ах, толика громка слава
Едва была уже слышна!

Уже сии победоносцы,
Которы удивляли свет,
Преславные делами россы,
По тьме преславнейших побед,
Безгласны в оном оставались
И побежденным предавались
В неволю вечную. О, срам,
Когда б вам, россы, жить в свободе,
Тогда к противничей угоде
Позорно заперт Янов храм!

Сие позорище ужасно
И толь великую напасть

Россия зрела повсечасно,
Что лавр ее готов был пасть;
Всегда удара ожидала,
Всегда на гроб Петров взирала,
Со тяжким стоном вопия:
«Восстани, Петр, избавь мя ныне,
Я гибну в грозной бед пучине
И жду защиты твоея.

К тому ль ты расширял границы
Во мне и бунты усмирял,
К тому ль ты мощь моей десницы
Противных силам показал,
К тому ль себя ты беспокоил,
Когда ты флот и грады строил,
К тому ль науки насаждал,
Чтоб после та гремяща слава
И купно с ней моя держава
И вышнего закон упал?

К тому ль меня Елисавета
Избавила от лютых бед?»
Се тако во пределы света
Россия с стоном вопиет.
И с ней гласят ее все чада:
«Восстань, о Петр, всех нас отрада,
Восстань, монарх, любезный нам,
Восстань, яви лицо геройско,
Да паки ободренно войско
Главу подымет к небесам!»

На глас стенящего народа
Возник монарх из земных недр,
Пред ним содро́гнулась природа,
Остановил дыханье ветр.
Герой, воззрев лицом смущенным,
И рек печалью отягченным:
«Прервите ваш, о чада, стон,
И тягость уст сих отложите,
Екатерину возведите
На утвержденный мною трон.

Она отверзет к славе двери,
К тому в ней кровь воспалена.
Она моей подобна дщери,
Ей богом кротость та ж дана;
Моя в ней мудрость обитает,
Она сим скиптром править знает,
Она правдивый даст вам суд,
Она мои дополнит правы,
Она исправит грубы нравы,
Пред ней враги ее падут».

Монарх, вещав сие, сокрылся.
Ужасны ветры вновь ревут,
Геройский дух во всех вселился,
Екатерине вопиют:
«Избавь, богиня, нас от смерти,
Потщись врагов своих ты стерти,
Исхити нас из сильных рук;
Воззри: мы все днесь погибаем,
К твоей защите прибегаем;
Избавь, избавь ты нас от мук».

Екатерина преклонилась
На слезы вéрнейших рабов,
Но как душа ее смутилась
От преужаснейших толь слов:
Стократно просьбою смягчалась,
Стократно паки отрекалась
От императорска венца;
Рекла: «Сыны, престол есть бремя,
Всевышний утолит зло время,
С терпеньем ждите бед конца».

О, мудрость, с кротостью спряженна,
О, всех желание сердец,
О ты, в женах благословенна,
Тебя прославил сам творец!
Хоть ты гонима с Павлом страждешь,
Но власти таковой не жаждешь,
Котору кровью доставать.
Известно, сколько ты терпела,

Однако подданных жалела,
Подобно как рожденных мать.

Но бог, вселенныя создатель,
Твою печаль, наш рок смягчил,
Войны и мира обладатель
Бескровно трон тебе вручил;
Лишь ты ко трону приступила,
Ты меч противных притупила
И дух их гордый сотрясла.
Уже внутри престольна града
Возвеселились верны чада,
Которых ты собой спасла.

О, мать спасенного народа!
Богиня множества градов,
Тебя пустила в свет природа,
Чтоб ты была нам всем покров.
Владей, владей счастливо нами
И купно нашими сердцами;
Уста мои от всех гласят,
С тобой мы пройдем огнь и воду,
Преодолеем всю природу,
Сотрем кичливых сопостат!

Достойно села ты на троне,
Достойно скипетр приняла,
Тебя к порфире и короне
Твоя премудрость привела;
Москва красуется тобою,
Как небо солнца красотою,
Избавившись от грозных туч.
И таковой же ждут отрады
Твоей державы многи грады,
Да к ним блеснет твой ясный луч.

Петров град дни годами числит,
Тебя в себе теперь не зря,
И о тебе всечасно мыслит,

К тебе усердием горя;
Нева, стремяся в бурно море,
Со шумом волн в взаимном споре
Несет ко о́крестным брегам,
Сколь ты премудра и прекрасна,
Толико в гневе ты ужасна
Твоим, монархиня, врагам!

Россия взор свой простирает
Ко трону вечного царя,
Мольбу усердну воссылает,
С восторгом тако говоря:
«Коль я избавлена тобою,
Смягчись, творец, моей мольбою,
Продли Екатерине лет,
Распространи ее державу,
Умножь, умножь гремящу славу
О ней во весь пространный свет!»

1762

45. ОДА
НА НОВЫЙ 1763 ГОД

По всходе светлыя зарницы
Уже приходит солнце в мир,
От златозарной колесницы
Блистает ясный луч в эфир;
Луна бледнеет, звезды скрылись,
И взору нашему явились
Луга, бугры, леса, моря,
И кони бурными ногами
Несут небесными полями
Планет прекрасного царя.

О ты, прекрасный повелитель
Тебе подвластных всех планет,
В пути им мудрый предводитель,
Сугубя днесь в России свет,
Сугубь ты с ним и счастье наше,
Являйся нам с эфира краше,

Предвозвещая тем весну,
Пленясь Екатерины славой,
Под тихою ее державой
Согрей полночную страну.

Содетель бурь нам преужасных,
Беги прочь, дерзкий Аквилон;
Здесь Флора, мать цветов прекрасных,
Готова свой поставить трон;
В морях кипеть престали волны,
Брега веселия все полны,
Не чувствуют волненья вод,
И, видя тишину едину,
Уж флотом мирным всю пучину
Покрыть хотят на новый год.

Лишь слух достиг в концы земные,
Как напряженная стрела,
Что здесь от высоты святыя
Екатерина скиптр взяла, —
Враги оружье оставляют
И паки мир восстановляют,
Разрушенный в Европе всей.
О, коль вы, музы, днесь блаженны!
О, коль вы много одолженны
За то богине мудрой сей.

Она вам двери отверзает
Петром в сооруженный храм,
Она вам милость изливает,
Грядите паки, музы, к нам
И, под великим толь покровом,
В Москве и в городе Петровом
Воспойте вы ее дела.
Ты, Каллиопа, в свет трубою
Гласи, как сильною рукою
Она от бедства всех спасла.

О, Марс, рушитель сладка мира!
Оставь кровавый ныне меч.

Се к пению готова лира,
Внемли ее правдиву речь,
Внемли, коль силен бог содетель,
И что возможет добродетель —
Пример Екатерина в том —
Как на престол она вступила
И как рог гордости сломила,
Спасла и нас, и божий дом.

Как ветр из мрачной тучи дует
И преужасный гром разит,
Пространно море как бунтует
И гибелью пловцу грозит, —
Так нам грозило бед ненастье,
Так гибло обще наше счастье
И зрилось быть уж при конце;
Но вдруг то всё переменилось,
И бедство в счастье претворилось,
Как ты блеснула нам в венце!

Земля и грады торжествуют
В обширной области твоей,
Моря и реки ликовствуют,
Красясь монархиней своей;
Все чувствуют златое время,
Ниспало то ужасно бремя,
Под коим все стенали мы.
Слышна всемирна радость в мире:
Екатерина днесь в порфире, —
Гласят народов многи тьмы.

Представь, о муза, ты мне ныне
Ужасны оны времена,
Когда в глубокой бед пучине
Тонула росская страна:
Она томилась и страдала,
Лишась владык своих, рыдала,
Не зрела бедствию конца
И, безнадежна, обмирала,
С негодованием взирала
На похитителей венца.

К претяжкому России стону
И к скорби всех ее сынов,
Дерзнул тогда коснуться трону
Убийца царский Годунов,
Потом, злодей и раб безбожный,
Низверг его Димитрий ложный
И начал россов угнетать.
О, страх, о, скорбь, о, тяжки раны,
Владеют россами тираны,
И им против не могут стать.

Итак, когда отягощала
Россию власть руки чужой
И злоба силы истощала
Разрушить ввек ее покой, —
Тогда московски падши стены,
Ее же кровью обагренны,
Принявши скипетр, Михаил
Из пепла паки возвышает
И паки россов оживляет,
Которых лютый рок сразил.

По нем прехрабрый победитель,
Герой российский Алексей,
Несчастия ее рушитель,
Великой храбростью своей
Меж многих кроволитных боев
Возвысил рог российских воев
И выше чаянья вознес:
Литва и Крым его трепещет,
Когда он гром и пламень мещет,
Подобно как из туч Зевес.

Но муж, от высоты святыя
Ниспосланный России в дар,
Сей веки обновил златые,
Посея в россов славы жар,
Извел из тьмы на свет их вскоре,
Врагов на суше и на море
Разнес, как плевы сильный ветр.
О ты, российский благодетель

И счастия ее содетель,
Почувствуй в вечности то, Петр!

Почувствуй, как к тебе Россия
Поднесь любовию горит,
Почувствуй, как в концы земные
Всех слава дел твоих гремит;
Почувствуй и возвеселися,
Что веки те же к нам снеслися,
Которы были здесь с тобой.
Они настали нам и ныне,
Мы тем должны Екатерине:
Она нам радость и покой.

Блаженны ею мы, как прежде
Елисаветой были мы,
И веселимся, зря в надежде,
Что Павел всех пленит умы:
В его младенческом уж взгляде,
Россиян к общей всех отраде,
Премудрость матерня цветет;
Сего осталось нам желати,
Чтоб мог он свету показати,
Каков отца его был дед.[1]

Сие желание, о боже,
Сердец всех радостных внемли,
Продли их век, кой нам дороже
Всех благ, которы на земли;
Россия всё тобой имеет:
Екатерина ей владеет.
Гласи, о слава, громко в свет,
А ты, пространная вселенна,
Внемли, коль та страна блаженна,
Котору сам господь блюдет!

1762

---

[1] Петр Великий.

46. ОДА

НА ПРИБЫТИЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ИЗ МОСКВЫ В ЯРОСЛАВЛЬ 1763 ГОДА

Прекрасное светило мира,
Согнав с земли ночную тень,
Сияя, как твоя порфира,
Лиет сугубый россам день;
Сугубы день и здесь открылся,
Когда твой зрак у нас явился,
Ликует весь счастливый град,
Дождавшись таковой судьбины,
Что зрит лице Екатерины,
Исполнь веселий и отрад.

Главу подъемлет он высоко
И обращает всюду взор,
Куда ни простирает око,
Чудес единых зрит собор;
Объят быв ужасом, вещает:
«Не сон ли сладкий мя прельщает?
Я зрю в объятиях моих
Монархиню, от всех любезну,
Прервавшу жизнь россиян слезну,
От бед избавившую их».

В сомненьи быв, сие вещает,
Но трепет речь его пресек;
Свой Волга бег остановляет
И хочет обратиться вверх,
Но по естественному чину
Бежит в Каспийскую пучину
И, негодуя, вопиет:
«Почто мне не дано судьбою
Свой бег сдержать и быть с тобою,
Монархиня, российский свет?»

Поверь, поверь и не смущайся,
О Ярославль, судьбою сей!
Прямым весельем наслаждайся
И в честь монархине своей

Воздвигни из сердец сложенный
Алтарь, усердием возжженный,
Составь торжественный ей лик:
Такою жертвой угождают
Народы, кои почитают
Спасительми своих владык.

Таков ты был в прошедши годы
Благополучен, как и днесь,
Как, на целебные шед воды,
Великий Петр починул здесь.
Блажен и ныне ты, как прежде,
Блажен и будь в такой надежде,
Что не мечтою ты прельщен:
Ты зришь твою императрицу,
Как зришь всходящую денницу,
Которой ныне озарен.

Не тако после бурной ночи
Пловец ждет солнечных лучей,
Как мы желали видеть очи
Давно монархини своей;
Давно усердием пылали,
Давно на трон тебя желали,
Все верные твои рабы;
Давно колена преклоняли,
Давно на небо воссылали
О сем к творцу свои мольбы.

И се надежда совершилась,
Которою питались мы:
Екатерина воцарилась,
Настал день светлый после тьмы,
Настало время нам златое,
Мы все в возлюбленном покое,
Исчезла мгла грозящих туч.
Екатеринины молитвы
Спасли от лютой нас ловитвы,
Сияет в небе ясный луч.

Блаженна та страна святая,
Блажен тот скиптр, блажен тот трон,

Где сам царь, церкви подражая,
Хранит божественный закон.
Россия, так и ты блаженна,
В твоей монархине возжженна
Любовь к бессмертному царю:
Места святые посещает,
Его угодников лобзает,
Приносит жертвы алтарю.

Еще мой дух стремится ныне
Еще на волгски берега,
Я зрю: спешат Екатерине
Взрастить там тьму цветов луга;
Куда ни простираю взоры,
Везде богатство вижу Флоры,
Везде ликующих людей:
Там песни, тамо караводы,
А там в себе прозрачны воды
Изображают тьмы лодей.

Там все усердием пылают
И все во сретенье текут,
Екатерине подстилают
Свои одежды и рекут:
«Гряди по них, о, счастье наше!
Ты нам всего на свете краше.
Ты, лира, гласу подражай,
Греми пред нею велегласно,
Греми с народами согласно
И песнь усердну продолжай».

Но ты каких похвал достойна,
Того не может стих вместить,
Моя не так и лира стройна,
Чтоб пред тобой могла гласить.
К тебе, монархиня, взываю,
Прости мне, что принесть дерзаю
Величеству нестройный стих.
Твою к отечеству заслугу
Чтоб возгласить земному кругу,
Не мне, но славе дел твоих.

А я желал бы днесь и боле
Принесть хвалу тебе поя,
Но мысль моей противна воле,
Слабеет лира в том моя.
Мой ум в сей бездне утопает,
Когда проникнути желает
Твоей премудрости во храм.
Я песнь усердьем скончеваю,
Себя и лиру повергаю
К твоим, монархиня, стопам.

47. ОДА
НА СЛУЧАЙ ИЗБРАНИЯ ДЕПУТАТОВ ДЛЯ СОЧИНЕНИЯ ПРОЕКТА НОВОГО УЛОЖЕНИЯ 1767 ГОДА

Не лесть, монархиня, сплетая,
Приемлю лиру я мою;
К тебе сердечным жаром тая,
Едину истину пою,
Не музу в помощь призываю,
Твои дела воспоминаю
И славе поспешаю вслед:
Восход твой на престол преславен,
Кто может быть с тобою равен!
Тому свидетель целый свет.

Всемощной вышнего рукою
На оный ты возведена,
Для счастья всех и для покою
Тебе монарша власть дана:
Россию вознести, прославить,
Нелицемерный суд восставить,
Дела Петровы окончать.
Сей муж отъят от нас судьбою,
Судьба хотела здесь тобою
Его намеренье венчать.

Петром насеянны науки
Тобою множатся, растут,

Тебе днесь лирны стройны звуки
Хвалу бессмертную поют,
Их гласы, яко быстры воды,
Польются в дальние народы,
Колико их вмещает свет;
Твои дела в России громки,
Узнают поздны их потомки
И слава славе по́йдет вслед.

Надеждой ободренно войско
В полях присутствием твоим,
Когда лицо твое геройско
Явила в виде Марса им:
Чело, бронею украшенно,
Лицо, всё по́том орошенно,
Рука с блестящимся мечем
Являли зрак императрицы,
Как всход пресветлыя зарницы,
Сияющей златым лучем.

Одетая жена героем
Геройский заключает дух,
Стремится перед храбрым строем
Разить и побеждати вдруг;
Гордяся, конь, как вихрь, крутится,
От ног его песок мутится,
Восходит кверху пыль столпом.
Таков был Петр велик во славе,
Когда на брани при Полтаве
Бросал на дерзких шведов гром.

Для будущей готовясь славы,
Ты флотом на морских зыбях
Являла посреде забавы,
Что будет он противным страх.
Уж Бельт суда твои подъемлет
И громы радостные внемлет,
С веселием стремя к ним вал;
Речет: «Се тако Петр Великий,
Имея флот на мне толикий,
Преславно им повелевал».

Куда я взор ни обращаю,
Везде я вижу чудеса
И в восхищении вещаю:
О вы, всесильны небеса!
Россия ныне возблистала,
Ее судьба теперь настала
В концах вселенныя греметь.
Вы всем добром ее снабдили,
Что ей сию определили
В себе монархиню иметь.

Хвалите, россы, бога ныне,
Что вам Екатерину дал,
Воздайте вы Екатерине
Усердных тысящи похвал;
В ней купно мудрость, храбрость, вера;
Екатерине нет примера
На свете из земных владык.
В ней бог свой образ вам являет
И ею всех вас удивляет,
Каков премудр он и велик.

Владетель славен тишиною,
Но, подданных слабейший щит,
Другой кровавою войною
Свою державу пустошит
И славе жертвует народы.
Его владение, как воды,
Которы, с гор лиясь, ревут,
Большие камни с мест их гонят,
Древа матеры с корня клонят,
Терзают берег свой и рвут.

В твоем владеньи польза выше
Текущих из Эдема рек,
Твоя душа зефира тише,
Дающа нам спокойный век;
Услыша кротость сей природы,
Текут от дальных стран народы
К обширной области твоей;
Но что язык мой здесь вещает,

То Волга делом ощущает
В пространствии своих степей.

Там класы на полях желтеют,
Где прежде терния росли,
Там люди о трудах радеют,
Туда художества внесли;
Где прежде звери обитали
И птицы хищные летали,
Где дикая была земля, —
Теперь народы там селятся,
И нимфы в рощах веселятся,
Узрев прекрасные поля.

Престол твой купно окружают
Надежда, вера и любовь,
Твою премудрость обожают,
Закон приемля, люди вновь;
Закон, изображенный ясно,
Зловредный ябедник напрасно
Стараться будет толковать;
Из слов божественных и внятных
Не может мыслей сплесть превратных
И ими правду затмевать.

Судьи возмогут без препоны
Святую истину хранить,
Не могут уж одни законы
И править купно, и винить;
Твоя премудрость в них возблещет,
Порок, сокрывшись, затрепещет
И добродетель процветет.
Увидим правду, как денницу,
Господь с высот свою десницу
Благословить сие прострет.

48. ОДА
НА ВСЕРАДОСТНЫЙ ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ИЮНЯ В 28 ДЕНЬ 1768 ГОДА

Восстань, покоящася лира,
Восстань, оставь свой сладкий сон!
Простри ты взор к пределам мира,
Взнесись со мной на Геликон;
Отверзи разума богатство,
Умножь ты пения приятство,
Яви тем новые красы.
Как стебли масличны живятся,
Когда по зное упоятся
Прохладой влажныя росы, —

Подобно я тебя покоил,
Дабы твой глас не ослабел,
Гремящих струн твоих не строил,
Тебя оставил и не пел.
Но днем сим дух мой восхищенный
Дерзает песни петь священны,
Стремится, жаждет и горит;
Желанье жар во мне рождает,
Усердье ум мой возбуждает
И мысли к пению бодрит.

Но кто мне может их направить,
Кто даст богатство мне речей?
Богиню росскую прославить
Возможно ль песнию моей?
О ты, певец преславный россов!
О, несравненный Ломоносов!
Твой слог отменной красоты,
Твоя огромна песнь и стройна
Была монархини достойна,
Достоин петь ее был ты.

Я хладный прах твой уважаю,
Он в граде оном положен,
Тебе в котором подражаю,
Твоим быв пламенем возжжен;

Приди, настрой мне слабу лиру,
Дабы я мог пространну миру
Твоим восторгом возгреметь;
Да блещут страшные перуны,
Когда ее согласны струны
Начнут Екатерину петь.

Прошедши дни воображая,
Смущаюсь, ужасом объят,
Пучины бед не вижу края,
Я зрю разверст свирепый ад.
Там злоба рвет свои оковы,
Пороки вырваться готовы,
И се они стремятся к нам:
Закон падет, и вера страждет,
Невежество растет и жаждет
Рассыпать муз священный храм.

Но я, богиня, не дерзаю
Взводить на мысль печали тень,
Твои стопы я лобызаю,
Поя торжественный сей день.
О день российския отрады!
Ликуйте вы, спасенны грады
Екатерининой рукой;
Забудьте дни прошедши грозны,
Отныне все потомки поздны
Почувствуют драгий покой.

А ты, о град, из всех блаженный,
О, град счастливый на земли!
Ты, град Петров благословенный!
Блаженству днешнему внемли,
Благослови свою судьбину,
Ты прежде всех Екатерину
Узрел монархиней своей;
Я мню, что все российски грады,
Среди великия отрады,
Судьбе завидуют твоей.

В тебе богиня созидает
Покоя общего столпы,

На коих правда утверждает
Свои пресветлые стопы;
В объятье свет ее сберется,
Столпов огромность не сотрется,
Они крепчае пирамид,
Что нильский брег отягощали,
Главами неба досязали,
Имея гордый только вид.

Здесь гордость вида не имеет,
Смирение блистает вкруг,
Как злато, истина яснеет
И милость, как драгий жемчуг.
Надежда, суд и защищенье,
Столпам прямое украшенье,
Изводят светлые лучи,
Как, после бури в тихом понте
Восшед, звезда на оризонте
Сугубит блеск свой тем в ночи.

Ликуйте, реки стран российских,
Ручьи, разлейтесь по лугам,
Шумящи волны вод балтийских,
Несите к нашим берегам
Суда, богатством отягченны;
Судьи, храните дар священный,
Что зиждут нам ее труды.
Рассыпанно богатство Флоры,
Увеселяй всех смертных взоры,
И дай, Помона, нам плоды.

Трудолюбивою рукою,
Церера, нивы собери,
И, мир, для общего покою
Дверь храма браней затвори, —
Да не дерзает Марс кровавый
Коснуться росския державы
И возмутить златые дни;
Во области Екатерины
Растите всюду, райски крины,
Ее рукой насаждены.

Науки смыслу покоряйте,
Которы вам отворены,
На век свой будущий взирайте,
Младые росские сыны!
Крепитеся и возрастайте,
К монархине любовью тайте
И проникайте знаньем в свет;
За милость ону в воздаянье
Исполньте только то желанье,
Чего она от вас всех ждет.

Отверсто вам блаженства поле,
И течь в него препятства нет,
Екатерина на престоле,
Любезный сын ее растет
И то во младости являет,
Чем муж средь века удивляет:
Осанка, бодрость, светлый взгляд
И кроткий нрав, и сердце нежно,
К наукам тщание прилежно
Сердца и души в нас пленят.

Но что мой взор теперь встречает
И что за глас мне в слух притек?
Екатерине бог вещает:
«Живи во счастии твой век,
Живи и царствуй невредима,
Моей рукою ты хранима,
Живи, живи до поздных лет;
Тебе я вверил часть вселенной,
Паси сей мир благословенный
И удивляй делами свет.

Ты мной на трон сей возведенна,
Тебя помазал миром я,
И ты как злато искушенна
Чистейшее среди огня;
На то ты бедствия сносила,
Дабы твоя душевна сила
Умножила дражайший вес;
Чтоб знала всех ты состоянье,

За труд давала воздаянье,
Смягчалася от бедных слез.

Когда Россию я прославить
Уже упадшую хотел,
Петра я должен был восставить,
Чтоб он с собой ее возвел;
Тебя для славы и покою
Возвел на трон моей рукою,
Дабы Россия процвела.
Она цветет и успевает,
Твоя десница содевает
Мои божественны дела».

Сие изрек содетель мира.
Был слышен сил небесных глас,
Молниевидная порфира
Сокрылася от бренных глаз.
Какий гром в слух мой ударяет?
Се днешню радость повторяет
Тобой избавленный народ;
Сей плеск на небеса стремится,
И слуху шум его разится,
Как шум от сонма многих вод.

49. ОДА

ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ПОБЕДУ, ОДЕРЖАННУЮ НАД ТУРКАМИ ПРИ ДНЕСТРЕ ВОЙСКАМИ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА, ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ГЕНЕРАЛА КНЯЗЯ ГОЛИЦЫНА, И НА ВЗЯТИЕ ХОТИНА

Гремите вы, согласны струны,
Ликуйте, невские брега;
Уже российские перуны
Низвергли гордого врага,
Врага, который мысль надменну
Имел — подвигнуть всю вселенну,
И мнил к ногам ее попрать.
Увидя смертных род в покое,

Прияв намерение злое,
Воздвиг неистовую рать.

Воззрев в наш край завистным оком,
Прегордый Мустафа изрек:
«Я Север съединю с Востоком,
Смущу златый в России век,
Не дам ее гремети славе,
Не дам взнестися сей державе,
Не дам я ей торжествовать».
Надмен быв яростью, гордился,
Вещал: «На то я в свет родился,
Дабы мне им повелевать».

Он мнил: «Достиг я той судьбины,
Чтоб царства в пепел обращать».
Но участь есть Екатерины
Его карати и прощать.
О, Мустафа, ты в злой напасти
Спеши к ногам ее упасти,
Она готова всё простить:
Герой тогда врага терзает,
Коль тот противиться дерзает,
Но падшему не хощет мстить.

Тебя гнев божий постигает,
Не силен ков твой никакой;
Тебе ничто не помогает,
Когда гоним его рукой;
И ветры в помощь нашу дуют,
Против тебя они бунтуют,
Сам Днестр против тебя потек;
Ты должен ратовати, споря
Противу бурь, противу моря,
Противу гор, противу рек.

Исчисль свои кровавы раны,
Исчисль людей своих урон,
Познай льстецов своих обманы,
Они, они твой зыблют трон.
Молдавия опустошенна,

Твоею кровью орошенна,
И твой Хотин у нас в руках;
Бендерски стены распадутся,
Во плен России предадутся
Эвксинский понт, Архипелаг.

Византия увидит вскоре
В себе Екатерины власть,
Тебе на суше и на море
Уже готовится напасть;
Дунай, Евфрат и Нил со Савой
Ее наполнилися славой,
Готовы ей себя предать:
Она рожденна в мир судьбою,
Чтоб царствием твоим, тобою
И всем на свете обладать.

Ее и имя устрашает
Твоих яны́чаров в ночи,
Когда в сраженьи возглашает
Летящ наш воин на мечи;
Он саму гибель презирает,
Врага разит и попирает
В геройских действиях своих;
И только в мысль его приводит —
Бесстрашно в кровных токах ходит
Сраженных воинов твоих.

Ясону некогда Медея
Дала чудесный свой состав,
С которым он ужасна змея
Сразил, к ногам своим поправ.
Но с именем Екатерины
Не только что главы змеины —
Сотрется всяка в свете злость.
С ним россы всё преодолеют,
Врагов, как легкий прах, развеют,
Мечи их сломят, яко трость.

О вы, прехрабрые герои,
Любезны росские сыны!
Вожди, начальники и вои,

Успсхом быв ободрены,
Победы дале простирайте,
С трофея на трофей ступайте,
Да видит го пространный свет,
Что для российския короны
Не страшны войска миллионы,
И ей нигде препоны нет!

Екатерина в ней владеет,
Восшед преславно на престол,
О пользе общей всех радеет,
Храня людей своих от зол;
Рукой науки насаждает,
Другой противных побеждает,
Разит их, гонит и страшит;
Чего желать нам, россы, боле,
Премудрость видя на престоле?
Она нам меч, и шлем, и щит.

Счастливый век к нам возвратился,
Каков в дни Августовы тек,
Наш век наукой просветился,
Блажен, монархиня, наш век!
Там Меценат, наук любитель,
Мужей достойных покровитель,
В нелестных чтется похвалах;
Но мы счастливее трикраты,
Когда столь многи Меценаты
Являются в твоих странах.

О если б глас мой соравнился,
Монархиня, с хвалой твоей!
Тогда б и свет весь удивился,
Пленяясь песнию моей;
Твоих мне дел тьма в мысль вбегает,
Усердье мер не полагает,
Но слаб мой дар их изъяснить;
И чья толико лира стройна,
Котора б петь была достойна
Дела, что свету не вместить!

1769

50. ОДА

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ПРЕСЛАВНУЮ ПОБЕДУ НАД ТУРЕЦКИМ ФЛОТОМ В ЗАЛИВЕ ЛАБОРНО ПРИ ГОРОДЕ ЧЕСМЕ, ОДЕРЖАННУЮ ФЛОТОМ РОССИЙСКИМ, ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ГЕНЕРАЛА ГРАФА АЛЕКСЕЯ ОРЛОВА 1770 ГОДА 24 И 25 МЕСЯЦА ИЮНЯ

Гласи, о муза, песни новы
Во все вселенныя концы,
Готовьте, древеса лавровы,
Для победителей венцы,
Стремитесь, мысленные взоры,
Чрез степи, чрез моря, чрез горы,
Где росс и меч, и огнь несет,
Где он врагов своих карает,
Великость сил их презирает,
Смущает, движет и трясет.

Победам следуют победы,
За славой слава к нам летит,
Внимают о́крестны соседы,
И свет оружье наше чтит;
Нептун главу свою подъемлет
И свисту ядр летящих внемлет
Поверх хребтов средь земных вод,
Пред трон тритона призывает,
Уже ему повелевает,
Да свой направит скорый ход.

Златым трезубцем показует
Ему идущие суда:
«Се зри: их путь изобразует
Кипяща пеною вода;
Не паки ль славные герои
Грядут на разоренье Трои?
Или отважный то Ясон
Руно златое похищает?»
Но паки сам в себе вещает:
«Прешла их слава, яко сон!

Спеши и скоро возвратися,
Исполнь веление мое,

О сих героях известися...
Но кое зрелище сие?
Я зрю: поверх морския влаги
Борей взвевает росски флаги,
Он их взвевает знамена;
Неложны знаки мною зрятся,
Устами воинов гласятся
Преславны в свете имена.

И се наполнилась пучина,
И весь пространный воздух полн:
Гласится там Екатерина,
Гласится Павел между волн!»
Изрек и трон свой оставляет,
Коней свирепых направляет,
Ко флоту росскому грядет;
Пред ним поверх седыя пены
Спешат согласные сирены,
Тритон за ними и́дет вслед.

Меж тем, пучину рассекая,
Победоносный флот течет.
Со удивлением взирая,
Владыка вод и так речет:
«О Петр, когда бы век твой длился,
Ты сам бы днесь возвеселился,
Узря на сих зыбях свой флаг;
Но се его увидят вскоре
Босфор и Мраморное море,
Эвксин и с ним Архипелаг!

Где всход пресветлыя денницы
И где она кончает бег,
Там флота росского границы,
Где жар и где всегдашний снег.
Но кто бы в мысль тогда представил,
Когда ты ботик свой поставил
На малой области моей,
Что будут для Екатерины
Отверсты дальные пучины,
И я послушен буду ей!»

Сие изрек владетель моря,
Обратно шествует в свой дом.
Противу бурных ветров споря,
Был слышен глас его, как гром;
Сирены гласу отвечали
И песнью речь его скончали;
Победоносный флот спешит,
Орловых на себе имея,
Летит и ищет сам злодея,
Уже находит и страшит.

Исполнь сомнения, выходит
Патрон,[1] зря флот наш пред собой,
Уж смельства в сердце не находит,
Едва вступить дерзает в бой;
То бодрствует, то вдруг робеет.
Вся крепость сил его слабеет,
Сразиться хощет и бежать.
Сие ли есть твое геройство?
Сие ли душ великих свойство —
Грозить, хвалиться и дрожать?

Уже я, духом восхищаясь,
Сердечным пламенем горю
И, мысльми тамо обращаясь,
Сражение меж флотов зрю;
Как тучи, вихрями стесненны
И жупелом обремененны,
Летят на ветренних крылах,
Уже взаимною борьбою
Жмут, давят воздух под собою,
И им предъидут смерть и страх!

Так флот пошел противу флота,
Сжимая гордые валы,
И сила веющего Нота
Разгнать меж их не может мглы;
Восходит облак воспаленный,
Летают ядра раскаленны

---

[1] Начальствующий над турецким флотом.

И воздух огустевший рвут.
Там грома гром предускоряет,
Там бездна звук их повторяет,
И бреги ближние ревут.

Повеждь мне, муза, ратоборство
«Евстафия»[1] со «Мустафой»,
Представь мне силу и проворство,
Представь мне их ужасный бой.
Еще я духом обмираю,
Когда на бывший бой взираю.
Я вижу там разверстый ад;
Там всё свирепый огнь объемлет;
Еще мой слух удары внемлет
Летящих в воздух двух громад!

Представя в мысленные взоры
Вокруг объятые огнем,
В пучину двигнувшиесь горы,
При разрушении своем,
Сражавшись пред пловущим строем, —
Герой наш с варварским героем
Сим может быть изображен;
Он страшною своей борьбою,
Как Курций, жертвовал собою,
К своим любовью быв возжжен.

Решилась наша сим судьбина,
Склонилася победа к нам,
Приходит в мысль Екатерина
Ее усерднейшим сынам;
Весь воздух ею наполняют,
Разят врага и прогоняют,
Уж он мятется, прочь течет.
О час! о, радостна премена!
Бежит наш враг, и только пена
Его кровавый кажет след.

---

[1] Имя корабля, на котором были господин Спиридов и граф Федор Орлов. Сей корабль, единоборствуя с главным турецким кораблем, называемым «Императорским Мустафою», победил его, зажег и подорвал.

Корою всюду покровенный,
Ужасный африканский змей
Стремится, копием пронзенный,
Влеча кровавый хвост землей!
К пещере мрачной прибегает,
И яд, и дух свой извергает,
Повержен, как гора, лежит.
Так флот противный нам стремился,
Побег в залив и тамо скрылся
И, заперт, в ужасе дрожит.

Усердьем, славою возжженны
И зря успехи таковы,
Текут ко флоту раздраженны
Герои наши, яко львы;
Не держат их нигде преграды,
Летят на воздух все снаряды
И купно вражески суда:
Исчезла гордость их и сила,
Одних пучина поглотила,
Других постигнула беда.

Лишен наш враг стал флота нами,
Лишен оружия и стрел,
И над восточными странами
Летает северный орел;
Под властию Екатерины
По всем брегам прекрасны крины
И горды лавры возрастут,
Польются с гор ручьи прозрачны,
И рощи, и долины злачны
Сторичный плод ей принесут.

Подателей вселенной света
Екатерина просветит,
Изгонит чтущих Магомета
И паки греков утвердит,
Науки падши там восстанут,
Невежды гордые увянут,
Как листвия в осенни дни;
Не будет Греции примера:

Одна с Россиею в ней вера,
Законы будут с ней одни.

Там все едиными устами
Хвалы немолчны вопиют,
Там нимфы, хóдя меж кустами,
Победы росские поют;
Парнас подобно им взывает,
На помощь россов призывает,
Да прйдут и его спасут,
И се я вижу: чрез пучины
Со именем Екатерины
Герои свет туда несут.

Весь свет о ней наполнен слухом,
Ее дела везде гремят,
Монархи, восхищаясь духом,
И ей подобны быть хотят;
Но участь их с ее несходна:
Иному бодрость не природна,
В том к жалости затворен слух!
Когда же к ней мы взор возводим,
Мы в ней единой всё находим —
И милость, и великий дух.

Усердна лира, глас направи,
Спеши Екатерине вслед
И все дела ее прослави,
Прослави множество побед.
Но можешь ли успеть толико?
Преславных дел число велико,
Как звезд, блистающих в ночи,
И прежде глас твой ослабеет,
Чем все дела воспеть успеет.
О, лира громкая, молчи!

1770

51. ОДА

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ ЕКАТЕРИНЕ ВТОРОЙ НА ВЗЯТИЕ БЕНДЕР ВОЙСКАМИ ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ГЕНЕРАЛА ГРАФА ПАНИНА, 1770 ГОДА, СЕНТЯБРЯ ДНЯ

Еще дымится та пучина,
Еще стенают берега,
Где мудрая Екатерина
Разила гордого врага,
И где, вия венцы лавровы,
Сожгли турецкий флот Орловы;
Еще тот пламень не погас,
Весь Понт кровавой полон пены,
И смирнские трепещут стены, —
Здесь слышим новой славы глас!

Вещает громкою трубою:
«О ты, Петрополь, весь внемли!
Поверглись паки пред тобою
Твои злодеи на земли;
Гордящиеся паче меры,
Уже рассыпались Бендеры,
Уже казнен заднепрский тать;
Твои повергли их махины,
И кто против Екатерины
Возможет в свете постоять?

Великой гордостью надменный,
Не преклонявшийся ничем,
Искусством Панин одаренный
Огнем, громами и мечем,
Отверз град горда Магомета
И брани нынешнего лета
Победой сею заключил;
Чем больше враг стоял в упорстве,
Тем больше славу в ратоборстве
Искусный Панин получил.

Крепящимся врагам во граде
Он силы ставил против сил
И во устроенной осаде
Минерву с Марсом съединил;

Но наконец, пылая гневом,
Махин огромных страшным ревом
Валы высокие поверг,
Не представляя в мысли страха,
Велел полкам лететь с размаха
И тем приял победы верх.

Там, где зари багряны персты
Восточну отверзают дверь,
Пути претрудные отверсты,
О, россы, стали вам теперь;
Не могут ход сдержать ваш скорый
Ни степи, ни леса, ни горы,
Ни вязкость зыблющихся блат.
Когда ж Стамбул сие узнает,
Как воск от пламени растает,
И будет вам отверст сей град!»

Но кая радость дух объемлет,
Какой я вижу ясный свет,
Какому гласу слух мой внемлет?
Се тако божий сын речет:
«Я создал воздух, море, сушу,
Я царства возвожу и рушу,
И я решу меж ветров при;
Мной всяка плоть живет и дышит,
Мной мудрый в свете суд мой пишет,
И мною царствуют цари.

Познайте, земнородны, ныне
И, вся подсолнечна, внемли:
Вручаю гром Екатерине,
Да правит оным на земли;
Сердца кичливы и упорны
Отныне будут ей покорны;
Она возвысит верных рог,
Она не чтущих мя накажет
И свету целому покажет,
Что я един во оном бог».

Изрек, и ангельские хоры
Его воспели чудеса;

Подвиглись жупельные горы,
Ревут и долы, и леса;
От грозного лица господня
Дрожит земля и преисподня,
И всех объемлет смертный страх;
Восток пожаром весь дымится;
Един упорствуя, гордится
Уже стесненный нами враг.

Зря бедствия неизреченны
И зря конечную напасть,
Познай, срацин ожесточенный,
Познай руки господней власть!
Уже на суше и на море
Твоя судьба решится вскоре,
Не жди льстецов твоих защит;
Отвергни гордость и упорство,
Яви монархине покорство,
Оно единый есть твой щит.

Огромны храмы и палаты,
Оружие и весь снаряд,
Прегорды башни и раскаты
Твои на воздух полетят;
Не сильны все твои укрепы,
Разверзет ад свои заклепы,
Им гордость будет пожрана;
Рога луны твоей затмятся,
На всех валах твоих явятся
Полков орлиных знамена.

О боже всех, создатель мира,
Мольбу рабов твоих внуши,
Со высочайшего эфира
Противных мышцы сокруши,
И во обширны их пределы
Пошли твои громовы стрелы,
Рассыпь бунтующих врагов,
Которы брани начинают,
Да вскоре все они познают,
Что ты творец и бог богов.

А ты, российская денница,
Несчетны дни на нас сияй;
Великая императрица,
Над всех сердцами обладай!
Твои дела, во свете громки,
Чудяся будут честь потомки,
Когда б их льзя им все предать.
Ты наша мудра геройня,
Законодавица, богиня,
Монархиня и купно мать!

1770

52. ОДА
ПОБЕДОНОСНОМУ РОССИЙСКОМУ ОРУЖИЮ

Какая буря наступает
И тмит всходяща солнца луч?
Какая молния блистает
И с серою надменных туч?
Какие сердце движут волны?
Смущенны мысли, страха полны,
Внимают преужасный гром,
Не паки ль бог во гневе яром
Летящей молнии ударом
Сражает пагубный Содом?

Я зрю: там хляби растворенны
Готовы грешников пожрать,
Шары, селитрой раскаленны,
Разят тьмочисленную рать.
То россы Порту угнетают
И сильный полк их возметают,
Как вихрями сгущенный прах;
Слабеют их щиты и стрелы,
Уже в расторженны пределы
Вступают гибель, смерть и страх.

Ограды твердые трясутся,
Махины росские ревут,

Крутые вихри в них несутся,
Валы и здания падут;
Над всем сим мрачный воздух воет,
Срацынов дух и сердце ноет,
Российски воинства летят
На стены, всюду укрепленны,
Не мыслят быть преодоленны,
Хотя бы сам подвигся ад.

Исполнен гордости, упорства,
Еще крепится Оттоман
И изобильными притворства,
Носящими в устах обман,
Прельщен коварными друзьями,
Но, зря свой рок перед глазами,
Еще старается сдержать,
Еще становит вновь преграды,
Еще громадами громады
Стремится тщетно отражать.

Как гордый вол, направлен к бою,
Опершись на свои рога,
Увидя льва перед собою,
Мнит быть в нем слабого врага
И рост его пренебрегает,
Ревет, ярится, прибегает,
Куда лишь жар его влечет,
Но только в бой вступить дерзает,
Уж сильный лев его терзает
И с паром кровь его течет, —

Так Порта, гордостью надменна,
Хотела россов низложить,
Забыв о том, что вся вселенна
Оружье их со страхом чтит;
Забыв, когда владела Анна,
Была тогда еще попранна
И падала к ее ногам,
Не помня, что Екатерине
Подвластная Россия ныне
Стократ ужаснее врагам.

Тогда тебя разили в члены,
А ныне в грудь тебя разят,
Хотински и бендерски стены,
Дунай и Днестр сие гласят;
Где всход пресветлыя денницы,
Там ныне росские границы,
Везде нам путь к тебе отверст.
Лишен ты царства многой части:
Морея стала в нашей власти,
За нами Яссы, Бухарест.

Теките, мысли восхищенны,
Премудрости в огромный храм,
И зрите путь там, посвященный
Екатерининым стопам;
Сия богиня в оный входит,
С собой мужей достойных вводит
И с ними купно председит,
Полезным их советам внемлет,
Россию мыслями объемлет,
О благе общества радит

И взором быстрыя орлицы
Предвидит пользу россиян,
Взирая на свои границы,
Взирает в бурный океан,
О всех своих героях мыслит,
Везде победы оных числит,
И прежде грозныя войны,
Пред тем, как в бой вступают войски,
Предвидит качества геройски,
Которым силы вручены.

Устроятся к победам вечным
Сии герои ею, днесь
Пылая пламенем сердечным,
Пренебрегают ужас весь;
Румянцев войски побеждает,
Там Панин грады осаждает,
Орловы вражески страны
Оружьем храбро покоряют,

Везде враги успех теряют,
Везде и все побеждены!

И се я гласу славы внемлю,
Летящия с восточных стран;
Сей глас, наполнивши всю землю,
Наполнил грозный океан,
Вещает так: «Внемли, вселенна,
Срацынска гордость низложенна
Российской сильною рукой,
С которою земны владыки,
Хоть были сильны и велики,
Едва вступать дерзали в бой.

На избавление Салима
Подвигся славный Годефред,
Но сила толь неисчислима
Всегда свой чувствовала вред;
Я зрела там владык плененных,
В оковы тяжки заключенных,
Взводящих к небу томный взор,
Герои в кровных токах тонут,
Другие в тяжких узах стонут.
О, срам, о, страшный всем позор!

А днесь российская держава
Разит сих варваров одна».
Сие гласит трубою слава,
К восторгу быв приведена;
Пространный свет тому чудится,
Екатериной росс гордится,
Дерзает дале успевать.
О, Август, власть твоя скончалась:
Екатерина увенчалась
Вселенной всей повелевать.

1770

58. ОДА

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА РОССИЙСКОГО

Возвеселися днесь, Россия,
И новым светом облекись,
Текут часы в тебе златые,
Ты раем паки нарекись:
Иссякла слез твоих пучина,
Возликовствуй, Екатерина,
Яви нам светлое лице,
Воззри веселыми очами,
Согрей нас милости лучами,
Сияй в порфире и венце.

Се Павел здрав перед тобою,
Се твой священный нам залог;
Его всесильною рукою
Воздвиг с одра всемощный бог;
Се отрасль корени Петрова.
К победам паки будь готова
И паки радостям внемли,
Се Павел твой, се счастье наше;
Вы нам всего на свете краше,
Всего дороже на земли.

О, ужас бывшия печали!
О, страшных действ ее следы!
С тобою купно мы страдали,
Мечтав в умах своих беды.
Когда ты пасмурно взирала,
Тогда Россия обмирала
И возмущались всех умы;
Весельи были нам невнятны,
Победы громки — неприятны,
В объятьи счастья гибли мы.

Когда врагов мы побеждали
В полях геройскою рукой,
Среди трофеев ожидали,
Что нас оставит наш покой;

Когда их стены разрушали,
Тогда мы слез не осушали,
Зря страшну бездну под собой;
Лучи прекрасна солнца тмились,
Сердца и души в нас томились,
Сражались с гневной мы судьбой.

Подобно так зима по лете
Природу узами тягчит.
Бывает всё пременно в свете,
И вся природа в нем молчит;
Угрюмы тучи солнце кроют,
В пещерах страшны ветры воют,
И львы рыкáют по лесам;
В них вянут розы и нарциссы,
Одни печальны кипарисы
Верхи подъемлют к небесам.

Восхода тихия Авроры
Не возглашает соловей,
Богатство у прекрасной Флоры
Отъемлет яростный Борей;
Он древ верхи на землю клонит,
Пастушек с пастухами гонит
С лугов во мрачны шалаши;
В брегах источник устрашится,
Теченья быстрого лишится,
Лишится всё своей души!

Сему подобно вся Россия
Лишалась живности своей,
Когда мечтания презлые
Грозили гибелию ей.
А ты, усердный попечитель,
Наставник Павлов и рачитель,
Ты больше страха всех терпел;
Грозна твоя была судьбина,
Душа с питомцем в вас едина,
Едину часть ты с ним имел.

В твоем лице мы познавали
Над Павлом злой болезни власть,

С тобой крушились, унывали,
Ввергаясь в лютую напасть.
Какую ж радость ощущали,
Когда уста твои вещали,
Что Павел в бодрость приходил,
Потом, что он своим геройством
Души и разума спокойством
Болезнь, как гидру, победил.

Тогда природа оживилась,
Исчезла бледность наших лиц,
Весна прекрасна здесь явилась,
Воспели хоры разных птиц,
Пустились с гор кристальны воды,
Ликуют разные народы,
Отвергши прочь из мысли страх,
Везде веселье вновь родится,
Стократно Павел там твердится
Во всех прерадостных устах.

О, сын премудрой героини,
Прещедрый неба россам дар!
Любови нашей не отрини,
Внемли к себе наш чистый жар,
Велик своим ты в свете родом,
Но больше тем, что чтим народом;
Сие души твоей есть плод.
Такие в свете все владыки
Счастливы, славны и велики,
Которым предан их народ.

Надежда росского народа,
Воззри на искренность сердец;
Тебя пустила в свет природа,
Дабы ты россам был отец.
Сея божественной науки
Навыкнув от Петровой внуки,
Вослед ей бодрственно гряди;
Твой разум в том успех получит,
Она владеть тебя научит,
А ты в храм славы нас веди.

1771

54. ОДА

НА СРАЖЕНИЕ ФЛОТОВ РОССИЙСКОГО С ТУРЕЦКИМ, БЫВШЕЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕМИРИЯ ПРИ УСТИИ ЛЕПАНСКОГО ЗАЛИВА, КОГДА ВЕРОЛОМНЫЙ НАЧАЛЬНИК ТУРЕЦКИЙ ХОТЕЛ, ВНЕЗАПНО НАПАВ НА РОССИЙСКИЙ ФЛОТ, СОЖЕЩИ ЕГО, НО ДАЛЬНОВИДНЫЙ ОНОГО ПРЕДВОДИТЕЛЬ ГРАФ ОРЛОВ, УРАЗУМЕВ СИЕ ЗЛОУМЫШЛЕНИЕ, ПОШЕД НА НЕГО САМ, ВЕСЬ ПРОТИВНИЧИЙ ФЛОТ РАЗБИЛ И БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЕГО СОЖЕГ И ПОТОПИЛ

Багряну ризу распустила
По небу тихая заря
И тем прекрасных дней царя
Приход вселенной возвестила.
Прохладой полный утра час
Взывает дух мой на Парнас;
Уже я лиру восприемлю,
Хочу воспеть, на ней глася,
Приятну песнь произнося,
Что паки мир грядет на землю.

Внезапно прах военный всходит
И солнцу луч простерть претит,
Но слава паки к нам летит,
Срацинов в страх, нас в радость вводит,
Трубу прияв в свои уста,
Гласит сие во все места:
«Внемлите, россы, радость нову,
Победа в ваших днесь руках,
Врагов всех паки обнял страх,
Те паки терпят часть сурову!»

Минерва паки торжествует,
Рыдает паки днесь Агарь,
Глася: «Перун, мне в грудь ударь,
Да слух мой вопля не почует
Моих сраженных ныне чад,
Которых взял свирепый ад,
Исторгнув из объятий нежных.
Коль сил моих попрана мочь,
Сокрой мой стыд ты, вечна ночь,
Дабы не зреть мне дней мятежных.

На то ль я чад моих питала
Покоя в мирной тишине?

На то ль, чтоб горести одне
Я паки чувствовати стала?
На то ль я тщилась их беречь,
Дабы поял всех росский меч?
Рука их тем разит цельнее,
Чем есть пред нею крепче враг,
У росса каждый страшен шаг,
Где есть упор ему сильнее.

Из них подобен всяк Борею,
Чем больше путь его стеснен;
Противу гор, противу стен
Летит он с наглостию всею,
И там его ярчае рев,
Где множество матерых древ;
Но он же тихими крылами
По тучным пажитям летит,
Траву колеблет, не вредит,
Сражаясь с гордыми дубами.

Мои, упившись вод Секваны,
Являли в шумстве бодрый дух;
Но лишь достиг к ним бранный слух,
Разверзлись все их прежни раны,
Которы росс им налагал,
Когда их силы повергал,
Наполнив землю их телами;
Но их покой им излечил,
Когда орел от действ почил
И не разил в их грудь стрелами.

Однако Мустафа надменный
Велит к оружию им течь,
Велит им флот российский сжечь,
Наруша мир постановленный;
Но их изнежил всех харем,
Всяк меч считает за ярем,
Броню свою за тяжко рало;
Уже их храбрый дух простыл,
Уже врагам свой кажут тыл,
Хоть сердце бодростью пылало.

Напрасно в мыслях я мечтала
Ко славе россам путь пресечь:
Се их я паки острый меч
Чрез действа бранны испытала,
Я в мир оружье подняла,
Сразить чтоб росского орла,
Хотя б сей бой мне был поносен;
Но так же бодрствует орел,
Полет его быстряе стрел,
Перун его мне смертоносен.

Уже от невских струй взвевает,
Прешед моря, российский флаг,
Эвксин и весь Архипелаг
Пловущим строем покрывает,
Везде себе взимает дань,
Везде мои лишь вступят в брань, —
Везде урон и неудача,
И днесь в начаты битвы вновь
Течет моих ручьями кровь,
Исполнен воздух вдовья плача.

Стамбул в отчаяньи трепещет;
Исполнен глада, тяжких дум,
Он мнит оружий слышать шум,
Когда вал в брег его заплещет.
Росс близкий мысль его трясет,
Он мнит, что каждый вал несет
К нему с победою оковы;
И, ту предчувствуя напасть,
Раскаты все готовы пасть
И стены пасть его готовы.

Сему подобно исчезают
Снега от солнечных лучей;
Так воды быстрые ключей
От ветров хладных замерзают.
Как солнце тает, стынет кровь,
От россов страх, к своим любовь
Родят в нем действа несогласны:
То мнит вести начатый бой,

То мнит чрез мир найтить покой;
Но все намеренья напрасны!»

Престань рыдати неутешно,
Агарь, о чадех ты своих,
Принудь покорствовати их,
Вели искати мира спешно!
Екатерина, россов мать,
Скора пощаду винным дать;
Но если кто не сдержит слова,
Забыв союзов мирных честь,
В руке ее готова месть
Карать изменника такого!

1772

55. ВОЙНА

Какой ужасный ветр навеял
Тебя, кровавая война?
Раздор тебя меж смертных всеял,
И ты Алектой рождена.
Когда исходишь ты из ада,
Побегнет прочь от всех отрада,
И сквозь сгущенных серой туч
Не светит солнца ясный луч.

Ты яд на землю изливаешь,
Плоды ужасные родишь,
Меж царств союзы разрываешь,
Народы мучишь и вредишь:
Твои советы все суть вредны,
Дела и пагубны, и бедны;
Твой глас колеблет целу твердь,
Твой взор изводит люту смерть.

Ты гонишь ратаев прилежных
К оружию с обильных нив,
Лишаешь мыслей безмятежных,
Сердца их гневом воспламенив;

Наполня ум вражды и злобы,
Ведешь из храмин их во гробы
И из объятий нежных рук
На тысящи несносных мук.

Ты жен с мужьями разлучаешь,
Отцов лишаешь их детей,
Любовниц верных огорчаешь,
Друзей отъемлешь у друзей;
Ты всем несносны скорби деешь,
Младенцев сущих не жалеешь,
Ниже прекраснейших девиц;
Ты санов не щадишь, ни лиц.

Когда ты бранною трубою
Сзываешь войски на поля,
Предъидет смерть перед тобою,
Багрится кровию земля,
Тлетворны ветры вслед тя дуют,
И все стихии вдруг бунтуют,
Разверст там ада зрится зев,
Там всё являет божий гнев.

Где ступишь ты, там всё сгорает
И превращается во прах,
Там тьма безвинных умирает,
Везде отчаянье и страх,
Везде рыдание и слезы,
На пленных тяжкие железы,
На победителях их кровь;
Там страждут дружба и любовь.

Несчастные там жены стонут,
Лишась мужей своих навек,
Мужья, за них сражаясь, тонут
Среди своих кровавых рек.
Сама природа тамо страждет,
Убивством всякий воин жаждет,
Из коих весь составлен строй,
Убийца каждый там герой.

Представь, о древность, мне пред очи
Вселенныя спокойный век!
Там в сладком мире дни и ночи
Препровождает человек;
Земля там в части не делится,
Там вся природа веселится,
Бегут оттоль вражда и гнев,
Там с агнцем почивает лев.

Пастух без робости выходит
Со стадом в тучные луга,
Ни в чем он страха не находит,
Ни в ком не зрит себе врага;
Никто плодов не насаждает,
Плоды сама земля рождает,
Рождает тучное пшено,
Для всех обильно и равно,

Там жители земного круга
Едина кажется семья.
Верна супругу там супруга,
Нелицемерны там друзья;
Там нет ни зависти, ни лести;
Сердца, исполненные чести,
Устами правду говорят;
Все право мыслят и творят.

В таком-то были совершенстве
Живущи твари на земли,
В свободе, братстве и раве́нстве
Счастливу жизнь свою вели.
О жизнь, которой нет примера,
Меж всех была едина вера,
Меж всех единый был закон,
И царствовал над всеми он.

Но, тщетною пленяясь славой,
Неблагодарный человек
И сею лютою отравой
Разрушил сам златый свой век:

Уже его счастливы годы,
Подобно как в пучину воды,
В разверсту вечность протекли
И всё спокойство увлекли.

Тогда исторглись злы пороки
Из адския утробы в свет,
Уже везде кровавы токи
Род смертных, злобствуя, лиет,
Любовь и дружба исчезает,
Там сильный слабого терзает,
Там давит бедного богач,
Тиран, не тронут, внемлет плач.

О страх, о лютая премена,
Земля злодействами полна,
Везде кровавые знамена
Несет с победами война,
Спокойство смертных возмущает,
Прекрасны зданья обращает,
Труды премножества людей,
Во обиталища зверей.

Там многа сила облегает
Отвсюду укрепленный град,
Уже подземна изрыгает
На воздух преужасный ад,
Претемный облак к небу всходит:
Не дождь на землю производит
Сия ужаснейшая мгла,
Но мертвых воинов тела.

Лежат растерзанные члены,
Там труп, а там с главой рука,
И сквозь разрушенные стены
Течет кровавая река;
Несчастный смертных род в ней тонет,
Земля под тяжестию стонет
Возвышенных из трупов гор,
Речет, взводя на небо взор:

«На то ли, боже, извлеченны
Тобою смертные из тьмы,
Чтоб были так ожесточенны
У них все чувства и умы,
Чтоб кровь свою реками лили
И чтоб зверям подобны были?
Не с тем ты, боже, создал свет,
Дабы он был исполнен бед.

Ты свят, ты праведен, незлобен,
Ты щедр, ты царствуешь вовек,
Тебе, во всем тебе подобен
Быть должен всякий человек.
Простри свои святые длани,
Смири неправедные брани,
Мятéжи скоро утиши
И гордых мышцы сокруши.

Кто ближе всех к тебе душею,
Тому во власть меня вручи,
Да он десницею своею
Сотрет враждующих мечи.
Премудрая Екатерина
Сего достойна лишь едина,
Из смертных равного ей нет,
Вручи во власть ее весь свет!»

<1773>

56. ОДА
НА ДЕНЬ БРАЧНОГО СОЧЕТАНИЯ ЦЕСАРЕВИЧА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА И ВЕЛИКИЯ КНЯГИНИ НАТАЛИИ АЛЕКСЕЕВНЫ

Вознесись со мною, лира,
Торжествуя на Парнас,
Да концы пространна мира
Внемлют твой приятный глас;
Перестань, война кровава,
Нежны мысли возмущать,

Се меня взывает слава
Россам радость возвещать.
Музы, глас мой повторяйте,
Мир в сердца людей вперяйте.

Непостижными судьбами
Царь небесный положил,
Чтобы, россы, между вами
Петр в своих потомках жил,
Чтоб художества, науки
И торги у вас цвели,
Чтоб оружий ваших звуки
Разносились по земли,
Чтоб вас други почитали
И злодеи трепетали,

Чтоб цвела Россия ныне
И вкушала век златой,
Скиптр вручил Екатерине
Он десницею святой;
Облачил ее в порфиру,
На главу взложил венец,
Тем явил пространну миру,
Что России он отец.
Что же впредь он обещает —
То нам Павел предвещает.

Под Минервиной рукою,
Яко лавр, он возрастал
И, исполнясь красотою,
Нам героем возблистал;
Днесь вступая в брачны узы,
Проливает радость нам.
Отверзайте, чисты музы,
Мне Гимена светлый храм,
Да увижу тамо ясно,
Сколь сияет он прекрасно.

Над цветущими лугами
Вознесен ко облакам,
Почитаемый богами,
Вижу я огромный храм;

Стены яспис составляет,
И помост его янтарь,
Меж златых столпов сияет
Адамантовый алтарь;
Вкруг стоят надежда, младость,
Дружба, верность, честь и радость.

Счастье там непеременно
В власти сильна божества,
Время в узах заключенно,
Разрушитель вещества.
Нимфы разными цветами
Устилают к храму путь,
И Зефир на них устами
Тщится с тихостию дуть.
Там забавы все теснятся,
Игры, смехи веселятся.

Се, подобна солнцу ясну,
Матерь росских стран грядет
И с собой чету прекрасну
Во святилище ведет.
Им любовь во храм предходит —
Нежных душ всесильный царь —
И младых супругов вводит
Пред блистающий алтарь;
Красоту их зря, дивится,
Сам их пленник становится.

Храма царь чету сретает, —
Множа пламень их, — Гимен.
Мысль в восторге, сердце тает,
Зря грядущих круг времен,
В кои будут наши чада
Во спокойстве обитать;
Павел им отец, отрада,
И Наталия им мать.
О чета, от всех почтенна!
Буди ввек благословенна.

Возносите гласы громки,
Россов множество племен.

Сочетаются потомки
В свете сильных двух колен;
Карл[1] германов покровитель
И преславный был монарх,
Игорь — греков победитель
И всего Востока страх;
Но российские владыки
Многи славны и велики.

С кем же Петр сравнится ныне?
Кто быть может столь велик?
Зрим его в Екатерине
Всех доброт пресветлый лик:
В ней премудрость, бодрость, вера
Обитают навсегда.
Ни Петру, ни ей примера
Не бывало никогда.
Павел может быть им равен:
Он премудр, он будет славен.

Представляется пред очи
Мне судьба грядущих лет:
Посреди глубокой ночи
Вижу дел геройских свет;
Павел Хину побеждает,
Огражденную стеной,
И закон свой учреждает
Над полдневною страной;
И за льдистыми волнами
Побеждать он будет с нами.

Если ж хощет он спокойно
В мире царством обладать,
Упражнение достойно
Может в зрак его предстать:
Заведенные науки
В совершенство приводить,
Что рука Петровой внуки
Тщится ныне насадить.

---

[1] Карл Великий, император Германии, от которого происходит род дармштадтских владетелей.

Венценосцу на престоле
Дел всегда пространно поле.

Мысль плененна прелетает
На восточные края,
Где Россия угнетает
Сопротивника ея;
Вижу там полки орлины,
Вижу их оружий блеск,
С именем Екатерины
Слышу их веселый плеск;
Радость всюду их несется,
Враг от ужаса трясется.

Росс противников карает,
Где есть солнца только свет,
Сил число их презирает,
Поражает, гонит, жмет;
Посреди морской пучины
И во всех частях земных,
Где сражаются срацины,
Там везде погибель их;
Если б в воздухе те жили,
Их и там бы низложили.

Слава громкою трубою
Радость воинству гласит
И лютейшею судьбою
Сопротивникам грозит;
Велегласно возвещает:
«Совершился Павлов брак!»
Россов радость восхищает,
У врагов мутится зрак,
Зависть их сердца терзает,
Кровь от страха замерзает.

Мыслят: если Павел вступит
Праотцев своих в степень,
Злобе жало он притупит,
Нам последний будет день,
День, в который ополчится
Сей герой противу нас,

Солнце наше помрачится,
Лунный свет уже погас:
И земля, и хладны волны
Крови нашей ныне полны.

Тако враг наш, ужасаясь,
В смутных мыслях, вопиет
И, погибели касаясь,
Яд свой с кровию лиет;
Но Россия восхищенна,
Зря прекрасную чету,
К ним любовию возжженна,
Чтит их род и красоту,
Перстом в небо указует
И в восторге предсказует:

«Солнце землю освещает,
Свой в Весах имея зрак,
Много счастья предвещает
Через твой мне, Павел, брак.
Как во осень изобильных
Земледелец ждет плодов,
Так героев я пресильных
От тебя жду в дом Петров,
Править скипетром способных,
Жду владык, Петру подобных!»

Восхищению России
Подражают небеса:
Укротилися стихии,
Зеленеют древеса.
И во дни, когда морозы
Ниспускает к нам эфир,
Здесь цветут прекрасны розы,
И целует их зефир.
Вся природа торжествует
И со Павлом ликовствует.

Но внезапно растворились
Предо мной небес врата,
Мысли светом озарились,
Блещет всюду красота;

Жаром дух мой воспаленный
Продолжати песнь горит.
Но кого? Творца вселенны
На престоле славы зрит.
Мысль видение пленяет,
Бог верхи небес склоняет.

Он предвечными устами
Ко младым супругам рек:
«Благодать да будет с вами;
Продолжайте в счастьи век;
Расцветайте, яко крины,
И во время дайте плод;
Под рукой Екатерины
Ублажит вас смертных род.
Вы ж взаимным жаром тайте,
Россов матерь почитайте!

Вознесу тебя, поставлю
Во геройский светлый лик,
Павел, я тебя прославлю
Между всех земных владык;
Ты ж, по правде побоорая,
Буди в помощь ей скора,
Будь Наталия вторая
И роди во свет Петра —
Рождшей Павла к утешенью
И венца ко украшенью!»

Совершилась всех судьбина,
Торжествуют Павлов брак.
Обрати, Екатерина,
На Россию светлый зрак:
От страны, где льдисты воды,
До страны, где вечный зной,
Веселятся все народы,
Коих скиптр покоит твой.
Все они тобой пылают
И на небо так взывают:

«О творец, всех благ содетель!
Гласу нашему внемли,

Ты на троне добродетель
Прославляешь на земли!
Наших радостей причина,
Душ царица, райский свет,
Россов мать, Екатерина,
Да владеет столько лет,
Сколько к ней сердец пылает:
Весь народ того желает».

1773

57. ОДА

ГОСУДАРЫНЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЕЧНОГО МИРА МЕЖДУ РОССИЙСКОЮ ИМПЕРИЕЮ И ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ ИЮЛЯ ДНЯ 1774 ГОДА

Престали пламенны громады
Вселенной страхом угрожать,
Престали смертны без пощады,
Стремясь, друг друга поражать;
Носяща в недрах смерть всечасно —
Война, чудовище ужасно,
Потупя свой кровавый зрак,
Коней свирепых направляет,
Бежит, вселенну оставляет
И кроется во вечный мрак.

Густые тучи удалились,
Исполнен света стал эфир,
Врата небесны растворились,
Нисходит всем желанный мир;
Чело его являет радость,
Из уст лиет небесну сладость,
Держа оливну ветвь рукой.
Преславный вождь полков российских
Потряс сердца градов асийских
И паки им дает покой.

В полках российских бранны звуки,
В срацинских смолкли вопль и стон;
Торги, художества, науки
Минервин окружают трон.

Лицо иссохшее имея,
Бледнеет Зависть, как лилея,
Российские успехи зря;
Ярясь, сама себя терзает,
Змииным жалом грудь пронзает,
Геенским пламенем горя.

Едва главу свою подъемлет,
Едва возводит тусклый взор,
Там гласы радостные внемлет,
Где прежде царствовал раздор;
Где прежде воздух ядра рвали
И трупы землю покрывали,
Там зрит ликующих людей;
Мятется, стонет и трепещет,
Зубами ржавыми скрежещет
В жестокой ярости своей.

Подобно как пространно море,
По буре укротяся вдруг,
На место волн, кипящих вскоре,
Являет струйки как жемчуг;
Борей уж боле в них не свищет,
Зефир, резвясь, сокрыться ищет,
На мелки части их деля:
Пловец без страха их преходит,
Корабль в пристанище приводит,
Спокойством дух свой веселя.

Се тако жители земные
По буре лютыя войны,
И старцы, купно и младые,
Покоем быв ограждены,
Сердечну радость ощущают
И с восхищением вещают:
«О, коль блаженны мы теперь!
Никто меж нами не восстонет,
Никая скорбь в нас душ не тронет,
Отверста нам ко счастью дверь!»

Но вестница драгого мира
Летит во весь пространный свет;

За ней в пространствии эфира
Не успевают ветры вслед;
К державам мирным поспешает
И им трубою возглашает
России славные дела:
«Внемлите, окрестны соседы,
Судьба сынов ее победы
На вышний степень возвела.

Петром Великим был восставлен
Народ ее и прерожден,
Екатериной днесь прославлен
И в вечном счастьи утвержден;
Владыки русские дотоле,
Сидя на княжеском престоле,
Ордам давали в нем отчет.
Теперь превратна та судьбина:
Великая Екатерина
Ордам владетелей дает.

Завистники российской славы,
Престаньте светом вы мутить:
Екатерина злобны нравы
Возможет ваши укротить.
Уже погибель вам настала,
Она днесь светом возблистала,
Прогнав коварства вредну мглу;
Не страшно ваше пререканье,
Как льва свирепого рыканье
Парящу в солнцев дом орлу.

Где крыться пред богиней сею?
Везде ей новый путь отверст;
Пройдет всё воинство пред нею,
Куда ее укажет перст;
Леса и горы превысоки,
Разверсты пропасти глубоки
Не сильны ход его сдержать:
Оно, покрытое зарями,
Пойдет и сушей, и морями
Гордыню вашу поражать.

А ты, о Белая Россия,
Великия России дщерь,
Пришед из области чуждыя
В объятьи матерни, и верь,
Что ты не рабские оковы,
Но с нею удовольства новы
Отныне будешь ощущать;
Не мнимой волей величаться,
Прямою ею наслаждаться
И благо вечное вкушать.

Вражда, раздор и неустройство,
Источники твоих всех бедств,
Преобратятся во спокойство
И в разны образы торжеств;
Места, войной опустошенны
И всех красот своих лишенны,
Торжественный воспримут вид;
Екатерина всё спокоит,
Блаженство жителей устроит
И духом мирным оживит.

По зное тако оживляет
Аврора томные цветы,
Когда росою окропляет
Почти увядши их листы;
Как ты щедрот ее росою,
Наполнясь новою красою,
Россия, будешь процветать,
Во всем подобясь райску крину.
„Я всех врагов твоих низрину“, —
Речет тебе всех россов мать».

Дерзай, о лира восхищенна,
Превысить тоном днесь Парнас;
Внемли, пространная вселенна,
Внемли ее гремящий глас.
Но что я зрю перед собою?
Се слава, двигнута судьбою,
Разверзла свой пресветлый храм;
Внутри его сияет злато,

Стоят, украшены богато,
Престолы праведным царям.

Среди всех тронов трон возвышен,
Объят сиянием вокруг,
Во храме глас приятный слышен:
«Сей трон за множество заслуг
Российской матери поставлен;
Здесь будет век ее прославлен
По тьме великих в свете дел.
Она до поздных дней достигнет,
До звезд российский рог воздвигнет:
Таков есть вышнего предел.

Наследник Россия державы,
Надежда радостных сердец,
Внимая глас гремящей славы,
Владыка буди и отец,
Мужайся, бодрствуй и крепися,
Владеть у матери учися
И шествуй по ее стопам;
Велик во свете сем и славен,
С Петром и с нею будешь равен
И прийдешь славы в вечный храм.

А ты, великая княгиня,
Со Павлом быв сопряжена,
Российска буди героиня,
Ее герою став жена;
Красуйся ввек своей судьбою,
Когда украшен стал тобою
Младого Павла днесь чертог;
Благословенна вечно буди,
Да узрят вам подвластны люди
Любови вашея залог!»

Позволь достойною хвалою,
О матерь россов, мне вознесть
Героев, кои пред тобою
Являли храбрость, разум, честь.
Ты, муза, мысль мою направи,
Прийди ко мне, меня настави

И лиру мне устрой мою;
И се я глас ее уж внемлю,
Гремящу лиру восприемлю
И с жаром искренним пою:

О вождь российския Минервы,
Кто храм войны нам отворил
И кто, к врагам стремяся первый,
Хотин России покорил!
Твою зря честь и добродетель,
Небес и твари всей содетель
Противных стрелы притупил;
А ты их злобы жаркий пламень
И тяжку силу, яко камень,
В струях Днестровых потопил.

Поправшие прегорды строи
В боях отважных агарян,
Презнаменитые герои,
Хвала и честь полночных стран,
Сыны отечества и други,
За все свои к нему услуги
Венчались вы побед венцем,
И он дотоле не увянет,
Доколь сияти солнце станет
В великолепии своем.

Кагул со Чесмою вещает
Число геройских ваших дел;
Но славы громкой не вмещает
Всея вселенныя предел;
Для ней концы земные тесны,
В которых оба вы известны;
Она в грядущи времена,
Чтоб знали поздные потомки,
Вместит меж звезд победы громки
И с ними ваши имена.

Едину узрят там планету,
Румяна всходит где заря:
Сие являти будет свету
Погибель рода визиря.

Другая будет над волнами
Пылать подобными огнями,
Какими турский флот горел;
Уже я зрю над глубиною:
Луну, объяту вечной мглою,
Терзает северный орел.

Искусный россов предводитель,
Героям будущим пример,
Ты стал прехрабрый победитель
Упорных до тебя Бендер;
Чрез крепость их необориму
Ты россам путь отверз ко Крыму
Великим мужеством своим,
И, множа славы росской звуки,
Преемник твой лишь меч взял в руки —
Упал, пред ним повергшись, Крым.

Всегдашнею гремяща славой
Монархине усердна рать,
Обыкша под ее державой
Противны силы поборать,
Соединенная сердцами,
Победоносными венцами
Украсясь, стань и не греми,
Гряди в отечество драгое
И здесь, в возлюбленном покое,
Достойну почесть восприйми.

Но если кто из смертных рода
Дерзнет покой твой возмутить,
Тогда потщится вся природа
Сему злодею отомстить;
Он узрит купно все стихии
Для защищения России,
К нему в себе несущи страх;
Злодей, содрогнувшись, восстонет,
В ручьях крови своей потонет
И возмятется, яко прах.

А вы, которы составляли
Во храме мудрости совет

И здравым разумом являли
Пути для сбывшихся побед,
Вас время в мраке не оставит
И тех не менее прославит,
Кто в поле ратном пребывал;
Заслуги ваши всех суть разны,
Те были там, вы здесь непраздны,
И все достойны вы похвал.

Восторг мне паки мысль объемлет,
Разверсты вижу небеса.
Какие громы слух мой внемлет!
Шумят дубровы и леса;
Но то не громов страшны споры:
Воспели ангельские хоры
Святые песни всех царю.
Исполнен воздух весь лучами,
Уже душевными очами
Преславное виденье зрю!

Имея трон свой над звездами,
Подножьем солнце и луну,
Творец, непостижимый нами,
Воззрев в полночную страну,
Вещал: «Внемлите, смертных роды,
Внемли, земля, внемлите, воды,
Внемли, огнь, воздух и эфир:
Россию вечно я прославлю
И с нею сей завет поставлю:
Да будет трон ее — весь мир».

1774

58. ОДА

О СУЕТЕ МИРА, ПИСАННАЯ К АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ СУМАРОКОВУ

Всё на свете сем превратно,
Всё на свете суета;
Исчезает невозвратно
Всякой вещи красота:
Младость и лица приятство,
Сила, здравие, богатство,

И порфира, и виссон;
Что в очах нам ни блистает,
Всё то, яко воск, растает
И минется, яко сон.

Всякой вещи в Свете время,
Всякой мысли есть конец;
Старость — наше тяжко бремя
И мучение сердец:
Только старость овладеет,
Кровь, иссякнув, охладеет,
Нежны чувствия замрут;
Что нас прежде услаждало,
Что веселие рождало,
То родит болезнь и труд.

Поместятся мысли скучны
Вместо всех веселых дум,
И печали неотлучны
Отягчати будут ум;
Ум во скуке злой потонет,
Сердце томное застонет
И утех не ощутит;
Всё затмится пред очами,
Дни покажутся ночами,
Что увижу, всё смутит.

Ах! о время дней кратчайших,
Время, лютый наш тиран!
Воды струй твоих сладчайших
Льются в вечный океан.
Мы тобой себя прельщаем,
Только редко ощущаем,
Сколь ты скоро протечешь,
И что в жизни нам приятно,
Ты с собою невозвратно
Всё во вечность увлечешь.

Время всё от нас похитит
И со оным нас самих,
Хоть оно и не насытит
Алчных челюстей своих.

Всё исчезнет то росою;
Время острою косою
Всё ссечет в единый час...
И меня... когда? — не знаю,
Только глас его внимаю,
Сей его внимаю глас:

«Всё, что зрится вам прекрасно,
Всё с собою унесу;
Всё на свете я всечасно
Возмущаю и трясу;
Возведите только взоры:
Где высоки были горы,
Тамо пропасти земны;
Инде киты обитали,
Острова там ныне стали
Из морския глубины.

Где вселялись рыбы, гады,
Там жилища днесь людей;
Превращаю я и грады
В обиталище зверей;
Горы с места предвигаю,
И потрясши их ввергаю
Во пространные моря;
Солнце, звезды со луною
Протекут навек со мною,
И престанет быть заря».

Всякий шаг нам — шаг ко смерти,
Всякий миг влечет нас к ней,
Всякий глас грозит претерти
Вервь кратчайших наших дней.
Что мы думаем иль пишем,
Говорим иль просто дышим, —
Время между тем течет.
Как сие изрек я слово,
Наступило время ново,
А того уж больше нет.

Свет исполнен злых пороков
И исполнен суеты,

Муз любимец, Сумароков,
Возвести о сем мне ты,
Коль во свете всё пременно,
Всё нетвердо, ломко, тленно,
Сан, богатство, жизнь — мечта,
Чем же Свет нам толь прелестен,
Коль всему конец известен?
Что же в нем не суета?

<1775>

59. ОДА

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВУ НА ТОРЖЕСТВО ЗАКЛЮЧЕННОГО МИРА МЕЖДУ РОССИЙСКОЮ ИМПЕРИЕЮ И ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ

Взнесись, моя гремяща лира,
Со мной на светлый Геликон
И в дни возлюбленного мира
Возвыси твой приятный тон;
Забудь войны часы гневливы,
Воззри на лавры и оливы
В победоносцевых руках;
Не грома стук, не молний блески,
Внимай торжественные плески
В Екатерининых полках.

Се ею гидра низложенна
И злоба в ад заключена,
Сугубым светом озаренна
Пространна Росская страна;
Престала быть природа в споре,
Уже на суше и на море
Простерся мир и россов власть.
Героев часть, чтоб мир смущати,
Но мир вселенной возвращати —
Твоя, Екатерина, часть!

Твоя душа героев выше,
Когда война смущает свет;
Твоя душа зефира тише,
Когда сраженным мир дает;

Противным страх, своим отрада,
Союзным твердая ограда,
Гонимым счастием покров;
Минерва ты среди совета,
Щедротою Елисавета,
Имея дух в себе Петров.

В очах твоих премудрость блещет,
Из уст исходит правый суд,
Перед тобою злость трепещет,
Враги к ногам твоим падут,
И пред твоим пресветлым троном
Стоит Фемида со законом;
Закон сей — кротость уст твоих:
Там милость истину сретает,
И мир там правду лобызает,
Держа в объятиях своих.

О вы, вселенныя владыки,
Услышите сей правды глас:
Не тем вы до́лжны быть велики,
Что знаки царские на вас;
Не красила вовек корона
Калигулу, ниже Нерона,
Таких главы тягчит венец.
И Тит не тем прославлен в мире,
Что был во царской он порфире,
Но тем, что Риму был отец.

Екатерину не порфира
Меж вас великою творит;
Екатерина — ангел мира,
Она вселенной мир дарит;
Она не тамо ищет славы,
Где меч лиет ручьи кровавы;
Но ищет той в спокойных днях:
России всей покой устроя,
Себя той вместо беспокоя,
Препровождает дни в трудах.

Когда багряная Аврора,
Оставя плосковидный понт,

Отъемля мрак от смертных взора,
Румянит синий оризонт, —
Монархиня всех пользе внемлет,
Храня людей своих, не дремлет,
Гоня от них печалей тень;
Когда ж прекрасный Феб восходит,
Уже в трудах ее находит,
И в них она кончает день.

Я зрю душевными очами
В подвластный ей привольский край:
Уже, щедрот ее лучами
Согрет, он паки зрится рай;
Уж неплодоносны лозы
Являют на вершинах розы,
Там нивы кажут свой восход,
Там ратай ждет за труд награды,
А там зелены винограды
Сторичный обещают плод.

По долгом тако наводненье
В Египте благотворный Нил,
Снеся с полей воды стремленье,
Оставит меж браздами ил;
Но только солнце тот согреет,
Земля вся жатвой зажелтеет,
Взрастя ей данны семена.
Твоих щедрот лучем нагрета,
Явится жатвою одета
Опустошенная страна.

Там грады, злобой разоренны,
Подобясь кедровым лесам,
Твоей щедротой ободренны,
Главы возносят к небесам;
Казань, из пепла возвышаясь
И, как невеста, украшаясь,
Тебе, монархиня, речет:
«Ты днесь меня возобновила
И, бывшу мертву, оживила.
Се век мой снова потечет!»

Россия, на свои трофеи
Возлегши, зрит повсюду мир,
И внемлет, что ее Орфеи,
Устроя глас гремящих лир,
Не брани страшны воспевают,
Где кровны токи проливают;
Но хор певцов свой ум вперил
Твою воспеть гремящу славу
И веселящуся державу
Под сению монарших крыл.

Москва, венчанная стенами,
Восстав от смертного ей сна,
Горит торжеств своих огнями
И, яко нежная весна,
Поправ лютейшие морозы,
Держа в руках прекрасны розы,
Тебе плетет из них венец.
Но ты сего ль венца достойна?
Что вся Россия днесь спокойна,
Сплетен из наших он сердец.

1775

60. ОДА О ВКУСЕ

АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ СУМАРОКОВУ

О ты, при токах Иппокрены,
Парнасский сладостный певец,
Друг Талии и Мельпомены,
Театра русского отец,
Изобличитель злых пороков,
Расин полночный, Сумароков!

Твоей прелестной глас свирели,
Твоей приятной лиры глас
Моею мыслью овладели,
Пути являя на Парнас:
Твоим согласием пленяясь,
Пою и я, воспламеняясь.

И се твоим приятным тоном
И жаром собственным влеком,
Спознался я со Аполлоном
И музам сделался знаком;
К Парнасу путь уже мне сведом,
Твоим к нему иду я следом.

И так, как тихому зефиру,
Тебе вослед всегда лечу,
Тобой настроенную лиру
Я худо строить не хочу;
Всегда мне вкус один приятен,
Который важен, чист и внятен.

Но вкусы всех воспеть не можно,
Они различны у людей:
Прадон предпочитаем ложно
Расину «Федрой» был своей;
Но что? Прадонов вкус скончался,
Расин победой увенчался.

Не пышность — во стихах приятство;
Приятство в оных — чистота,
Не гром, но разума богатство
И важны речи — красота.
Слог должен быть и чист, и ясен:
Сей вкус с природою согласен.

Я стану слог распоряжати
Всегда по вкусу одному
И тем природе подражати,
Тебе и здравому уму.
Случайны вкусы все суть ломки
И не дойдут они в потомки.

<1776>

61. ОДА

ГРАФУ ЗАХАРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЧЕРНЫШЕВУ, СОЧИНЕННАЯ В ЯРОПОЛЧЕ ИСКРЕННЕЙШИМ ЕГО ПОЧИТАТЕЛЕМ

Градского шума удаляся,
Приемлю лиру я мою,
Во Ярополче веселяся,
Приятность оного пою.
Бегите прочь, градски забавы,
Вы портите сердца и нравы.

Я чистым воздухом питаюсь,
Прогнав от глаз коварства тень,
В эдеме ныне обретаюсь,
Где мне сияет правды день,
Где нет зловредных истуканов,
Клевет, ласкательств и обманов.

Но кто вселяется, устроя
Сию очам приятну смесь?
Я зрю почтенного героя
С почтенною супругой здесь,
Ведущих сельску жизнь в покое.
О жизнь, о время золотое!

Я зрю: собор друзей нелестных
Здесь Чернышева окружил,
Собор мужей, ему известных,
С которыми он в свете жил,
Которых чести он свидетель
И был всегда им благодетель.

Но ты толикому ль народу,
Почтенный муж, благотворил?
Ах, дай мне, дай теперь свободу,
Дабы я правду говорил:
Коль все они к тебе вселятся,
В пространный дом твой не вместятся.

Престани, лира восхищенна,
Его доброты ныне петь,

Рассудком мысль не просвещенна
Не может хвал другим терпеть,
И, может быть, завистник скажет,
Что стих сей лесть едина вяжет.

Но пусть завистник устремится
Хулы неправы мне сплетать,
Вовеки правда не затмится
И будет, яко луч, блистать.
Тебе, герой, тебе известно,
Что я вещаю всё нелестно.

Я, ввек пленяся чистотою
Великия души твоей,
Прельщаюсь сельской простотою,
Устроенной в округе сей:
Места сии подобны раю,
С восторгом я на них взираю.

Подобны солнцевым чертоги
Строитель здесь на холм вознес,
В долу различные дороги
Различный окружает лес:
Там дубы, липы, вязы, клены
Гуляющих покоят члены.

Там далее луга широки
Цветами все испещрены,
Где льются чистых вод потоки,
Между собой съединены:
А там, позадь хинейска храма,
Течет с приятным шумом Лама. [1]

Она собою напояет
Прелестны здешние места,
И позади ее сияет
Срацинска храма красота.
Се зрят глаза, красою пленны,
Все вкусы здесь совокупленны.

---

[1] Река, протекающая сквозь сады графа Чернышева.

И се ко украшенью вида,
Где мест прекрасных сих конец,
Стоит огромна пирамида,
Всех дел Румянцева венец;
В восторге мысль и сердце тает:
Герой героя почитает!

Среди прекраснейшего сада
Всего прекрасней, что ни есть,
Огромна взнесена громада
Императрице росской в честь:
Она ему благотворила,
В местах сих быть благоволила.

Куда ни обращаю взоры,
Везде красы природы зрю,
Чрез рощи, чрез высоки горы
Я в мысли путь себе творю:
Там воды протекают ясны,
С душой владетелей согласны.

Но что мне мысль моя вмещает,
Не силен изрещи язык,
Лишь сердце прямо ощущает,
Что Чернышев везде велик:
Велик ты войск во управленьи,
Велик в своем уединеньи!

<1776>

62. ОДА ИЩУЩИМ МУДРОСТИ

О вы, которых озаряет
Премудрости троякий луч,
Которых разум презирает
Грозу невежства мрачных туч!
О, чада утреннего света,
В собраньи нашего совета
Сия дщерь неба председит,
Вещает тако, нам глаголя:

«Се зрите вы: пространство поля
Пред вашим взором предлежит.

Храня священные законы,
Направьте вы в него свой путь;
Прейдете путь сей без препоны:
Я вашу защищаю грудь.
Под сим божественным эгидом
Не может злоба дерзким видом
У нас сердец поколебать;
Грядите в путь и научайтесь,
Противу злобы ополчайтесь,
Спешите вы торжествовать!

Пусть злоба ядовиты очи
На вас, свирепствуя, прострет:
Она есть отрасль адской нощи,
А вам родитель — днéвный свет.
Нельзя, чтоб дневное светило
Своих лучей не обратило,
Куда сияло искони;
Хоть часто мгла его скрывает,
Оно туманы разрывает,
Пуская в мир свои огни.

Пускай злорéчивы зоилы
На нас свою сплетают лжу,
Я вами их повергну силы,
Я вами свет им покажу;
Их нравы вами укротятся,
Когда ко свету обратятся,
Прияв чрез вас мои лучи.
Когда ж их дух не воспылает
И жить во мраке возжелает,
Пусть ходят в темной сей ночи,

В которой низки души дремлют
И ропщут на творца вовек;
Пускай развратным мыслям внемлют,
Что в тварях беден человек,
И, тайн не поняв священных,

В своих беседах развращенных
Износят на меня хулы;
Но их совет самим им вреден,
Строптив, и пагубен, и беден:
Их мысли полны вечной мглы.

Их утра свет не прикоснется
Дремотою объятых вежд.
Но пусть хотя и не проснется
Вовеки грубых сонм невежд, —
Сердца, исполненные чести,
Не будут им творити мести;
О них лишь будут сожалеть,
Что их глубокой тьмою ночи
Останутся покрыты очи.
Но льзя ль быть мудрым повелеть?

Тому зреть света невозможно,
Кто зрения навек лишен;
Тот мысли простирает ложно,
Чей ум еще несовершен;
Имеющий крыле Икара
Не стерпит солнечного жара;
Когда ж к нему он возлетит,
Лучи светила воск согреют,
Крыле от перья оскудеют,
Он жизнь с полетом прекратит.

Светильник правды нарицаюсь;
Небес прещедрых я есмь дщерь;
Всем ищущим меня являюсь;
Толкущим отверзаю дверь;
Открыв божественну науку,
Просящим простирая руку,
Во храм пресветлый мой веду.
Сей путь весь терннем усеян;
Но храм мой лаврами одеян,
В котором получают мзду.

Сия премудрым сколь приятна
И скольку дух их веселит,

Толико оным непонятна,
У коих мглою ум покрыт.
Дерзайте, отроки, со мною,
Мои я тайны вам открою,
Взнесу вас выше, нежель гром.
Кто хощет, смертный, мя познати,
Тот должен в естестве искати
Меня или в себе самом».

Сие премудрость вам вещает,
Предвечного любезна дщи;
Вас вышних таин приобщает, —
Дерзайте вслед ее тещи,
Грядите, путь свой окончайте,
Победой подвиг увенчайте
И мне пролейте света луч!
Меня не ночь страшит глубока:
Я стану ждати от Востока
Конца мой взор мрачивших туч.

<1778>

63. ОДА «СЧАСТИЕ»

Всех желаниев начало,
Счастье, наших цель сердец!
Ты нас, вшедших в свет, встречало,
Ты наш будешь зреть конец;
Что ты есть и где — не знаем,
Но лишь мыслить начинаем —
Мы грядем тебе вослед.
Мы тебя все ищем тщетно,
И заходим неприметно
Во пучину лютых бед.

Мы, ища тебя, страдаем
И томимся всякий час,
Но тобой не обладаем,
Хоть всегда ты близко нас.
Или наших душ то свойство,
Чтоб терпети беспокойство,

Не вкушая тя вовек?..
Наших бед не ты причина:
Есть на свете бед пучина,
В коей тонет человек.

Сей, ища тебя, томится,
От него ты прочь бежишь:
Сей не тем путем стремится,
На котором ты лежишь;
Тот, нашед тебя, не знает
И в твоих руках стенает,
Мысль в пороки углубя;
За иным бежишь ты са́мо —
Он старается упрямо
Убегати от тебя.

Счастье! мы тебя имеем
Завсегда перед собой,
Но владети не умеем,
Сообщаяся с тобой!
Не в могуществе и власти,
Не в высокой самой части,
Не в богатстве, не в чинах,
Не на знатности дорогах
И не в царских ты чертогах,
Но живешь у нас в сердцах.

В самой лучшей смертных части,
Посреди богатств, утех,
Величайшей люди власти
Иногда несчастней тех,
Кто средь хижины убогой,
Добродетелию строгой
Наслаждаяся, живет.
Богачи слез в море тонут,
И цари на тронах стонут,
Коль в сердцах спокойства нет.

Кто ж о счастье ложным слухом
Мысль свою не повредит,
Тот своим великим духом
Счастье сам в себе родит.

Кто себя не беспокоит,
В сердце храм тот счастью строит,
Счастье в нем свой зиждет трон.
Грусть из сердца удалится,
И вовеки не вселится
В нем тщеславцев гордых стон.

Кто счастливей был в сем мире —
Александр или Дюген?
Александр в венце, в порфире,
Всюду славой окружен,
Царь несчетного народа,
И казалась вся природа
Быть в числе его рабов...
Что ж покой в нем возмущает?
Аристотель возвещает:
Тьмы других ему миров.

Возвещает, как сей воин
И одним не овладел:
Не был вечно он достоин
Внити счастия в предел.
Диогеновы желанья —
Чтоб лучей дневных сиянья
Александр не отвращал,
Пред его вертепом стоя, —
Сей мудрец царя-героя
Больше счастья ощущал.

О Херасков, ты свидетель
Можешь верный в том мне быть,
Что хранящим добродетель
Должно счастие служить.
Если малым кто доволен,
Кто не горд, спокоен, волен,
Тот есть счастлив человек.
Кто ж за счастием стремится,
Тот в пути сем утомится
И не будет счастлив ввек.

<1778>

64. ОДА <«НАДЕЖДА»>

О дар природы милосердой,
Чем мы дыхаем и живем,
О друг нам в жизни сей нетвердой,
Надежда, ты нам служишь всем!
С тобою мы свой век проводим,
Ты — чувств пресветлая заря,
С тобою мы пути проходим,
Пустыни, дебри и моря,
Тобою страхи попираем,
Тобою бедства презираем!

До самой смерти от рожденья
У нас ты в сердце возжжена,
Ты горести для услажденья
Судьбою в нас положена.
Хотя препятства мы сретаем
Для исполненья наших нужд,
Тобою мысли мы питаем,
Тобою страх препятств нам чужд,
И, ободренны быв тобою,
С противной боремся судьбою.

Герой и победитель в брани,
Гласимый древле полубог,
Простерти мысль и храбры длани
К победам без тебя б не мог:
Он жизнь свою скончал бы прежде,
Не распростря своих побед,
Но, одолжен своей надежде,
Покрыл трофеями свой след.
Ты входишь в царские чертоги,
Равно как в хижины убоги.

Иные, на концах вселенны
Живя, за быстростию рек,
Двора и счастья удаленны,
Не могут их достигнуть ввек;
Но их надежда не покинет,
И их собой она бодрит,
Доколе краткий век их минет,

Всегда им счастие сулит.
Без сей же нам приятной жертвы
Мы были б прежде смерти мертвы.

Иные, старостью согбенны,
При дверях гроба уж стоят
И, зря чувств силы погребенны,
Еще жить в свете долго мнят,
И, уже смертью в гроб ведомы,
Богатства тешатся сбирать,
Садят сады и строят домы,
Как будто им не умирать.
Доколе смертный не увянет,
Надежда жить в нем не престанет.

Иной, болезнью удрученный,
Тягча иссохшим телом одр,
С надеждой дух не разлученный
Еще при самой смерти бодр.
Хоть сердце, яко воск, в нем тает,
И с телом смерть уж дух делит,
Надежда дух еще питает
И скорбно сердце веселит,
И посреди сея надежды
Смыкает смерть ослабши вежды.

О дар прещедрыя природы!
В моем ты сердце обитай
И жизни мне в оставши годы
Из сердца вон не вылетай.
С тобой мне сносны огорченья,
Везде меня препровождай,
С тобой не страшны все мученья,
Ты гордость сердца услаждай.
Ты в жизни нашей нам полезна:
С тобою смертным жизнь любезна.

<1778>

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

65. ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 1

Блажен муж, иже нечестивых
Не шел на пагубный совет,
Не стал на путь злодеев льстивых
И вредных бегал их бесед.

Но мысль свою вседневно правил,
Познавши истинный закон,
И им на путь себя наставил,
Чтоб течь к блаженству без препон.

И будет он как древо сильно,
Растуще при исходах вод,
Одето листвием обильно,
Дающее во время плод.

И вся, что он творит, успеет,
Конец его начала благ;
А нечестивый укоснеет
И возмятется, яко прах.

Затем злодеи помрачатся
И не воскреснут для суда,
Из сонма правых исключатся
И в нем не будут никогда.

Путь правых господу известен,
Он помощь им во всем творит;
Но путь есть грешников бесчестен,
И он дела их разорит.

<1773>

66. ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 71

Боже, суд твой даждь царю,
Правду сыну даждь цареву,
Да людей рассудит прю,
Не склоняя мыслей к гневу.

Да восприймут горы мир,
Хóлмы в правду облекутся,
Да исчезнет мзды кумир,
Лжа с хулою пресекутся.

Будет с солнцем равен он,
Превзойдет луну во свете,
И его обымут трон
Мужи здравые в совете.

Как на землю сходит дождь
И творит во оной влагу,
Тако правда будет вождь,
Правя мысль его ко благу.

От конец земли до рек
И от моря он до моря
Будет царствовать вовек;
В дни его не будет горя.

Все враги пред ним падут,
Ног стопы его лобзая,
И цари да принесут
Дары́, мир с ним укрепляя.

Да помолятся ему
Эфиопия и Сава,
И последует сему
По вселенной громка слава.

Да не будет от врагов
Он иметь себе досады,
И в подобие лугов
Процветут его все грады.

Земледельческим трудом
Гор верхи отяготятся,
И трудящися плодом
С нив своих обогатятся.

Будет царствие его
От язык благословенно,
Дни он века своего
Все прейдет беспреткновенно.

Все его да ублажат,
Он о всех да попечется,
И ему подвластных чад
Он отцем да наречется.

Да отыдут плач и стон
От его навек державы,
Да живет всечасно он
Посреди гремящей славы.

О, творец и бог всего,
Ты мольбы сей не забуди,
И желания сего
Исполнитель буди, буди!

<1773>

67. ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА 81

Бог ста в сонме всех богов,
Посреди же их рассудит,
Обличит своих врагов
И исправиться принудит.

Долго ль будете судить,
Судии, не помня бога,
И доколе не щадить
Вам смиренна и убога?

Не оставьте до конца
В злых руках страдати нища,

Да не будет он льстеца
Толь препагубного пища.

Не взирайте на людей,
Одаренных счастьем многим,
Долг есть праведных судей —
Всех судить законом строгим.

Прежде должно всей земли
Основанию упасти,
Нежель вы б когда могли
Поработать вашей страсти.

Аз вам рек, что боги вы
И сыны творца вселенны,
И желал, чтоб таковы
Были вы пресовершенны.

Вы ж по образу людей
Иго смертное несете
И, в подобие князей,
Во пороки злы падете.

Боже, ты сие внемли,
Сколь неправды в нас велики;
Воскресни́, суди земли
И наследуй меж языки!

<1773>

68. О СТРАШНОМ СУДЕ

Ужасный слух мой ум мятет,
Престрашны громы загремели,
Моря и реки закипели,
Смутился весь пространный свет.
Лицо прекрасна солнца тмится,
Луны погибла красота,
Земля пожарами дымится,
Объял все пламень вдруг места.

Разверз свой зев несытый ад,
По сфере грозны молньи блещут,
Сердца претвердых гор трепещут,
Леса, поля, луга горят;
Из высочайшего эфира
Горящи звезды вниз падут.
Приходит час кончины мира,
Последний день и Страшный суд.

И се уж глас трубы шумит,
Взывая всех из хлябей темных,
Из вод, из пропастей подземных:
«Приймите, смертны, прежний вид,
Иссохши кости, восставайте,
И, пепел, телом облекись,
Ответ в делах своих давайте,
Пред суд, весь смертных род, стекись!»

По трубном гласе вопль восстал,
Разверзлась дверь земной утробы;
Уже вскрываются и гробы,
Пространный воздух восстенал;
Оковы грешники ломают,
Спеша предстать на Страшный суд;
Мытарства тени изрыгают,
И хляби до́бычь отдают.

Тревогу вижу я костей
Из ставшего из пепла тела;
Со действом вышнего предела
Облекся плотью всяк своей;
Стенанье тяжко испуская,
Судьбы со трепетом ждет всяк;
Трепещут, рвутся, воздыхая;
Бледнеет каждого там зрак.

Колеблется неробкий дух,
Сердца отважны встрепетали,
Когда во равенстве предстали
И царь, и воин, и пастух;
Гордящись силою премногой,

Бессильны зрятся на суде;
Богатый вкупе и убогой
В единой страждут там беде.

Едва приняли вид иной,
На свет взглянули смертны очи,
Уже им жаль глубокой ночи,
Котора крыла их собой;
Им сносней та была минута,
В которую теряли свет,
Когда ссекала смерть прелюта
Число желанно ими лет.

Но здесь лютейший страх объял;
Стеная, рвутся в горьком плаче,
Страшатся новой жизни паче,
Как час их смертный ни терзал.
Они б с охотою желали
Стократно паки умереть,
И если б мертвы пребывали,
Не стали б сей напасти зреть.

Блистают небеса огнем,
И в само то мгновенье ока
Врата отверзлися востока,
Грядет судья правдивый всем;
Земля свой ужас изъявляет,
Тряхнувшись, мещет огнь из недр;
Потом пред богом умолкает
Земля и море, огнь и ветр.

Во славе страшен бог своей,
Престол его — пространство мира,
Корона — свет, заря — порфира
И скиптр — послушность твари всей;
Одной чертой изобличает
Народов многих житие,
Единым словом совершает
Из праха смертных бытие.

И се отмщенья час настал,
Воззрел бог к грешным грозным оком

И, в гневе яром и жестоком,
Несчастным тако провещал:
«Во огнь вы отыди́те вечны,
Ожесточенные сердца,
Губители бесчеловечны,
И там страдайте без конца,

Где огнь и жупел, дым и смрад,
Бессмертный червь не усыпает,
Ужасным пламенем рыгает,
Разверзши зев, свирепый ад,
Где нет малейшия отрады,
Откуда смерть бежит и сон,
И в муке вечной без пощады
Всегдашний испускайте стон!»

Когда свершился божий гнев,
Отверглись грешники от трона,
И, чтоб не слышати их стона,
Бог печатлеет адский зев.
И, обратясь кротчайшим взором
Ко праведным, сие изрек:
«Со ангельским пресветлым хором
В раю вы обитайте ввек,

Где озарит вас всех мой свет
И где печали ввек не знают,
Не сетуют и не стенают,
Но радость вечная живет, —
Я вас, о чада, там спокою,
Среди обителей святых;
Моих вас таин удостою,
Открыв вам часть судеб моих!

Познаете состав вы свой,
Познаете состав вы света,
И в нескончаемые лета
Довольны будете собой.
Се вам за подвиги награда,
Се мзда за тяжкие труды.
Среди небесна вертограда
Забудьте все свои беды!»

Сияет вся небесна твердь,
Лучами света озаренна;
Навеки в аде затворенна,
Лежит в оковах тяжких смерть.
Земля гнев божий ощущает,
Себя лишенну твари зрит,
Из недр престрашный огнь бросает
И, тленна будучи, горит.

1763, 1773

69. ОДА

ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ПЛАТОНУ, АРХИЕПИСКОПУ МОСКОВСКОМУ И КАЛУЖСКОМУ, АРХИМАНДРИТУ СВЯТОТРОИЦКИЯ ЛАВРЫ И СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА ЧЛЕНУ, О БЕССМЕРТИИ ДУШИ В РАССУЖДЕНИИ БЕСКОНЕЧНЫХ НАШИХ ЖЕЛАНИЙ

О вы, которых мысли лживы
Развратный омрачают свет,
Невольники мирских сует,
Раби страстей, доколе живы,
Имея к тленности любовь,
Вы мне, безумствуя, речете,
Что жизнь чрез то свою влечете,
Доколе в вас лиется кровь;
Когда ж она престанет литься,
Престанет с нею век ваш длиться;

Что купно с жизнию телесной
Престанет быти и душа.
Сего помыслить, не греша,
Нельзя о вещи неизвестной.
Но я склонюсь на вашу речь:
С теченьем крови жить престану,
И бренным телом я увяну,
Во гроб я должен буду лечь;
Но где ж душа моя вселится,
Когда от тела отделится?

Что движет мыслию моею
В составе тленна естества?
Душа — то искра божества!
Желаю вечности я ею;

На страсти ею восстаю,
И мыслю я, и рассуждаю,
Пороки ею побеждаю
И краткость жизни познаю.
Почто ж во дни мне скоротечны
Даны желанья бесконечны?

Когда я мысльми возлетаю
От сих бедами полных мест
Превыше самых дальних звезд
И бога в них познать желаю...
Но что? Я, смертен бывши весь,
Коль жизни нет для нас иныя...
Увы, желанья таковые
Возможно ль мне исполнить здесь,
Коль в предприятии толь смелом
Душа моя погибнет с телом?

Создатель ли миров несчетных,
Создатель, бог мой и отец,
На тот внушил мне их конец,
Чтоб только я в желаньях тщетных
Мой краткий век препроводил
И в жизни сей границах тесных
Несчастней тварей бессловесных
Желаньями моими был?
Или творец, меня карая,
Желаньям не поставил края?

Иль существо сие предвечно,
Сложив мой стройный столь орган,
Хотело быти мой тиран,
Желать позволя бесконечно,
Чтоб бог, податель всех мне благ,
Источник всех существ согласных,
Мне дал желаньев тьму напрасных,
Дабы развеять их, как прах;
И чтобы дух мой по кончине
Исчез, как искра вод, в пучине?

Когда же мыслями я вечно
Желаю и по смерти жить,

Почто творцу в меня вложить
Сие движение сердечно?
Коль смерть была б всему конец,
Несчастны б были человеки.
Но бог наш царствует вовеки,
Его мы дети, он — отец;
Он любит, милует, покоит,
Он жизнь мне вечную устроит.

А ты, что здраво рассуждаешь,
Платон, хвалы достойный муж,
Бессмертие ты наших душ
Твоим ученьем утверждаешь:
Мне бурю мыслей утиши;
Внимания достойным словом
Представь во бытии мне новом
Бессмертие моей души,
Чтоб я сомнения избегнул
И лживы мысли опровергнул.

<1778>

70. ПИСЬМО

ВАСИЛЬЮ ИЛЬИЧУ БИБИКОВУ О СМЕРТИ КНЯЗЯ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА КОЗЛОВСКОГО, КОТОРЫЙ СКОНЧАЛ ЖИЗНЬ СВОЮ ПРИ ИСТРЕБЛЕНИИ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА РОССИЙСКИМ, БЫВ НА КОРАБЛЕ «ЕВСТАФИИ»

Когда хочу писать к тебе сии я строки,
В то время из очей моих льют слезны токи
И из трепещущей руки перо падет.
О Бибиков, мой друг, Козловского уж нет!
Он кончил жизнь, и нам не зреть его вовеки.
Пролей и ты о нем со мною слезны реки;
Я знаю, что тебя встревожит весть сия:
Ты, Бибиков, его любил равно как я.
Я знаю, что о нем и ты стенати будешь,
И знаю, что его ты вечно не забудешь.
Уже престала нас сия надежда льстить,
Что время нам его возможет возвратить;
Но время, как река, в понт вечности стремится,
А друг наш никогда уж к нам не возвратится.
Не возвратится он... Льзя ль было вобразить,
Что рок готовился нас вестью сей сразить?
О весть ужасная, ты ум мой устрашила,
Жестокая судьба, ты друга нас лишила!
Хоть больше свойственно рыдание женам —
Но можно ль, Бибиков, о нем не плакать нам?
Кто сам чувствителен и дружбы цену знает,
Тот сам, увидя нас, и с нами восстенает.
Он более других тобою знаем был:
Ты знаешь, сколько он отечество любил,
Художеств и наук Козловский был любитель,
А честь была ему во всем путеводитель:

Не шествуя ль за ней, он жизнь свою скончал
И храброй смертию дела свои венчал?
Я мысленными зрю его теперь очами,
Неустрашенного меж острыми мечами,
Когда россияне стремились на врагов,
Чему, я думаю, свидетель был Орлов,
Свидетель дел его и был свидетель чести.
Преславный сей герой уверит нас без лести,
Когда его судьба во град сей возвратит,
Тогда он нам о нем подробно возвестит.
Не сомневайся в том и будь о сем известен:
Кто мог нам другом быть, тот должен быть и честен.
Сие одно меня в печали веселит,
Что он окончил жизнь, как долг и честь велит,
Имея во уме отечество драгое.
Так будем, Бибиков, с тобою мы в покое,
Не станем более крушиться и стенать,
Но будем иногда его воспоминать.
Когда о храбрых кто делах вещати станет,
Козловский первый к нам во ум тогда предстанет;
Хвалу ли будет кто нелестным плесть друзьям,
Он должен и тогда представиться глазам;
Иль с нами разделять кто будет время скучно,
Он паки в памяти пребудет неотлучно;
Всечасно тень его встречать наш будет взор,
Наполнен будет им всегда наш разговор.
Итак, хоть жизнь его судьбина прекратила
А тело злачная пучина поглотила,
Он именем своим пребудет между нас,
Мы будем вспоминать его на всякий час.

1770

71. ПИСЬМО

ГРАФУ ЗАХАРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ЧЕРНЫШЕВУ

О ты, случа́ями испытанный герой,
Которого видал вождем российский строй
И знает, какова душа твоя велика,
Когда ты действовал противу Фридерика!
Потом, когда монарх сей нам союзник стал,
Он храбрость сам твою и разум испытал.

Не сетуй, что и днесь ты вновь не побеждаешь,
Довольно, что ты строй к победам учреждаешь;
Рачение твое и неусыпный труд
Участие во всех победах тех берут,
Которые творят российские Алкиды
Под покровительством Минервиной эгиды.
Уже ты славен был на Марсовых полях —
Потребно славиться в других тебе делах.
Неутомимая твоя прилежность ныне
Не менее побед нужна Екатерине:
Она тебя в сей труд преславный избрала,
Ей должны быть твои известны и дела,
Дела твои и труд, и то ей всё известно,
Что дух имеешь ты геройский, сердце честно.
Ты, от премудрости ее заемля свет,
Преподаешь его для будущих побед
И не завидуешь других счастливой доле,
Лишь, может быть, скорбишь, что ты не в ратном поле,
Где победители виют себе венцы
И слава их дела гласит в земны концы...
Но слава не должна сия тебя тревожить,
Она еще должна твою собою множить;
Когда угодно то монархине твоей,
Чтоб ты при ней в числе избранных был мужей,
Ты должен сей судьбе быть с радостью послушен.
Я ведаю, что ты премудр, великодушен,
И можно ль, чтоб того чем дух был побежден,
Когда на свет к делам великим кто рожден?
Не спорю я о том, что лестно побеждати, —
Не меньше лестно есть с богиней рассуждати,
Из уст ее слова божественны внимать
И видеть купно в ней монархиню и мать.
Пускай там визирей Румянцев побеждает,
Пусть Панин твердые вновь грады осаждает,
Пускай Орловы там Стамбул к ногам попрут
И лавры новые с побед своих сберут, —
Заслуги и твои не меньше их почтутся,
Когда они от нас в потомство предадутся.
Екатерина всем надежда вам и свет
И милостей лучи на всех вас пролиет!

1770

72. ЭПИСТОЛА
МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ ХЕРАСКОВУ

О ты, которого глас мил мне в одах новых,
Певец под Чесмою геройских дел Орловых,
Скажи, за что нам рок явился столь суров,
Что некий школьник, став певец теперь Петров,
Сей некий, нам гудок неведомый устроя,
Гудит на нем сего преславного героя.
Худая чистота стихов его и связь
Претят их всякому читать, не подавясь.
Без переноса он стиха сплести не может
И песнь свою поет, как кость пес алчный гложет.
И сей-то песни он в натянутых стихах,
Поднявшись из-под бедр как конских легкий прах,
Повыше дерева стоячего летая
И плавный слог стихов быть низким почитая...

1772(?)

73. ПИСЬМО
ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ РУМЯНЦЕВУ

Дивяся твоему числу великих дел,
Румянцев, я тебя особенно не пел —
И разумом твоим, и мужеством прельщался;
Но что ж?.. в молчании я только восхищался
И мнил всегда сие: писателя хвала
Для мужа славного, таков как ты, мала,
И может ли тебя моя прославить лира,
Когда прославлен ты в концах пространна мира,
О имени твоем гремит оружий гром,
И воздух, и земля наполнены Петром,
Твоею славою шумят леса и реки,
И разглагольствуют в беседах человеки:
Едины речь ведут о славной той горе,
Под коею рыдал Кагул о визире
И, кровию своих защитников багрея,
Стенал о участи несчастного Гирея,
Которого пред тем при Ларгских ты струях
Развеял всю орду, как вихрь легчайший прах;
Другие за Дунай поход твой прославляют
И тот не менее побед постановляют;

Но мир, преславный мир, всего превыше чтут
И честь Румянцеву повсюду отдают,
Тебя перед тобой самим превозвышают
И часто о тебе в восторге возглашают:
«Не хитрый ль Мазарин, не храбрый ль Мальборух
Воскресли в муже сем пленить наш славой слух?»
Итак, кто в разум твой тончайший проницает,
Тот Мазарином тя, Румянцев, нарицает,
А кто все действия войны твоей проник,
Тому, как Мальборух, ты кажешься велик!..
Не лучше ли сказать: в Румянцеве едином
Сияют Мальборух и купно с Мазарином?
Но слава о делах великих сих мужей
Едва ли бы дошла до наших днесь ушей,
Когда б история о них не возвещала;
Их смерть бы все дела в ничто преобращала;
Не знал бы храброго Ахилла ныне мир,
Когда бы не воспел нам дел его Омир;
Мароновых стихов на свете не имея,
Не ведали бы мы троянского Энея;
Все, коим память мы героям днесь творим,
Каких рождали в свет и Греция, и Рим,
Ко сожалению пространныя вселенны,
Со временем от нас все были бы забвенны;
Подобно яко день вчерашний ввек погиб,
Так славные дела погибнуть их могли б.
То ради славных дел от времени защиты
Рождаются во свет с героями пииты,
Дабы на оное оковы наложить
И силу едкости его уничижить.
Итак, когда певцы героев воспевали,
С героями они жить вечно уповали.
Прости, великий муж, ты слабости моей,
Я вечно жить хочу со славою твоей;
Когда сии стихи читать потомки станут,
Конечно, и меня с тобою воспомянут.
Но что я говорю? Тебя ль какой пиит
В восторге песнию своею не почтит,
Иль будешь ты у нас в истории гремети,
И будут Марсовы по ней учиться дети?
На что им Фемистокл, Перикл, Филипемен,
На что им знать войны героев тех времен!

Когда Румянцева прочтут дела военны,
Довольно хитрости той будут изученны.
Они покажут им, как грады осаждать,
Они покажут им, как в поле побеждать;
Покажет Колберг им своею то судьбою,
Колико крепости суть слабы пред тобою;
Кагул со Ларгою, доколе будут течь,
Рекут, колико твой ужасен в поле меч;
Дунай, лия свои в пучины быстры воды,
Явит твои чрез них искусные походы;
Тот край, отколе в мир является заря,
Покажет, как стеснял ты горда визиря,
Где Вейсман мертв упал, на том кровавом поле,
Держа срацинские ты воинства в неволе,
Со малым войск числом их тьме отважных сил
Отчаяние, страх и гибель наносил;
И в день, в который муж, быв выше смертных рода,
Со новым воинством российского народа,
Едва противился опасным сим врагам,
В тот день их гордый вождь упал к твоим ногам,
Просящий и себе, и воинству пощады, —
Ты, внемля кротости российския Паллады,
Прияв оливну ветвь геройскою рукой,
И Порте даровал желаемый покой.
Но мне ль дела твои, Румянцев, исчисляти,
Которыми весь свет ты можешь удивляти?
Ты прямо должен в нем гласитися велик
И должен быть включен героев в светлый лик.
Я мню, что тем себя природа услаждает,
Когда она таких людей во свет рождает,
Каких желается ей свету даровать,
Лишь только бы умел монарх их познавать;
А ежели на чью способность он не взглянет,
Способность с летами без пользы в нем увянет.
И ты, Румянцев, сам, с способностью своей,
Едва ли бы достичь возмог до славы сей:
Екатерина путь тебе к тому открыла;
Она, предвидя то, писаньем предварила,
При начинании прошедшия войны,
Что будут варвары тобой побеждены.
И се монаршее предвестие свершилось:
Срацинско воинство всей бодрости лишилось;

Ты только с россами пришел на их поля,
Уже покрылася их кровию земля,
Не множеством полков, не тяжкими громады
Разил противников и рушил тверды грады,
Но боле разумом ты их одолевал,
Когда с искусством в их пределах воевал.
Теперь, оставя лавр, взложи на шлем оливы,
Вложи в влагалище свой меч, и в дни счастливы,
В которые твое отечество цветет
И коего судьбе завидует весь свет,
Ты, став содетелем их мирного покоя,
Преобразися нам во брата из героя,
И, быв отечества всегда любезный сын,
Ты был в полях герой, здесь буди гражданин;
Спокойство наших душ на наших лицах види
И в радость твоея монархини днесь вниди.
Ликует ныне ей подвластная страна,
Ликует о ее спокойстве и она:
Такие, как она, полезны нам владыки,
Такие, как и ты, герои суть велики.
Не лесть тебе сию хвалу теперь плетет:
Известен о тебе, Румянцев, целый свет;
Тебе ж за подвиги приятна та награда,
Что знает цену им российская Паллада.
А ты, великий муж, за все твои труды
Вкушай спокойствия приятные плоды.

1775

74. ⟨ К Н. П. АРХАРОВУ ⟩

Пишу в четвертый раз к тебе я на бумаге,
Чтоб ты, любезный друг, помыслил мне о благе,
А благо всё мое в едином состоит:
Да разум твой меня с Медоксом съединит;
С Медоксом, говорю, с Медоксом я, Архаров,
Затем что князь цены не знает сих товаров,
Которыми он стал с Иудой торговать.
Скажи, могу ли я на дружбу уповать,
Которую в тебе сыскать всегда я тщуся?
Единого теперь я этого страшуся,
Не втерся чтоб к нему в товарищи Поше,

А если галльская к юдейской сей душе
Хоть краешком своим на этих днях коснется,
Тогда уж, может быть, надежда вся минется
Театр российский мне в руках своих иметь.
Коль хочешь всем добра, то так сие наметь,
Как некогда о сем с тобой мы говорили.
Иль кашу мы сию напрасно заварили?
Скажи мне искренно, пенять не буду я,
Всё будем мы с тобой по-прежнему друзья.
Пусть будет с ними князь аукаться в том хоре, —
Лишь жаль, что <бедным> всем актерам будет горе!

1776

75. ⟨К ГАВРИИЛУ, АРХИЕПИСКОПУ САНКТПЕТЕРБУРГСКОМУ И РЕВЕЛЬСКОМУ⟩

Гонитель злых страстей и истины рачитель,
Благий наставник мой, и пастырь, и учитель,
Скажи мне, Гавриил, почто толь в краткий век,
В который осужден жить в свете человек,
Во тщетных помыслах и день, и ночь трудится
И тщетным именем пред тварию гордится,
Которой он возмнил владыка быть и царь,
Забыв, что он и сам такая ж точно тварь,
Которая творцом премудро сотворенна,
И чем он мнит себя пред нею быть отменна?
Иль тем, что разумом он большим одарен,
Иль тем, что он ко злу удобным сотворен,
Дабы ему других животных угнетати
И их владыкою себя именовати?
Отколе титло он себе сие извлек,
Чтоб всем животным был владыка человек?
За истину ль его или за добродетель
Снабдил сим именем вселенныя содетель?
Какую он ему услугу оказал
И чем он вышнего толико обязал,
Что он его почтил пред тварью всей на свете?
Я знаю, что сие речешь ты мне в ответе:
«Почто нам в глубину сию себя вдавать?
Не можно вышнего судьбы испытовать. . .»

Конец 1760-х или начало 1770-х годов

76. СТИХИ К ИЗОБРАЖЕНИЮ ГОСПОДИНА ДИМЗДАЛЯ

Россия посреде утех своих страдала,
Когда она вреда от оспы ожидала.
Теперь скончался страх, мы полны все отрад,
Узря, что язвы сей спаслась Екатерина,
Узря спасенного ее любима сына, —
А спас их от нее сей мудрый Гиппократ!

1768

77. НАДПИСЬ КО МРАМОРАМ РОССИЙСКИМ

Чем Мемфис некогда и Вавилон гордился,
Чему во Греции пространный свет чудился
И чем превосходил над ними древний Рим, —
То всё в единой мы теперь России зрим;
Трудам сим положил Великий Петр начало,
Екатеринино раченье их венчало.

1769

78. НАДПИСЬ
КО СТОЛПУ, ПОСТАВЛЕННОМУ ПРИ ГРОБЕ ПЕТРА ПЕРВОГО И УКРАШЕННОМУ ПОБЕДАМИ КАК ЕГО, ТАК И ПОБЕДАМИ Ж, УЧИНЕННЫМИ РОССИЙСКИМ ФЛОТОМ ВО ВЛАДЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ

Победы Первого Петра изображенны,
Коль крат его враги им были пораженны;
Но прочие его преславные дела
Россия нам собой вседневно показует;

Она им яко крин эдемский процвела
И тем величество его изобразует!

На стороне:

При Чесме агарян, среди морских зыбей,
Екатерина тьму огромных кораблей
Оружием своим во пепел обратила
И знак своих побед герою посвятила,
Который основал и город сей, и флот.
Проснися, Петр, и зри трудов своих ты плод;
А плод сей нам твоя днесь внука возрастила!

На другой:

Российские орлы из севера достигли
С палящей молнией и с громом на восток
И там трофеи всех побед своих воздвигли,
Какие произвесть судил им щедрый рок!

1770

79. НАДГРОБНАЯ НАДПИСЬ АЛЕКСАНДРУ ПЕТРОВИЧУ СУМАРОКОВУ

Пиит и русския трагедии отец,
Прекраснейших стихов разумнейший творец,
Он первый чистоты во оных был примером.
Расин, де Лафонтен, Кино со Молиером
Блистали, во его душе съединены.
Он был Волтеру друг, честь росския страны,
Поборник истины, гонитель злых пороков, —
Под камнем сим сокрыт муж славный Сумароков.

1777

80—83. НАДПИСИ

1

К ИЗОБРАЖЕНИЮ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Великого Петра дел славных проповедник,
Витийством Златоуст, муз чистых собеседник,

Историк, богослов, мудрец российских стран —
Таков был пастырь стад словесных Феофан.

2

К ИЗОБРАЖЕНИЮ КНЯЗЯ АНТИОХА ДМИТРИЕВИЧА КАНТЕМИРА

Сей муж, породою и саном быв почетен,
Был музам верный друг до смерти от пелен.
Ко добродетели он путь всегда свой правил
И житием своим свой род и сан прославил.
Сей первый правильных творец у нас сатир —
Прехвальный разумом и нравом Кантемир.

3

К ИЗОБРАЖЕНИЮ НИКОЛАЯ НИКИТИЧА ПОПОВСКОГО

Что Попе, мудрствуя, писал о человеке
И в Англии себе чем славу заслужил
В елисаветином, для муз блаженном веке,
Поповский то в стихи российски преложил,
И в преложении хвалою увенчался.
Но если б сей пиит так скоро не скончался,
Желанной чистоты стихов бы он достиг
И славу бы гласить о них везде подвиг.
Но время строгое, всего рушитель света,
Пресекло жизнь его в его цветущи лета.

4

К ИЗОБРАЖЕНИЮ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОНОСОВА

Сей муж в себе явил российскому народу,
Как можно съединять с наукою природу.
Когда торжественно на лире он гремел,
Он гром соединять с приятностью умел;
Натуры ль открывал нам храм приятным словом,
Казался важным быть и в сем убранстве новом,
Великого ль Петра число великих дел
Во героической своей поэме пел,
И тамо показал себя он честью россов, —
Таков-то был велик почтенный Ломоносов.
С наукой в нем блистал его природный дар;
Он был наш Цицерон, Вергилий и Пиндар.

1777

84. ‹ КНЯЗЮ В. М. ДОЛГОРУКОМУ-КРЫМСКОМУ ›

И здесь в очах сего героя виден жар,
И храбрость во очах его та зрима,
С которыми разил кичливых он татар!
Се Долгорукий — князь и победитель Крыма.

Между 1771 и 1777

ЭПИГРАММЫ

85

Почто писать уметь?
Писцы хорошие не в моде, —
Вить так не ходит медь,
Как золото в народе;
А розница лишь тут,
Что злата золотник, а меди целый пуд.

<1762>

86

Коль сила велика российского языка!
Петров лишь захотел — Вергилий стал заика.

1770 (?)

87

Петр, будучи врачом, зла много приключил:
Он множество людей до смерти залечил.
Когда ж он будет поп, себя он не уронит
И в сем чину людей не меньше похоронит.

То предвещание немедленно сбылось:
Сегодня в городе повсюду разнеслось,

Что от лечбы его большая людям трата.
Итак, он сделался палач из Гиппократа!

<1772>

88. НА БОЛТУНА

Довольно из твоих мы грома слышим уст:
Шумишь, как барабан, но так же ты и пуст.

1772

ЗАГАДКИ

89

Глеб имеет назади,
А Борис напереди,
Баба две имеет сряду,
А без этого наряду
Не спризнал бы бабы свет;
А у девки только нет.

1763 (?)

90

Я ни воздух, ни вода,
Быть землею мне не можно,
И не огнь я, то неложно.
Но я в воздухе всегда
И по нем всегда летаю,
И всегда желаньем таю
Устремиться в небеса;
Но препятство обретаю.
Жизни нет моей часа:
Я по ветру разношуся,
Человека не страшуся.

А его я иногда
И вредить собой умею,
Только тела не имею,
Ни души от божества,
А рожусь из вещества;
Жизнь моя дотоле длится,
Как престану я родиться.

<1773>

91

Я в трех частях земли; меня в четвертой нет;
Меня ж иметь в себе не может целый свет;
Но мир меня в себе имеет, и комар;
Не может без меня земной стояти шар.
В пещерах и морях всегда меня сретают,
Во вихрях и громах неложно обретают;
И так меня ж в себе имеют все борцы.
Тот назвал уж меня, кто назвал огурцы.
Еще ли ты меня не знаешь? Я есмь . . .

<1773>

92. ЦИТЕМЕЛЬ

Лишь солнце бросило лучи в луга и горы
И птички стали петь пришествие Авроры,
Согнало солнце тьму с земного круга прочь,
Вступал на небо день и исчезала ночь;
Влюбленный Цитемель минут тех не теряет,
Всех ранее в луга он стадо выгоняет;
Все спали пастухи еще по шалашам,
А Цитемель ходил с овцами по горам.
Единственно тому ни день, ни ночь не спится,
Когда кто вольности нечаянно лишится;
Так сей пастух вчерась с пастушками гулял,
И Филоменою он сердце оковал,
Которая ему прекрасней всех казалась;
Тут Цитемелева кровь жарко загоралась,
А ночью возросла неутолима страсть,
И если б ночь длинна, так мог бы он пропасть,
И, счастием его, ночь летня не велика;
Хотя она мала, но скорбь его толика
В часы те возросла, что в горести пастух
Ни на единый миг не мог спокоить дух.
Уж солнце высоко на небесах сияет,
И утрення роса от жару высыхает;
Но в наступающи полдневные часы
Не зрит пастух его пленившие красы;
В недоумении тут Цитемель бывает,
Во все страны́ глядит, отвсюду ожидает,
Нейдет ли из кустов или с высоких гор
Плени́вший мысль его пастушкин милый взор;

Но сколько бедный тот пастух ни зрит повсюду,
Не видит он своей любезной ниоткуду;
И так уж наконец, в задумчивости сей,
Кусточки и древа ему казались ей:
То вдруг перед глаза она к нему предстанет,
То в тот же миг его мечта сия обманет.
Не знает, что творить несчастливый пастух.
Обманывал его и взор его, и слух.
То эхо нанесет тут голос Филомены,
И, ожидающий сей радостной премены,
Бежит он к той стране, где был услышан глас,
Бежит, и голосу не слышит в тот же час.
То вдруг позадь себя он быть ей уповает —
Не зрит ее нигде, куда он ни взирает.
«Уж в тех ли я теперь, — вещает он, — местах?
Иль стадо я мое в других пасу кустах?
Нет, в тех местах, и те кустарники и речки,
В которых был вчерась... паслися здесь овечки».
Уж долго мучился в сем ждании пастух,
Как вдруг вблизи его пронзил глас громко слух,
Которым был пастух безмерно востревожен,
Но страх видением и больше был умножен.
Он зрит любезную, бегущу из кустов,
Где он не чаял быть ни стад, ни пастухов.
За нею зверь гнался: был волк то преужасный,
И уж касается почти одежд прекрасной.
В случáе таковом пастушке близок страх;
Увидевши пастух несчастье то в глазах,
Бросается чрез ров, который был меж ими,
И волка стал травить собаками своими;
И способом таким минулся общий страх:
Пастушка у него осталася в руках.
Тут краска вся с лица пастушкина сбежала,
Когда она без чувств в руках его лежала;
По бледности грудей разметанны власы
Сугубили еще пастушкины красы.
Пастух от радости и страха сам бледнеет,
В восторге ничего начать он не умеет,
Зря нежную в своем объятьи красоту,
Благополучной чтет себе минуту ту,
Которая его с любезной съединила
И что спасти ее от смерти допустила.

1763

Стихи
на
смерть
Ф. Г. Волкова

Увидевши ~~мертваго~~ тебя ~~[illegible]~~ по всесилна судьбою
сражена мертваго безгласна бездыханно
~~Смертию [illegible], сраженные тоскою~~
во образе что все мы смертны в свете семъ
и постоянства нетъ ни малаго ни в чемъ
давноль любезны друг съ тобою мы бывали
давноль мы дружбою взаимной наслаждались
давноль ты мне свои советы подавалъ
давноль я речь твою приятну внималъ
теперь ~~она~~ изъ устъ твоихъ она ужъ не исходитъ
уши ужъ на тебя твой образъ не походитъ
глаза которые явля~~ютъ~~ли разумъ твой
Закрылися на векъ ужасной смерти тмой
о бедной человекъ разумка отпаръ и краска.
Коли но ты сила, толи но и нещастна.

В. Майковъ

глеб [illegible] назади
а борис и напереди
баба [illegible] впреди
а [illegible] наряд
н[illegible] свет
а [illegible] толи [illegible]

И подлинно, пастух был счастлив в этот час:
Пастушку от беды, себя от муки спас.
К отраде подает он способы сугубы,
Целует руки он, целует нежны губы,
И за труды свои приемлет наконец
От Филомены он и сердце, и венец.

<1762>

93. СТИХИ НА СМЕРТЬ Ф. Г. ВОЛКОВА

Увидев мертвого тебя перед собою,
Смутился мыслями, содро́гнулся душою,
Вообразя, что все мы смертны в свете сем,
И постоянства нет ни малого ни в чем.
Давно ль, любезный друг, с тобою мы видались,
Давно ль мы дружбою взаимной наслаждались,
Давно ль ты мне свои советы подавал,
Давно ль я речь твою приятную внимал?
Теперь из уст твоих она уж не исходит,
Увы! уж на тебя твой образ не походит.
Глаза, которые являли разум твой,
Закрылися навек ужасной смерти тьмой.
О бедный человек, разумна тварь и красна,
Колико ты умна, толико и несчастна!

1763

94. СТИХИ
НА ВОЗВРАТНОЕ ПРИБЫТИЕ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ИЗ КАЗАНИ В ПРЕСТОЛЬНЫЙ ГРАД МОСКВУ ИЮНЯ 14 ДНЯ 1767 ГОДА

Хотя от нас пошло прочь днёвное светило
И ночи мрачная прибавилася тень,
Пришествие твое весь город оживило,
Ты нам, монархиня, даешь прекрасный день.
По стогнам шум везде приятный раздается:
«Пришла обратно к нам монархиня, наш свет!»
Никто из жителей в домах не остается,
Всяк, шествуя тебе во сретенье, речет:

Отшествие твое нам было тем полезно,
Что ты для пользы всех пошла Россию зреть:
Пришествие твое, о, коль нам всем любезно.
Возможно ли к тебе сердцами не гореть?
Ты благо общее покою предпочтила
И пользу нашу чтишь превыше своея,
Ты жизнь свою трудам полезным посвятила
Со дня, как ты взошла на трон страны сея.
Что было здесь Петром Великим насажденно,
Тобой взращенное уже то видим мы,
Тобой владычество твое обогащенно,
Тобою зрим везде своих довольствий тьмы;
Здесь видим во твоем объятии науки,
Там видим сиротам прибежище, покров;
Везде полезное твои нам зиждут руки,
Что зрят теперь в себе Москва и град Петров.
Воспитываяся там юноши тобою,
Для пользы общия с млеком науки пьют.
Возрастши, за тебя во время жарка бою
Одни с усердием кипящу кровь прольют,
Другие чрез моря незнаемы дороги,
Тобой поощрены, без робости пройдут,
Презрев в пути и страх, и все напасти строги,
В твое владычество богатство принесут,
Индию съединят с Российскою страною
И Хину во твое подданство приведут —
Не будет защищен пространною стеною
Продерзостный манжур, что гордостью надут.
Лишь только там твое оружие возблещет
И грозна молния в пределах их сверкнет,
Сокрывшися злодей от грома затрепещет
И скипетр в знак тебе подданства принесет.
Иной, с младенчества наукой просвещенный,
Правдивый будет муж и здравый на суде,
Храня написанный закон тобой священный,
Не поколеблется пристрастием нигде.
Пол нежный, просветясь наукою полезной,
Душевны красоты при возрасте явит,
Благодаря тебе, как матери любезной,
Домостроительство в домах восстановит.
Усердием мой дух внезапно восхищенный!
Я зрю перед собой прекрасные луга;

Там вижу грады я, как кедры возвышенны,
Обременяющи крутые берега,
В которых Волга льясь, в восторге удивилась,
Увидя по себе Екатеринин ход,
Стремление свое сдержав, остановилась
И тем умножила быстротекущих вод,
Которыми покрыв каменья все и мели,
Творя владычице своей свободный путь.
Эол ко ветрам рек, чтоб дуть они не смели:
Единому теперь зефиру должно дуть.
При всходе тихия на небеса Авроры
По рощам и лесам там свищут соловьи,
Там гласа нежного наполнилися горы,
Там нимфы, веселясь, дела поют твои.
В присутствие твое во селах и во градех
Любовь твоя к рабам, к тебе усердье их;
Мать веселящуся там видели о чадех,
Там зрели счастие велико обоих.
Нельзя того назвать владетеля великим,
Кто множество земель имеет под рукой
И, обладаючи пространствием толиким,
Несовершен еще имеет он покой,
Когда единая их строгость обуздает
И с принуждением рабы владыку чтут.
Тот счастлив, кто, как ты, народом обладает:
Ты милосердие являешь нам и суд.
Тобой возведены на верх мы совершенства,
Тобой мы счастливы, тобой вознесены;
Причина нашего ты самого блаженства,
Которым мы от всех сторон ограждены.
В отсутствие твое желанием горели,
Чтоб твой увидети, монархиня, возврат;
Во Павловом лице твое лицо мы зрели,
Им точно без тебя питался здешний град;
Премудрость во очах его твоя блистает,
И милосердие твое сияет в них;
Великая душа во Павле обитает,
Заемлет он сие от склонностей твоих.
Толикою теперь отвагой восхищенны,
К тебе, монархиня, усердием горя,
Прости, что песни петь дерзаю я священны,
Едину истину нелестно говоря,

И если нестройна моя звеняща лира,
Оставь, монархиня, то слабости моей.
Тебя я воспевал, о мать российска мира,
Но что сравняется со славою твоей?

1767

95. СТИХИ
НА ОТШЕСТВИЕ РОССИЙСКОГО ФЛОТА ИЗ РЕВЕЛЯ В СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Победоносный флот, в желанный путь гряди,
Соединившися со северным Ясоном,
И, тронут будучи несчастных греков стоном,
Прегордых их врагов преславно победи.

И, возвратясь оттоль, победою венчанный,
Не златорунную нам добычь принеси —
Екатериною исполнь успех желанный,
Невинных христиан от лютых бед спаси.

Она не ту себе имети хощет славу,
Дабы восток войной кровавой возмущать
И чтоб противу нас бунтующу державу
Оружием под власть свою порабощать.

Ее великие дела во свете громки
Останутся навек без грозныя войны,
И будут некогда чу́диться им потомки,
Узря блаженство сей счастливыя страны.

А вы, преславные российские герои,
Поверх морских зыбей свой скорый ход стремя,
Умножьте храбростью исполненные строи,
Блистая молнией и громами гремя;

Вещайте, что у нас зефир приятный веет,
Науки множатся, художества цветут,
Екатерина здесь о пользе всех радеет,
Из уст ее текут и милость к нам, и суд.

И если хочет быть кто в счастливой судьбине
И жизнь спокойную во весь свой век вести,
Тот должен покорить себя Екатерине
И сердце чистое ей в жертву принести.

1769

96

Во златой век на Севере,
При премудром правлении
Тишиной наслаждалося
Всероссийское воинство.
Возгордясь, Мустафа-султан
Изменил слово верное
И нарушил с Россией мир,
Посылал свое воинство,
Мнил Россию к ногам попрать.
Посреди лета красного,
При Хотине при городе,
На брегах у Днестра-реки
Не две тучи сходилися,
Что сходились две армии —
Со российской турецкая.
Там не грозные молнии —
Возблистало оружие
Православного воинства. . .
. . . .
Договоры вы мирные помните
И с Россией союза не рушите.
Что один есть на свете неверный царь:
Он разрушил с Россиею вечный мир,
Раздражил тем царицу российскую
И подвиг на себя силу ратную. . .

1769

97. СТИХИ

ПРИМЕР-МАИОРУ ЮРЬЮ БОГДАНОВИЧУ Г. БИБИКОВУ

Тобою, Бибиков, нам весть привезена,
Что сила агарян российской попрана,
Что наша молния в странах противных блещет
И что наш сопостат, бежа ее, трепещет.
О, вестник радостный прехрабрых россиян!
Ты сам участник был разбитья агарян,
Хотя ты малой войск был части предводитель,
Над многим ты числом остался победитель.
Твой враг перед тобой бежати принужден.
Я храбрость сим твою прославити пылаю,
И вот чего тебе, еще тебе желаю:
Подобен будь тому, кем Вернер побежден.

1769

98. СТИХИ

КО ПРАЗДНЕСТВУ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

Россия, зря свое сугубое блаженство,
Венчанную главу до облак вознесла.
Речет: «Внутри меня есть счастья совершенство,
Художества во мне цветут и ремесла,
И размножаются свободные науки
Тогда, как вне меня гремят военны звуки;
Когда я силою моих вернейших чад
Ражу, страшу, гоню кичливых сопостат
И становлю везде побед моих трофеи,
А здесь рождаются Апеллы и Орфеи,
Невтоны, Лейбницы, достойные хвалы;
Колумб мой там летит чрез грозные валы
Не для сыскания новейшей света части, —
Для избавления несчастных от напасти
И чтоб прегордого тирана наказать,
И тамо меч моей десницы показать.
Когда же взор простру во внутренни пределы,
В безмолвии везде я грады зрю и селы,
Ликуют жители, не чувствуя войны.
Народ мой образ есть морския тишины,

Которо, укротясь после жестокой бури,
Поверхность кажет нам подобною лазури,
Изобразив в себе небес пресветлый свод, —
Подобно так и мой возлюбленный народ
Монархиню свою внутри сердец вмещает,
Которая его законом просвещает.
Такие от небес имев щедроты, я
Петром воздвигнута, взнеслась глава моя.
Я подвиги сего героя воспрославлю,
На каменной горе я вид его поставлю;
Но чем я днесь мою монархиню почту
И чем души ее прославлю красоту?
Хотя бы я Кавказ сюда предвигла ныне,
Я мало заплачу и тем Екатерине».

1770

99. СТИХИ

НА ПРИБЫТИЕ ГРАФА АЛЕКСЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ОРЛОВА ПОСЛЕ ЧЕСМЕНСКОГО БОЯ В САНКТПЕТЕРБУРГ

На суше, на река́х, среди морских валов,
Ты мужеством своим прославился, Орлов!
Морея, Чесмь и вся в том Греция свидетель,
Что в них ты был герой и купно благодетель.
Дела твои везде восходят до небес.
Орлов, ты ныне стал российский Геркулес!
Как гидру тот сразил, дышащу смертным ядом,
Подобно ты врага, зияющего адом,
Тьмочисленны уста жерл страшных заградил,
Узрел его, постиг и славно победил.
Ликуя днесь, тебя Петрополь весь встречает
И лаврами главу твою увенчевает!

1771

100. СТИХИ

ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛУ-МАИОРУ И КАВАЛЕРУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ

Кто храбрость на войне с искусством съединяет,
Тот правильно число героев наполняет.
Суворов, ты в себе те качества явил,
Когда с немногим ты числом российских сил
На превосходного напав тебя злодея,
Разбил его и так, как вихрем прах развея,
К дунайским гнал брегам упорный сей народ,
Пригнал и потопил в струях кровавых вод.
Я зрю: крутит волна поганску кровь с телами,
Река, прославленна Румянцева делами,
В пучину черную с водою кровь лиет
И, ударяясь в брег срацинский, вопиет:
«Внемлите, агарян неистовые строи,
Какие в воинстве российском есть герои:
Румянцев лишь кому захочет повелеть,
То всякий вас из них возможет одолеть!»

1773

101. СТИХИ

УМЕРШЕМУ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ ГОСПОДИНУ ПРОФЕССОРУ И ДИРЕКТОРУ АНТОНУ ПАВЛОВИЧУ ЛОСЕНКОВУ

Всеобщим ты путем ко вечности отшел,
Лосенков, и свое блаженство там нашел,
Где здешня суета тебя уже не тронет.
Твой дух покоится и ни о чем не стонет;
Но сколько нам твой рок здесь скорби приключил!
С науками тебя и с нами разлучил.
Искусство нам твое собою то являет,
Какой ты в свете был великий человек,
И правильно о том жалети заставляет,
Что мы уже тебя лишилися навек.
Рогнеда, на холсте тобой изображенна,
С Владимиром, в своей прежалостной судьбе,
Не столько смертию отцовой пораженна,
Как сколько, кажется, стенает о тебе!

Прощаясь с Гектором несчастна Андромаха,
Не конченна тобой, уж зрится такова,
Какою должно быть смущенной ей от страха —
Печаль ее тобой представлена жива.
Всё живо, что твоя рука изобразила,
И будет живо всё, доколь продлится свет.
Единого тебя смерть в младости сразила,
Единого тебя, Лосенков, с нами нет!

1773

102. АРКАС

Только явилась на небо заря,
Только простерла свой взор на моря,
Горы приходом ее озлатились,
Мраки ночные с небес возвратились;
Полны долины прохладной росой
Стали одеты дневною красой;
Влагою все напоенны цветочки
Бисеровидны имели листочки;
Роза алеет, пестреет тюльпан;
Пляску заводит со нимфами Пан,
Страстны кидая свои на них взоры;
Нимфы, краснеясь, уходят на горы;
Знать, с ним не хочет шутить ни одна.
Бледная с неба нисходит луна,
Быв пастухом во всю ночь упражненна,
С светом оставить его принужденна;
Став недовольна судьбою своей,
Гнев обращает на робких зверей,
Ловлею их веселится с дриады.
Мыться на речки приходят наяды,
Чешут зеленые гребнем власы;
Солнцу коней запрягают часы;
Звери в пещерах убежища ищут;
Птички по рощам о вольности свищут;
Песнь скончавает со днем соловей;
Труд начинают пчела, муравей;
Овцы на пажить пастися приходят;
Песни и игры пастушки заводят,

С ними в свирелки и в зычны рожки
Складно играют, пристав, пастушки,
Тирсис с Клименой любовь прославляет,
Дафнис Кларису любить наставляет,
Ниса с Дамоном о страсти поет,
Атис Дельфире цветки подает;
Та, их принявши, себя украшает,
Атис стократ ей «прекрасна!» вещает.
Всяк, веселяся, овец своих пас,
Только невесел один был Аркас:
Стадо Аркасу казалось немило,
Ходит в печали по рощам уныло;
Птиц не стреляет, овец не пасет,
Рыбы не удит, цветочков не рвет;
Смолкла свирелка его громогласна,
Только видна в нем лишь грусть преужасна.
«Что ты задумчив и смутен у нас?
Будто ты нечто утратил, Аркас?
Псы ли от стада твои отбежали,
Волки ль овечек без них распужали,
Голос ли нежный свирелки заглох
Иль огород твой от жара засох?» —
Так вопрошала Аркаса Инета.
Что ж на вопрос свой не слышит ответа?
Стал перед нею как камень Аркас,
Только лиются лишь слезы из глаз.
Слезы, хотя вы и слов не речете,
Часто вы тайну из сердца влечете.
Слезы Инете давали ответ,
Что у Аркаса скорбь в сердце живет.
«Что же, скажи мне, тебя сокрушает?» —
Паки Инета его вопрошает.
«Цело, — сказал он, — всё в доме моем,
Цело, и нет мне ущерба ни в чем:
Розы, тюльпаны цветут меж грядами,
Груши и вишни обильны плодами,
Овцы здоровы, и жучко со мной.
Ты лишь едина мой рушишь покой!
Целое лето тобою я тлею,
Целое лето открыться не смею,
Что я, несчастный, Инету люблю.
Ты в моих мыслях, хоть сплю, хоть не сплю;

Стражду тобою всечасно и ною.
Сжалься, Инета, теперь надо мною,
Сжалься, здоровье мое возврати,
Иль мне и муки, и жизнь прекрати».
Так изъясняет пастух ей свой пламень;
Стала пастушка сама будто камень,
Быв со Аркасом в единой судьбе.
«Чем досадил я, Инета, тебе?
Тем ли, что столько тобою я страстен,
Или что вечно тебе я подвластен?
Если ж не веришь ты страсти моей,
Будешь ли верить хоть клятве ты сей:
Пусть огород мой от жара засохнет,
Пусть мое стадо и жучко издохнет,
Пусть провождаю я век мой стеня,
Пусть не полюбишь, Инета, меня!»
Клятвы Аркаса Инету смягчили,
Слезы над сердцем успех получили:
Руку Инета Аркасу дает,
Слезы Инета с Аркасом лиет,
Тает пастушка любовью безмерной,
Тает и также клянется быть верной.
Птички престали на ветвиях петь,
Ветви престали от ветра шуметь,
Тихий зефир круг влюбленных летает,
Эхо по рощам их вздохи считает,
Игры и смехи в кусточках сидят,
Все меж собою их речи твердят.
Матерь любови, цитерска богиня,
Всё попеченье о свете покиня
И не имея его ни о ком,
С резвым своим прилетела сынком,
В тех же кусточках от них сокрывалась,
Зря на пастуший восторг, любовалась.
Вдруг пременился печальный пастух, —
Знать, успокоил он сердце и дух.

<1773>

103. ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ГРИГОРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ

Любитель чистых муз, наперсник Аполлона,
Кому был спутник Марс, наперсница Беллона,
Участник подвигов военных и побед,
Которых на брегах дунайских виден след,
Потемкин, моея внимая лире гласа,
К Екатерине будь предстателем Парнаса,
Да лиры всех певцов достойных возгремят,
Что ты есть истинный российский Меценат.

1774

104. ГРАФУ МИХАЙЛЕ ПЕТРОВИЧУ РУМЯНЦЕВУ

О сын преславного победами героя!
Ты купно с ним в полях лишал себя покоя.
Ты туркам был Борей, ты россам стал Зефир,
Тобою возвещен нам радостнейший мир,
Который с Портою отцом твоим поставлен,
Двояким действием он в свете стал прославлен.
Победы ль исчислять? Победам нет числа:
Рука его Стамбул с Востоком потрясла.
Искусство ль прославлять? Им войски все счастливы.
Он собрал на полях и лавры и оливы
И их торжественно монархине поднес,
Как жертву чистую Минерве Ахиллес,
И словом, ко делам великим он способен.
Румянцев, будь счастлив и будь отцу подобен.

<1774>

105. СОНЕТ

ГРАФУ ГРИГОРИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПОТЕМКИНУ 1775 ГОДА СЕНТЯБРЯ 30 ДНЯ

Что в Риме Августу был другом Меценат
И что он музам был надежнейшим покровом,
То сами нам они великолепным словом
О славном муже сем поднесь еще гремят.

В тебе они его, Потемкин, ныне зрят,
Во северной стране, в своем жилище новом,
В пространнейшей Москве и в городе Петровом,
Где песнь победную монархине гласят.

Хоть Август был глашен вселенныя владыкой,
С Екатериною сравнятися Великой
Не мог бы никогда, то лесть была Сената.

Но сколько Августа она превозвышает,
То истина сама вселенной возглашает;
А музы возгласят: ты выше Мецената.

106. СТИХИ
К ФЕЙЕРВЕРКУ НА ТОРЖЕСТВО ВЕЧНОГО МИРА МЕЖДУ РОССИЙСКОЮ ИМПЕРИЕЮ И ОТТОМАНСКОЮ ПОРТОЮ

Не всякий тот монарх отечества отец,
Кто носит на главе блистающий венец;
Но тот, кто о своем отечестве печется,
Отечества отцем достойно наречется.
Екатерина, ты пример таких царей,
Достойна храмов ты, достойна алтарей;
Тебя произвела к тому на свет природа,
Чтоб материю быть российского народа,
И царствовать тебе судил всесильный бог,
Да гордых ты врагов сотрешь взнесенный рог:
Покрыта лаврами главы твоей корона,
Твой скипетр — страх врагам, союзным — оборона;
От трона твоего исходит правый суд,
Достойный ты себя на нем имеешь труд:
Премудростию ты всё в царстве учреждаешь
И прозорливостью наш вред предупреждаешь.
Когда Россию всю покоил мирный сон,
Тогда ты строила полезный ей закон;
Мы мужеством твоим на страсти ополчались
И трудолюбием к трудам приобучались,
Страннопримством же твоим привольский край,
Наместо всех степей бесплодных, зрится рай;
Ты милосердьем в них народы привлекаешь,
И, яко солнце мир, Россию обтекаешь,

Дабы пространную свою державу знать;
Мы зрели все в тебе младенцам сирым мать,
Которым люта смерть в рожденье их грозила, —
Ты их смертельный рок им в жизнь преобразила.
Се тако под твоим покровом мы цвели
И жизнь безбедную во счастии вели.
Но зависть, с злобою внезапно содружася,
Восстали, на златый наш век вооружася:
Пресекся сладкий мир, отверзся Янов дом,
И вместо тишины настал оружий гром;
Россия, пламенем военным быв разжженна,
Восстала, яко лев ловцами, раздраженна.
Премудрость паки ей вождем была твоя:
Ты всех врагов к ногам повергнула ея
Вооруженною перунами рукою
И паки ей врата отверзла ко покою,
В котором при тебе сперва она была.
Россия, яко крин эдемский, процвела;
Веселья своего внутрь сердца не вмещает
И храм своих торжеств тебе днесь посвящает,
Поставя во внутри его твой светлый лик
На сделанный алтарь из мраморов претвердых,
Со надписанием: «Се тако милосердых
Обыкли почитать россияне владык».

1775

107. СОНЕТ

К МИХАИЛУ НИКИТИЧУ МУРАВЬЕВУ

Когда ты, Муравьев, пленен той гласом лиры,
С которою свою учился соглашать,
Последуй ей и пой: места не будут сиры,
Которые по мне ты будешь утешать.

Москва под сению монаршия порфиры
Здесь будет пение сугубое внушать,
Когда, виясь над ней, прохладные зефиры
Со нашим тоном тон свой будут соглашать.

И бог Невы хоть нас, как мню, не позабудет,
Но более скорбеть о пении не будет,
Когда ты тщание свое употребишь,

Чтоб был подобен слог певцов приятных слогу,
Как Сумароков всем к тому явил дорогу,
То пением своим, поверь, не согрубишь.

1775

108. ОПИСАНИЕ ТОРЖЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ НА ХОДЫНКЕ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ПОЛЬЗУ МИРА

Огромные врата в храм Янов затворились,
Угрюмые места в веселы претворились,
Кровопролитная пресеклася война,
И царствует везде любезна тишина,
Источник общего спокойства и богатства.
Пловец не зрит себе во плаваньи препятства,
Не зрит себе в морях он более врага,
И съединяются торгами берега;
Рукою мудрыя в царях Екатерины
Отверсты россам днесь врата во все пучины;
Пастух без робости идет со стадом в луг,
И ратай веселясь влачит по ниве плуг,
Зеленый лавр главы героев украшает,
И слава их дела вселенной возглашает.
При самом устии, сверх влажных берегов,
Где тихий Дон, лия свои в пучину воды,
России напоял подвластные народы
И где ее рука воздвигнула Азов,
Возобновя свою до Черных волн державу,
Неутомимый Марс,[1] оставя брань кроваву,
Оставя острый меч, броню и тяжкий щит,
На мягкой мураве в спокойствии лежит;
Там духи мирные во отроческом виде,
Резвяся, во его скрываются хламиде:
Един, прияв его меч острый, тяжкий щит,
Клеврета своего, играючи, страшит;
Тот страшную броню на рамо возлагает
И сам под тяжестью ее изнемогает;
Иной, на нежное чело пернатый шлем

[1] Марс изобразует покоящееся ныне российское воинство, но всегда готовое на отражение врагов.

Надев, со ужасом играет копием,
От коего лились во бранех токи крови.
Се тако иногда резвяся, бог любови
Играл его мечем, оставя действо стрел,
Когда сей бранный бог огнем его горел.
И се желанный мир с Олимпа низлетает,
Покоящегося Арея обретает:
«О, воин! — так ему со тихостью речет, —
Да век златый в местах сих паки потечет,
Да не колеблет их рука твоя отныне,
Угодно тако днесь российских стран богине;
Румянцев заградил махин твоих уста,
Да не тревожит брань от днесь сии места,
Да флаги мирные на сей пучине веют,
И вихри пламенны смущати их не смеют;
Да Дон[1] свои струи в спокойствии лиет
И изобилие местам сим подает,
Местам, где прежде лил ты смертных кровны токи
И где свирепствовал с тобою рок жестокий;
Да не дерзнет никто покоя здесь пресечь.
Азов[2] и Таганрог, Еникаль, Кинбурн, Керчь,[3]
Став частию теперь Российския державы,
Участники ее гремящей будут славы;
Да Днепр[4] между крутых брегов, шумя, течет
И с шумом в Черный понт безмолвие несет;
Там малая Берда,[5] но пользою велика,
Пребудет навсегда для росского языка;
Азов, внутри себя обильный пир дая,[6]
Являет, сколько стал полезен россам я,
Да град сей чрез торги прославится отныне,
И слава будет ввек сия Екатерине.
Тага́нрог[7] здесь тебе являет то теперь,
Что в Черный понт судам отверста стала дверь;

---

[1] Дон течет в Черное море и поспешествует коммерции во оном.

[2] Азов на устьи Дона, охраняющий проход в Черное море.

[3] Места, присоединенные к России.

[4] Днепр — река, текущая чрез великие пороги в Черное море.

[5] Берда — небольшая река, по которой находится линия укреплений.

[6] Азов, где зала для кушанья изображает изобилие, проистекающее от мира.

[7] Таганрог, где ярманка, изображающая свободный торг по Черному морю.

Там жители степей Нагайских пиршествуют:[1]
Они довольствие свое изобразуют.
Дающие судам свободный в понт проход,
Еникаль с Керчию,[2] вмещая мног народ,
Являют чрез его различное убранство
Российской области великое пространство,
Что внутрь себя сия обширная страна
Вмещает разные народов племена:
Хотя и разны их и образы и нравы,
Но чада все они Российския державы;
Различно думают, различно говорят,
И все одним огнем к монархине горят.
Там Кинбурн,[3] кончится где росская держава,
Хранитель на водах торговли общей права;
Но здесь в нем слышатся гремящих гласы лир,
Поющих, сколько есть царям полезен мир.
Простри и за Дунай[4] свои, о Марс, ты очи,
Где шумный юг стоит противу тихой ночи
И где поставил росс побед своих трофей,
Там блещет множество торжественных огней,
Размахи пламенны всю сферу освещают,
Рекут: «Подсолнечна, в молчании внемли,
Колико вознеслась Россия на земли
И сколько счастлива российская судьбина:
Ее отец был Петр, днесь мать — Екатерина!»

1775

109. СТИХИ НА 1777 ГОД

Как в бурный океан втекают быстры воды
И исчезают в нем,
Сему подобяся, летят во вечность годы,
Стремяся день за днем.

---

[1] Быки и фонтаны, представляющие нагайские орды, живущие в удовольствии.

[2] Керчь и Еникаль, залы и галереи для маскараду, изобразуют удовольствие разных народов, подвластных России.

[3] Феатр, изобразующий собою Кинбурн, крепость на Черном море.

[4] Фейерверк, представляющий торжество россиян за Дунаем.

В природе всё, что есть, рождается и вянет:
Минул прошедший год и боле не настанет,
Настал теперь другой, но сей, как тот, минет,
И множество за ним веков еще прейдет.
Всяк к вечности плывя, во вечности потонет:
Кто в счастии живет или кто в жизни стонет,
Кто был под властию или кто им владел,
Единый будет всем со временем предел.
Скончаются равно и пастырь, и владетель,
Останется по них едина добродетель,
А прочее их всё по смерти их минет,
И всё во вечности безвестно пропадет.
В течении времен судьба необорима:
Прешли величества и Греции, и Рима!
О боже, царь веков, в Россию ты воззри
И благо по ее пределам распростри,
Да насажденные Петром наук в ней крины
Цветут, покрытые рукой Екатерины!
Да судии закон, им данный, сохранят
И святости его ни в чем не осквернят!
Да воин в тишине на лавр побед взирает,
И пахарь с ним плоды сторичны собирает!
Да плаватель в моря свой мирно бег стремит,
И слава росская по всей земли гремит,
Взывая навсегда немолчными устами,
Что мы к монархине усердием горим,
И будем доле цвесть, чем Греция и Рим,
Доколе род Петров владети будет нами!

1776

110. МАДРИГАЛ ПЕХОТНОГО ПОЛКУ ПОЛКОВНИКУ

Не тщетно, воин, ты о должности рачил,
Не тщетно ты свой полк, стараяся, учил!
Чрез знание твое он знаньем процветает:
Под предводительством твоим гремит, блистает!
Сказать потребно то: каков бы ни был толк,
Но видеть это льзя, что твой исправен полк.

Освобожденная Москва 20

Пою оружие и мощь российской славы
во время внутрь ея бывшей страшной брани
о лугах, тьмы [illegible] днесь [illegible]
и подвиги сильной российских [illegible]
[illegible] было [illegible] смертными [illegible]
по [illegible] сынов российских [illegible]
и [illegible] сильной, [illegible]
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
[illegible] спасл
[illegible]
[illegible]

Где [illegible] царь Шуйской. о [illegible]
был [illegible]
о [illegible]
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~ [illegible]
[illegible]
[illegible]
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
[illegible]
[illegible]:
[illegible] Шуйской [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] российских
оружием [illegible]
~~[illegible]~~
[illegible] российской [illegible]
[illegible], да [illegible] Россия [illegible]
[illegible] Владислава
[illegible] сынов
а сам [illegible] осадой [illegible]
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
[illegible] российских [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] (margin note, written vertically, partly struck through)

111. ОСВОБОЖДЕННАЯ МОСКВА

Пою оружие и мощь российской длани
Во время внутрь ее горящей страшной брани.
О муза, ты мою мне лиру днесь устрой
И подвиги со мной российских чад воспой,
Тебе бо ведома деяний смертных древность.
Поведай мне сама сынов российских ревность
И возгласи со мной сладчайший оный час,
Как пленную Литвой Москву Пожарский спас
И как с восшествием на царство Михаила
Унылая Москва свой вид возобновила.

Уже несчастливый царь Шуйский... о удар!..
Был предан поляка́м от собственных бояр.
О, если б мне о сем постыдном вероломстве
Повествование загладить смочь в потомстве!
Но истина сама нам в повестях сие
Гласит плачевное для россов бытие:
Мне должно истину в сей песни возглашати,
Мне должно лиру всю слезами орошати.
Уж преданный Литве быв Шуйский от начал,
В литовской области плачевно жизнь скончал,
В темнице тяжкими оковами томимый, —
Как гордый Жигимонд, поборник россов мнимый,
Оружием Москвы грудь томну раздирал
И длань свою на скиптр российский простирал:
Под видом да цветет России вечно слава,
Сулит на царство дать боярам Станислава,
Единого из двух рожденных им сынов,

А сам меж тем теснит осадой войска Псков.
Сей град, построенный людей российских потом,
Служил твердейшим ей от враг ее оплотом,
И се — немногое число в нем росских чад,
Стесненны войсками, в нем терпят лютый глад,
Уже враги <нрзб> на приступ шли трикраты.
Не могут <нрзб> высокие раскаты.
Но, бывши освещен орудий бранным блеском,
Ответствовал Литве ужасным дланей плеском,
Явил и огнь, и дым на пламенном челе,
И, распростря свои широкие криле...
...Болярин тако сей, благочестивый муж,
Имел в себе свойство́ великих самых душ,
И не работая он духом плоти тленной,
Взлетает мыслями во сне к творцу вселенной.
И се — Господь ему видение послал:
Внезапу юноша пред одр ему предстал,
Одеян белою небесною одеждой,
И взор его блистал веселою надеждой;
В деснице скипетр был, венец был на челе,
И златом за спиной блестящие криле;
Представ ему пред одр, и так ему вещает:
«Да мой приход тебя, о Шеин, не смущает!
Хранитель росского престола я есмь дух,
Склони к моим словам внимательный твой слух:
Господь благоволил Россию наказати
И хощет о царе в вас души истязати,
За вероломство всех бунтующих боляр
Он хощет на Москву наслать глад, меч, пожар;
Враги бы не могли твоей усердной рати
Своею силою чрез много дней попрати,
Но стало наконец угодно небесам,
Дабы сей град и ты в плененьи был и сам.
Есть некто в граде сем изменник нечестивый,
Андрей Дедешин то, твой друг, но друг твой льстивый.
Он время днесь к тому удобное нашел
И тайно от тебя в литовский стан ушел.
Ко Жигимонду он предстал теперь пред взоры
И дерзкими усты ведет с ним разговоры.
Сказует слабости полночныя стены,

И завтра будете вы здесь побеждены.
Но ты, о храбрый муж, отнюдь не ужасайся.
За веру, за престол, за церковь стой, мужайся.
Яви Литве, каков России страшен строй,
Яви собою ей, что всяк из вас герой!
Дождешься по трудах ты времени счастлива,
Когда произрастет среди Москвы олива,
И мирны дни сея оливы будет плод,
Терпи и покажи, каков россиян род.
Сей скипетр и венец вручатся Михаилу,
Который обновит России прежню силу:
Уже я времена <нрзб> ясно зрю.
Будь верен <нрзб> великому царю!»
Вещав сии слова, от глаз его сокрылся.
И абие от сна болярин возбудился,
Исполнен ужасом и радостию весь,
Глаголет: «Посетил, о боже, ты мя днесь,
Ты дух мой, томный дух, исполнил весь надежды:
Пускай мне смерть сомкнет в мученьях тяжких вежды,
Я долг отечеству сыновний сотворю:
Я верен мне во сне явленному царю!
Но кто сей Михаил? Кто будет нам владетель?
О ты, вселенныя владыка и содетель,
Почто дерзаю я вникать в твои судьбы!
Ты нам пошлешь царя, мы суть его рабы».
По размышленьи сем он одр оставил вскоре —
Еще не явльшейся на небесах Авроре,
Он воздух голосом во храмине делит
И верному рабу войти к себе велит.
«Дедешин где Андрей?» — поспешно вопрошает;
Велит, да он к нему, не медля, поспешает
И в комнату к нему его да приведет.
Меж тем уже заря явила в небе свет.
Болярин воружен из храмины выходит,
Служитель главного к нему над стражей вводит,
И сей ему речет Дедешина побег:
«Когда ты, государь, починуть лишь возлег,
Дедешин со твоим пришел мне повеленьем,
Что он идет за град твоим соизволеньем.
Я другу твоему оспорить не посмел,

Врата ему отверзть градские повелел».
Тогда болярин сна видение воспомнил,
Глаголет: «Так злодей предательство исполнил!»
И вскоре к своему он воинству приспел
И тако в бодрости он войску повелел:
«О други, бодрствуйте и вскоре вооружайтесь,
За веру за свою, за церковь вы сражайтесь!
Я зрю — Дедешиным нам смертный ров изрыт,
Сей льстец прегнуснейший злым ядом весь покрыт.
Ко северной стене вы града все спешите
И тамо вы свою днесь храбрость покажите,
Оттоле враг начнет чинить приступ на нас:
Се нам страдальческих венцов приятный час!
Явите, чада, вы своею ныне кровью,
Что вы пылаете к отечеству любовью!»
И се — по воинству усердный шум восстал,
И огнь во очесах их жара возблистал.
<Нрзб> все воины, отважные сердцами,
<Нрзб> смертными, как брачными венцами.
<Нрзб> российский вождь поставити успел,
<Нрзб> в град молниеносных стрел.
<Нрзб> воздух весь от ядр летящих воет,
<Нрзб> возопил: «Се ров Дедешин роет!»
<Нрзб> в стремленьи враг идет,
<Нрзб> противу лютых бед.
Тогда-то Шеину явил в себе всяк воин,
Что россом нарещись во свете он достоин.
Стремящихся к стене отчаянных врагов
Свергают со зубцов стремглав в глубокий ров,
Но сколько раз врагов с раскатов низвергали,
Толико раз они на оные взбегали.
Уже повержена ударами стена,
И сила россиян во граде стеснена,
Уже везде враги по стогнам града рыщут
И смертью добычи в домах побитых ищут.
Но Шеин, взяв из войск надежнейший отряд,
Выходит с малым сил числом к Литве за град,
Желая жизнь продать свою драгой ценою
И тяготить врагов ужасною войною.
Меч острый Шеина всех страшно поядал,

Кто первый под его удары попадал,
Подобно току вод, стремящусь чрез долину,
Несущему овец и пастырей в пучину, —
С отрядом Шеин всех противных поражал,
И всяк от действия меча его бежал.
Но, боем, ранами и ратью утомленны,
Немноги с Шеиным Литве достались пленны:
Сей ратоборец, быв собою побежден,
Полмертв, отдаться в плен врагам был принужден,
Но горды поляки, в победе быв суровы,
Кладут на воина тяжелые оковы,
И самый Жигимонд весь гневом воскипел,
Героя взять к себе под стражу повелел:
Не ради почестей блюдом он был столь свято,
Но мнил через него обресть он в граде злато, —
Тираны бо не чтут героев никогда.
Меж тем <нрзб> как быстрая вода
И разливаются <нрзб> по стогнам града.
<Нрзб> мечми родителей и чада.
Везде <нрзб> ручьи кровавые текут,
<Нрзб> младых к закланию влекут.
<Нрзб> и площади и домы,
<Нрзб> в цепях влекомы.
На небо, жалостно стеная, вопиют
И слезы с кровию в руках Литвы лиют.
Но слезы к милости сердец не привлекают,
Свирепы воины как алчны львы рыкают.
О град, колико ты доныне был ни леп,
В руках Литвы ты стал разбойничий вертеп.
В сем граде некто был из юнош знаменитых,
Рожденный от любви супругов именитых,
Со девою себе подобного родства.
Спряжен любовью был, ждал брачна торжества.
Уже готовился в тот день во храм предстати
И деву юную супругою пояти.
Уже цветами одр украшен брачный был,
Уж мнил в объятиях иметь он, что любил...

112. СУД ПАРИДОВ

Премудрым без любви не можно в свете быть,
Премудрость бо велит друг друга нам любить,
И, если в ком любовь с премудростью спряженна,
Того пребудет жизнь счастлива и блаженна;
Но кто пристрастною любовью дух прельстит,
Тот счастие свое в беды преобратит.
Явит нам то судьба Приамова здесь сына,
Что без премудрости вредна любовь едина.

Стремится дух воспеть прю трех богинь небесных,
Могуществом своим и славою известных,
Которую меж их Приамов сын решил,
Чем трон отеческий и Трою сокрушил.

Скажи, о муза, мне вину сея досады,
От коей гнев пылал Юноны и Паллады,
За что Парид не им победу дать судил
И в знак той яблоком Венеру наградил.

А вы, о юноши, сей песни глас внимайте
И мыслей тленными вещьми не занимайте.
Когда пленять начнет ваш разум красота,
Воспомните, что то есть светска суета,
Котора, как магнит, сердца младые тянет,
И коя с временем, как сельный крин, увянет,..

Лишится прелестей блестящих навсегда
И боле цвесть уже не будет никогда.
Не истребляю сим я вашея любови,
Какая царствовать должна в кипящей крови, —
Но если вас она рабами ей творит,
Се страстный предстоит вам юноша Парид,
Который, ослепясь любовию без меры,
Невольник сделался роскошныя Венеры.
Но вас должна любовь к премудрости влещи,
Сия бо светлая небес прещедрых дщи
Едина нас собой от тварей отличает,
Творит счастливыми, спокойствием венчает,
Без коея пастух, вельможа, воин, царь
Не могут нарещись разумна в свете тварь.

Уже Пелеев брак с Фетидою свершался,
Уже Зевес своей судьбы не устрашался,
Какую рок ему из вечности предрек,
Что в свет Фетидою родится человек,
Который превзойдет родителя делами.
Затем владеющий громовыми стрелами,
Хотя к Фетиде страсть в груди своей питал,
Однако же ее в супругу не поял.

Уже бессмертные на браке возлежали
И песньми брачными супругов ублажали,
Как вдруг Дискордия, не званая на брак,
Досадуя, сама себе глаголет так:
«Или должна я снесть мне сделанну обиду?
Или я буду зреть Пелея и Фетиду,
Творящих торжество?.. Я брак их возмущу
И всё согласие на оном прекращу».
Рекла, и воздух глас ее нестройный внемлет;
Она же яблоко златое в длань приемлет,
И с надписанием: «Да лучшая возьмет»
Пред трех богинь на стол, невидима, кладет.
Вдруг самолюбие в богинях возблистало;
Мнит каждая, что ей иметь его пристало.
Пир рушился, и их решити должно прю
Угодно наконец Юпитеру-царю,

Да шествуют сии красавицы на Иду
Решити прю свою ко пастырю Париду.

В то время пастырь сей и купно сын царев
На сей горе играл в свирель свою меж древ;
Овечки спали все, и птички все молчали,
Скамандрины струи со тихостью журчали,
Кудрявы древеса, внимая нежный глас,
Не колебалися от ветра в оный час.

И сей горы хребет наполнился лучами.
Парид узрел богинь, стоящих пред очами.
Юнона первая, Зевесова жена,
Была сиянием небес окружена,
На раменах ее божественных порфира
Была соплетена из чистого эфира,
И на главе венец чистейший был металл,
Как молния, в очах Паридовых блистал;
Вторая же была премудрая Паллада,
И третия, сердец пылающих отрада,
Венера, тварей всех и всех растений мать,
Благоизволила на суд к нему предстать.
Сей пастырь, сын царев, судья нелицемерный,
Дабы решительный ответ им дать и верный,
Речет, да каждая себя в них обнажит.
И первая пред ним Юнона предстоит,
Вещая: «Юноша, внимай из уст сих слово,
И сердце смертное имей свое готово
К приятию речей, дверь в оно отворя.
Представь во ум себе величество царя;
Представь сию из всех ты смертных лучшу долю,
Неограниченны могущество и волю,
Неисчислимое богатство, славу, честь
И всё, что может сан царев с собой принесть.
Тебя поставлю я царем самодержавным,
И учиню тебя и мощным я, и славным;
Ты будеши тебя живущим о́крест страх,
И будет их и жизнь, и смерть в твоих руках.
Где всход со западом пресветлыя денницы,
Там будет власть твоей могущия десницы.
Престол твой будет всем державам прочим суд,
И царии тебе в дань да́ры принесут.

Тебя со страхом чтить все будут человеки;
Речешь — и двигнутся к своим вершинам реки.
Прославит даже тя сама небесна твердь,
И славы твоея ничто не может стерть:
Ты будешь оною во вечности гремети.
Коль буду первенство судом твоим имети,
Прославившего мя сама прославлю я.
И се, Парид, за суд награда есть твоя!»
Сказав, умолкнула и стан свой обнажает.
Парид, приступль к ней, зрит, зря с страхом обожает,
Но зрением не мог насытить смертный ум,
Отходит, погружен во тьму различных дум,
В которых, ужасом объят быв, утопает
И в размышлениях к Палладе приступает,
Котора, близ себя его не допустя,
Воздвигла твердый глас, приближиться претя:
«Постой, — ему рекла, — постой, непросвещенный!
Сбери всю крепость сил и разум расточенный,
Очисти мысль свою от всех мирских сует
И приступай потом ко мне увидеть свет,
Не напыщенны бо мой видят свет молвами,
А ты прельщен моей соперницы словами,
Величеством твое всё сердце утомил
И мысли буйные к престолу устремил.
На слабость я твою, о пастырь, не пеняю
И младостью тебя твоею извиняю;
Я знаю, что нельзя против страстей стоять,
Доколь кого моя не тронет благодать.
Едина я могу лишь смертных просвещати
И слабости сердец уму порабощати.
Расторгни убо ты завесу темноты,
Расторгни и познай блестящи суеты;
Воззри ты своего рассудка здравым взглядом
И виждь, что упоен твой ум сладчайшим ядом!
Прибегни ныне ты к премудрости, Парид,
И се она сама в очах твоих стоит;
Потребуй моего ты только врачеванья,
И все разрушатся столь слабы чарованья,
Я, иже восхощу, премудрыми творю.
О пастырь, я тебе подати свет горю:

Внимай, вещаю я нелестными устнами.
Владеть и управлять обширными странами,
Бесспорно, лучшая на свете смертных часть;
Но с тяжким бременем сия спряженна власть.
Что царский сан велик, я верю без препоны:
Что уст его слова суть стран его законы,
Что всё падет, к его повергшися ногам,
Что властию своей подобен он богам,
Что счастие его везде препровождает,
И, всем его служа забавам, угождает.
Но пышность ты сию, о пастырь, рассмотри,
Не стонут ли в своих забавах и цари
Желаньем умножать земель своих пространство?
Преходит иногда и кротка власть в тиранство:
Из славолюбия творимыя войны́
Не разоряют ли их собственны страны́,
Не изнуряют ли народы, им подвластны?
Внимай, как и цари без мудрости несчастны.
Но кто желает зреть правления плоды,
Тот должен приложить к правлению труды.
Не от щедроты ли владык зависит слава?
Не кротостью ль царя цветет его держава?
Не спорю, иногда быть должно и войне,
Когда злодей грозит войной его стране,
Когда и кроткий муж, носящий диадиму,
Обязан предприять войну необходиму.
Но та ли слава в свет должна о нем греметь,
Что только он врагов возмог лишь одолеть,
Когда о собственном владеньи не радеет?
Сей царь, и в кротости, тиранствуя владеет:
Ему от лютости трофей сооружен
И весь кровавыми телами окружен.

Пускай избегнешь ты, быв царь, сея напасти,
Но можешь ли, не быв премудр, бороти страсти,
От коих должен ты себя предохранять?
Ты должен тех льстецов от трона отгонять,
Которые царей порокам угождают,
А истине пути к их слухам заграждают.
От лести их себя ты должен защищать,
Злодеев истреблять, насильства прекращать,

Всех подданных твоих любить, хранить, покоить,
Полезное для них не в мысли только строить:
Часы владычества щедротой замечать,
Премудрых от невежд во царстве отличать,
Сносить с терпением друзей своих досаду,
Заслугам даровать достойную награду.
Такие-то цари приходят славы в храм,
А сим едина я способствую царям.
Проникни, о Парид, ты мыслию твоею,
Каков даемый дар соперницей моею.
Противу же того даемый мною дар —
Рассудка здравого и сердца чистый жар.
Мои веселия пороков не вкушают,
Но, душу упоя, к бессмертным возвышают:
Их сладость только мне известна лишь одной
И тем, кому даю я свет увидеть мой;
Тебе открою тьму вещей я неизвестных
И ум твой погружу в явлениях прелестных:
Открою я тебе небесные страны,
Течение всех звезд, и солнца, и луны.
Открытием таким твой разум насладится,
Познаешь, как и где дождь, снег и град родится:
Чрез просвещение познаешь ты мое
Рожденье молнии и грома бытие,
Отколе ветры к вам свирепые дыхают,
Чрез что свирепствуют и паки утихают.
Проникнет, наконец, твой просвещенный взор
Во глубину пещер, в сердца высоких гор,
Земные недра в твой рассудок поместятся,
И златом все твои страны обогатятся.
Хотя меж смертными ты будешь обитать,
Но будешь их себя превыше почитать —
Не саном и ниже́ породы благородством,
Но самыя души великой превосходством,
Которую моим я светом обновлю
И выше жребия других постановлю.
Тогда пускай весь свет в пороках злых потонет,
Но светска суета души твоей не тронет:
Блаженства твоего ничто не может стерть.
Тебя не устрашит и сама люта смерть:
Ты будешь ждать сея ужасной всем царицы,
Как свобождения невольник из темницы.

Когда же придет сей тобой желанный час,
Ты будешь помещен на небе между нас.
Тот счастлив в свете сем, и счастлив непременно,
Кто следует моим стопам беспреткновенно.
Но мало таковых на свете смертных есть,
И редкость им сия самим же служит в честь.
Внимай, о юноша, что в мысль тебе вперяю,
Внимай и рассуждай, еще я повторяю».
Умолкла, речь свою богиня окончав;
Париду предстоит, броню с одеждой сняв,
Закрывшись несколько божественным эгидом.
Парид любуется ее почтенным видом:
Зрит перси, зрит ее широки рамена;
Почтенья мысль его и ужаса полна,
В которых погружен, он паки утопает
И ко прекраснейшей Венере приступает.

К нему же взор возвед, красавица сия
Глаголет с нежностью: «Прекрасный судия!
Не таковы мои услышишь ты реченьи,
Где были б строгие тебе нравоученьи:
Советов бо таких давати не хощу,
Да ими нежну мысль твою отягощу:
Твоя бо красота, твои младые лета
Не требуют еще толь строгого совета.
Не охуждаючи обещанных даров,
Соперниц был моих совет тебе суров;
Не приступаю я к их помыслам пространству,
Скажу, что первая влечет тебя к тиранству,
Другая о своей премудрости речет
И тем во скучну жизнь совсем тебя влечет,
Советуя тебе от света удалиться
И со дичайшими зверьми в пустыни скрыться.
Лишиться общества приятнейших оков,
Летать и мыслями превыше облаков,
Стараться постигать дела непостижимы,
Богами в вечной тьме от смертных содержимы, —
Не то ль же, что взносить на небо дерзку длань
И начинати вновь на час с Гиганты брань?
Не все ль вы, смертные, к согласию рожденны?
Не все ли вы любить друг друга осужденны?

Приметь, найдется ли в природе кто такой,
Кто б вздумал разрушать желанный всем покой
Опричь, которых свет глашает мудрецами?
Сии единые, себя противу сами
Вседневно восстая, союзы дружбы рвут
И мнения свои премудростью зовут,
Другого мнения всегда опровергая,
Свои мечтания за правду полагая,
Что должен по его идти законам свет,
От коих обществу ни малой пользы нет.
И, наконец, они чего еще желают?
Да звезды все по их желанию пылают,
Да солнце и луна по тем путям текут,
Какие мудрецы сии им предрекут;
Чтоб самая земля их воле угождала
И по законам их плоды свои рождала,
И словом заключить, что их тебе совет
Исполнен суеты, тщеславия и бед.
А мой противу их совет совсем отменен,
И признаюсь, что мой не столь, как их, надменен.
Кто, пользуяся им, на свете сем живет,
Хотя величества он титла не несет,
Хотя не оглашен он звучной в свете славой,
Но, пользуясь всегда природы всей забавой,
Без подозрения, без страха весь свой век
Проводит, как вести обязан человек;
Не тщится постигать он таин сокровенных
И не слывет в числе безумцев дерзновенных.
Но верь, противящись закону моему
Все позавидуют блаженству твоему.
Внимай, о юноша, тщеславну мысль отриня:
Я есмь природы мать, согласия богиня,
Владычица любви и нежности есть я,
Причина твоего и прочих бытия!
Моею волею животные родятся,
И мановением растения плодятся;
Воззри на небеса, на землю ты воззри:
Мои суть данники и боги, и цари,
В величестве своем мои оковы носят
И жертвы на алтарь мой в дань свои приносят.
Воззри ты мысленно в окружность света стран:
Герой и жаждущий разити всех тиран,

Сии чудовища, всех жаждущие крови,
Смягчаются одним посредствием любови.
Внемли, о юноша прекраснейший, внемли,
Нет рода такова, живуща на земли,
Который не был бы к забавам нежным страстен:
И самый лютый тигр бывает мне подвластен;
Закон бо мой родит не строгость и не суд,
Не возмущение, не зависть и не труд,
Не злобу, не вражду, не тяжкие железы,
Не подозрение, не стон, не горьки слезы, —
Но сопряжение пылающих сердец,
Любовь и дружество есть оного конец.
Простри душевные свои, о пастырь, взоры
И в воздух, и в моря, в пустыни, в дебри, в горы:
Не обладаю ли едина оным я?
Не я ли есмь виной сих тварей бытия?
Не силою ль любви вся тварь сия родится,
Чем воздух, и вода, и вся земля гордится?
Но если пресеку я всем животным плод,
Пуст будет воздух весь, земля и бездна вод.
Опустошение ж кого сие не тронет?
Сама вселенная о трате сей восстонет.
А днесь воззри в Кифер и в Книду, Кипр и Паф.
Увидишь множество живущих в них забав:
Там горы гимнами в хвалу мне оглашенны,
В лугах растут цветы, струями орошенны,
Дремучие леса, прекрасные сады
Являют на себе различные плоды.
Где земледелец, труд скончав себе полезно,
Приходит по труде покоиться к любезной, —
Там не присутствуют уныние и страх,
И радость каждого сияет на очах.
Там нет ласкателей, там вредных нет тиранов,
Там льстивых нет друзей и гнусных их обманов,
Там вся веселием кипит во всяком кровь,
Там игры, смехи там, там царствует любовь,
Там всё любовию и движется, и дышит:
Один на древесах любезной имя пишет,
Другой любезную венком свою дарит,
Иной с любезною о страсти говорит,
Иной в кристальный ток с возлюбленной глядится,
И паче тем любовь в сердцах у них родится,

Там всех сердца равно любви питает жар.
И се каков мой есть тебе даемый дар!
Но ты, о нежнейший и мыслями, и леты!
Напечатлей мои на сердце все советы,
Познай моих к тебе глаголов сих вину.
Я лучшую тебе из смертных дам в жену —
И родом, и собой, и славою блестящу, —
Когда судом твоим я славу приобрящу».
Сим сделала конец беседы своея.
Тогда три грации предстали пред нея:
Одна легчайшую одежду с плеч снимала,
Другая под стопы ей розы подстилала,
А третия, дабы умножить в ней красы,
Располагаючи по персям ей власы,
Во беспорядок их приятнейший приводит
И тем убранства все на свете превосходит.
Зефир, на воздухе вокруг ее виясь,
В белейших льна власах Венериных резвясь,
Летанием своим их нежно раздувает
И тем к почтенью тварь богини призывает.
Потом, лишь члены все открыла мать отрад,
Исполнен воздух стал небесных аромат.
И ты, каменьями обилующа Ида,
Лишилась своего нахмуренного вида
И для Венериной небесной красоты
Явила на себе прекрасные цветы!
Леса вершинами друг другу помавали
И ветвями себя взаимно обнимали.
Тут львы и тигры, свой оставя грозный вид,
Пришли со кротостью, где стадо пас Парид,
И, не свирепствуя, овец его лизали,
Чрез что богине знак покорности казали.
Все нимфы гор, лесов и нимфы ясных вод,
Собравшись меж собой в единый хоровод,
Владычицу сердец их песньми прославляли
И пляску радостну, играя, составляли.
Огнеобразный Пан в толпе сатир идет,
Изобразя в своей одежде целый свет,
Эол бурливого Борея заключает,
И более Борей пловца не отягчает.
В смятенной бездне всей простерся сладкий мир,
И сверх смиренных вод летает тих зефир.

Трясущийся Протей на влагу всплыть желает
И к Иде по водам приближиться пылает.
Но пременить себя в какой не знает вид,
Из бездны выползши, поверх ее сидит,
Исполнен будучи и в старости любови,
Любуется, подняв свои густые брови.
Нептун, почувствовав покой во глубине,
Желает знать о толь внезапной тишине,
Тритона к своему престолу призывает
И известитися ему повелевает,
Какое строит то могуще существо.
Сей, выплыв и познав Венеры торжество,
Обратно перед трон владыки поспешает
И в раковинный рог Нептуну возглашает,
Что царствует во всей вселенной тишина
И что всему тому Венера есть вина,
Владычица сердец, мать нежныя любови,
Родившаясь в твоих волнах от Кела крови.

И се владыка вод с престола восстает
И с Амфитритою из бездны вод грядет
На черепаховой огромной колеснице,
Наяды с пением последуют царице,
Украшенны драгим растеньем грозных вод;
Тритон, предшествуя, гласит царев приход.

Уже является царь бездны над водою;
Волнопитаемой играет ветр брадою,
Обмоклые власы крилами развевал;
Царя принесший, прочь побег надменный вал.
Тогда угрюмый царь, оставя колесницу,
Появ с собою вод прекрасную царицу,
Восходит на Олимп меж синих облаков,
Откуда с жительми небес отец богов,
Со восхищеньем зря на Иду, светом ясну,
Там видит в торжестве он Кела дщерь прекрасну.

И грозный ада царь, ужасный всем Плутон,
Почувствовав в своем пресекшись царстве стон,
Что стали фурии его не столь свирепы,
Отъяти повелел от мрачных врат заклепы,

Да шествует во свет и сам Венеру зрит
(Познал бо, что она сей мир везде творит);
Заржавым скипетром под Этной ударяет
И в чреве оной хлябь широку растворяет,
В которой жупел он с одежд своих отряс:
Гора изрыгнула его во оный час,
Чем солнце над собой в день ясный погасила,
И колесница в свет Плутона возносила,
Везома четырьмя быв черными коньми.
Оставя по себе мир в аде меж теньми,
Плутон с бессмертными на Иду сам взирает
И по Венере сам со Зевсом поборает.

Меж тем младый пастух Венеру нагу зрит
И, наслаждая взор, весь пламенем горит.
Вся кровь Паридова любовию пылает;
Он зрит ее красу и зреть еще желает,
Изобразует бо в себе сия краса
При тихом солнечном сияньи небеса.
Он, чувствуя в себе необычайну радость,
Влечется в некую, ему безвестну, сладость.
Тогда Ермий ему то яблоко поднес,
С которым предпослал к нему его Зевес.
Парид, приняв его во длань свою, вещает:
«Богиня, коей ум красы мой не вмещает,
На кою без того никто не может зреть,
Чтоб пламенем ему любовным не гореть,
Божественна краса, небесная Венера!
Ни в чем не может быть красе твоей примера;
Должна ты верх над всем в подсолнечной иметь, —
Тебе принадлежит сим яблоком владеть».
Сказав, он боле сил в себе не ощущает
И дар, залог красы, во длань ей ниспущает.
Соперницы, узря сей дар в ее руках:
Юнона, в пламенных поднявшись облаках,
От взора смертного на небо возлетала,
И молния по ней на воздухе блистала;
Паллада, о конец опе́ршись копия,
На серном облаке грядя вослед ея,
Во обиталище Олимпа восходила
И в воздухе войне подобный шум родила.

Венера в облаке прозрачном завилась
И с пением на верх Олимпа поднялась,
Наполня гору всю благоуханным мирром,
Препровождаема любовью и зефиром.
Парид же, кой сию победу ей вручил,
По времени себе Елену получил.
Котора, став его обещанной женою,
Соделалася всех троянских бед виною.

III

113. АГРИОПА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Агриопа, царевна мизийская.
Телеф, князь из Греции.
Азор, вельможа мизийский.
Альбина, наперсница Агриопы.
Аристон, наперсник Телефа.
Военачальник.
Воины греческие и мизийские.

Действие в городе Теуфрании, в царском доме.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 1

Агриопа и Альбина.

Альбина

Уже плачевные обряды мы скончали,
И день, царевна, тот настал, чтоб все печали
Прияли обществу желаемый конец.

Агриопа

Альбина! Теуфран мне царь был и отец.
И может ли печаль та скоро быть забвенна,
Котора в грудь мою толь твердо вкорененна?
Она поднесь еще во мне тревожит кровь.

Альбина

Не исцелит ли скорбь твою сия любовь,
Которую всегда к Телефу ты хранила?
Теперь желанная минута наступила,
В которую вам с ним во брачный храм вступить
И руки и сердца навек соединить.
Но что, царевна, ты смущаешься?

Агриопа

Смущаюсь,
И как смущение прервать я ни стараюсь,
Оно всегда одно владычествует мной.

Альбина

Иль вновь, царевна, чем смутился твой покой?

Агриопа

Смущенья моего призна́к довольно ясный.
Альбина, может ли снести любовник страстный
Четыре дни свою любовницу не зреть?
Четыре дни Телеф возмог сие терпеть.
Ты знаешь, так ли он со мною обращался
В то время, как его мной взор еще прельщался;
Он всякий час меня в печали посещал,
Он всякий час мои мученья облегчал.
Когда его любить я прямо начинала,
Я о родителе не так уже стенала,
И наконец, увы! в плачевны оны дни,
Как должно воображать лишь бедствия одни,
Воображала я Телефа пред собою,
Как спас он моего отца средь смертна бою,
И что должна ему я вольностью моей.
Вот чем гордится он... победою своей.

Альбина

Поверь, что он навек твоим пленился взором.
Царевна, изъяснись о сем ты со Азором;
Он князя всякий день с собою вместе зрит,
Князь часто о делах с Азором говорит;
А сей вельможа был отцом твоим прославлен
И покровителем твоим теперь оставлен;
Он, может быть, твое сомнение прервет.

Агриопа

Но княжеско меня отсутствие мятет,
И паче то меня страшит и удивляет:
Он флот свой к шествию отсель уготовляет;
Отсутствие его и страшный сей наряд
Не ясно ль мне его являют сердца хлад?

Альбина

Он только что теперь лишь виделся со мною
И здесь хотел предстать, не медля, пред тобою.
Но се!

ЯВЛЕНИЕ 2

Прежние и Телеф.

Телеф

Царевна, я пришел тебе донесть
Для слуха твоего противнейшую весть:
Против желания я брак наш отлагаю
И с войсками отсель ко Трое поспешаю,
Где всех собрание героев и царей,
Туда стремлюся я от брачных алтарей.
Сие по власти я бессмертных начинаю
И только лишь о том тебе напоминаю,
Чтоб ты позволила прияти мне венец,
Который завещал отдать мне твой отец.

Агриопа

Коль Теуфраново ты помнишь завещанье,
Так должен и свое ты помнить обещанье.

Телеф

Возможно ль исполнять тогда мне свой обет,
Когда меня судьба в опасности зовет.

Агриопа

Скажи, мой князь, вину толь странныя премены;
Ты идешь воевать троянски горды стены,
Ты идешь подкрепить союзные полки,
Ты идешь показать там мочь своей руки,

И я желаю там тебе себя прославить,
Но для чего меня ты мнишь теперь оставить?
Давно ли от тебя, давно ль слыхала я,
Что будет только мной счастли́ва жизнь твоя,
И что останешься ты ввек благополучен,
Когда лишь ты со мной пребудешь неразлучен?
Где делася теперь та искрення любовь?

Телеф

Она волнует всю во мне текущу кровь.

Агриопа

И если ты ко мне любовию пылаешь,
Зачем ты данный мне обет переменяешь?

Телеф

О сем, любезная, я много помышлял,
И пользу я и вред в сем деле исчислял,
Все исчисления мои остались тщетны.
Встречаются со мной препятства неисчетны.
Помышлю лишь о том, что к брани я иду,
Ужасну для тебя я в браке зрю беду.
То небо во своей еще имеет власти,
Достигну ли я там желаемыя части,
Еще ль меня моя там храбрость вознесет
Иль строгая война мой век пересечет,
Ты будешь вдовствуя препровождать жизнь слезну.
Оставь, любезная, ты мысль толь бесполезну,
Чтоб ныне приступать пред жертвенник со мной!
Еще я и тогда, царевна, буду твой,
Как слава загремит по всей земли трубою,
Что сила греческа повергла горду Трою.
Я, возвращаяся оттоль к тебе назад,
Под лаврами введу вторично войски в град
И, в храме приступив пред жертвенник с тобою,
Спрягу мою судьбу навек с твоей судьбою.

Агриопа

Чем ждать еще сего с кровавыя войны,
Ты при́дешь в город сей в объятия жены.
Иль то забвенно днесь, любезный князь, тобою,

Что мы обязаны уж клятвою святою?
Хотя и не был ты пред брачным алтарем,
Но вспомни, о мой князь, ты клялся мне пред кем;
Се самые теперь ты видишь здесь чертоги,
Свидетели тому Ахилл и сами боги.
Посредником меж нас был храбрый сей герой.
Ты клялся мне, что ты навеки будешь мой;
Ты клялся, что со мной здесь сядешь на престоле;
И я тогда твоей была согласна воле.
Не принужденную отец меня вручал,
С желанием моим меня он обручал;
Не храброго тогда Ахилла я страшилась,
Тобою я самим, тобою я пленилась;
Хотя народ и был наш вами побежден,
Но дух мой, гордый дух не сим был принужден:
Когда бы твоего я взора не видала,
Я и в пленении б свободна пребывала.

Телеф

Предстать ко алтарям желал бы я и сам;
Но что, когда не так угодно небесам?

Агриопа

А если ты со мной не хочешь сочетаться,
То как возможет трон во власть твою достаться?
Воспомни, что тебе родитель мой вещал,
Когда он при конце о царстве завещал.
Он рек тебе: «Телеф, тобою я избавлен,
Тобою я еще на свете был оставлен;
Когда меня Ахилл поверг к своим ногам,
Я должен жизнью был Телефу и богам,
Которую теперь в спокойствии кончаю,
А дочь мою тебе со троном поручаю».
Та речь его теперь тверда в уме моем.

Телеф

Не спорю я с тобой, дражайшая, о сем,
Что к трону приступить дорогою иною
Нельзя, как должно быть тебе моей женою;
Я брака б не бежал, но должность мне велит,
Чтоб я ко Трое шел...

Агриопа

Не должность нас делит,
Но нечто тайное ты в сердце заключаешь. . .
Ты потупляешь взор и мне не отвечаешь.
Се воздаяние горячности моей!

Телеф

Внемли, любезная, вину напасти сей:
Готовяся вступить в союз с тобой священный,
Имел тобой мои я мысли восхищенны
И прежде, нежель в брак хотел с тобой вступить,
Нептуна жертвами намерен быть почтить;
Но вот свершилось что. . . О часть моя презлая!
Увенчан был алтарь, и огнь, на нем пылая,
Ко ужасу жрецов, священный огнь погас.
Потом от алтаря был страшный сей мне глас:
«Ты, в роскоши ниспав, в покое пребываешь,
И долг и честь свою совсем позабываешь.
Гнев божеск над тобой, туши его, туши,
Приявши скипетр здесь, ко Трое ты спеши».
Сим кончилось сие вещание ужасно,
Преслушаться сих слов ты знаешь сколь опасно;
Я повеления сего не небрегу
И в брак с тобой вступить, царевна, не могу.
А ежели прейдет сие несносно время,
Как с плеч моих сложу толь тягостное бремя,
Из-под троянских стен с победой возвратясь,
С тобою сопрягусь, быв царь, герой. . .

Агриопа

Ах, князь!
Толкуй сии слова божественные прямо,
Докажет то тебе речение их само:
Гремел во храме глас, чтоб взял ты скипетр сей,
То, следственно, чтоб взял со мной от алтарей,
А инако тебе держава не вручится.

Телеф

Объемлет сердце хлад, и дух во мне мутится,
Божественный ответ не смею толковать,
И только я его лишь должен исполнять.

Агриопа

Забыв мою к себе любовь и сожаленье,
Стремися исполнять толь строго повеленье,
Не вображай себе моих горчайших слез,
Не вображай себе ты гнева от небес,
Который на тебя днесь должен устремиться.

Телеф

Ах, если б я возмог без скорби удалиться
И если б я возмог толико быти тверд,
Колико строгий рок ко мне немилосерд,
Тогда б без жалости с тобою я прощался
И только бы одной лишь славою прельщался.

Агриопа

Ах, знать, что мысль она в пленение взяла
И в сердце вкралася, в котором я жила...
Но ты отсель бежишь, речей моих не внемлешь.
Ах, князь мой, что против меня ты предприемлешь?

Телеф

Иду исполнити веление богов.

Агриопа

Беги от глаз моих, когда ты стал таков.

ЯВЛЕНИЕ 3

Агриопа и Альбина.

Агриопа

Ты видишь ли сие, любезная Альбина,
В какие горести ведет меня судьбина,
Какие вижу я вокруг себя беды,
Какие с сей любви сбираю я плоды?
Внимала ль ты его со мною разговоры,
Внимала ль ты его движения и взоры?

Альбина

Он, может быть, смущен казался для того,
Что отлучается от взора твоего.

Агриопа

Почто ж не хочет он союз окончить брачный?

Альбина

Страшится, может быть, войны он неудачной,
К которой взял теперь намеренье идти.
На смертном будет там стояти он пути,
Где все свирепости природа изливает,
Где царь и подданный равно сражен бывает,
Где ярость зверская между людьми горит
И смерть ни возраста, ни сана не щадит.
То, может быть, его в смущение приводит,
И для того он, брак оставя, прочь отходит.

Агриопа

Альбина, может быть, что мысль его не та,
И, может быть, любовь его была мечта,
Котора страстные глаза мои прельщала,
Я сладости сии лишь мысленно вкушала.
Он хочет, может быть, венчаться лишь венцом,
Он только мнит о сем, а боле ни о чем:
Лукавство, скрытое завесою обмана!
Но что я говорю? Иль в том найду тирана,
Чья кровь ко мне полна любовного огня,
Кто взоры страстные возводит на меня,
Кто всем вздыханиям моим соотвечает?..
Увы, поступок мне не то уж в нем являет!
Поди, любезная, потщись меня спасти:
Ты можешь разговор с Азором завести;
Он, может быть, его поступок разумеет,
Какой против меня сей князь теперь имеет.
Но нет, когда бы он его коварство знал,
Он верность мне свою конечно б доказал.
О боги, зрящие во все концы вселенной,
Вы видите одни обман сей сокровенный!

ЯВЛЕНИЕ 4

Агриопа, Альбина и Военачальник.

Военачальник

По воле княжеской украшен брачный храм,
В котором с ним предстать пред жертвенники вам:

Народ и воинство, весь град того желает,
Да Гименей на трон отцов тебя венчает.

Агриопа

Напрасно торжества, напрасно град сей ждет,
Когда и мне к тому надежды больше нет.

Военачальник

Что должен я понять из слов твоих, царевна?

Агриопа

На вас и на меня судьба стремится гневна.

Военачальник

Какой еще ее ты нам вещаешь гнев?

Агриопа

Ах, если б ведал ты, что мнит теперь Телеф!

Военачальник

Он мнит о браке...

Агриопа

Нет, он мнит лишь о престоле,
И я, и вы должны остаться здесь в неволе.

Военачальник

Ужасну из твоих я уст внимаю весть,
Иль ты приметила какую в князе лесть?

Агриопа

Я только говорю, что я и вы несчастны,
И, может быть, ему мы будем все подвластны.

Военачальник

Еще он не взошел на твой, царевна, трон,
Еще владеет здесь народом сим не он,
Твоей подвержено здесь всё наследной власти,
Ты можешь отвратить грозящи нам напасти.

Агриопа

Но чем мы отвратим сию опасность, чем?

Военачальник

Твоею волею и воинства мечем.

Агриопа

Еще в народе страх поднесь не истребился,
Как в наше воинство Ахилл с мечом стремился
И в ярости своей, как лев тьмы агнцев, гнал,
Когда родитель мой пред ним в сраженьи пал.
Изъязвленный внесен ко мне в сии чертоги —
Что зрела я тогда? О праведные боги!
Родителя в крови лежаща пред собой.
Воспоминаньем сим мятется разум мой!
Но днесь хоть тот герой отсутствует отселе,
Телеф тогда был с ним при том ужасном деле.
И страшен так же меч нам князя и сего,
Каков в деснице был Ахилла самого.
И что мы можем днесь начать с ослабшим войском?

Военачальник

Умреть за истину во подвиге геройском,
Иль лавр перед тебя победы принести.

Агриопа

Возможет ли сие душа моя снести!
Для пользы только той, чтоб быть мне здесь на троне,
Вернейших чад моих в ужасном слышать стоне
И зреть их за меня лиющуюся кровь —
Сия ли, ах! моя к отечеству любовь?
Приятна ль будет мне сея победы слава?
Как дороги вы мне, мой скипетр и держава!
Я к вам должна теперь убивством приступать
И кровию людей наследство покупать.
Нет, пусть я здесь терплю одна несчастье злое,
О чада верные, останьтесь вы в покое!

Военачальник

Возможно ли кому в покое пребывать,
Когда ты будешь здесь беды претерпевать,
Едина нашего быв скипетра достойна?

Агриопа

Я, может быть, еще напрасно беспокойна,
И, может быть, его един холодный вид
Уже напрасным мне мучением грозит.

Военачальник

Народ, царевна, весь за честь твою восстанет
И к пагубе его ужасным громом грянет.

Агриопа

Не тщетно, отче мой, народ ты сей любил,
Не тщетно ты ему толико щедрым был.

Военачальник

Устами говорю я целого народа,
Что должность и закон, и самая природа
Велят тебя всему отечеству любить.
Ты нами можешь все напасти отвратить.

Агриопа

Предупреждаючи грозящему раздору,
Пойду еще предстать я княжескому взору,
И если бы возмог он мысли пременить,
Он мог бы мой престол и сердце получить.
Всесильны небеса, вы нас от бед спасите
И прежнее сюда спокойство возвратите!

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ 1

Телеф и Аристон.

Телеф

Сказал ли, Аристон, Азору мой приказ?

Аристон

Пред очи он твои хотел предстать сейчас,
Распорядя в полках, во храме и во граде

Прилично торжество, в котором ты, к отраде
Народа здешнего, восприймешь сей венец.

Телеф

Желаниям моим не сей еще конец;
Не скипетр сей страны мой страстный дух
прельщает.
Он новые в себе напасти ощущает.
И может ли тогда сей скипетр быть мне мил,
Когда лишуся той, с кем сердце разделил!

Аристон

Ты с тою к здешнему престолу приступаешь,
К которой ты давно любовию пылаешь,
И та, котора трон и с сердцем отдает,
Ко брачным алтарям с тобой приступит...

Телеф

Нет,
Не тем уже теперь я пламенем пылаю,
Я только лишь ответ исполнити желаю.
Внимал ли вод царя ты глас со алтарей?
Он только мне велит прияти скипетр сей.

Аристон

Но Агриопе ли ответ сей бесполезен?

Телеф

Не может нам он быть обоим с ней любезен.

Аристон

Едины мысли в нем, и им един конец,
С царевною прими страны сея венец.

Телеф

Любовь хотела так, к лютейшей мне напасти,
Дабы Нептунов внук в ее был строгой власти.
О небо! для чего почтен я титлом сим,
Когда она и мной играет, как другим?

Аристон

Но в чем же, государь, тебе она пременна?

Телеф

То чувствует теперь лишь грудь моя стесненна.
Бог моря мне велит ко Трое поспешать,
А бог любви претит с царевной брак свершать.
Вини, коль я тебе кажуся малодушен,
А я обоим сим владетелям послушен;
Единого внимал во храме я ответ,
Другого глас давно в крови моей живет,
И сердце страстное, и душу наполняет,
И мысли нежные в ужасны пременяет.
Я должен днесь предстать с царевной пред алтарь,
А сердцем и душой владеет...

Аристон

Государь!
Что должен из сего понять я разговора?
И сердцем и душой?

Телеф

Владеет Полидора.

Аристон

Ты Агриопою поднесь всегда пылал,
И ты ее иметь супругою желал.

Телеф

Ах! если бы еще в моей то было власти,
Не чувствовал бы я ужасной сей напасти.
Я скоро бы мои мученья прекратил,
Но яд, сей сладкий яд я в грудь мою пустил;
Чем больше от нее мой разум убегает,
Тем больше, утомясь, мой дух изнемогает:
Без Полидоры мне противен и венец.

Аристон

Но знает ли о сем ее теперь отец?

Телеф

Не знаю, знает ли, но он мне не опасен.
Я знаю то, что он мне трон отдать согласен.

Аристон

Изменник и Азор владычице своей?

Телеф

Он только власти тем покорствует моей.

Аристон

Какое же твое намеренье?

Телеф

Такое:
Царевне я сказал, что я иду ко Трое.

Аристон

Так ты ее совсем оставить предприял?

Телеф

Ах, знать, не для нее сей огнь во мне пылал!

Аристон

Она к тебе горит любовию безмерной
И — думаешь ли быть к тебе ей лицемерной?

Телеф

Не думал я и сам сначала быть таков,
Но что, когда такой предел мне от богов,
Чтоб сердце нежное имел я к Полидоре,
Чтоб все я прелести в ее лишь видел взоре,
Которых для меня милее в свете нет?

Аристон

Представь, о государь, что скажет целый свет?
Что скажут о тебе герои те почтенны,
Которые теперь при Трое съединенны,
Которых общий всех совет определил,
Дабы ты, государь, царем стране сей был?

Телеф

Приказ героев сих исполнен будет мною,
Я буду царствовать над здешнею страною.

Аристон

Ты должен на престол с царевною вступить.

Телеф

Сего-то, Аристон, нельзя совокупить.

Аристон

Намеренье твое, о князь мой, мне ужасно!

Телеф

Советы подавать тому уже напрасно,
Кому назначено жестокою судьбой
Лишиться крепости, не властвовать собой.

Аристон

Бывала ль чем душа твоя преоборима,
Бывала ли тобой измена чья терпима?
Что сделалось тебе, ты нрав переменил?

Телеф

Я долгу, и любви, и чести изменил,
Я чувствую и сам то страшно преступленье,
Подай мне помощь... Ах! к чему сие прошенье?
Во преступлении лишь каяться начну —
И, вспомня милый зрак, раскаянье кляну.
Я каюсь, но могу ль то сделать, что желаю?
Нет, преступление я снова утверждаю.

Аристон

Я жалость чувствую...

Телеф

И так я рвусь стеня;
Оставь, любезный друг, оставь, не мучь меня,
Не обличай меня в том, что́ я предприемлю,
О Агриопе я уж более не внемлю;
Не тронется мой слух от толь ужасных слов;
Намеренье мое исполнить я готов.

ЯВЛЕНИЕ 2

Прежние и Агриопа.

Агриопа

Прости мне, государь, что я в моем смятенье
Дерзаю возмутить твое уединенье,
И если раздражил тебя поступок сей,
Оставь ты, государь, то слабости моей,
Которой я теперь неволею вдаюся;
Я, может быть, с тобой навеки расстаюся;
Но не отшествие твое меня страшит,
Страшит меня, увы! поступок твой и вид.
В то время как отсель ко брани ты отходишь,
Не таковой совсем ты взор ко мне возводишь,
В котором быть должна видна твоя печаль.
Ах, видно, что тебе меня уже не жаль!
Предпринимая толь намеренье сурово,
Скажи мне, молвил ли о мне хотя ты слово?
Иль ты меня совсем и в мысли не имел?
Где делась та любовь, которой ты горел?

Телеф

Она в груди моей...

Агриопа

Возможно ли поверить?

Телеф

Когда бы пред тобой хотел я лицемерить,
Я сердце бы твое надеждой упоил,
Божественный ответ совсем бы утаил
И, сочетавшися с тобою сим обманом,
Богов бы прогневил, тебе бы стал тираном.

Агриопа

Ах! видно оное из действия сего,
Что ты не чувствуешь мученья моего,
В котором я теперь, несчастная, томима.
О небо, если б я была тобой любима!

Телеф

Не сомневайся в том, царевна, никогда;
Почтением тебе я должен навсегда.

Агриопа

Почтеньем, государь!.. Того ли я желаю,
Когда тобою я, несчастная, пылаю?
Ты более бы тем меня теперь почтил,
Когда бы обо мне хоть вздох ты испустил...
И если б... ах, мой князь, ты мне не отвечаешь!
Ты сам в холодности себя изобличаешь.
Какой враждебный бог твой нрав переменил
И сердце нежное во власть свою пленил?

Телеф

Я сердцем и собой уж больше не владею...
Изыдем, Аристон...

Агриопа

О боги, я хладею.
Жестокий, вспомни ты...

Телеф

О чем мне вспоминать?
Я должен часть мою навеки проклинать.
О боги вечные, на скорбь мою воззрите
И мне, несчастному, в напасти помогите!

Агриопа

Ах, если бы ты зрел...

Телеф

Когда бы мог я зреть,
Не стал бы я и сам напасти сей терпеть.
Тяжка моя напасть; когда б ее ты знала,
Неблагодарному ты больше б не вещала.

Агриопа

Неблагодарному!.. Ах! льзя ль тебе им быть?
И льзя ли, князь, тебе любовь мою забыть?

На что выводишь ты меня из заблужденья?
Пусть ложные б меня питали воображенья,
Пускай бы я еще в безумстве сем была —
Я мнила бы, что я еще тебе мила.
За всю мою любовь, неверный, ты в награду
Отъемлешь у меня последнюю отраду.
Ах, льсти, неверный мне, еще теперь ты льсти,
Я лесть твою могу удобнее снести
И, быв сей сладкою отравой упоенна,
Не буду чувствовать, что я тобой презренна!

Телеф

Увы, прекрасная, мне мил еще твой взор.
Пойдем скорей отсель, скончаем разговор.

Агриопа

Я вижу, что тебе я скуку только множу.
Останься; я тебя уж больше не встревожу.
Останься и забудь усердие мое!

ЯВЛЕНИЕ 3

Телеф и Аристон.

Аристон

Так предприемлешь ты намеренье сие
И к беззаконному толь делу приступаешь!
В какой ты, государь, днесь бездне утопаешь!
Ты сам смущаешься и испускаешь стон.

Телеф

Оставь меня, оставь, любезный Аристон,
И дай собрати мне рассеянные мысли.

Аристон

Исчисли, государь, ты бедствия исчисли,
Каким подвержены теперь мы будем здесь,
Когда противу нас восстанет град сей весь,
Известным сделавшись о лютой сей измене.
Дела на свете все подвержены премене:
Когда намеренья твои не так пойдут,
Ласкатели твои далёко отбегут,

Которые теперь толпами окружают
И, что ни скажешь ты, хвалами утверждают.

Телеф

Не таковых себе имею я друзей,
Которы только льстят лишь слабости моей:
Они ко мне всегда усердие являют
И видети меня царем своим желают.
Имев сей гром в руке, иль грянуть не могу?
Случáи строгие я все превозмогу.

Аристон

Кто скиптры у владык злодейски исторгает,
Того всевышний гнев ужасно постигает.
Помысли, государь, что хочешь ты начать?
Ты хочешь здесь себя на троне увенчать,
Лиша наследницу ее законной власти.
Намеренье сие исполнено напасти!

Телеф

Отвсюду предстоит мне лютая напасть,
Меня взывает честь, меня смущает страсть,
Равно и честию, и страстию влекуся
И, чтя любезну честь, о чести не пекуся.
О Полидора, твой пленил мя вечно взор!
Но ах! скончаем речь, приходит к нам Азор.

ЯВЛЕНИЕ 4

Телеф, Азор и Аристон, который отдаляется.

Телеф

Поди, любезный друг, прерви мое мученье.

Азор

Доколе, государь, ты будешь в сем смущенье?
Народа множество склонилося ко мне:
Единых златом я привлек к твоей стране,
Другие, зря, что к нам уж первые склонились,
За ними и они к тому же устремились.
Я им истолковал, что ты достоин взять
Державу и не быв царю мизийску зять.

Тобою, государь, дана ему пощада,
Избáвитель царя и здешнего ты града,
Достоин, чтоб тебе правление вручить,
На трон тебя взвести, порфирой облачить.
Иль столько мы к тебе неблагодарны будем,
Что нашего в тебе защитника забудем?
Ты от неволи нас старался свободить,
А мы твой будем дух неволею томить;
Всходи на здешний трон и будь владыка граду,
И избирай себе невесту ты в награду.
Не может в том тебе царевна упрекать,
Чтоб ты ее хотел наследный трон отнять:
Ты кровью взял его и воинства уроном.

Телеф

Когда то будет так, ты будешь перед троном
Великий муж, и верь, что правду говорю,
Ты будешь первый друг здесь новому царю.
Но вот какое я препятство зрю к отраде:
Царевна множество друзей имеет в граде,
И если скоростью ее не упредим,
Усилившуюся не скоро победим.

Азор

Царевна, государь, нам слабая препона,
Она отдалена и так уже от трона.
Ты можешь скипетр взять, царевну истребя.

Телеф

Чтоб после я, увы! гнушался сам себя,
Чтоб совесть грудь мою терзала повсечасно!
Намеренье сие безбожно и ужасно!

Азор

Так должен быть царем ты с ней над сей страной.

Телеф

Коль нет уже к тому дороги мне иной,
Я лучше скипетр сей во власть ее оставлю,
А делом таковым себя не обесславлю.

Азор

Какие ж меры мысль твоя предприняла?

Телеф

Чтоб я на троне был, царевна бы жила
И не могла бы мне препятствовать собою.

Азор

Последний мой совет представлю пред тобою:
Возмогут корабли твои нам в том помочь,
На них ты повели отдать цареву дочь,
И, не вредя чрез то своей ни мало славы,
Вели ее отвезть на край сея державы,
А там под стражею в довольствии хранить.

Телеф

Что может нас, Азор, в сем деле извинить?
Царевну без вины послати в заточенье,
Поступок будет сей мне вечное мученье.
Ах, нет, я на сие никак не соглашусь.

Азор

Такия слабости безмерно я страшусь:
Народ о нашем весь намереньи известен;
Кто знает, будет ли он весь толико честен,
Чтоб кто из оного не мог нам изменить?
Тогда уже нас что возможет извинить
И что предприимем мы?

Телеф

Мой дух изнемогает.

Азор

Коль слабость такову страсть в мысль тебе влагает,
Отворен брачный храм, и жертвенник готов,
Спрягись с царевною, не слушая богов.

Телеф

Я власти их всегда, любезный друг, послушен.

Азор

Так буди, государь, теперь великодушен.
Еще тебе твой друг нелестно говорит:
Доколь народ к тебе усердием горит,
Всходи и утвердись сей день на сем престоле.

Телеф

Я и потом еще останусь в неволе,
Которую моя мне участь навела. . .
Я признаюсь тебе. . : мне дочь твоя мила!

Азор

Когда ты, государь, здесь сядешь на престоле,
Тогда ты по своей сие исполнишь воле.
И ежели сего моя достойна кровь. . .

Телеф

То сделали твои заслуги и любовь,
Они произвели сей случай нам полезной;
Позволь мне самому донесть моей любезной,
Что так ее теперь нарек мой страстный дух:
Она супруга мне, я буду ей супруг.

Азор

Когда ты, государь, ее сим удостоил,
Потребно, чтоб свое ты сердце успокоил.

ЯВЛЕНИЕ 5

Азор

Желание и цель моих геройских дум,
О честолюбие, ты, мой пленяя ум,
Не представляло мне сея великой части,
Чтоб я монаршия возмог достигнуть власти;
Хотя мой гордый дух всегда прельщал сей трон,
Но чрез препятствия далек казался он.
Теперь я счастьем сим моей стал должен дщери,
А хитрость ей моя отверзла к счастью двери.
Царевне мною путь ко трону пресечен,
Она в сию же ночь не узрит здешних стен,
Не узрит более и княжеского взора,
Всё счастие сие есть счастие Азора!
Кому ж принадлежит престол сей, как не мне?
Телеф всю мысль свою имеет о войне,
Устроенный мной глас зовет его под Трою,
Я хитростью моей там ков ему устрою;

Для власти царския, для счастия сего
Не должен я щадить на свете ничего,
Не должен я внимать дочерня буду стона,
Мой жребий есть престол, и часть моя — корона!

Действие третье

ЯВЛЕНИЕ 1

Азор и Агриопа.

Агриопа

Поди и упокой мой томный дух, Азор.
Но что я зрю? И твой печаль являет взор.
Конечно, о моей ты ведаешь напасти?

Азор

Когда бы то в моей, царевна, было власти,
Несчастья бы сего твой дух не ощущал;
Кто истину всегда всем сердцем защищал,
Тот зрит с прискорбием стесненну добродетель.
Едина грудь моя неложный в том свидетель,
Каким я ужасом объят внезапно был,
Когда Телеф сию мне тайну объявил,
Что небо в брак ему вступить не позволяет
И с во́йсками отсель ко Трое посылает.

Агриопа

Когда такой предел судьбою положен,
Что город сей Телеф оставить принужден,
Не спорю я, пускай ко Трое он отходит,
Лишь только то меня в сомнение приводит,
Почто он без меня на трон спешит вступить?
Он должен, став моим супругом, царь здесь быть;
А и́нако ему царем здесь быть не можно.

Азор

Но, скиптр ему не взяв, идти неосторожно.
Хоть все к нему теперь усердие хранят,
Но если выступит он с во́йсками за град,

Не утвердя себе страны сея державы,
Ты знаешь подлости испорченные нравы
И знаешь склонность сих бунтующих сердец.

Агриопа

Ах, если б мысль его на сей была конец!

Азор

Чего ж должна теперь, царевна, ты страшиться?

Агриопа

Страшуся моего я скипетра лишиться.

Азор

Иль клятвы он свои захочет пременить?
Легко ль любви, богам и чести изменить!

Агриопа

Когда ты клятвы столь святыми почитаешь,
Азор, ты по своей так чести рассуждаешь;
Но можно ль знать других движение сердец?

Азор

Пускай он шествует, прияв себе венец,
А возвратясь оттоль, победою венчанный,
Окончит брак с тобой, толь много им желанный.

Агриопа

Поступком княжеским мятется дух мой весь...

Азор

Но в обстоятельствах, в каких теперь мы днесь,
Какою сражены мы гневною судьбою,
Народ наш зрит еще тот ужас пред собою,
Когда родитель твой был смертно поражен,
Сколь много о мужах рыдало бедных жен,
И если б не Телеф, то б все отцы и дети,
И ты сама должна поносный плен терпети.
Народу льзя ль тому в желаньи отрицать,
Кого защитником он должен почитать?

Агриопа

Но не довольно ли и так почтен он мною,
Когда сама хочу я быть его женою,
Хочу и скипетр мой во власть ему отдать?
Он будет скипетром со мною обладать, —
Чем должно жертвовать еще сему герою?
Иль должно, чтоб и я была его рабою?
Но я, Азор, не так на свет произошла,
Чтоб я в его когда подданстве быть могла.
Что скажешь мне и что начать велишь такое?
Иль хочешь, чтобы я отечество драгое
Телефу без себя поверила во власть?

Азор

О небо, отврати от нас сию напасть!
Но ты не раздражай его, царевна, боле;
Он будет твой супруг, коль будешь на престоле;
А ныне не влеки его упорством в гнев;
Ты знаешь, сколь теперь опасен нам Телеф.
Противу грома грудь поставить безрассудно,
Так нам противу сил его бороться трудно.

Агриопа

А если мы его допустим до сего,
Тогда еще трудней восстать против его.

Азор

Что делать нам теперь, царевна, я не знаю.
Всё слабо, что о сем я мнить ни начинаю.
Он страшен был и есть, и будет навсегда,
И встать против его не можно никогда.

Агриопа

На верность я твою надежду всю имею.

Азор

Ты мне владычица, тебе я должен ею;
Я должен жизнь мою за власть твою скончать;
Но что против его возможем мы начать?
Всё предприятие в том наше бесполезно.

Агриопа

О сколько бедно ты, отечество любезно!

Азор

Когда бы мог сие я силою пресечь,
Царевна, первый бы простер я острый меч,
И сею бы рукой я жизнь пресек злодею.

Агриопа

Не то против его намеренье имею,
В отваге таковой еще мне нужды нет;
Полезен мне теперь не меч, но твой совет,
Усердие твое и верность мне полезны.

Азор

Когда б я отвратить возмог минуты слезны,
Которых я и сам днесь должен трепетать!

Агриопа

Ты должен, не косня, к нему теперь предстать
И примечать его намеренье прилежно:
Еще ль надежда есть, иль зло нам неизбежно.
Поди к нему теперь: что он тебе речет?

Азор

Усердие мое на всё меня влечет,
Мне повеления всегда твои священны.
Останься и спокой ты мысли возмущенны.

Агриопа

Чем можно мне твое усердье превознесть?

Азор
(отходя)

Спеши, о сердце зло, всё в действо произвесть!

ЯВЛЕНИЕ 2

Агриопа

Еще я разными сомненьями мятуся
И меж надеждою и страха остаюся.

Надежда слабую отраду подает,
А страх стесненну мысль тревожит и мятет.
Надежды не видав в его смущенном взоре,
Едину хладность я внимала в разговоре,
И если не могла и я его склонить,
Возможет ли Азор в нем мысль переменить?..
Но нет, по крайности он мысль его узнает,
Почто он быть со мной толь хладным начинает,
Почто он без меня приемлет мой венец.
Он сделает моим сомнениям конец,
Какие предприять против его мне средства...

ЯВЛЕНИЕ 3

Агриопа и Альбина.

Альбина

Царевна, приготовь себя на страшны бедства.

Агриопа

Какую ты несешь ко мне, Альбина, весть?

Альбина

Всё таинство и вся его проклята лесть
Открылися; уже завеса та ниспала,
Которая от нас лукавство сокрывала.
Видна, царевна, ах! вся злость его видна,
О коль неверен князь, и сколько ты бедна!

Агриопа

Не верен мне мой князь? О праведные боги!

Альбина

Предупреждай теперь свои напасти строги,
Превозмогай себя, опасность рассмотри
И в крайности такой всю крепость собери,
Чтоб пользуяся враг твоим бесплодным стоном
Не овладел тебе принадлежащим троном.

Агриопа

Каким ужасным ты пронзен ударом, слух!
Ах! дай, Альбина, мне собрать последний дух.

Альбина

Коль не примешь мер иных против измены,
Оставишь ты навек отеческие стены,
А ими обладать намерен сей пришлец.
На то ли основал сей город твой отец,
Чтоб греки гордые в нем нами обладали,
А ты взирала бы из дальних стран в печали
На скипетр свой, в руках держимый у врагов,
Оставленный тебе в наследство от богов?

Агриопа

Кто хищница его изменничьего взора?

Альбина

Коварным сердцем сим владеет Полидора.

Агриопа

Альбина!.. небеса!..

Альбина

Не ты ему мила.
Она его и мысль, и сердце в плен взяла;
Уже он не к тебе возводит страстны взоры,
Я слышала его с любезной разговоры:
Он клялся перед ней до смерти верным быть,
Он клялся здесь ее на троне посадить.

Агриопа

Ужасной вестию ты мысль мою расшибла!
Альбина, так моя надежда вся погибла.
Куда прибегну я? Нет помощи нигде;
Я вся в несчастии, я вся теперь в беде!
Корыстолюбие и твердый ум пленяет.
Я зрю, что и Азор мне злобно изменяет;
Увы! сраженна я жестокою судьбой,
Ах! нет, сраженна я, неверный князь, тобой!
О боги мстители! Он клятвы забывает.
Альбина, что начать? Мой дух ослабевает,
И чем мне отвратить сей страшный облак бед?

Альбина

Царевна, умолчи: Азор к тебе идет.

Агриопа

О боги! Ах, злодей...

ЯВЛЕНИЕ 4

Прежние и Азор.

Азор

Скрепи, царевна, грудь,
Внимай мои слова и мужественна будь,
И рассуждай, когда и сам я унываю,
И сам ужасную ту тайну открываю,
Которую, когда б и я сообщник был,
Для пользы своея конечно б утаил;
К бесчестью моему и к горести безмерной,
Телеф, изменник злой, Телеф, сей князь неверный,
Забыв твою любовь, забыв и долг и честь,
Он любит дочь мою, но я...

Агриопа

О страшна весть!..
Что слышу я?.. Азор, ах ты ли мне вещаешь?
Великодушием ты ум мой восхищаешь...
Ты верен мне, увы! изменник мне Телеф.

Азор

Да устремят ко мне бессмертны весь свой гнев,
Когда против тебя я что помышлю злобно...
Поверь...

Агриопа

Как дочь твоя?..

Азор

И дочь моя подобно
Не хочет изменить владычице своей;
Она скрывается от княжеских очей
И, сохраняючи святую добродетель,
Рекла мне так: «Ты будь, мой отче, мне свидетель,
Что не прельстит меня толь знатная любовь».
Я, зря достойную себя во дщери кровь,
Благодарил богов за дар мне их толикой.

Агриопа

О дар божественный, о дар души великой!
Усердие, любовь и искренность твоя
Достойны всей, Азор, награды моея.

Азор

Я верности моей вовек не потеряю.

Агриопа

А я тебе сие исследовать вверяю;
Ты можешь лишь един от бед меня спасти.

Азор

О если б в действо мог я всё произвести!

ЯВЛЕНИЕ 5

Агриопа и Альбина.

Альбина

Я верности его, царевна, удивляюсь.

Агриопа

И новых от нее я следствий опасаюсь;
Мне самая она сомненье подает.
Когда изменник дочь его на трон ведет,
Возможно ль, чтоб ему то счастие не льстило?
О ты, прекрасное небесное светило!
Ты видишь таинства, сокрыты от людей,
Ты видишь, может быть, что он уж мне злодей!
Но я еще себя от зла сего избавлю,
Противу хитростей я хитрости поставлю.
Поди, Альбина, ты мне воинов представь.
О небо, ты мне сил в сей крайности прибавь,
Чтоб я преодолеть могла мое мученье!

Альбина

О боги, сделайте сим мукам облегченье!

ЯВЛЕНИЕ 6

Агриопа

Таков ли ты, мой князь, казался предо мной?
Тобой я думала восставить здесь покой,
И радость обновить и истребить печали,
Поступок твой и нрав тому соотвечали!
Во счастии весь век я мнила провождать,
И так ли думала я царством обладать?
Я мнила, что граждан жизнь будет безмятежна,
И ах, сколь суетно была я в том надежна!
Рок мнение мое совсем переменил
И вместо тишины раздор здесь вкоренил;
Но я еще в себе имею сил толико
Противиться любви, сколь пламя ни велико.
Иль слабости и мне природны так, как всем,
И могут действовать в уме они моем?
Нет, дух хотя во мне любовью и пылает,
Но польза пламень сей гасить повелевает!
Он, может быть, на то сей трон себе крепит,
Да Греция его навек поработит;
Я вижу ясно весь твой умысел коварный,
Постой, о хищник злой, о льстец неблагодарный,
Я мстить еще тебе всей крайности могу;
Ты пренебрег любовь, и я пренебрегу;
Когда нарушилась днесь истина тобою,
Ты гнусен небесам, ты гнусен предо мною.
А ты, изменница, источник бед моих,
Не будешь зреть меня в моих напастях злых,
Воздам тебе сие не жалобой одною...
Но, ах, не ты, не ты виновна предо мною
И осуждаешься напрасно ныне мной;
Не ты изменница, Телеф изменник мой!

ЯВЛЕНИЕ 7

Агриопа, Военачальник и воины.

Агриопа

На вас единых я надежду полагаю,
Избавьте! к верности я вашей прибегаю!
Неверность княжеска открылась мне теперь.

Забыв он клятвы долг, забыв — и чья я дщерь,
Не хочет, чтобы я была его женою,
Но только хочет быть царем над сей страною,
Рабу мою на трон с собою хочет взвесть.
О чада верные, спасайте жизнь и честь
Царевны вашея и общую свободу
И удержите здесь на троне ту породу,
Котора множество владела вами лет,
И ах! без помощи днесь вашея падет!

Военачальник

Хотя к тебе рабов усердных и немного,
Которы отвратить желают время строго,
Но за тебя они, царевна, все пойдут,
И окончания дневного только ждут;
Когда сокроет луч свой солнце за водами
И небо мрачными покроет ночь крылами,
Все града жители умолкнут в тишине,
Не ожидаючи тревоги в сладком сне,
Внезапно налетим с оружием на спящих;
Пояст всех алчный меч противиться хотящих,
А верные сердца к тебе соединит
И состояние во граде пременит;
Тогда подвержено твоей всё будет воле,
И солнце здесь тебя осветит на престоле.

Агриопа

Усердие сие есть гром, в моих руках,
Но, ах! смешалась мысль! Отчаянье и страх
И близкая напасть ко мщенью принуждают,
А жалость и любовь еще остановляют...
Разите дерзкого! Так рок определил,
Разите!.. Небеса, разить того, кто мил!
Неверный, мил ты мне, но мил уже напрасно,
Щадить теперь тебя для общества ужасно.
Отечество! народ! о ты, лютейша страсть!

Военачальник

Приемли, утверждай твою наследну часть!

Агриопа

О должность, о любовь!.. о князь, ах, князь неверный!
Влечешь меня еще ты к жалости безмерной!

О чада, если вы подвигнетесь на гнев,
Воспомните, что мной любим еще Телеф,
И что я свой престол, не жизнь его отъемлю...
О небо, что теперь я в крайности приемлю?

Действие четвертое

ЯВЛЕНИЕ 1

Телеф и Аристон.

Телеф

Смешался весь мой ум; уныние, тоска
Терзают грудь мою, и смерть моя близка.
Любезный Аристон, где видел ты Азора?
Погибли мы теперь — и я, и Полидора.

Аристон

Смущенные слова во мне тревожат кровь.
Что сталось, государь?

Телеф

Несчастная любовь!
Царевна ведает, что я не ей пылаю...
Пойду... Но, ах, куда идти уж я желаю?
Везде последуют мне горести и стон.
Беги скорей, беги, любезный Аристон!
Беги и собери мои во граде войски,
Еще произведем мы подвиги геройски.

Аристон

Что хочешь, государь?

Телеф

Умреть иль победить,
Спасти любезную и вас освободить.

Аристон

Так о любви твоей царевна известилась?

Телеф

Через Альбину вся ей истина открылась,
Она весь слышала меж нами разговор,
Сей вестью поразил мой слух теперь Азор;
Со мною он найти мня дщерь свою едину,
Пошел к нам и узрел таящуюсь Альбину,
Познал коварство он и вшел к нам побледнев,
Сказал: «Погибли мы, возлюбленный Телеф!
Альбина у дверей сей комнаты стояла,
И если тайну слов твоих она познала,
Она не преминет царевне донести.
Старайся ты себя и дочь мою спасти,
А я пойду от вас царевне сам открою
И хитростью такой ей новый ков устрою;
Она не будет знать, что в том участник я,
Чрез что я быть могу дел ваших судия».
И он мне принесет всю мысль ее в ответе!

Аристон

О беззаконие, неслыханное в свете!
И ты намерен в том последовать ему?
Прилично ли сие, ах! сану твоему?
Позволь мне, государь, позволь себе вещати:
Ты должен истину от лести защищати,
Ты должен сам свои законы наблюдать,
И должен сам своим ты сердцем обладать.
Где правосудие меж смертных водворится,
Когда оно в самих владыках истребится?
Прости мне, государь, что дерзко говорю...

Телеф

Увы! любезный друг, я сам то ясно зрю,
Что истина уже мой ум не просвещает
И сердцу страстному тем гласом не вещает,
Которым праведным владыкам говорит.
Любовным пламенем вся кровь моя горит.
Я сам свою в себе днесь слабость осуждаю,
И ах! я слабости сея не побеждаю.
Вини меня, мой друг, за слабость ты вини,
Вини поступок сей и злость мою кляни.
Правдивые твои слова мой слух пронзают,
А стыд с раскаяньем всю грудь мою терзают.

Аристон

О если б был в твоем раскаяньи успех,
Коликих бы ты бед избавил ныне всех!

Телеф

(вынимая меч свой)

Раскаянье мое лишь смерть моя едина,
Прервет напасти все несчастного кончина,
Я кровь неверную рукой моей пролью...

Аристон

(удерживая)

Нет, кончи, государь, ты прежде жизнь мою,
Пронзи ты прежде грудь несчастну Аристона!

Телеф

Ах, дай избавиться мне мук моих и стона!

Аристон

Хотя б ты на меня теперь весь пролил гнев,
Не допущу, чтоб жизнь скончал свою Телеф.

Телеф

(падая в креслы)

Не воспрещай мне жизнь окончить бесполезну!

Аристон

(став на колени)

Иль ты захочешь нас повергнуть в страшну бездну,
Чтоб мы осталися во областях чужих...
Зри, государь, во мне всех подданных твоих.
Они к тебе со мной в тоске своей взывают
И слезы пред тобой со мною проливают.
Забудь в отчаяньи народ свой ты, забудь,
Пронзай без жалости отеческую грудь,
Коль ты священные те узы разрываешь
И, что ты нам отец, совсем позабываешь;
Ты должен, государь, и нам, и небесам.

Телеф

Когда я жизнию моей гнушаюсь сам,
Иль хочешь, чтобы я терзался ею паче...

Аристон

Умри, оставь своих родителей ты в плаче,
Оставь и погрузи их в горесть житие.

Телеф

К чему мне, Аристон, на свете бытие,
Коль я не буду им уж пользовать народу?

Аристон

Яви в себе свою великую породу,
Уверь весь свет, что род твой и́дет от богов;
Ступай ко Трое ты против своих врагов;
Лавровые венцы тебе уж там готовы;
Прерви любви своей поносные оковы,
Поди к царевне ты, вину свою открой
И из любовника будь паки тот герой,
Который удивлял всю Грецию делами.

Телеф

Увы, знать не хотят того и боги сами!
Я о царевне сам, мой друг, теперь скорблю,
А Полидору я, как жизнь мою, люблю.

ЯВЛЕНИЕ 2

Прежние и Азор.

Азор

Престань ты, государь, тревожиться напрасно,
Уже нам мнимое несчастье не опасно:
Я пред царевною теперь лишь только был
И сам ей о твоей любови объявил,
Что страстен, государь, ты дочерью моею,
Что я и сам о том несчастии жалею,
И что на то моей нет воли никакой.
Она, довольна быв поступкою такой,
Внимала речь сию, которой обольщалась,
И мнимой верностью моею восхищалась,
Препоручила мне спасение свое.

Телеф

А если город весь восстанет за нее?

Азор

Напрасно, государь, тревожишься, напрасно:
Я в Агриопе зрел отчаяние ясно;
Она оставлена от всех своих друзей,
Всё власти только здесь покорствует твоей;
Опасности ни в чем не видно никакия,
Все преклонилися сердца к тебе людские,
В полках и при дворе все думают одно,
Чтоб было торжество сей день совершено;
Раздор противных стран чрез злато усмирился,
Хотят все, государь, чтоб ты лишь воцарился.

Телеф

Боюсь, чтоб умысл наш ей не был откровен.

Азор

Сей тщетный страх совсем быть должен истреблен.
Что может нам вредить? Мы войски здесь имеем,
Или и явно ей противиться не смеем?
Ты знаешь, государь, что весь сей славный град
Вокруг Нептуновым владычеством объят.
Лишь только возгласишь военною трубою,
Сей бог, сей сродник твой, предъидет пред тобою
И всех тебе твоих злодеев покорит.

Телеф

Еще смущенный ум мой ужасом покрыт,
Одна ужасна мысль другую мне рождает
И зыблющуюся надежду побеждает.
Согласно всё с моим желанием теперь,
Одна меня крушит твоя прекрасна дщерь,
Одна она с моим желаньем несогласна,
Иль будет жизнь моя лишь в ней одной несчастна.
Скажи, мой друг, скажи, открой мою напасть:
Не пременилась ли желанна мною часть?
К несчастью вечному и к жизни мне ужасной
Не тщетным ли возжжен я пламенем к прекрасной?

Азор

О небо, отврати от нас несчастье то!

Телеф

Но удаляется от глаз моих почто?

Азор

Прости ей, государь, что мысль ее мятется;
Довольно, что она с тобою сопряжется.
Супруги должность в ней к тебе возбудит кровь,
За должностию сей последует любовь.
Не сетуй, зря девиц в ней гордости уставы,
Ты знаешь нежных их сердец жестоки правы;
Всей будет оныя жестокости конец,
Когда наденешь ты порфиру и венец.
Меж тем вели полки на брань вооружати,
Нам должно днесь сию победу одержати,
Дабы во области твоей был здешний трон.

Телеф

(Аристону)

Поди и исполняй, любезный Аристон,
Сбери мои полки и будь готов к отпору,
А что вам исполнять, приказ отдам Азору.

Аристон

Приказ твой, государь, исполнить я готов.

(Отходя, на сторону)

Но ах! против кого пойдем? .. против богов!

ЯВЛЕНИЕ 3

Телеф и Азор.

Азор

Предосторожности все мною предприяты:
Одним велел стрещи я царские палаты,
Другим мной, государь, сей дан теперь приказ:
Тогда как мрачныя наступит ночи час,
Царевну взяв, вести под стражу отдаленну.
Во всех я видел кровь сим жаром распаленну,
В предосторожность же кровавыя войны
Им знаки точные мной всем сии даны:

(указывая на знаки, которые у них на руках навязаны)

Когда б нечаянно мог брани час случиться,
Могли тем от своих злодеев отличиться.

Телеф

Каких потом, Азор, могу я ждать отрад?
Застонет воздух весь, смутится весь сей град,
Кровавые ручьи по улицам польются,
Друзья друзьям на смерть ужасну предадутся!
Мятежны гласы мой уже пронзают слух:
Прилично ли иметь царям толь злобный дух?
Не для смятения, не для войны кровавой
Владычествует царь приятой им державой.
А я приемлю здесь державу для того,
Чтоб град лишился сей покоя своего,
Чтоб здесь смятения ужасные настали,
Чтоб после на меня граждане возроптали,
Глася, что мною им все бедствия пришли,
И чтоб они меня своим тираном чли.

Азор

Еще не внемлемым тревожишься ты стоном,
Но дочь сопряжена моя со здешним троном,
И если, государь, его не хочешь взять, —
Не буди ей супруг и мне не буди зять.
Что хочешь избирай, во власть твою вручаю.

Телеф

Везде ужасные я бедствия встречаю,
Отвсюду на меня ужасный гром гремит,
И, яко тучами, бедами я покрыт,
Движенья разные бьют в сердце так, как волны,
Различными страстьми смущенны мысли полны!
Коль здешнего венца я взять не восхощу,
Против себя я всех героев возмущу,
Которые теперь пред Троей в ратном поле;
Они хотят, чтоб я был царь на сем престоле.
Закон сей власть царей великих мне дала,
А Полидора взор и сердце отняла.
О, Агриопа, я и сам тебя жалею...
И спасть уже тебя я власти не имею.

Азор

Не пременится мой тебе уже обет...
Но что я зрю?.. Увы, царевна к нам идет.

ЯВЛЕНИЕ 4

Прежние и Агриопа, ведомая на руках двух женщин, которые, посадя ее в креслы, удаляются по данному им Агриопою знаку, и стража ее.

Агриопа

(Телефу)

Ты новою меня напастью поражаешь,
Ты войски ввел во град и их вооружаешь;
Скажи мне, государь, скажи мне, для чего?

Азор

(смутившемуся Телефу)

Крепися, государь!

Телеф

(царевне)

Для брака моего.

Агриопа

Со мной?.. Но ты молчишь и мне не отвечаешь,
Ты только от меня лишь взоры отвращаешь.

Телеф

Увы! уж не в моей то власти состоит,
Я должен исполнять, что небо мне велит.

Агриопа

Когда б ты исполнял небесно повеленье,
Не впал бы предо мной в сие ты преступленье.
Изменник, коль забыл ты данный мне обет,
Ни истины в тебе, ни чести больше нет.
Но что я говорю? уж должно ли герою,
Который с войсками идет повергнуть Трою,
Подвластну клятвам быть обеты исполнять
И об отмщении всевышнем помышлять?
Прости мне, государь, что в мыслях беспокойных
Не предузнала свойств, душе твоей пристойных.
Вини меня, вини, достойна я тому,
Что слепо верила я слову твоему.

Телеф

Заслуживаю ли такие я упреки,
Когда не преступал я клятв своих вовеки?

Агриопа

Другая, может быть, счастливей будет в сем,
Котору хочешь ты венчать моим венцем,
Которая тебе меня достойней зрится.
Но как передо мной дерзнул ты притвориться?
За искренность мою, за мой сердечный жар,
Неверный! ты мне крыл ужасный сей удар.
Скажи, преступник, чем тебе я досадила,
Что злоба мысль в тебе толь гнусную родила?
Ты мог бы от меня взор прежде отвращать,
Но ах! почто меня старался ты прельщать?

Телеф

Увы!

Агриопа

Вздыхаешь ты, злодей, уже напрасно.

Телеф

Когда б во власти я иметь мог сердце страстно,
Я клятв бы, данных мной, вовек не пременил.

Агриопа

Я вижу уж теперь, что ты мне изменил,
И ежели моей не чувствуешь любови,
Щади, по крайности, народов бедных крови.
Не мни, дабы легко ты трон мой получил:
Я силы все мои поставлю против сил.
Коль нежное еще имеешь воображенье,
Представь себе, представь кровавое сраженье,
Представь растерзанны людей своих тела,
И если жизнь тебе их несколько мила,
Пребудь еще о них ты в сожаленьи малом,
Пронзи мне бедну грудь мучительским кинжалом,
И пощади ты кровь несчастливых людей.

Телеф

О боги! если б мог я быть ее злодей!

ЯВЛЕНИЕ 5

Прежние и А л ь б и н а, выбегающая на театр в крайнем смятении...

О боги-мстители! о праведные боги!
Зачем злодеям сим, зачем еще не строги?..
Царевна!.. Небеса, подайте помощь нам!
Царевна! час настал лютейшим всем бедам.
О лютая напасть! ужасное мученье!
Готовься в нощь сию, царевна, в заточенье.
Изменники твои — Телеф и с ним Азор.
Взведи, царевна, ты, взведи на знак сей взор.

(Указывая на знаки)

Злодейский оный знак их кажет преступленье,
Сей знак есть на твое, царевна, истребленье.

А з о р

(пораженный сим словом)

Бунтует дух во мне!

Т е л е ф

(тоже)

Разгневанные боги!

А г р и о п а

(Телефу)

Оставь, злодей, оставь скорей мои чертоги,
Когда ты истребил мне данный с клятвой жар,
За клятву небеса готовят свой удар;
Земля перед тобой уж пропасть разверзает,
И ад всех на тебя тиранов вооружает.
Польется предо мной твоя злодейска кровь,
Коль тако воздал ты за всю мою любовь.

(Азору)

А ты, о лютый яд, ужаснейший мучитель!
На то ль тебя почтил сим саном мой родитель,
Чтоб чувствовала я тобой беду сию?
О отче мой! питал не друга ты, змию!

Азор

Я помню милости, кто был мне благодетель,
Сама мне так гласит святая добродетель.
Я милость твоего отца теперь ношу,
А милостей твоих иметь я не хощу.
Телеф мне государь, Телеф наследник трона,
Ему принадлежит по пра́вам сил корона,
А гнева твоего нимало не страшусь.

Агриопа

Не мни, злодей, что я престола днесь лишусь,
Не все неверны мне, не все мне изменили,
Не все, как ты, злодей, сердца переменили,
Пойду и соберу остатки я полков.
А если предана от всех моих рабов,
Природа за меня сама днесь ополчится:
Ударит ярый гром, весь воздух возгорится,
И молния от вас меня освободит.
Мне небо против вас — и меч, и шлем, и щит.

(Уходит.)

Азор

(Телефу)

Не медли, государь, не медли, воружайся,
Ступай и с лютою злодейкою сражайся.

Телеф

(в крайнем смущении)

О боги!

Азор

Государь, полки твои стоят,
Ступай и защищай себя и здешний град.

Азор уводит Телефа против желания его.

Действие пятое

Театр представляет ночь.

ЯВЛЕНИЕ 1

Агриопа, Военачальник и несколько воинов.

Агриопа

Ужасный час настал, уж дневное светило
Спокойствие мое с собой в пучину скрыло.
О вѐрные раби! которых случай злой
Соединил сердца геройские со мной,
Коль вы за истину поборствовать возжженны,
Вы ею будете высоко вознесенны;
А если злобный рок нам гибель приключит
И в славном подвиге со светом разлучит,
Нам слава житие продлит меж человеки
И загремит о нас хвалою в поздны веки.

Военачальник

Ступай и отвращай скоряй сию напасть;
Не может наших душ ничто теперь потрясть;
Зависит от тебя, вели — и устремимся.
Хоть рок бы сам восстал, и с роком мы сразимся!
Не медли, пользуйся ты жаром сих сердец...

ЯВЛЕНИЕ 2

Прежние и Альбина.

Альбина

Изменник восприял, царевна, твой венец,
Народ ему теперь во верности клянется.
Спеши, доколе брак злодейский не начнется,
Доколь соперница на трон твой не взойдет,
Спеши и отвращай ужасну тучу бед.

Агриопа

О боги!.. о раби!.. не медлите, ступайте
И в крайности меня, несчастную, спасайте.

Военачальник
(воинам)
Пойдем, иль всё сие злодейство отвратим,
Иль славно нашу жизнь на брани прекратим!
(Отходит с поспешением.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Агриопа и Альбина.

Агриопа
О рок! я вся теперь от страха каменею;
Пойдем и отомстим лютейшему злодею.
Я слышу страшный вопль!.. настал ужасный час!

ЯВЛЕНИЕ 4

Агриопа, Альбина и Телефовы воины, которые на Агриопу хотят накладывать оковы.

Один воин
Мы до́лжны данный нам исполнити приказ,
Останьтесь обе здесь в чертогах неисходно.

Агриопа
Злодеям варварство всегда сие природно!
Свирепые слуги́ тирана своего,
Берите, не страшусь я боле ничего.
Се правосудие и милостей начало!
О боги! иль и в вас уж истины не стало?

ЯВЛЕНИЕ 5

Прежние и Телеф.

Телеф
(увидя, что воины его хотят царевну ковать)
Оставьте, дерзкие, не прикасайтесь ей!

Агриопа
О варвар! о тиран! о лютый мой злодей!
Отнявши мой престол, богов не устрашайся,
Не диадимою, злодейством украшайся,

Рази! вот грудь моя, когда в сие ты вник;
Губи, мучитель, ты к злодействию привык!

Телеф

О боги! вся моя днесь крепость бесполезна!

Агриопа

Да воспылает ад и преужасна бездна
Извергнет на тебя лютейшие беды;
Да кровь твоя твои покроет все следы,
И сам от своего злодейства да застонешь,
И жалобой богов и смертных да не тронешь,
Да возгнушается вселенная тебя,
И наконец чтоб сам гнушался ты себя!
Чтоб сам себя, злодей, ты бегал и страшился...

ЯВЛЕНИЕ 6

Военачальник Агриопин выходит на театр с немалым числом воинов, из которых многие с зажженными свечами, а все с обнаженными мечами.

Военачальник

(устремляется на Телефа)

Уже конец твоей здесь власти совершился!

Телеф

(ему и воинам, обнажа свой меч)

Постойте!

Военачальник

(воинам, которые и приближаются)

Воины!

Телеф

Кто первый лишь начнет,
Тот первый под моим ударом здесь падет.

Агриопа

(воинам же, которые и останавливаются)

Остановитеся!

Телеф

(Агриопе)

Не их я ужасаюсь,
Тебя одну я чту, тебе и покоряюсь,
Едина ты могла к сему меня привлечь,
Единой я тебе даю мой острый меч.

(Бросает меч свой.)

Прими его и зри, каков я пред тобою,
Теперь распоряжай несчастного судьбою,
И если хочешь ты меня спокойна зреть,
Вели, жестокая, сейчас мне умереть,
Вели меня разить, забудь, что сей рукою
Отец твой был спасен среди кровава бою.

Агриопа

Благодеяние ты злостью истребил,
Ты спас родителя, меня ты погубил.
Блаженству общества ты, варвар злой, не внемля,
И трон ты у меня и сердце днесь отъемля,
Еще не чувствуешь ты дерзости своей...
О боги вечные! о лютый мой злодей!
Почувствуй скорбь мою, тронись моей тоскою,
Иль ты не тронешься уж просьбой никакою?
Приметишь ли, злодей, что я тобой терплю
И, огорченна быв, еще тебя люблю?
Ах, если б я могла не чувствовать любови,
О варвар! потекли б ручьи твоей здесь крови!

Телеф

Когда меня лишишь возлюбленной моей,
Тогда несчастную и кровь мою пролей.

Агриопа

Ты, варвар, мне сего сказать не устыдился!
Не от людей на свет, от тигров ты родился.
О небо, вырви страсть из сердца моего!

Телеф

Карай меня, карай, не чувствуй ничего.

Агриопа

Я инако моим злодеям не отмщаю:
Поди, изменник, я тебя теперь прощаю!
Возьми, тиран, владей, кем взор твой стал
прельщен!

Телеф

Царевна!.. небеса! куда я восхищен!
Царевна! ты мне жизнь сим словом возвращаешь.
Великодушием ты смертных превышаешь.
Я враг твой, я злодей, предатель и тиран,
Я строил ков тебе, я крыл тебе обман,
Но ты не мщением противника караешь,
Великодушствуя ты гнев свой умеряешь,
В котором бы меня могла ты наказать;
О небо! дай тебе вовеки побеждать.

Агриопа

Поди из глаз моих, речей твоих не внемлю;
Оставь скорей мой град, оставь мою ты землю.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Агриопа, Телеф, Альбина, Аристон, воины и вестник.

Вестник

Скрепися, государь!

Телеф

Какая туча бед!

Вестник

Ах, Полидора!..

Телеф

Что?

Вестник

Ее уж больше нет.

Телеф

О боги!

Вестник

Государь!

Телеф

Разгневанные боги!

(Падает в руки воинов.)

Агриопа

Что сделалось? вещай.

Вестник

Оставя сий чертоги,
Азор вел дочь свою во храм ко алтарю,
Где должно было ей супругой быть царю;
Но воины твои внезапно набежали,
Противящихся им всех смертно поражали.
И в сем смятении пущённая стрела
Возлюбленной его, ах! роком тут была:
Пронзила нежну грудь, она без чувств упала,
Багряна кровь ручьем из раны побежала.
Несчастливый отец дать помощь ей хотел,
Но тщетно было всё, язык ее немел.
Он, зря, что рок его надежду всю отъемлет,
На небо в ярости свирепый взор подъемлет,
И рек: «Когда уже надежда вся прешла,
Дабы страна сия подвластна мне была.
Я низости в себе такия не имею,
Дабы кто властвовать над жизнью мог моею».
Он многие хулы еще произносил
И во отчаяньи кинжалом грудь пронзил.
Мы все нечаянным ударом возмутились,
А к ней последние сим чувства возвратились;
Казалось, будто сей губительный кинжал,
Отняв отцову жизнь, дочерню удержал.
Она, узря его бездушна пред собою,
Поражена была и паче сей судьбою;
Полмертвые уста чрез силу отворив,
Спросила у меня: «Еще ли князь мой жив?
Жива ли, — говорит, — несчастная царевна?»
Сказал, что живы вы...

Телеф

О часть моя плачевна!

Вестник

Потом рекла: «Поди и князю ты внуши,
Чтоб он, узрев меня лишенную души,
Не рвался б, что я жизнь кончаю в лучшем цвете,
Что зреть меня уже не будет он на свете,
Что долг я, общий всем, природе отдаю.
Царевне, чтоб вину оставила мою,
Что княжески глаза к себе я обратила
И тем ее и всех спокойство возмутила;
Я смертию моей вину мою плачу,
А блага ей всегда хотела и хочу».
Последнее сие лишь слово излетело,
Оставил дух ее томящееся тело.

Телеф

О рок, свирепый рок! чего меня лишил?
Ты всё свое на мне свирепство совершил!
Какою поражен я гневною судьбою!
Увы, прекрасная, расстался я с тобою!
О время, лютый день, мучительны часы!
Где делися твои, любезная, красы?..
Я слышу голос твой, и ты мне укоряешь:
Меня на свете нет, а ты не умираешь.
Спеши, желанна смерть, к несчастному, спеши,
И жар последний мой собою потуши!
Мое мучение уж больше нестерпимо.
Последую тебе, умру необходимо!..
И се свирепый ад разверзся предо мной.
Увы, прекрасная! я вижу образ твой...
Постой, любезный зрак, кого ты оставляешь,
Куда себя, куда из глаз моих скрываешь?
Побудь, прекрасная, побудь еще на час,
Не вечно разлучил с тобой рок злобный нас...
Иду к тебе, иду!..

Аристон

Богов для сильной власти!

Телеф

Я ими ввержен стал в толь лютые напасти,
Я ими разлучен с возлюбленной моей...
Довольно ль, боги, мщен поступок вами сей
И если вы еще насытиться хотите,
Вот грудь злодейская, не медлите, разите!..

Агриопа

Соделай ты своим мучениям конец!..

Телеф

(отдавая венец)

Возьми неправильно отъятый мной венец;
Да будет царствие твое благополучно,
Останься и пребудь со счастьем неразлучно...
О рок! я всё тобой на свете погубил.

Агриопа

Коль ты уже ко мне весь жар свой истребил
И ежели моей не чувствуешь напасти,
Ступай в свою страну и смейся там сей страсти,
И в торжестве, когда входить в свой будешь град,
Вмести среди побед, что ты пленил мой взгляд
И что ты за любовь мою столь вóздал злобно.
О небо! есть ли зло где, злу сему подобно?..
Но, знать, не трогают слова мои твой слух,
Так зри, тиран, как мой из тела выйдет дух!

Хочет заколоться, но ее удерживают Телеф и Альбина, так что Альбина за руку, а Телеф за кинжал.

Телеф

Постой и порази мое им сердце прежде
И сотвори конец ты всей своей надежде.

Военачальник и воины, упав на колени.

Военачальник

Царевна, для богов, для нас себя щади!

Агриопа

Оставь меня, тиран, оставь меня, поди!
А вы, мои рабы, возлюбленные чада,

Вы будете теперь едина мне отрада;
Я вами все мои напасти прекращу
И весь мой век для вас на пользу посвящу.

(При сем стихе Агриопа выпускает кинжал, и он остается у Телефа.)

Телеф

Живи во счастии, един я только беден,
Един я и себе и всем здесь в граде вреден...

Аристон

Воспомни, государь, ты славные дела...

Телеф

Судьба, ты всю мою надежду отняла!..
Места, где я пленен возлюбленным мне взглядом,
Вы были раем мне, а днесь вы стали адом!

(При последнем полустихе заколается.)

Агриопа

Ах, князь мой!

Аристон

Государь!

Агриопа

Возможно ли снести?

(Упадает в обморок.)

Альбина

О боги!

Аристон

Государь, что сделал ты?..

Телеф

Прости...

(Умирает.)

<1769>

114. ФЕМИСТ И ИЕРОНИМА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Магомет Вторый, султан турецкий.
Иеронима, пленная княжна греческая, дочь Димитрия Палеолога.
Фемист, князь греческий, сын Феодора Комнина, под именем Солимана, служащий визирем.
Клит, друг Фемистов, под именем Мурата, начальник садов серальских.
Осман, наперсник Магометов.
Стража и начальник оныя.

Действие в Константинополе, в султанском серале.

Действие первое

ЯВЛЕНИЕ 1

Фемист и Клит.

Клит

Во счастии, в каком ты ныне обитаешь,
Еще ль спокойствия в себе не обретаешь?
Благополучного, среди богатств, утех
И почитаема султаном выше всех,
Повереннностию великого толь сана,
В смущеньи пред собой я вижу Солимана,
И если бы тебя поднесь я не видал,
Счастливым бы всегда на свете почитал.

Фемист

Когда ты таинство души моей познаешь,
Ты, может быть, и сам со мною восстенаешь.
Или уже и ты сим саном ослеплен,
К султану навсегда стал мысльми прилеплен?..

Клит

Я таинства твоих речей не постигаю.

Фемист

А я в тебе мою надежду полагаю;
Она тебе, она открыться мне велит.
Скажи мне искренно, возлюбленный мой Клит,
Участник будучи монархов прежних славы,
Еще ли ты хранишь священны греков правы,
Еще ль живут в твоей днесь мысли Константин,
Феодор и Фемист, его несчастный сын?

Клит

Любовь к героям сим по гроб мой в сердце скрыта,
И во одежде сей ты зришь того же Клита.
Рабам и память их владык всегда мила:
Хоть участь мне судьба иную днесь дала,
Оплакиваю их геройскую кончину.

Фемист

Так друг ты и поднесь Феодорову сыну?

Клит

Возможно ли, чтоб я его когда забыл?
Сей князь еще меня с младенчества любил,
И, ах! уже пять лет, как я его лишился.
Но что я зрю? ты весь от слов моих смутился.

Фемист

Или меня еще познать не может Клит?
Се князь твой, се Фемист, се друг твой предстоит.

Клит

(с восторгом)

Что вижу?.. государь! о кровь героев славных!
Остаток Комниных!

Фемист

С тобой я в бедствах равных,
Ты видишь, Клит, меня в противничьих полках.

Клит

Скажи, о государь! скажи, умножь мой страх,
Ты, коего я сам был храбрости свидетель,
Неужели, забыв свой сан и добродетель,
Пришел подпорой быть злодея своего,
Лишившего тебя наследия сего?

Фемист

Внимай, услышишь ты, чего я днесь желаю:
Я мщеньем за мое отечество пылаю,
И во одежде сей погибелью грожу
Тирану, коему в сем виде я служу.

Клит

Твой вид совсем сия одежда пременила.

Фемист

Она от всех мою породу здесь таила:
Служáщего меня в полках своих пять лет,
За турка и поднесь приемлет Магомет.

Клит

Но как ты, государь, от смерти был избавлен?

Фемист

Мой век еще на то судьбою мне оставлен,
Чтоб мною Греция от лютых бед спаслась.

Клит

Здесь весть ужасная повсюду разнеслась,
Что все наследники престола умерщвленны,
И мы крушилися, быв помощи лишенны;
Надежду крыла всю отчаяния тень.

Фемист

Ты помнишь твердо, Клит, ужасный оный день,
В который молния над градом сим блистала
И смерть к нам страшная с ударами летала,
И наконец, когда был град сей утеснен,

Разбита громами противных твердость стен?
Великий Константин, отечества лишаясь,
Скончался, во вратах прехрабро защищаясь;
Родитель мой тогда, своих лишенный сил,
От ран в глазах моих, сражаясь, смерть вкусил;
Я сам изранен был и, чувств моих лишенный,
Упал без памяти на трупы пораженны;
Но рок мою еще тут смерть остановил
И живость на лице несчастного явил.
Тогда усердием я верного мне друга
Сокрыт и не сошел во гроб с земного круга.
Ты знаешь, Клит, что нам всегда союзник Рим;
Он был в несчастии убежищем моим,
И тайной помощью усердна Зустунея
Вооружен я днесь на лютого злодея.
Сей храбрый князь сие мне средство предложил,
Чтоб я меж воинства султанского служил
И времени искал, ко мщению удобна.
О небо! есть ли жизнь где, жизни сей подобна?
Служу теперь в полках злодея моего,
И должен был всегда сражаться за него.
Противу персов зрел меня он пред собою,
Сражавшегось среди сомнительного бою;
Я крепкие полки противных разорвал,
И я ему сию победу даровал.
Сей гордый государь в сражении жестоком
На подвиг мой и сам взирал завистным оком;
Однако ж, истину монаршую храня,
По брани сей возвел в степéнь сию меня
И дружбою потом своею удостоил.
Но можно ли, чтоб я сим мысли успокоил?
Лишь только я его свирепство вспомяну,
Кляну мою судьбу и власть его кляну!
Им все несчастия здесь наши совершились,
Мы братии, друзей и сродников лишились,
Которые его рукою сражены;
А я, несчастливый, лишен моей княжны!
Каких мне ожидать еще напастей боле?
Ее на свете нет, мучитель на престоле.

Клит

Так хощешь ты над ним удар свой совершить?

Фемист

Мне мало, что могу я дней его лишить;
Другое мщение я ныне предприемлю,
Которым спасть хочу сию от ига землю,
Рабов из уз извлечь, престол восстановить
И славу праотцев моих возобновить.

Клит

Но храбрость, государь, совсем твоя бесплодна;
Знать, вольность небесам уж наша не угодна;
Хотя к великому ты делу днесь возжжен,
Но силами тиран отвсюду окружен.

Фемист

Я сими робкими душами обладаю;
Итак, опасности от них не ожидаю.
Мой сан почтенье в них и страх возмог вселить;
А славу с вами я хочу сию делить.
Пускай восстанут все в плену живущи греки,
Падут или со мной прославятся вовеки;
Но ты уведоми меня о их сердцах:
Стенают ли они во варварских цепях,
Или в терпении то иго почитают,
Под коим храбрые сердца одни стенают.

Клит

Тебе принадлежат все права сих царей,
Они подпора суть и храбрости твоей,
И бедствием своим стесненны храбры греки,
Питающие гнев к сим варварам вовеки,
Вседневно ждут того счастливого часа,
Когда благоволят им щедры небеса
Послати мстителя за бедства их жестоки,
Прольются их рукой неверных кровны токи:
А ныне небо им послало, государь,
Тебя; не укосни и яростно ударь,
Отмсти ты плен людей и веру, здесь гониму,
Отмсти ты праотцев, себя, Иерониму!

Фемист

Иерониму... ах! прекрасная княжна!
Уже тебе моя и помощь не нужна,

Не в узы, но во гроб ты вечно заключенна.
На то ли ты была со мною обрученна,
И с тем ли мне тебя вручал Палеолог,
Чтоб после разлучить нас варвар сей возмог?
Минута сладкая, почто ты мне польстила!
Жестокая судьба, ты ум мой возмутила!

Клит

Здесь суетно тиран народ наш обольщал,
И суетно ему он милость истощал:
Ниже́ чины, ниже́ богатства расточенны
Смягчити не могли сердца ожесточенны.
Итак я, государь, вещаю не маня:
Сердца их, полные прехвального огня,
Последуют тебе и гневом воспылают.
Уверься, государь, что все того желают.
Единый страх теперь в глазах их предстоит,
И, может быть, сие едино воспретит
Исполнить им свои намеренья геройски:
Султан вблизи сих мест имеет многи войски.

Фемист

Дабы в сердца сию множайшу храбрость влить,
Могу его отсель я с войском удалить.

Клит

Но кая отвлечи его возможет сила
От мест сих, где любовь его остановила,
Где пленницей своей плененный Магомет,
Скрываяся от всех, в плену ее живет?
Тебе известно то, что воинство волнует
И на любовь сего тирана негодует.

Фемист

Не ради ли он сих ему опасных дел
И мне перед себя предстати повелел?

Клит

По разглашении во граде сей тревоги,
Конечно, и тебя он звал в сии чертоги.

Фемист

Я знаю глубину его строптивых дум:
Хотя и напоен его любовью ум,
И сердце у сея невольницы под властью,
Но слава есть всегда его главнейшей страстью,
И если мысль его я ею оживлю,
Легко его в мои я сети уловлю.
Сей засыпающий герой в своей забаве
Проснется и пойдет вослед гремящей славе;
Увидим город сей от войск освобожден,
А я, пришед сюда и в твердости сих стен,
О други! буду вам участником в напасти;
Умрем иль свободим себя от гордой власти.
Уж храбрый Зустуней готовит корабли
Для помощи сея несчастныя земли,
Уже и Александр[1] полки свои выводит.

Клит

Умолкни, государь, султан сюда приходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Магомет, Фемист, Клит и Осман.

Магомет

Какие, Солиман, здесь гласы вопиют?
Невольники ль против владыки восстают,
Иль войски, от моих днесь взоров отдаленны,
Дерзают бунтовать против царя вселенны?
О верности твоей не сомневаюсь я,
Чтоб брала подкреплять их злость рука твоя.
Я знаю, что ты мне усердие являешь,
Желания мои за свято поставляешь;
Ты знаешь всё сие, ты знаешь, наконец,
Вошли ль начальники в движения сердец,
Бунтующих к своей ужаснейшей напасти?

Фемист

Я, повинуяся твоей монаршей власти,
Дерзаю искренно тебе теперь донесть,

[1] Скандер-бек.

Не мни, чтоб мой язык вещати начал лесть:
Всё войско, государь, твое не воруженно,
Всегда в спокойствии и неге погруженно,
Жалеет, может быть, о том и вопиет,
Что их геройских дел уже не видит свет.

Магомет

Не та их, Солиман, причина неустройства;
Они рушители монаршего спокойства;
Невольница моя их дерзости виной.
Ответствуй мне теперь и дай совет мне свой.

Фемист

Когда ты, государь, вещать повелеваешь,
Ты сим молчание мое перерываешь;
Но прежде нежели я речь мою начну,
Я войск твоих тебе заслуги вспомяну.
Воспомни, как сии к тебе усердны войски
Старались исполнять намеренья геройски;
Усердием к тебе и славою горя,
Одолевали зной, и степи, и моря;
Не зрел ты слабости и там сего народа,
Где трудности пренесть едва могла природа.
Ничто в них не могло роптанья возбудить,
Все трудности могла их ревность победить;
С весельем к браням шли и рок свой презирали,
Когда они в твоих очах лишь умирали;
И ныне воины числом им данных ран
Счисляют, сколько раз где враг твой был попран.
И если воинство с роптанием взывает,
Любовь его к тебе толь винным содевает:
Обыкшим под твоей сражатися рукой,
Несносны им твоя любовь и их покой.

Магомет

С роптаньем жалобы сердечны произносят,
Невольники мои любовь мою поносят!
Рабам ли проникать во таинства владык?
Велики мной они, не ими я велик.
Или строптивые рабы мои забыли,
Что подвиги мои покой сей утвердили?
Владычество мое взнесенно мной самим

И утвержденное оружием моим;
Плененна Греция и Персия сраженна,
Трепещуща меня пространная вселенна —
Свидетели моих во свете славных дел.
И после б я сего советов их хотел,
Да наслаждаюся дней мирных тишиною!

Фемист

Желания твои священны предо мною,
А ты, о государь, желаешь, чтоб сей час
Всю истину тебе изнес мой робкий глас;
Язык мой воинства речьми вещати станет:
Оно вещает всё, что лавр твой ныне вянет,
Под тенью роскоши ты скрыл их все труды
И заглаждаешь их геройских дел следы.
Но славы, государь, обширные границы;
Простри ты в них свои монаршие зеницы:
Увидишь пред собой пространный сей предел,
Где множество еще явишь великих дел.
Чем более герой о славе рассуждает,
Тем далее его она препровождает;
Воззри ты, государь, на весь пространный свет,
Отверстый для твоих единственно побед;
Отстань от прелести невольницы несчастной
И буди, Магомет, ты паки днесь бесстрастный.
Судьба тебе велит не в страсти утопать,
Она тебе велит на троны наступать,
Монархов низлагать и быти их судьею;
Ты должен вознестись над страстию своею.
Остави царствовать любви в других сердцах
И буди, государь, ты трепет всем и страх.
Се точные твоей души великой пра́вы.

Магомет

Я слышу, Солиман, и сам глас громкий славы,
И если глас ее меня теперь зовет,
Я паки покажусь во свете Магомет;
Все чувствия мои пойдут вослед за нею,
Но сходствовало б то лишь с волею моею.
Сыщи, кто смел мне сей закон преднаписать,
Преступника сейчас мне должно наказать.

ЯВЛЕНИЕ 3

Магомет и Осман.

Магомет

Что он мне ни вещал, мне сердце то ж вещает
И слава у меня мысль нежну похищает;
Я чувствую сие движение в крови,
Что я рожден на свет к победам, не к любви.

Осман

Великий государь, коль смею я представить,
Забудь красавицу, потщись ее оставить,
Вообрази себе несклонности ея.

Магомет

Поносной сей любви, Осман, стыжусь и я,
Но некая во мне противна мыслям сила
Против желания меня ей покорила;
Хочу несклонную оставить и забыть,
Но можно ли, Осман, мне столько тверду быть?
Вотще в себе сераль красавиц заключает,
Мой взор приятности в их взорах не встречает,
Бесстрастно я на все их прелести гляжу,
Утехи более ни в чем не нахожу.
Иеронима, ты мой взор одна пленила,
Одна твоя краса мне сердце вспламенила!
Тобою я одной, жестокая, горю...

(Отходит.)

Оставь меня, Осман... Но се княжну я зрю.
Колико нежности в очах ее блистает,
Толико гордая душа в ней обитает!

ЯВЛЕНИЕ 4

Магомет и Иеронима.

Иеронима

Великий государь, вопль слух мой поразил,
Роптания твоих волнующихся сил
Достигли наконец и к нам в сии чертоги,
И я причиною сей страшныя тревоги:

Всё войско, полное военного огня,
В смятении своем восстало на меня,
Гласит, что я одна твои пленила взоры.
Дозволь мне, государь, прервать сии раздоры,
Дозволь мне, удалясь, их дерзость усмирить.

Магомет

Я должен бы, княжна, тебя благодарить,
Когда б тебя к сему усердность возбуждала.
Но, ах! к чему меня ты взором побеждала?
К тому ли, чтоб мое лишь сердце воспламенить,
И после — радости мне в бедство пременить?
Такою ль платишь мне за искренность любовью?
Скорее я лицо земли покрою кровью,
Скорее паки свет войною возмущу,
Чем скрытися тебе от глаз моих пущу.
Не разлучай меня, прекрасная, с собою,
Не поражай меня толь лютою судьбою;
Когда мной побежден здесь был Палеолог,
Победы оныя единый сей залог,
Едина по трудах награда мне досталась,
Что дочь его теперь в руках моих осталась.
Иль мне на то тебе свободу возвратить,
Чтоб после ты могла мне плен свой отомстить?

Иеронима

Напрасно ты меня страшишься зреть свободну;
Ты видишь, государь, совсем меня безродну,
Лишенну вольности, лишенную венца,
Лишенну матери, и брата, и отца,
Носящую пять лет невольничьи железы,
Отри, о государь, отри мои ты слезы!
Позволь и согласись на мой теперь отъезд,
Ах! дай мне избежать из сих противных мест.
Свидетели моей вседневныя печали,
Чертоги праотцев, вы мне противны стали!
Вы мне приводите на память завсегда,
Какая всех нас здесь постигнула беда.
Места сии поднесь являют знаки слезны,
Димитрий здесь сражен, здесь Комнин мой любезный!

Магомет

О Комнине ли ты должна теперь вещать?

Иеронима

Могу ли я тебя сим именем смущать,
Когда уже он мертв?

Магомет

То всё меня смущает,
Когда что мысль твою опричь меня прельщает;
И ежели еще он в памяти твоей,
Так он и мертвый мне останется злодей.

Иеронима

Когда уже тебе и мертвый он досаден,
Пролей ты кровь мою, коль крови нашей жаден,
Вонзи в стесненну грудь, вонзи твой острый меч,
Ты можешь только им лишь плач мой пересечь!

(Плачет.)

Магомет

Ты слезы льешь, княжна, мою смущая долю,
Умела ты отмстить на мне свою неволю.
Се победитель твой безгласен пред тобой,
Смягчись, жестокая, смягчись моей судьбой!
Любовь твоя, княжна, мне узы налагает,
Тобою свет моих ударов избегает;
Отмщая за себя, отмщаешь ты за свет;
Остановила ты число моих побед.
Но кто же за меня отмстит тебе, не знаю,
О небо! если сам я мстить не начинаю!

Иеронима

Уже ты, государь, довольно мне отмстил,
Когда ты дни моей свободы прекратил
И пременил мои мне радости в мученья.

Магомет

Не я толикого виновник огорченья,
Престань меня ты сим напрасно упрекать,
Престань о Комнине ты только воздыхать,
Мучение пройдет и радость вновь настанет.

Иеронима

Увы, мой век в бедах и в горести увянет!
Немилосердый! Я уже то ясно зрю,
Что тщетные тебе я жалобы творю.
Ничье прошенье, знать, во слух к тебе не входит
И жалость у тебя покрова не находит:
Ты страждущих привык стенанья не внимать,
Теснить земных владык и троны отнимать,
И как ты смел, тиран, моей любовью льститься?
Не будешь мной любим, доколе век мой длится.
Ужасен голос твой, ужасен мне твой вид,
Ты кровию моих родителей покрыт!
Или меня ты мнишь найти толико низку,
Чтоб жертвовала я тирану византийску?
Во тщетном пламени отнюдь ко мне не тай
И честь мою и в сих ты узах почитай!

(Отходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Магомет

Жестокая бежит, речей моих не внемлет
И вечно от меня сокрыться предприемлет.
Не мни, суровая, к сему меня склонить;
Когда могла мою ты кровь воспламенить
И из веселия соделати мне скуку,
Должна и ты мою почувствовати муку,
Должна ты пламенем подобным мне гореть,
Иль гнев мой чувствовать, томиться и умреть!

Действие второе

ЯВЛЕНИЕ 1

Магомет и Осман.

Магомет

Что медленность его, Осман, мне предвещает?

Осман

Конечно, государь, он войски укрощает,
Сомненья не имей о верности его,
Он всё употребит для блага твоего;
Но воин, яростью внезапно восхищенный,
Презрев монаршу власть и права те священны,
Которые хранить закон ему велит,
Не скоро воин сей свирепство утолит.
И если, государь, вещать теперь я смею?

Магомет

Вещай.

Осман

Почти сие ты ревностью моею.
Хоть свет могущество султанов прежних зрел,
Но ни един из них сих прав не приобрел,
Какие получил ты храбростью своею.
Подсолнечна полна вся славою твоею,
Она везде вослед стопам твоим летит
И свет оружие твое со страхом чтит.
Нам вера сей закон хотя и предписует,
Да руку ту мы чтим, котора наказует;
Но если воин мог попрати сей закон,
Тогда уже и всё попрати может он;
Не крепки для него святые узы веры.
Воспомни, государь, плачевные примеры:
Подвигший на себя янычар Баязет
Им братию свою на жертву предает;
Оставленный Селим в оковах жизнь влачити,
Не мог в них ярости ужасной умягчити
И тем, что жертвовал любовницей своей;
Увенчанный от рук их храбрый Амулей
Со властью принужден и жизнь свою оставить.
Примеров множество возможно сих представить,
Их наглость может всё сие располагать,
На троны возводить и с тронов низвергать,
Кто был вчера монарх на их высоком троне,
Сегодня в узах тот и жизнь влачит во стоне.
Родитель твой хотя всю жизнь в венце блистал,
Однако же и он их гордость испытал.

У страшного сего и гордого народа
Достоинство на трон восходит, не порода;
Они, достоинство единое любя,
Взвели на сей престол монархом и тебя.
Храни, о государь! ты мысли в них рожденны,
Да не жестокостьми твоими возбужденны,
Восстанут, зря тебя утопшего в любви;
Восстань и наглое роптанье их прерви.

Магомет

Не страшны мне, Осман, их нравы толь суровы,
Мой образ подкрепит ослабши те оковы,
Которые они прервати мыслят днесь;
Умолкнет предо мной народ строптивый весь,
Когда меня в моем величестве увидит;
Послушен будет мне, мятеж возненавидит;
Колико я могу, я то тебе явлю
И паки между их покой восстановлю.

ЯВЛЕНИЕ 2

Магомет, Осман и Фемист.

Фемист

Явися, государь, смущенному народу,
Явися и прерви ужасну непогоду,
Грозящая толпа янычар вопиет:
Да взыдет на престол младый наш Баязет.
Сей юноша, тобой рожденный от Расимы,
Их наглостью теперь на трон твой возносимый,
Возможет приключить ужасны нам беды,
Лишимся мы тебя, а ты твоей чреды;
Уже не внемлются начальников приказы,
И слышатся меж их одни твои отказы.
Гласят: коль пленницу не выдаст Магомет,
Так более ему над нами власти нет;
Нигде от нас ее он больше не сокроет,
Наш гнев в крови ее престол его обмоет.

Магомет

В крови ее!

Фемист

Мятеж сей клятвой утвержден,
Я сам, о государь! сокрыться принужден,
Едва спасением нашел сии чертоги.

Магомет

Так пленница моя виною их тревоги?

Фемист

Сия едина есть их наглости вина.
Поди скорей, твоя нам помощь всем нужна;
Поди, о государь! народ не умолкает.

Магомет

Он дерзостью меня ко гневу привлекает,
Но чтобы усмирить волнующихся глас,
Поди и объяви сим дерзким мой указ,
Скажи, что мне мое уж пламя неприятно,
Что слава днесь меня восхитит невозвратно,
Что я их поведу к ужаснейшим бедам,
И, может быть, мою им пленницу предам,
Но собственной моей рукою пораженну.
Поди и успокой их наглость разъяренну,
Ступай, беги, исполнь веления мои!

ЯВЛЕНИЕ 3

Магомет и Осман.

Осман

Ты видишь, государь, опасности сии:
Мятéжи воинства все меры превосходят
И дерзости своей предела не находят.
Коль подлинно их гнев ты хочешь обуздать,
Так должен им свою любовницу предать.

Магомет

Ты думаешь, что я хочу ее оставить,
А я хочу ее от пагубы избавить;
Притворством таковым я наглость их смирю
И после оного не то я сотворю;

Я воинство еще мне верное имею;
Спеши отсель скорей с указом к Амарбею;
Он вскоре может к нам на помощь поспешить.
Тьмочисленны полки всё могут утишить;
А мы, сей помощью усилившись, восстанем
И на преступников внезапным громом грянем!

Осман

На то ли, государь, ты стал ее любить,
Чтоб в пламени своем народ свой погубить?
Не с тем ты, государь, воссел здесь на престоле.

Магомет

Однако ж и не с тем, чтоб быть мне здесь в неволе.
Поди и пленницу представь ко мне пред взор;
Хочу еще ее внимати разговор,
И если прежние услышу я отказы,
Покрою кровию всех прелестей заразы,
И войско и сию мне вредную красу —
Всё гневу моему на жертву принесу!

ЯВЛЕНИЕ 4

Магомет

Любовь, одна любовь испросит ей пощаду...
О мысль бесплодная! ты множишь лишь досаду.
Возможно ли ее мне склонность получить?
Возможно ли мое мне бремя облегчить?
Напрасно иногда я гнев хотел насытить
И в ярости моей мнил жизнь ее похитить;
Но тщетно пред нее в сей злобе прихожу:
Узря ее с собой, смущаюсь и дрожу,
Рука моя и гнев в то время ослабеют.
Какую власть на мне глаза ее имеют!
Гони, о Магомет, из мыслей вон мечту;
Пойдем, я более зараз ее не чту;
Остановила все она мои победы;
Что мыслят обо мне теперь мои соседы?
Уже Родос главу подъемлет к небесам.
Увы, я слабости моей гнушаюсь сам!
Пойдем, несклонную к ногам своим повержем...
Ах, нет! отвержем гнев и гордость всю отвержем.

Пойдем и станем ей о браке говорить.
Но можно ль хлад ее во пламень претворить?
Несклонная, страшась, на образ мой взирает
И титлы громкие со мною презирает;
Не так она своих страшится и оков,
Как взора моего, любви и нежных слов.
Противный мне Фемист в устах ее твердится.
О небо! дай в моем мне гневе утвердиться
И вынь противную из сердца воли страсть!..

ЯВЛЕНИЕ 5

Магомет и Иеронима.

Магомет

Поди и упреждай, княжна, свою напасть,
Спасай свои красы от бури сей опасной,
Спасай себя, спасай от гибели ужасной;
Янычары хотят твою пролити кровь;
Спасти тебя теперь возможет лишь любовь.

Иеронима

Что медлишь? отдавай скорей сию им жертву,
Пускай они меня сей час повергнут мертву;
Лечи свою ты страсть сей жертвою, лечи;
Увидишь ты меня бегущу на мечи
И повергающусь на копья их с размаху,
Летящую на смерть от глаз твоих без страху!

Магомет

От глаз моих, княжна жестокая, от глаз!
Неужели ты мнишь, что в сей ужасный час
Исторгнуть не могу тебя из сей напасти?
Не допущу тебя под их мечьми упасти,
Не допущу пролить твою дражайшу кровь.
Внемли мои слова, внемли мою любовь,
Внемли, прекрасная, монарх тебе вещает,
Он взвесть тебя с собой на трон свой обещает;
Прийми сей нежный дар, прийми, не возгордись,
И именем моей супруги насладись,
Будь мне участница, поди со мной ко трону,
Заставь народ молчать, нося мою корону.

Иеронима

(со ужасом)

Ты хочешь, наконец, супругом быть моим?

Магомет

Иль ты гнушаешься уже и титлом сим
И дар, сей дар тебе даемый, отметаешь?
Ты узы моему венцу предпочитаешь,
Который на тебя любовь моя кладет;
Союз со мной твои оковы разорвет.
И превратит тебе их в скипетр и державу.
Возобнови, княжна, свою ты падшу славу.

Иеронима

Уже ты всю ее мне в бедство претворил,
Когда оружием сей город разорил.

Магомет

Что молния моя сей град опустошила,
Тебя родителей и области лишила,
Не я виновен в том, но должность всех царей
Ввела перед тобой меня в проступок сей;
Но если бы я знал, что должностью такою
Лишу свободы ввек тебя, себя покою,
Победы бы я сей имети не желал,
В других бы я стрáнах других побед искал.
Мне жаль, что сражена рукою ты моею.
Жалей себя, княжна, как я тебя жалею.

Иеронима

Когда бы ты меня, несчастную, жалел,
Не то бы ты теперь намеренье имел.
Напрасно должностью ты зверство покрываешь,
Геройским именем тиранство называешь;
Тверди, что я тобой познала бедность, плен,
Тобою мой Фемист несчастный погублен.

Магомет

Ты мысли своея отнюдь не пременяешь
И только одного Фемиста вспоминаешь.

Престань несносное названье мне твердить,
Потщись, княжна, потщись мой гнев предупредить.

Иеронима

О ненавистное название во греках!
Тиран в твоей любви, тиран в твоих утехах,
Ты тщишься всю мою свободу похищать...

Магомет

Доколе за себя не буду я отмщать?
Терпение прейдет, и гнев мой воспылает.

Иеронима

Отмщай, когда отмщать душа твоя желает;
Ты тщетно мне своим мучительством грозишь,
Ничем моей души, ничем не поразишь.
Герои своея тем славы не теряют,
Когда они от рук злодейских умирают.
Внимая склонности свирепыя души,
Сверши, злодей, на мне ты ярость всю, сверши;
Ты властен здесь, а я бессильна пред тобою;
Но помни ты предел, поставленный судьбою,
Когда она кому возвыситься велит,
То прежде одному упасть определит;
Так ныне нашим ты падением возвышен,
И нашим бедствием и славен стал и пышен,
Благополучен ты, и бедны мы теперь,
Однако своему ты счастию не верь;
Небес толикий гнев над нами примечая,
Страшися сам сему подобного случáя.

Магомет

Учения сего я слышать не хочу,
А гордость я твою мгновенно укрочу.
Порок мой познаю и слабость ясно вижу,
Жестокая, тебя я больше ненавижу!
Насытишь вскорости ты мой правдивый гнев;
Поди, уж на тебя разверзла смерть свой зев...

Иеронима хочет идти, но он ее останавливая:

Ах нет, княжна, постой, еще тебя жалею!
Тронúсь, жестокая, поступкою моею;

По тьме ужасных клятв, чтоб мне тебе отмстить,
Я чувствую, что я могу тебя простить.
Не упускай сея последния минуты!

Иеронима

Вонзай свой алчный меч, насыти гнев свой лютый!
Напрасно тратишь ты со мной свои слова,
Не мни меня склонить, доколе я жива;
Я гнев твой ставлю в смех и муку в утешенье.
Ступай, произноси на смерть мою решенье,
Мне сноснее она, как твой ужасный брак.
А ты, летающий в уме дражайший зрак,
Почувствуй, ежели почувствовати можно,
Что я и в злой сей час люблю тебя неложно,
И во отмщение творимого нам зла
Тирана нашего спокойство потрясла.
Поди, мучитель злой, я зреть тебя гнушаюсь.

Магомет

О небо! я уже терпения лишаюсь.
Возможно ли, чтоб так был презрен Магомет?
Уж воинство мое давно сей жертвы ждет,
Уж более тебя мой взор не удостоит.
О пагубе твоей мой гнев ответ устроит!

ЯВЛЕНИЕ 6

Иеронима

Поди, тиран, поди и смерть мою готовь,
Пролей без жалости мою несчастну кровь,
За награждение удар я твой приемлю
И с радостью из уст твоих ответ твой внемлю.
Спеши, желанна смерть, изъемли дух мой вон.
И претворяй мне жизнь горчайшу в сладкий сон.
О жизнь несносная! на что ты мне далася!
На что я в матерней утробе зачалася!
На то ль, чтоб на меня пасть бедствию сему
И после жертвой быть тирану моему?
О день, ужасный день! кровавое сраженье!..
Родители мои! плачевно воображенье...
Фемист!.. нельзя мне вас воспомнить не стеня,
Познаете ли вы, несчастную, меня?

Могу ль я с вами быть? мне с вами быть
прелестно,
Увы! единое сие мне не известно.
О солнце! скрой свой луч из глаз моих скорей
И дай мне видети, кто жизни мне милей!

Действие третие

ЯВЛЕНИЕ 1

Фемист и Клит.

Клит

Ужели, государь, согласен Магомет,
Ужели пленницу на жертву предает
Ожесточенному его отказом войску,
Ужели мысль свою исполнил ты геройску?

Фемист

Он войску мне хотя сказать и повелел,
Что пламя он своей любви преодолел
И пленницу свою предаст их гневу в жертву,
Но сам ее хотел при них повергнуть мертву.
Я таинство в его намереньи познал,
Что он лишь усмирить сим воинов желал.
Но тщетно он сию приемлет осторожность,
Спасти ее везде он узрит невозможность,
Ничто янычарских сердец не укротит,
Ничто их ярости жестокой не смягчит.
Я верное теперь известие имею,
Что он сейчас послал Османа к Амарбею
И с войском повелел сюда ему спешить,
Которым думает янычар устрашить
И тем спасти свою любовницу от бедства;
Но я против того другие принял средства,
Которым хитрость вся его низложена;
Любовница его сей день умреть должна,
Уже и весть о сем по войску разнеслася,
И ею снова кровь в янычарах зажглася,
Восстала новая в мятежниках молва,
Гласят: да выдастся пред нас ее глава,

А без того никто не выступит отсюду;
Спасения ему не видно ниоткуду,
Неволею ее он должен им предать;
А в прочем должен сам он будет пострадать.

Клит

Коль умыслы его тобой предупрежденны,
Так в предприятии мы стали утвержденны,
И мщенья твоего уже приходит час.

Фемист

Далеко, кажется, еще он, Клит, от нас;
Я горести моей ничем не умеряю,
Мятуся и совсем терпение теряю,
Теперь в отчаяньи по граду я ходил,
Везде я новые удары находил,
Везде встречалися со мной болезни люты,
Я мнил, что паки зрю те страшные минуты,
В которы нас тиран во гневе погублял
И тяжкие свои оковы налагал;
Я видел те места, где сила наша пала;
Везде моя душа от гнева трепетала:
Там кровь несчастливых лилася христиан,
Там, быв обхваченный вокруг, Юстиниан
Бесчисленным своим врагам сопротивлялся;
А тамо Константин со славою кончался
И отомщал за свой в последние венец;
Димитрий, моея любезныя отец,
Врагов остановлял в местах неукрепленных,
И тамо скованных вели все греков пленных.
Увы! я видел, Клит, те самые места!..
Не могут вымолвить сих слов мои уста,
Где я в последние прощался со княжною
И где она навек рассталася со мною.
Ужасное я то зрел место, наконец,
В котором поражен несчастный мой отец;
Глаза мои сие всё место протекали
И крови моего отца на нем искали;
Хотя уже ее и знаков больше нет,
Но, ах! любезный Клит, она мне вопиет
И ко отмщению мой дух воспламеняет,
Твой друг отмщение днесь в ярость пременяет.

Пойду теперь отсель, тирана накажу,
Пойду сей острый меч я в грудь ему вонжу
И сердце извлеку его бесчеловечно!

Клит

Чтоб греки бедные потом стенали вечно,
Чтоб помощи своей лишились навсегда,
Чтоб пущая еще покрыла их беда.
Страшися, государь, намеренья такого
И не лишай друзей ты их в себе покрова!

Фемист

Скажи, готовы ли теперь мои друзья,
Хотят ли мстить они, иль мстить лишь буду я?

Клит

Отягощенные они вседневным стоном
Во предприятии теперь остались оном,
Чтоб храбро за свою свободу умереть,
И все тебя они желали днесь узреть;
Но к общей, государь, их скорби и досаде,
Сказал я им, что нет тебя еще во граде,
А грамоту, тобой им писанну, вручил
И ею весь успех желанный получил;
Они сей грамотой весь страх свой победили
И клятвами себя взаимно утвердили.
Теперь осталось нам минуты оной ждать,
В котору нам себя из плена свобождать
И видети тебя владыкою на троне.

Фемист

Поди и учреди все меры к обороне,
Поди и принеси скорее мне ответ,
Поди скорей, поди, се и́дет Магомет.

Клит отходит.

ЯВЛЕНИЕ 2

Фемист и Магомет.

Магомет

Минута моего отмщения настала,
Любовь повелевать уж мною перестала;

Прими ты сей кинжал, отмсти мою любовь,
Пролей без жалости противную мне кровь.
Теперь я признаюсь, о друг мой! пред тобою:
Я, быв подвластен ей, не властвовал собою;
А днесь я вредную мне рану излечил
И прежнюю мою свободу получил.
Я больше прелестей ее не обожаю
И только лишь один отказ воображаю,
Порок перед меня мой ясно предстает.
А ты, преславный мой предтеча, Магомет!
Внемли мои слова, я в первый раз взываю,
И впéрвые тебя на помощь призываю,
Приди и утверди в моем меня пути,
Которым я хочу за славою идти.

Фемист

Приказ твой, государь, исполнен будет мною.

Магомет

Я паки, Солиман, пойду на свет войною
И паки в ужас всех соседей приведу,
И в-первых на Родос с оружием пойду;
В осаде важной сей удар мой первый будет,
И мщенья моего сей остров не избудет.
Хотя он трудностью отвсюду облечен,
Но трудностью к нему мой дух и привлечен,
Пойдем и гордое чело его низложим
И трепет самыя Европы тем умножим,
Она, перед моим гордящаясь мечом,
Считает твердость стен его своим ключом,
Весь юношества цвет в нем собран для защиты,
И громы страшными валы его покрыты.
Родитель мой под их ударами стенал
И крепость оного собою испытал,
Умáлив чрез сие дела свои геройски.
Сберем и поведем тьмочисленные войски;
Сберем и отомстим людей своих урон;
Пойдем и на него наложим свой закон.
Всем должно следовать за мною в сей осаде,
Един с полками ты останешься в сем граде,
Для удержания под властию моей
Плененных мною днесь опасных мне людей,

Которым тягостны поднесь мои оковы;
Я зрю против меня сплетаемые ковы,
Противуборников я зрю десницы сей,
И первый есть из них злохитрый Зустуней;
Венеция, всегда усердствующа грекам,
Албания с своим прегордым Скандербеком,
Там Венгрия, а там ужасный Караман,
Усилившийся днесь оружьем персиан,
Остатки падшего величествия Рима, —
От всех злодеев сих опасность мною зрима.
Но я, чтоб низложить их пагубный совет,
Явлюся ныне им я паки Магомет,
Пойду и поражу сердца кичливы страхом;
Родос предам огню и весь покрою прахом.
Останься здесь и мне ты верность докажи,
Противницу мою за дерзость накажи,
А я сейчас к тебе сию представлю жертву.

Фемист

Сейчас ты, государь, ее увидишь мертву.

ЯВЛЕНИЕ 8

Фемист

Уж время настает отмщенья моего,
Не трать, Фемист, не трать ты времени сего,
Оно для твоего намеренья полезно;
Спасай от варвара отечество любезно.
Уже я пламенем ко гневу распален,
Стремящегось врага из сих я вижу стен,
Отягощенного сомнительной войною,
А я останусь здесь; друзья мои со мною,
Готовы за свою свободу умирать,
Сберутся и со мной воздвигнут крепку рать
Противу моего ужасного злодея.
А если и сии мы способы имея
Не можем одолеть несчастия ничем,
Не в узах жизнь свою скончаем, но с мечем!
Сразим невольницу, пускай злодей восстонет;
Неужели его и смерть ее не тронет?
Почувствует тиран ужасную напасть
И будет сам себя в раскаянии клясть.

Кляни, мучитель злой, кляни! ее ты любишь;
Ты после сам себя в отчаяньи погубишь.
Сей город кровию несчастных орошен,
Тобою я моей возлюбленной лишен;
А ты лишишься мной сейчас твоей прекрасной;
Стремись, Фемист, стремись ты к мести сей ужасной!
Но се она идет...

ЯВЛЕНИЕ 4

Фемист и Иеронима.

Фемист

(бросается к ней с кинжалом)

Стремись, душа моя!..

(Останавливается.)

Иеронима

(в конце театра)

Рази!..

Фемист

(с трепещущим голосом)

О небо, взор, черты лица ея!..

Иеронима

(не узнавая его, еще подходит ближе)

Рази, тиран! Вот грудь, несчастием томима!

(Но, подошед к нему, с великим удивлением)

Что вижу я! увы!.. Фемист!..

Фемист

(также с восторгом)

Иеронима!
Тебя ль, прекрасная, я вижу в сих местах?
Тебя, иль тень твоя мечтается мне...

(При названии сем она ослабевает, а он роняет кинжал и ее поддерживает.)

Иеронима

(укрепясь)

Ах!
Познай несчастную, сраженную судьбою!

Фемист

Увы! несчастливы мы оба днесь с тобою!..
В какой ужасный час я зрю тебя, княжна!
Ты варваром теперь на смерть осуждена,
И я причиною сей строгия минуты!
Я враг твой, я злодей, и я тиран твой лютый!
О небо! чью я жизнь похитить испросил?
Я сам бы за нее горчайшу смерть вкусил!

Иеронима

В какие нас часы судьба соединила!

Фемист

Она всю радость мне во ужас пременила.
Какою мне сию минуту почитать?
Я должен счастлив быть, я должен трепетать.
Увидевши тебя, я горесть забываю,
И, вспомня ужас сей, недвижим пребываю:
Спасая Грецию, тебя я днесь гублю,
Тебя, которую как жизнь мою люблю!
Теперь ужасен стал ты мне, мучитель лютый...
Ах! скройся ты, княжна, не трать сея минуты,
Котора нам с тобой погибелью грозит;
Она избавит нас иль купно поразит;
Поди, еще пути остались нам к надежде.
Но ты смущаешься, зря в сей меня одежде,
И удивляешься Фемистовой судьбе.
Пойдем, я таинство поведаю тебе;
Пойдем, нам быть уже с тобою днесь опасно;
Сокроемся скорей...

Иеронима

О время преужасно!

Хотят идти, но Клит приходит.

ЯВЛЕНИЕ 5

Фемист, Иеро́нима и Клит.

Фемист

Поди скорей, твоя мне помощь днесь нужна;
Познай, мой друг, ее!

Клит

Что вижу я! княжна!..

Фемист

Ты знаешь входы, Клит, во внутренни чертоги,
Тебе известны все здесь тайные дороги;
Ты зришь во мне теперь отчаянье и страх;
Поди, сокрой ее в неведомых местах
От лютой наглости мучительския власти;
Беги, спасай ее, о друг мой! от напасти.
Спеши, прекрасная, и ты за ним вослед.

Иеронима

О небо!..

Фемист

Убегай, княжна, от лютых бед.

Иеронима

Ах, князь мой! я должна опять тебя оставить.

Фемист

Иного способа мне нет тебя избавить.
Поди скорей отсель.

Иеронима

Прости, мой князь!

Фемист

Прости!

ЯВЛЕНИЕ 6

Фемист

Но чем возможно мне ее теперь спасти?
Отъяты способы, и кем отъяты? мною!
Расстанусь я навек с возлюбленной княжною;
На казнь ее самим он мною побужден,
И злобный сей совет был мною утвержден!
Какие я начну с тираном разговоры?
Он кровию ее насытить хочет взоры;
Он сам ее хотел сраженну мною зреть.
Нам должно обоим с любезною умреть!
Пути к спасению у нас отъяты всюду,
И нет спасения нам больше ниоткуду!..
Коль придет он сюда узреть увядший зрак,
Скажу, что предпочла княжна сей казни брак.
Ах нет! такое ли твое, несчастный, свойство,
Чтоб ты употребил обман, а не геройство?
Такая ли, Фемист, душа тебе дана?..
Нет больше сил моих, любезная княжна!
Ты гибнешь; ты уже стоишь у двери гроба.
Увы, прекрасная! мы гибнем ныне оба...
О вы, сражавшиесь за здешние места
Герои, коих кровь за веру пролита!
Великий Константин с Феодором, внемлите
И вашим пламенем мой дух воспламените,
Подайте вам меня подобным свету зреть.
Иду за вас отмстить иль в мести сей умреть!

ЯВЛЕНИЕ 7

Фемист и Клит.

Фемист

Сокрыл ли славную ты кровь Палеологов?

Клит

Едва я, государь, исшел из сих чертогов.
Внемли со трепетом ужаснейший удар:
Толпа тобой сюда введенных янычар
Похитили из рук моих княжну несчастну
И с воплем повлекли в свой стан на смерть ужасну.

Фемист

О боже!

Клит

Государь!..

Фемист

Мой дух во мне стеснен!
Пойдем скорей, пойдем в их стан из градских стен;
Исторгнем мы из рук княжну мою прекрасну,
Или скончаем с ней мы жизнь свою несчастну!

Действие четвертое

ЯВЛЕНИЕ 1

Фемист и Клит.

Фемист

Опасность лютых бед и страх мой истребя,
Благодарю теперь, о друг мой, я тебя!
Еще меня в моей ты скорби не оставил,
Я помощью твоей княжну мою избавил.
О ужас, коим я смущаюсь и теперь!
Уже к погибели была отверста дверь,
Уже прекрасная между убийц стояла
И только своея кончины ожидала...
Ах! если б я еще хоть миг не поспешил,
Уж рок бы всё свое свирепство совершил.
Теперь она жива, и помощью твоею
В чертогах кроется, неведомых злодею;
Когда чертогов сих не знает Магомет,
Так больше от него опасности нам нет.
Но для чего меня еще он призывает?
Неужель сей тиран меня подозревает?
Мне сказано, чтоб я удар свой удержал
И осужденныя на смерть не поражал, —
Во ужас приведен я вестию такою,

Не мнит ли он ее сразить своей рукою?
Илй сей лютый тигр, неукротимый зверь,
Ко милосердию склонился и теперь
Не хочет умертвить невинныя напрасно?
И милосердие сие мне преужасно!

ЯВЛЕНИЕ 2

Фемист и Иеронима.

Фемист

Почто оставила убежище свое?

Иеронима

Внемли, любезный князь, отчаянье мое;
Весь ум мой возмущен и сердце возмущенно;
Погибли мы с тобой, о князь мой! непременно.
Близ комнат сих, где Клит теперь меня сокрыл,
Султан со стражею своею проходил;
Изменником тебя сей варвар называет
И воинам своим искать повелевает;
Он хочет погрузить кинжал в твоей крови.
Останови свой рок и месть останови,
Оставь со мной сию кровавую державу.

Фемист

Чтоб купно с ней мою оставил я и славу,
Чтоб малодушие я свету показал,
Чтоб свет, поступок мой узря, сие сказал:
Когда Фемист возмог лишить тирана власти,
Оставил жить его, страшась своей напасти,
Под игом варвара оставил сограждан.
На то ль, любезная, нам дух геройский дан,
Чтоб мы от малых нам напастей унывали
И в предприятии своем ослабевали?
Я жертвы таковой любви не принесу,
Доколь отечество от ига не спасу.

Иеронима

Ты храбростию сей мой страх усугубляешь.
Спасаючи его, себя ты погубляешь.

Фемист

Я жизни потерять нимало не страшусь;
Страшусь, когда тебя, прекрасная, лишусь.
Познай, какие днесь я средства предприемлю,
Которыми хочу тебя, народ и землю
От ига лютого злодея свободить, —
И словом, я хочу умреть иль победить!
Ты плачешь?

Иеронима

Ах, мой князь! всю страх меня объемлет,
И сердце томное надежде сей не внемлет,
Одно отчаянье стесненный дух мятет.

Фемист

Ты плачешь, а еще опасности нам нет;
Тиран не ведает, что мною ты спасенна,
А войско мнит, что жизнь твоя уж пресеченна,
И если на твою он так же дышит смерть,
Захочет сам тебя сраженну мною зреть,
Скажу, что мной твоя окончилась судьбина
И что скончалась ты на гробе Константина,
При смерти испрося един себе сей дар,
Чтоб тамо произвел последний я удар;
Сие то место есть, где с Клитом храбры греки
Ударят и прольют кровей неверных реки;
Прельщенного его туда я провожу
И тамо лютого убийцу накажу,
Наполненный народ к сему тирану злобы
Омоет кровию родительские гробы,
Благополучного я жду сему конца:
Сражаться будет всяк за брата, за отца,
За матерь, за жену, за чад, там побиенных;
Недолго сей тиран нас видеть будет пленных.
А если он сию напасть предупредит,
Тебя, любезная, от казни свободит
И видети еще захочет пред собою,
Так мнит, конечно, он во брак вступить с тобою,
Мне будет брачный день способен для того;
Я в тот искореню злодея моего,

Скажу ему, что ты злой казни устрашилась
И в брак вступити с ним, в том страхе, согласилась.

Иеронима

С тираном в брак вступить, с тираном соглашусь?
Пускай притворство то, притворства я страшусь.
Язык мой вымолвить сего не может слова,
Умрем мы, князь, с тобой умрети я готова!
Не принуждай меня ему сего сказать.

Фемист

Чтоб нам удобнее тирана наказать,
Иного средства нет...

Иеронима

Ужаснейшее средство!

Фемист

Сим можем мы одним прервать народно бедство.
Не должно ль, чтоб тому я лестию отмщал,
Кто лестию своей других владык прельщал
И клятвой Греции падение составил?
Чрез хитрости его нас целый свет оставил;
Он пропасть нам сию лукавством ископал,
Так должно, чтоб в сию он пропасть сам ниспал.
Теперь все способы к отмщению имея,
Восстанем и пойдем на лютого злодея!
Прельстим прельстившего обманами весь свет,
Пойдем и свободим народ от лютых бед.
Коль будет моея свет хитрости свидетель,
Он хитрость такову почтет за добродетель,
Которой варвара я области лишу.
Сокройся ты, а я к отмщению спешу...
Сокройся!.. ах, идут! беги скорей, спасайся!

Иеронима

Ах, князь мой!.. небеса!

Фемист

Беги и удаляйся.

ЯВЛЕНИЕ 3

Фемист

Пускай свирепствует впоследние тиран...
Идут, се вопль ко мне со всех приходит стран,
Я вижу варвара, толпами окруженна.

ЯВЛЕНИЕ 4

Магомет, Фемист и стража.

Магомет

Злодей! она уже тобою пораженна?
Тобою я к сему убийству побужден,
Тобою мучиться я вечно осужден.
Страшися!

Фемист

Государь!

Магомет

Ты сам, злодей, трепещешь.
О небо! для чего ты стрел своих не мещешь
И ими не разишь чудовища сего?

Фемист

За что достоин стал я гнева твоего?

Магомет

Еще ль не чувствуешь, тиран, моей напасти?

Фемист

Послушен, государь, я был твоей лишь власти.

Магомет

Послушен был ты мне, как я был раздражен!
Достойно ты, злодей, мной будешь поражен.
Влеките, воины, его на место казни!

Фемист

Такой ли, государь, достоин я приязни?

М а г о м е т
(воину)

Да принесется к нам сей час его глава.
Влеките!..

ЯВЛЕНИЕ 5

М а г о м е т, Ф е м и с т и К л и т.

К л и т
(вбежавши поспешно)

Государь! княжна твоя жива.

М а г о м е т
(с восхищением)

Жива?..

Ф е м и с т

То истина, и я тому виною.

М а г о м е т

Жива? почто ж сие скрывал ты предо мною?

Ф е м и с т

Ты мне ее велел во гневе умертвить,
Так мог ли я тебе без страха объявить,
Что жизнь сохранена сея несчастной мною?

М а г о м е т

Ты жизнь мне возвратил услугой таковою.
Вещай теперь, мой друг, мне жалобы ея.
Злодеем во устах ее твердился я?

Ф е м и с т

И в сем отчаяньи тебе не укоряла,
Лишь только просьбой смерть свою
предускоряла.

М а г о м е т

А если смерть она считает за покой,
Так нет моим бедам премены никакой.
О рок! ты боле мне мучения прибавил!

Фемист

Он, может быть, тебя от мук твоих избавил.

Магомет

Что слышал ты? вещай.

Фемист

Иль нежность или страх
Принудили ее промолвить во слезах;
Она вещала мне, сраженная судьбою,
Она...

Магомет

Что?

Фемист

В брак вступить намерена с тобою.

Магомет

Что слышу я? мой друг, куда я восхищен?
Или мечтою я приятной мне прельщен?
Возможно ли?.. она от брака трепетала.
Иль впрямь желанная минута мной настала?
Ах, если, Солиман, сие я получил!

Фемист

Страх смерти, может быть, в ней сердце умягчил.

Магомет

Да будут днесь мои все бедства расточенны.
Поди и уготовь сердца ожесточенны,
Да согласятся все на мой с княжною брак
И тем явят своей покорности мне знак;
А если кто из них на страсть мою возропщет
И мне послушным быть, как прежде, не восхощет,
Осман и Амарбей мне в помощь поспешат
И прю владыки их со подданным решат.
Я их сей день сюда с полками ожидаю.
Поди, представь княжну, я зреть ее желаю.

ЯВЛЕНИЕ 6

Магомет и стража, которая после первого стиха отходит, а к нему приходит Иеронима.

Магомет

Оставьте, стражи, здесь единого меня.
Прекрасная княжна, мой дух воспламеня,
Когда ты быть моей супругою желаешь,
Ты горести мои все в сладость пременяешь.
Любовь моя тебя на трон со мной ведет
И скиптры многих царств во власть твою дает.
Почувствуй страсть мою, и, став моя супруга,
Ты будь владычица царя земного круга;
Забудь, прекрасная, что был я твой тиран,
Забудь, не растравляй моих душевных ран.
Презрение твое мне сердце раздражало;
Но сердце страстное твой образ обожало,
Я в самой лютости всегда тебя любил,
И, ах, любя тебя, едва не погубил!
Отчаянная мысль на жизнь твою стремилась,
И, если память сих злодействий не затмилась,
Умерь по крайности моих ты лютость бед
И сделай, чтоб тобой был счастлив Магомет!

ЯВЛЕНИЕ 7

Магомет, Иеронима и Начальник стражи.

Начальник

Вопль слухи, государь, всех в граде поражает,
Что весь монарший дом опасность угрожает,
Что тайные тебя убийцы стерегут,
Янычары во град со всех сторон бегут
И пред чертогами стоят вооруженны.

Иеронима

(в сторону)

Погибли мы теперь, о рок мой раздраженный!

Магомет

Я знаю, отчего мятеж сей восстает.
Опасности, княжна, для нас нималой нет,

Наш брак вооружил сердца сии жестоки.
Пойду и сих людей пролью кровавы токи.
Ничто меня с тобой, княжна, не разделит,
Ничто от брака нас, ничто не удалит.
Готовься к торжеству, я скоро возвращуся.

ЯВЛЕНИЕ 8

Иеронима

Я более уже надеждою не льщуся.
Ужасные во ум приходят мне мечты.
Возлюбленный мой князь, конечно, гибнешь ты!
Се наше счастие, се жизни слезной доля,
Сей день отяготит нас новая неволя!
Надежда слабая, едва ты возросла,
Судьба тебя из глаз мгновенно унесла.
Се воины его, которых он страшился,
То греки с коими Клит тайно воружился.
О строгая судьба! о гневны небеса!
Уже касались мы желанного часа,
Уже являлся нам день нашея свободы.
Несчастная страна, несчастные народы!
Герои храбрые, о бедные рабы!
Вы стали жертвою разгневанной судьбы.
Какою бездною вы стали поглощенны!
Вы стали варварам навек порабощенны.
Я мысльми на число взираю ваших ран,
Какими изнурит вас лютый сей тиран,
Какое варварство от рук его начнется,
Какой кровавый ток граждан моих прольется,
Когда откроется наш умысел ему...
Воображение престрашное уму!
Возлюбленный Фемист, ты дух во мне тревожишь,
Ты в мыслях у меня, и ты мой ужас множишь.
Почто я о твоей не ведаю судьбе?
Ах, может быть, тиран уж знает о тебе,
И, может быть, тебя на смерть он осуждает!
Пойдем, уведаем, в чем разум заблуждает.
Почто, о боже! мне его ты видеть дал,
На то ли, чтоб мой дух жесточее страдал?

Действие пятое

ЯВЛЕНИЕ 1

Иеронима и Клит.

Клит

Весь ужас миновал, и страх твой был напрасен:
Султан уже теперь нам боле не опасен.
Все подозрения от нас отвращены,
И за изменников те турки почтены,
Которые, узнав намеренье султана,
Во многолюдствии пришли сюда из стана,
Хотя не допустить его до брачных уз.
Все мнят, что ты, княжна, вступаешь с ним в союз.

Иеронима

Не греки, кои, Клит, тобою воруженны?

Клит

Они, все пламенем отмщения разжженны,
С нетерпеливостью к себе Фемиста ждут
И храбро на сего тирана нападут.
Фемист явится к ним тогда и в гневе яром
Начнет сражение руки своей ударом.
Он первый своего злодея поразит!

Иеронима

Еще мне мысль моя опасностью грозит,
Мечтания во ум ужасные вбегают
И всю мою во мне надежду низвергают.
Когда наш страшный враг уведает о сем,
Неизбежимая погибель будет всем.
Но я о гибели своей не ужасаюсь,
О князе и о вас я боле возмущаюсь.

Клит

Сей страх, княжна, совсем быть должен истреблен.
Тиран, конечно, наш днесь будет погублен.
Фемисту он вручил о браке попеченье.
Еще не совершит сей день свое теченье,
Как мы намеренье геройско совершим

И варвара сего владычества лишим.
Настал нам ныне час, назначенный судьбою!

Иеронима

Увижусь ли еще, о князь мой! я с тобою?..
Но ах! беги скорей, султан сюда идет.
О небо! не пошли еще нам новых бед!

ЯВЛЕНИЕ 2

Магомет, Иеронима и стража.

Магомет

Уже мятежников молва нам не опасна,
Злодеев казнь сейчас постигла преужасна,
И отвращен от нас ужасный сей удар;
То было лютое стремленье янычар.
Теперь опасности мы боле не имеем:
Полки мои пришли ко граду с Амарбеем
И близ его уже поставили свой стан.
Мне ведомость сию принес сейчас Осман;
Смотрению его вручив все града части,
Не опасаюся грозящей нам напасти.
Он всё старание на то употребит,
Злодеев наших всех изыщет, истребит,
И только от тебя я счастье ожидаю.
Скажи, ужель твоим я сердцем обладаю,
Ужель, княжна, мою скончаешь ты напасть?
Пойдем, прекрасная, венчаем нежну страсть!

Иеронима

О небо! прекрати мои болезни люты!

Магомет

Дражайшая! в сии желанны мной минуты
Еще ли мысль твою отчаянье мятет?

Иеронима
(в сторону)

Увы, знать, бедствиям моим премены нет!

Магомет

Всем бедствиям твоим настанет перемена...

ЯВЛЕНИЕ 8

Прежние и Начальник стражи.

Начальник

Великий государь! о лютая измена!
Сия неверная — изменница твоя!
Она твой страшный враг, она твоя змия!
Не пламенем она к тебе любовным тает,
Она против тебя ужасный ков сплетает;
Не к браку страсть тебя, к погибели влечет;
В Диване кровь твоя ручьями потечет:
Там греки, государь, и Комнин тамо с ними,
Грозящие тебе ударами своими.
Осман уж двух теперь изменников поймал
И таинство сие мученьем испытал;
Они поведали всю важность заговора;
Лишь Комнин от его теперь сокрылся взора.

Иеронима

(в сторону)

Он скрыт! благодарю всесильным небесам!

Начальник

Осман перед тобой сейчас предстанет сам.

Магомет

Ужаснейшая весть, возможно ли поверить?
Иеронима, ах! ты тщилась лицемерить,
Ты тщилась дни того монарха прекратить,
Который тщился стон твой в радость превратить,
И в воздаяние жарчайшия любови
Хотела моея напитися ты крови!
Неверная, покров притворств твоих ниспал.
В какой я, небеса, днесь бездне утопал!
Или против меня воюющая злоба,
Извергнув мертвого соперника из гроба,
Хотела всколебать желанный мной покой?

Иеронима

Коль ты уж мнишь во мне измене быть такой...

Магомет

Не оставляюща на миг мои ты взоры,
Ты как могла сии составить заговоры?
И кто из греков был в числе твоих друзей,
Кого склонила ты и кто есть Комнин сей?..

Иеронима

Сей Комнин есть Фемист, но где он, я не знаю.

Магомет

Теперь подозревать я прямо начинаю,
Не может помрачить ничем сей правды глас;
Тобой назначены и место им и час,
И ты участница, конечно, в оном деле.
Велю тебя влещи в темницу я отселе,
Когда не скажешь мне, где кроется злодей.

Иеронима

Когда подвержена я лютости твоей,
Ты можешь власть свою во зло употребити.
Стремись, тиран, стремись несчастну погубити!..

Магомет

Страшись!

Иеронима

Страшись, тиран, ты сам и трепещи!

Магомет

С мучением велю я дух твой извлещи.
Влеките, воины, изменницу в оковы!

Иеронима

Не страшны мне твои мучения суровы.
Ты был, тиран, всегда в числе моих врагов.
Достойны, руки, вы ужаснейших оков,
Достойны, для чего его не наказали!

Магомет

Слова твои теперь мне ясно доказали,
Что ты сей страшный ров хотела мне изрыть.
Вещай мне, где Фемист? Теперь не можешь скрыть.

Иеронима

Коль хочешь ты сего героя познавати,
Так должен ты, тиран, здесь всех подозревати,
Подозревати ты весь должен будешь свет.
Сыскать тебе его иного средства нет;
Живущи греки внутрь и вне престольна града —
Все мстители и все суть Комниновы чада.

(Отходит и за нею несколько воинов.)

Магомет

(вслед)

Ступай, там гордость вся твоя теперь минет.
Отмщай презрение и стыд свой, Магомет!

ЯВЛЕНИЕ 4

Магомет и Фемист.

Фемист

Всё войско, государь, от града прочь отходит,
Движение в сердцах геройских происходит,
Желающих себя во бранех превознесть.
На всех челах видна Родосу страшна месть.

Магомет

Не внешнюю войну монарх твой воображает,
Коль внутрення ему опасность угрожает;
Не во́йска на меня во гневе вопиют,
Но днесь противу нас все греки восстают.

Фемист

Все греки, государь! как им сие возможно?

Магомет

Известие о сем имею я неложно.
Но я еще тебя и боле удивлю,
Когда их заговор и место объявлю:
В Диване, где мой брак днесь должен совершаться,
Я должен от моих злодеев был скончаться;
Внимай еще сию ужаснейшую весть:
В числе злодеев сих и некто Комнин есть.

Фемист

О небо!

Магомет

Для кого была Иеронима
Всегда упорна мне, всегда непреклонима,
Сей Комнин, коего я мертвым почитал.

Фемист

Возможно ль, государь, чтоб он из мертвых
встал?

Магомет

Ко удивлению и к лютой мне досаде,
Он жив и кроется меж греками во граде
И производит сей ужасный заговор.
Изменницы моей поступок, речь и взор
Являли всю ко мне в ней злобу чрезвычайну.
Пойдем, она сию, конечно, знает тайну.

Фемист

Что хочешь ты начать?

Магомет

Изменницу мою
Принужу тайну мне поведати сию.

Фемист

Сей тайны от нее уведать ты не льстися,
Но прежде о своих злодеях известися,
И прежде заговор ты их предупреди,
Смяти их общество и в ужас приведи.

ЯВЛЕНИЕ 5

Прежние и Начальник стражи.

Начальник

Изменники твои всю стражу победили
И пленную княжну от уз освободили;
То греки, государь, и с ними был Мурат,
Который избежал и с пленницей за град.

Магомет

(начальнику, который и отходит)

Вели во все страны стремитися за ними.
Обманут я теперь злодеями моими!

Фемист

(в сторону)

О боже! ты ее стопы препроводи!

Магомет

Поди скорей и мне Османа приведи.
Но се он...

ЯВЛЕНИЕ 6

Магомет, Фемист и Осман с воинами.

Осман

Государь, беда нам угрожает!
Всё грамота сия в себе изображает.

(Подает письмо.)

Прочти ее, познай всю злобу и обман,
И кто изменник твой: изменник — Солиман.
Двух греков поймал я со грамотою сею.

Магомет

(приняв письмо)

О небо! так и в нем злодея я имею?

Осман

Познав в сей грамоте руки его черты,
Познаешь, государь, всю истинную ты.

Магомет

(читает)

«О греки храбрые! уже ли вы готовы
Повергнути с себя поносные оковы?
Уж мною обольщен ужасный наш тиран,
И мною в торжестве он будет днесь попран.

Спешите, храбрые герои, вы со мною
Фемиста возвести царем над сей страною».

Ф е м и с т

Каким внезапным стал я громом поражен!

М а г о м е т

(Фемисту)

В какие был тобой я бездны погружен!
Ты с Комнином, злодей, на жизнь мою стремился!

Ф е м и с т

Когда весь случай мой совсем переменился,
Я таинства сего уж боле не таю.
Но ты познай теперь тиранску власть свою:
Вся Греция в твоих оковах тяжких стонет,
Европа, Азия в крови несчастных тонет;
Виза́нтия, дотоль цветущий в свете град,
Под властию твоей преобратился в ад;
Ты воздух в нем своим дыханьем заражаешь
И казнью подданным ужасной угрожаешь.
Не я един, не я, но весь желает свет,
Да смерть тебя, злодей, ужасная ссечет!

М а г о м е т

Пускай стенают днесь всея земли народы,
Пускай меня все чтут мучителем природы,
Я буду навсегда меж их торжествовать;
Но ты ль, злодей, меня так мог именовать!..
Ответствуй мне, какой чудесною судьбою
Явился Комнин здесь и где он скрыт тобою?

Ф е м и с т

Он скрыт, и ты его днесь должен трепетать.

М а г о м е т

Ты должен моего злодея мне предать.
Изменник, я твое упорство одолею.

Ф е м и с т

Я только о тебе, княжна моя, жалею!

ЯВЛЕНИЕ 7

Магомет, Фемист, Осман и Начальник стражи.

Магомет

Вещай скорее мне, где пленница моя?

Начальник

Сей час ты, государь, увидишь здесь ея,
Лишенну вольности и в узы заключенну.

Фемист

Увы, прогневал я судьбу ожесточенну!
Какого дождался я лютого часа!

(Увидя ведомую Иерониму во узах)

Какое зрелище!.. О гневны небеса!

ЯВЛЕНИЕ 8

Прежние и Иеронима, в оковах.

Магомет

Ты мнила, дерзкая, от казни избежати.

Иеронима

Стремись, тиран, меня, несчастну, поражати,
Исполни варварство свирепых агарян...

(Увидя Фемиста)

Что вижу я! Увы!..

Фемист

(Магомету)

О лютый наш тиран!
Когда мы стали днесь руке твоей подвластны,
Рази обоих нас, мы оба с ней несчастны...

Иеронима

(Фемисту)

Что хочешь ты начать в отчаяньи своем?

Ф е м и с т

Коль рок наш есть таков, без робости умрем!

М а г о м е т

Умрешь, изменник, ты и ты, злодейка люта,
Пришла к обоим вам последняя минута;
Но прежде, нежели я казнь вам изреку,
Мучением из вас я тайну извлеку.
Вы тщетно от меня скрыть Комнина хотите,
Постраждете, доколь его не предадите.

И е р о н и м а

О варвар! лютый тигр! коль власть тебе дана,
Терзай меня, губи, виновна я одна,
Но знай, что сам, злодей, ты прежде изнеможешь,
А тайны из меня исторгнути не можешь.

М а г о м е т

Страшись, или сей час падешь под сим мечем!

И е р о н и м а

Не поколеблешь ты души моей ничем,
Не страшны для нее и адские тираны!
Рази, вот грудь моя, готовая на раны!

М а г о м е т

Доколе мне терпеть поносные слова?

И е р о н и м а

Доколе буду я на свете сем жива!

М а г о м е т

Не думай, чтоб я был еще тебе подвластен;
Минуты те прошли, в которы был я страстен...
Умри, преступница!..

(Бросается к ней с кинжалом и заколает.)

Ф е м и с т

(также бросается к Магомету с мечем, но его окружают воины и меч отъемлют. Фемист с яростию)

Мучитель!..

Иеронима

(Фемисту)

Ах, прости!

(Умирает.)

Фемист

О варвар, ах, княжна!.. возможно ли снести...
Познай, чудовище, как Комнин ныне страждет.
Пролей ты кровь его, сей крови дух твой жаждет;
Пролей, когда он сам не пролил твоея...

Магомет

Кто ж Комнин сей? Вещай.

Фемист

Познай, сей Комнин — я!

(При сем слове заколается имеющимся у него кинжалом.)

Магомет

Изменник, ах, кого я вижу пред собою!..

Фемист

Довольствуйся, тиран, несчастного судьбою...
Благодари ее... что мстительный мой меч...
Не мог злодейския... души твоей... извлечь...

(Умирает.)

Магомет

О небо, всех моих лютейших бед свидетель!
На то ли им сию ты дало добродетель,
Чтоб только чрез нее покой мой возмутить
И все мои дела в ничто преобратить?
Преславного сего быв града победитель,
Соделался теперь прелютый я мучитель.
Опаснейших моих злодеев истребя,
Увы! гнушаюся я ныне сам себя...

(К народу)

А вы, о лютые тираны нежной страсти,
Творцы и зрители презлой моей напасти!

Познаете сие вблизи родосских стен,
Чего я вами днесь, свирепые, лишен;
Заплатите мой гнев, рожденный сей любовью,
Ужасным бедствием, стенанием и кровью.

<1773>

115. ПИГМАЛИОН, ИЛИ СИЛА ЛЮБВИ

Драма с музыкою в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Пигмалион, царь Амафунский.
Венера.
Купидон *(без пения).*
Истукан.
Гемон, наперсник Пигмалионов *(без пения).*
Вельможи и народ.

ЯВЛЕНИЕ 1

Театр представляет сад Пигмалионов, в котором видны начатые и недоделанные истуканы, из коих один он доделывает, ударяя орудием по размеру музыки, а между сими истуканами один стоит особо под прозрачным покрывалом. По окончании музыки Пигмалион, встав, рассматривает доделываемый им истукан и говорит:

Пигмалион

Нет блеска во ее потупленных очах,
Не вижу стройности желаемой в руках...
(Садится, делает и, паки восстав, говорит)
Не тако сотворил, как мнил, у рук я персты,
Не с тою нежностью уста ее отверсты.
(Паки садится, делает и, восстав, паки говорит)
Колени слишком ей и перси обнажил,
Не так, как я хотел, в ней всё расположил.
(Смотря на прочие истуканы)
О боги, что начну? И что творити стану?
От истукана мысль преходит к истукану,

Я с камня взорами на камень прехожу,
В творении своем себя не нахожу,
Нет живости ни в чем, души ни в чем не видно...
О пламень разума! ты гаснешь очевидно!
Какою мрачною завесой ты покрыт?
Увы! Пигмалион богов уж не творит.
Воображения мои не столь обильны,
И вы, орудия, в руке моей не сильны
Того произвести, что я производил;
Я прежде красоты в природе находил:
Для истукана я небесныя Венеры
С красавиц смертных брал прекрасные примеры.
Но что ж, к какому я концу чрез то дошел, —
Лишь только их красу искусством превзошел?
Я больше смертными красами не прельщаюсь
И взора их очей всеместно отвращаюсь;
Уже не чувствую стремления в крови,
Которое меня влекло ко их любви;
Уж более меня сей огнь не вспламеняет,
И, ах, рука моя в искусстве изменяет,
Которого моим раченьем я достиг!
Мне вреден самому несчастный оный миг,
В который истукан последний кончен мною.

(Обратясь к закрытому истукану)

Прекрасный истукан, ты бед моих виною!
Сокрыв тебя навек, я зреть еще горю.

(Приходит и берется за покров.)

Пускай еще тебя в последний раз узрю,
И если разума во мне угасший пламень
Не может довершить тебя подобный камень,
Довольно славы мне соделаешь и ты...

(Сняв покров)

Пресовершенные лица ее черты!
Все члены божества признáки в ней являют,
Грудь, руки, стан ее Венеру составляют.
Творение мое достойно божества,
Тебе сей будет дар, о мати естества!
Тебе его, тебе, Венера, посвящаю.
Но кое действие я сердца ощущаю?

С отменной нежностью на сей я образ зрю,
Касаяся его, я пламенем горю,
И некая в мои приятность льется члены.
Ах, если б таковы страны сей были жены!
Сия б, Пигмалион, была твоей женой!
Я, Амафунскою владеючи страной,
Доныне девствую и девствовати стану
И без наследия на троне сем увяну;
Вельможи и жрецы, и весь желает двор,
Да дева здешния страны, пленя мой взор,
Взойдет на брачный одр супругою моею.
Я должен моему народу жертвой сею;
Таков страны сея издревле есть закон,
Да царь, увенчанный на амафунский трон,
Поймет супругою страны сея девицу.
Я должен; но увы! мой дух мятется весь,
Какую деву я могу избрати здесь?
Нет девы в сей стране, очам моим прелестной.
Не мучь меня, не мучь, мне пламень неизвестный.
Иль слабостям и мой уже причастен век?
Увы, и под венцом я тот же человек!
Неутомиму скорбь в груди моей питаю
И преестественным я жаром неким таю.
За то ли я твой гнев, богиня, ощутил,
Что взора красотой я смертной не прельстил?
За то ли я тебе толико неприятен,
Что амафунский весь народ поднесь развратен?
Или всевышний гнев карает и царей
За беззаконие подвластных им людей?
Хотя подвластный мне народ и сладострастен,
Но я деянию народа непричастен.
О мати естества! твою я красоту
Неразвращенными деяньями чту,
Не сладострастия ты мной богиня чтишься,
Но матерью любви чистейшия гласишься,
И если пламень сей тобой во мне зажжен,
Так я неслыханным ударом поражен.

(Ко истукану)

А ты, кем я теперь без всякой пользы ною,
Коль можно бы владеть, владела бы ты мною.
Владела бы... и так уже владеешь ты,

Собрание всея природы красоты!..
Но ах, колико ты мне кажешься прекрасна,
Толико и судьба моя мне преужасна!..
Я заблуждаюся, мой разум мглой покрыт,
Се хладный предо мной здесь мрамор предстоит.
Я в исступлении; не то в крови стремленье...
Не оставляй меня, приятно исступленье!
Не оставляй меня, хочу в тебе я быть;
Безумствуя, могу лишь образ сей любить...
Увы, любви моей на свете нет примера!
О мати естества, небесная Венера!
С предальной высоты на скорбь мою воззри
И страждущему мне ты помощь сотвори.
Где ты бываеши, там всё в любви сгорает,
В присутствии твоем смерть алчна умирает.

(Садится и, несколько посидев, подходит ко истукану с орудием своим)

Какой недостает тебе еще красы?
Прекрасны рамена, и очи, и власы;
Уста приятную усмешку показуют,
Все члены красоту ее изобразуют:
В устах приятный смех, в очах небесный свет.
Увы, единыя души недостает!
Ах, если б я возмог в тебя вселити душу...
Нет, лучше я мое творение разрушу...

(Хочет ломать, но, прикоснувшись рукам истукана, ужасается.)

Біенье чувствую я жил и мягкость рук,
Собранье для меня веселия и мук,
Твой зрак мне начертан на сердце становится.
Но где конец моим мучениям явится?
Слова мои к тебе не входят в ушеса.
На то ли мной тебе давалася краса?
На то ль я столь тебя устроил совершенну,
Чтоб после быть тобой покоя мне лишенну?

(Хочет паки истукан разрушать, но паки ужасается.)

Се живость некую в себе она явит...
О ты, прелестнейший очам плененным вид!
Возьми моей, возьми ты жизни половину.
Ах нет, я для тебя всю жизнь мою покину,

Пускай в тебе, пускай лиется кровь моя.
Живи, прекрасная, пусть буду мармор я!
Увы! и мармором я быть уже страшуся,
Тебя увидети я чувств моих лишуся.
О небо... иль мне жизнь с мучением прерви,
Иль дело рук моих любовью оживи
И успокой во мне ты дух мой возмущенный.

ЯВЛЕНИЕ 2

Пигмалион и Гемон.

Гемон

В сей день, о государь, Венере посвященный,
Народ тебя во храм ее ко жертвам ждет,
Златый ее кумир приносами одет:
Меж амарантами фиоли там пестреют
И мирты на главе со розами алеют;
Любовь имеет лук, стрелою напряжен,
И будет взор тоя девицы поражен,
Которыя тебе явится зрак угоден.

Пигмалион

Пребуду от сего, Гемон, я ввек свободен.

Гемон

Народ при алтаре в молчании стоит
И ждет, да царь их храм богини посетит.
Ты должен огнь возжечь пред ней своей рукою.

Пигмалион

Богиню ль раздражу я жертвою такою,
Какую принести народ мой хочет ей?
Чистейший чувствую я огнь в груди моей.
И могут ли богам те жертвы быть приятны,
Когда приносят их сердца людей развратны?
Хотят, да в торжестве сем брак мой совершу;
Я сердца с мыслями их ввек не соглашу.

Гемон

Закон, о государь, велит сего народа,
Да сопряжется царь со девой здешня рода.
Или захощеши нарушить сей закон?

Пигмалион

Исправить хочет здесь его Пигмалион.
Любовь должна всегда во смертных быть свободна.
Пускай хотя из дев явится мне угодна,
Но ежели, Гемон, не мил я буду ей,
Не взыду я на одр с невольницей моей.

Гемон

Закон установлён сей предками твоими.

Пигмалион

Когда, тиранствуя, они владели ими,
Так должен ли и я последовати им?

Гемон

Ты должен, государь, потомством нам твоим,
Да без наследия твой род не пресечется.

Пигмалион

Но кровь моя, Гемон, не так во мне лиется,
Дабы с немилою предстал я пред алтарь.

Гемон

И кто же мысль твою заемлет, государь?

Пигмалион

Ужасна мысль, Гемон, мне в сердце вкоренилась,
Любовь моя совсем мне в муку пременилась,
Неизреченна страсть, мой разум полоня,
Соделала своим невольником меня.
Стыжусь тебе сказать, мой друг: сей твердый камень
Возжег в крови моей пречудный некий пламень.
Се действо странное жестокия любви!

Гемон

Опомнись, государь, и страсть сию прерви.

Пигмалион

Хоть с здравым разумом сие несходно дело,
Но, ах... оно моим уж сердцем овладело.
Я чувствую и сам, что, может быть, грешу,

И пламенем сея любови я дышу.
Всё бедствие мое самим днесь мною зримо,
Но бедствие сие уже необходимо

Гемон

Иль нет, о государь, у нас прекрасных дев?

Пигмалион

Постигнул, знать, Гемон, меня Венеры гнев
За то, что смертными красами не прельщался,
Во всех собраниях от жен я отвращался,
Не вспламенялася моя доныне кровь,
И се разит меня жестокая любовь.
Но если страсть сию она мне в мысль внушила,
Так должно, чтоб она ее и совершила.
Не с тем наполнены желаньем в нас сердца,
Дабы нам не иметь вовеки им конца.

Гемон

Но кто же умягчит тебе сей твердый камень?

Пигмалион

Любви всемощна власть и мой жарчайший пламень.
Уже я чувствую, что камня вещество
Смягчает под моей рукою божество.
Гемон, любезный друг, сказать я ужасаюсь:
Когда рукой сего я мармора касаюсь,
Я чувствую тогда в нем мягкость, теплоту.
И пусть сие мечта, я чту сию мечту.

Гемон

Вещание твое превыше всякой веры.

Пигмалион

Се казнь на мне, се казнь разгневанной Венеры!
Пойду во храм ее, и, если хочет внять
Несчастного мольбам, я стану умолять,
Дабы могущество на мне свое явила
И пламенем моим сей камень оживила,
Который чувствует моя стесненна грудь;
А ты дотоле здесь, любезный друг, побудь,
И знай, что возвращусь я жить или умрети.

ЯВЛЕНИЕ 8

Гемон

Не все ли смертные одной природы дети?
Не все ли чувствуем един ее закон?
Под властию его и ты, Пигмалион.
На троне, под венцом любовь тебя постигла
И волнование в крови твоей воздвигла.
Великий муж, увы, что сталося тебе?
Или угодно так разгневанной судьбе,
Дабы твой род у нас на троне прекратился,
Когда не девою, ты мармором прельстился?
Каким ты пламенем вспылал, великий муж?
Я знаю, что гражда́н свирепых низкость душ
Не тако о твоей любви судити станет,
Народ великих дел твоих не воспомянет.
Невежество дела людей великих тмит,
Доколе муза в свет о них не загремит.
О вы, владетели, цари скиптродержавны!
Вы состоянием со смертными неравны.
Когда не царь свою в пороках жизнь ведет
Иль добродетельно на свете он живет,
Со жизнию его молва о нем престанет,
И слава, и хула равно его увянет.
Но ваша жизнь, цари, совсем не такова:
Коль слабость сотворит венчанная глава,
Народ великих дел судити не умеет
И слабость царскую пороком разумеет.
Когда же ропщут так, владыки, и на вас,
Воистину цари несчастливее нас!
Но ты, Пигмалион, премудрый наш владетель,
Художествам покров, наукам благодетель,
Ты добродетелью пороки побеждал,
Ты здраво обо всем доныне рассуждал;
По сим твоим делам кто разум твой измерит,
Едва ли тот уже со мною не поверит,
Что мудрым должен быть отверст природы храм.
Но се он сам моим является очам.

ЯВЛЕНИЕ 4

Пигмалион и Гемон.

Пигмалион

Моление, мой друг, народа всё напрасно;
Я зрел богини гнев, и зрел я гнев сей ясно:
Благоуханный дым от множества кадил
И жертвенных огней на небо не всходил;
Казалось, что кумир, на нас взирая грозно,
Вещал нам темными словами: «Ныне поздно
Прогневанну меня о милости просить
Тогда лишь можете вы гнев мой погасить,
Когда здесь чрез кого одушевится камень».
По сем блеснул из глаз кумира трижды пламень,
И трижды грома треск огромный храм потряс,
Пресекши блеск огня и с ним богини глас.
Быв ужасом объят, народ непросвещенный
Рассеялся, как прах, оставя храм священный.
Таков для грешников ужасен божий гнев.
Остался в храме я, и, сердцем поболев,
Ответа грозного не тако устрашился
И всей еще моей надежды не лишился.

Гемон

Какая ж, государь, тебе надежда льстит?

Пигмалион

Венера все мои напасти прекратит,
Венера бо живит собою всю природу.
Поди и возвести развратному народу,
Что, если в слепоте своей пребудет он,
Не будет больше им царем Пигмалион.

Гемон

Он искренними весь к тебе сердцами тает.

Пигмалион

Когда меня народ достойным почитает
И хощет, чтоб владел я здешнею страной,
Да согласится весь Венеру чтить со мной
Не тако, как ее он ныне почитает.

Скажи ему, что царь того их днесь желает,
Чтоб мыслили о ней, как мышлю ныне я:
Она всех тварей мать, вина их бытия,
Не к сладострастию в нас чувства возбуждает,
Но истинную в нас любовь в крови рождает,
Которою весь свет быть должен сопряжен.
Се пламень, кой в крови владыки их возжжен.

ЯВЛЕНИЕ 5

Пигмалион

Душа вселенныя, небесная Венера,
О мати естества, всех тварей жизни мера,
Где равновесие твое, где твой закон?
Страдает мучимый тобой Пигмалион.
Мучение мое прешло свои пределы.
Какие из очей ее исходят стрелы
И поражают мой плененный ею взор?
О ты, мучения и прелести собор!
Чего мой скорбный дух, чего еще желает?
Увы, весь ад в моей крови теперь пылает.
Снедающий мя огнь, богиня, раздели
И половину в сей ты мармор пресели,
Исполни ты свою на мне бессмертну волю:
Перемени моих гражда́н сурову долю.
Рекла бо, что тогда твой гнев на них мине́т,
Когда чией рукой здесь камень оживет.
Одушеви моих ты рук прекрасно дело,
Вдохни ей жизнь в уста, смягчи ей твердо тело.
С ней купно и меня, богиня, оживишь
И подданных моих покой возобновишь...
О упование, о тщетное желанье!
На воздухе твое я зижду основанье...
Но кое вновь меня стремление влечет?
Надеждой кровь моя исполнена течет;
Она воззрети мне на образ мысль вселяет;
Но тайный некий страх мой взор остановляет.

(С насмешкою)

Воззри, несчастливый, воззри на мрамор сей
И больше тщетныя надежды не имей...

(Воззрев, со ужасом отвращается.)

О небо, что я зрел? Она подъемлет вежды.
Се действие моей напрасныя надежды
Я в исступлении... Чего ж страшуся я?
Мне будет только в нем приятна жизнь моя.
Я слышу некий глас! Весь рок мой совершился.
Пигмалион, совсем ты разума лишился!

(Садится и во время пения безмолвствует. По сем восстав, смотрит на сад свой)

Хор

Ты, Венера, в свете сем
Обладаешь надо всем;
Где рука твоя коснется,
Тамо хладна смерть проснется,
И твою велику мочь
Вся природа почитает,
Пред тобою лед растает;
Хладный Тартар, вечна ночь
Пред твоими очесами
Становятся небесами.

Пигмалион

Какой в глазах моих блистает новый свет?
Возобновляется природа и цветет.
Все облекаются во новы листья лозы,
И мирты расцвели, и благовонны розы,
И се на всех древах явился новый плод:
Не знаменуется ль богини тем приход?
Но кое зрелище еще мой взор пленяет?
С эфира облако нисшед, мя осеняет.
О мати естества, ты мне явишь твой зрак
И гонишь от очей моих мой смертный мрак.

Между сим спускается облако, на котором Венера, спустясь со оного, сходит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Пигмалион и Венера.

Венера

Премудрым то известно,
Что власть моя всеместно

Простерла скипетр свой.
Живут на свете мной
И зверь, и человеки,
Моря и быстры реки,
Плоды, цветы, трава;
Вся мною тварь жива.

Хор

Твою всё силу ощущает,
Где только солнце освещает.

Венера

Во свете сем пространном,
В движеньи беспрестанном
Все мною телеса —
Луга, поля, леса,
И лед, и твердый камень
Мой греет жаркий пламень.
Как власть моя минет,
Тогда погибнет свет.

Хор

Твою всё силу ощущает,
Где только солнце освещает.

Пигмалион

Богиня радости, природы щедра мать,
Я зрю, что хощеши мольбам моим внимать;
Когда смиренного раба ты посетила,
Ты душу мне твоим сияньем осветила.

Венера

Хотя народ твой власть мою и раздражил
И гнев мой праведный достойно заслужил,
Но нрав твой, кроткий нрав в правлении народа,
И сведома тебе учением природа
Принудили меня с небес к тебе сойтить
И боле твоему народу днесь не мстить.
Ты внял мой в храме глас; я гнев остановляю,
Прощаю твой народ и мармор оживляю.

В сие время равно распадается истукан, а за ним стоящая актриса означается, стоящая на подножии каменном.

Над просвещенною страною ты владей
И дело рук своих супругою имей.

Пигмалион

(с восторгом)

Богиня, небеса, о чудо несказанно!

Венера

Живите в радости вы век свой беспрестанно.
Се просьбы мудрого необорима мочь.

Истукан

(с удивлением)

Бежит от глаз моих мя крыющая ночь.

Пигмалион

Я радости в моем днесь сердце не вмещаю!

Истукан

Я вижу свет теперь, я живость ощущаю.

(Прикасаясь себе)

Прикосновение грудь чувствует моя.
Се грудь, се рамена, се руки; это я!
Смягчилися во мне мои все тверды члены...

(Прикасается подножию, на котором, быв истуканом, стояла.)

А это уж не я!.. О чудные премены!

Пигмалион

Какие прелести, какие красоты!

Истукан

Богиня, что́ я днесь и где, скажи мне ты?
Из мрака вечного изведшися тобою,
Довольствуюсь теперь счастливою судьбою;
Подобную себе я тварь с собою зрю
И странным неким к ней желанием горю,
Хочу приближиться, но чувствую стыдливость.

Пигмалион

(хочет обнять)

О небо, познаю во истукане живость!

Истукан

(не допускает обнять себя)

Сего я не могу терпеть во весь мой век.

Пигмалион

Я есмь, прекрасная, такой же человек;
Я есмь творение и есмь тебе подобно;
Неу́жели твое мне сердце будет злобно?

Истукан

Я чувствую, что зрак его мне не постыл.

Пигмалион

И ныне во крови тот пламень не простыл,
Каким и в марморе к тебе всегда я таял.
И сей ли от моей любви утехи чаял?
Ах, ежели меня не хочешь ты любить,
Так хочешь жизнь мою навеки истребить.

Дуэт

Венера

Коль жизнь тебе
прелестна,
Коль хочешь в свете быть,
Любовь всему совместна,
Должна и ты любить.
Теперь уж ты не камень,
Познай любови пламень.

Истукан

Мне жизнь моя
прелестна,
Хочу на свете быть.
Любовь мне неизвестна,
Могу ли я любить?
Хотя уж я не камень,
Неведом мне сей пламень.

Венера

(соло)

Ты мною оживленна,
Должна познать любовь.

Дуэт

Венера и Пигмалион

Тобою воспаленна,
    его
Тобой   вся кровь.
    моя

Истукан

(соло)

Мне взор его прелестен,
Мой взор себя в нем зрит;
Но пламень неизвестен,
Которым он горит.
Как мысль ни обращаю,
Сего не ощущаю.

Трио

Венера, Пигмалион и Истукан

Взирая на природы
Различны красоты,
На землю, воздух, воды,
Траву, древа, цветы,
Вся тварь плоды приносит,
Любовь сей дани просит;
Но кто сей дани просит?

Венера

(Истукану)

Живи в согласии с сим мужем ты, живи;
Познаешь пламень сей посредством любви.
И тако нужды здесь я быть не обретаю,
Останьтеся, а я ко Пафу отлетаю.

Пигмалион

Отшествие твое, богиня, мя страшит.

Венера

Любовь пошлю я к вам, любовь вам всё свершит.

(В отшествие ее поет хор первую строфу:
Ты, Венера, в свете сем
Обладаешь надо всем.)

ЯВЛЕНИЕ 7

Пигмалион и оживленный Истукан.

Пигмалион

Ужель, прекрасная, богини изреченье
Прервет совсем мое жестокое мученье?
Ужели чувствуешь ты мой сердечный жар?
Прекрасная жена, небес прещедрых дар,
Какие нежности в очах твоих блистают!
Благополучны те, кто жаром общим тают,
А ты не чувствуешь любви моей огня,
Иль вечно хощеши ты мучити меня?

Истукан

Какие от меня мучения имеешь,
Или ты чувствуешь, что сам ты каменеешь?
Увы, на то ли я престала камнем быть,
Чтоб только мне тебя собой окаменить?
Беги меня, беги, опасно быть со мною.

Пигмалион

Возлюбленная, будь ты царскою женою,
Достойну честь воздам твоей я красоте,
Народ мой...

Истукан

Царь, народ, и где суть камни те?
Я мнила, что навек останусь я с тобою,
А ты грозишь теперь мне лютою судьбою,
Увы, я трепещу; так я тебя лишусь?
Меж камнями уже я быть не соглашусь.

Пигмалион

(в сторону)

Речения мои совсем ей непонятны,
И самой простоты слова ее приятны.
О ты, невинности любезна простота,
Ты — истинная всей природы красота!

(Истукану)

Взведи, прекрасная, свои ты окрест взоры;
На свете не одни суть каменные горы;

Но множество с собой других творений зря,
Познай вселенную, познай во мне царя.

Истукан

А ежели царем тебя я обретаю,
С тобою вместе жить я счастием считаю.

Пигмалион

Престол сея страны моя на свете часть.
Познай меня, познай, твою носяща власть.
Тобою кровь моя горит и сердце тает,
Тебя Пигмалион душою почитает.
Я царь сея страны, все люди чтут меня,
А ты владеешь мной, мой взор навек пленя.

Истукан

Коль так щедра природа,
Коль ты ее мне дар,
О царь сего народа,
Я чувствую твой жар.

Пигмалион

(в сторону)

Се кое действие природа производит?
Но се любовь с небес парит и к нам приходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Прежние и Купидон.

Купидон

(Истукану)

О тварь прекрасная, ты жизнь восприняла
На то, дабы ему супругою была.
Послушна навсегда моей ты воле буди,
Подвластны бо мне все живущи в свете люди,
Царьми и пастырьми равно владею я;
Познай, колико власть могуща есть моя.

(Берет руки у обоих и складывает их вместе и накладывает на них венки.)

С Пигмалионом вас я вечно сопрягаю,
И легкое сие вам бремя налагаю;

Производите вы желанный царству плод,
Сего желает весь подвластный вам народ.

Дуэт

Пигмалион и Истукан

Сие легчайше бремя
Взлагай, любовь, на нас.
Счастливейшее время,
О радостнейший час!

Истукан

Богиней жизнь познала,
Приявши в жилы кровь;
Тобой счастлива стала,
Сладчайшая любовь.

Истукан *(Пигмалиону)*.	Я стала быть иною.	*(дважды)*
Пигмалион	Владей навеки мною.	

Пигмалион

Благополучный я на свете человек!

Истукан

Катись по радостям отныне весь наш век.

Пигмалион

Коль буду я отднесь с тобою неразлучен,
Так буду я во весь мой век благополучен.

Истукан

Коль буду навсегда тобой любима я,
Счастливою навек пребудет жизнь моя.

Купидон

Взаимно вы меня в сердцах запечатлейте
И собственным своим вы жаром пламенейте.

Истукан

Ты в сердце мне вселил чистейший твой закон.

Пигмалион

Тебе подвластен стал навек Пигмалион.

Купидон

Порочные меня порочным почитают
И вольного в своих оковах угнетают.
Воззрите на союз всего вы естества,
Он есть причиною всех тварей существа.
И сей союз, меж всех вещей неразделимый, —
Всеобщая душа вселенной, вами зримой.
А душу в них сию вселяю только я,
Я есмь виною всех творений бытия.
Коль данников моих и вас я обретаю,
В спокойствии от вас к богине отлетаю.

(Отлетает.)

Пигмалион

Все света прелести в тебе я нахожу.

Истукан

По сердцу моему слова твои сужу.
Тобою кровь моя толико ж воспаленна,
В тебе души моей пространная вселенна.

ЯВЛЕНИЕ 9

Прежние и Гемон.

Пигмалион

(указывая на супругу)

Познай, любезный друг, власть нежныя любви.

Гемон

(с удивлением)

Что вижу, государь?

Пигмалион

Народу объяви,
Что чистая любовь природу победила;
Се зри! Она меня супругой наградила.

Гемон

Необоримая любови нежной власть!
Скончай, о государь, людей твоих напасть.
Богиня мощная и их сердца смягчила
И кроткими любовь их быти научила;
Они, о государь, во твой сотекшись двор,
Желают видети пресветлый царский взор.

Пигмалион

Когда невежества пороки их увяли,
Скажи, дабы ко мне рабы мои предстали.

(Гемон отходит.)

В народе я моем премену зря сию,
Богиня, власть твою я паки познаю;
Коль слово истины ты в слух его внушила,
Ты всё мое теперь желанье совершила.

ЯВЛЕНИЕ 10

Пигмалион, одушевленный Истукан,
Гемон, вельможи и народ.

Пигмалион

Вельможи, воины, граждане и друзья,
Познайте, како днесь благополучен я;
Се вам прекрасную царицу я имею,
Познайте вы ее супругою моею.
Се зрите взор ее, черты ее чела,
Прекрасну столь жену богиня мне дала;
Любовь чувствительно в ней сердце сотворила
И мрамор чувствием и смыслом одарила.

Вельможа

К всеобщей радости, в спокойствии своем
Мы власть небесныя Венеры познаем,
Исчезли, государь, в нас мысли развращенны,
И мудростию мы твоею просвещенны.
Владея тьмой к тебе пылающих сердец,
Ты будешь навсегда монарх нам и отец.

Пигмалион

Я сел на троне сем, о чада, с тем владети,
Чтоб был я вам отец, а вы б мне были дети.

И сей обет вовек хранити буду я;
Споручницею в том супруга вам моя.

Хор

Будьте счастливы, супруги,
Подавая царству плод,
И отечеству заслуги
Продолжайте в род и род.

Трио

Пигмалион, одушевленный Истукан и Вельможа

О всея вселенной мати!
Буди власть твоя на нас;
Будем огнь мы твой питати,
Чтоб он вечно не погас.

Чтоб сей огнь в нас вечно длился
И в потомство преселился,
В нас горя по всякий час.

Кто пороком почитает
Непорочную любовь,
Желчь в груди своей питает,
Ядом в нем течет вся кровь.

Для него блеск дня затмится,
Вся вселенна возмутится,
Превратясь во бездну вновь.

Хор

Будьте счастливы, супруги,
Подавая царству плод,
И отечеству заслуги
Продолжайте в род и род.

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведения В. И. Майкова при жизни его не были собраны. Он печатал отдельными изданиями свои оды, письма, сонеты, поэмы, трагедии, выпустил сборник басен, и лишь однажды, в 1773 г., объединил лирические произведения в двух книгах «Разных стихотворений Василья Майкова». Первая книга была отведена духовным одам, во вторую, вместе с одами торжественными, вошли мелкие стихотворения различных жанров. Томики эти не дают полного представления даже о лирике Майкова, так как автор не поместил в них многих произведений, созданных им до 1773 г. Стихи же, написанные в последнее пятилетие, — поэт умер в 1778 г. — вообще оказались затерянными в журнальных публикациях, а напечатанные листовками — быстро перешли в небытие.

В 1809 г. «Сочинения Василья Майкова, или Собрание остроумных, сатирических, забавных поэм, нравственных басен и сказок, театральных и других его лирических творений» издал в Петербурге купец Иван Заикин. Составитель перепечатал все духовные оды первой книги «Разных стихотворений», из второй книги не взял девять произведений, прибавил поэмы «Игрок ломбера», «Елисей, или Раздраженный Вакх», трагедии «Агриопа», «Фемист и Иеронима», но этим не ограничился. Он поместил среди сочинений Майкова поэмы М. Д. Чулкова «Плачевное падение стихотворцев», «Стихи на качели», «Стихи на семик» и заметку «На Масленицу», движимый, очевидно, желанием увеличить число «сатирических, забавных поэм» в книге.

В 1867 г. Л. Н. Майков, потомок поэта, впоследствии академик, выпустил в свет «Сочинения и переводы В. И. Майкова» со своей статьей и комментариями. Он изучил рукописные фонды и впервые опубликовал десять произведений поэта. Вступительная статья к «Сочинениям» явилась первым очерком творчества В. И. Майкова и продолжает сохранять свое значение до сих пор.

В советское время поэмы Майкова «Игрок ломбера» и «Елисей» были напечатаны в книге «Ирои-комическая поэма», вышедшей в Большой серии «Библиотеки поэта» (Л., 1933) под редакцией и с примечаниями Б. В. Томашевского и со вступительной статьей В. А. Десницкого.

В настоящем собрании избранных произведений Майкова довольно широко представлено оригинальное творчество поэта; его

переводы — такие, как «Публия Овидия Назона Превращения», «Военная наука» Фридриха II, «Меропа» Вольтера и др. — в сборник не вошли. Из духовных стихотворений, занимавших видное место в творчестве Майкова, в издание включены две оды и три псалма как примеры упражнений поэта в этом распространенном жанре русской поэзии XVIII в. Впервые введены в собрание произведений Майкова его стихи «Графу М. П. Румянцеву», «Сонет графу Г. А. Потемкину», «Мадригал пехотного полку полковнику», «Надписи к изображениям» Ф. Прокоповича, А. Д. Кантемира, Н. Н. Поповского, М. В. Ломоносова.

Произведения Майкова сгруппированы по жанровым признакам, как это делалось в XVIII в., причем порядок размещения принят следующий: ирои-комические поэмы, басни, лирика, драматургия.

Произведения Майкова печатаются в последней прижизненной редакции, по тем изданиям, где их текст впервые окончательно установился. Все тексты сверены с сохранившимися рукописями поэта.

Орфография и пунктуация приближены к современным нормам; сохранены лишь немногие особенности правописания, имеющие произносительное значение.

Пространные названия од даются в сокращении.

Даты первых публикаций или год, не позднее которого могло быть написано произведение, заключены в угловые скобки. Даты предположительные отмечены вопросительным знаком.

В библиографической части примечаний указываются: первая публикация, ступени изменения текста (простые перепечатки не отмечаются), источник, по которому печатается текст. Ссылка только на первую публикацию означает, что произведение печатается по этой публикации, так как текст не перепечатывался более или перепечатывался без изменения.

К примечаниям приложен словарь мифологических имен, устаревших и малоупотребительных слов.

Сокращения, принятые в примечаниях

Гольберг — Басни Гольберга в прозаическом переводе. Д. И. Фонвизин. Собрание сочинений в двух томах, т. 1, М.—Л., ГИХЛ, 1959.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

НБ1 и НБ2 — Нравоучительные басни Василья Майкова, чч. 1—2., М., 1766—1767.

РС — Разные стихотворения Василья Майкова, кн. 1—2., СПб., 1773. В ссылках на кн. 2 упоминание о ней опущено, указываются только страницы.

СП — Сочинения и переводы В. И. Майкова. С портретом автора, со статьею о его жизни и сочинениях и примечаниями Л. Н. Майкова. Редакция издания П. А. Ефремова, СПб., 1867.

Сумароков — А. П. Сумароков. Полное собрание всех сочинений, т. 7, М., 1781.

Тредиаковский — В. К. Тредиаковский. Сочинения и переводы, т. 1, СПб., 1752.

Федр — Федр, Бабрий. Басни. Издание подготовил М. Л. Гаспаров, М., 1962.

Эзоп — Езоповы басни, перевод С. Волчкова, СПб., 1747.

I

ИРОИ-КОМИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

1. Отдельное издание, М., 1763. Печ. по более исправному изд. 1774 г. В поэме изложены правила карточной игры в ломбер и описывается несколько партий. Игра эта зародилась в Испании, где называлась «el hombre» («человек»). Правила ломбера вкратце заключаются в следующем. Играют в нее трое, причем два партнера всегда объединяются против третьего, который, имея более сильные карты, объявляет игру. Из колоды откидывают восьмерки, девятки и десятки, оставляя по 10 карт каждой масти, а всего 40. Старшинство «фигурных» карт — обычное: король, дама, валет (хлап), «очковые» карты черной масти — пики (вины), трефи (жлуди) — также идут по восходящему значению; а в красных мастях — черви, бубны — старшинство считается в обратном порядке: двойка старше тройки, семерка — младшая. Первым, старшим козырем во всех случаях является туз пик. Он именуется в ломбере шпадилья. Третий козырь также постоянный — туз треф, называемый баста. Второй по старшинству козырь меняется с каждой игрой — им служит самая младшая карта выбранной игроком козырной масти — двойка пик или треф, семерка червей или бубен. Название второго козыря — манилья. Общее название этих трех козырей — шпадильи, басты и манильи — матадоры *(матедоры)*. На четвертом месте — красные тузы козырной масти (понты), а за ними — козырные карты, согласно принятого в ломбере старшинства. Цель игры — набрать наибольшее количество взяток, для объявившего игру — не менее четырех. В таком случае он получает общую денежную ставку — выигрывает кодилью. Если больше взяток у противников — игрок платит штраф, ставит бет. Он штрафуется и в том случае, когда взятки распределятся по три между всеми партнерами или если двое игроков возьмут по четыре взятки, третий — одну (ремиз). Перед началом игры из колоды вынимают шпадилью, басту и манилью какой-либо масти и раздают участвующим. Получивший шпадилью выбирает за столом место и сдает карты. Справа от него садится обладатель манильи, и затем — басты. Карты раздаются три раза по три, всего 27. Оставшиеся в колоде 13 карт кладутся на стол — из них берется прикуп. Есть несколько видов игры — воля, поляк и санпрандер. Игрок, выразивший желание играть волю, уступает тому, кто хочет играть поляк, и оба они пасуют перед санпрандером. Воля состоит в том, что игрок, объявив козырную масть, сбрасывает свои плохие карты и берет равное число из колоды. Начиная поляк, игрок открывает верхнюю карту колоды, по которой определяется козырная

масть, потом сбрасывает и прикупает. Поляк — разновидность игры, возникшая в России. В поэме «Игрок ломбера» Майков отдает предпочтение этой системе. Санпрандер значит, что игрок обходится без прикупки и объявляет козырную масть по сданным ему картам. Разумеется, при этом условии он, в случае успеха, получает и наибольший выигрыш. Если у кого-либо из партнеров не было хорошей игры — он мог пасовать, отказаться от участия. Когда пасовали все трое — разыгрывалась каска, меньшая или большая: игрок мог сбросить все 9 карт и взять взамен столько же из колоды. При повторном отказе от игры он платил бет.

Песнь первая. *Просить уж воли мыслит* — хочет играть волю. *А вины преферанс у игроков сих слыли.* Пики были объявлены козырями в первой сыгранной партии и потому имели преимущество (преферанс) над остальными мастями. *Он был перед рукой* — сидел справа от сдающего карты, имея первый ход. *С которой проиграть нельзя чтоб не кодиль* — с которой нельзя не проиграть кодилью. Приняв по ошибке бубновую манилью за червонную и объявив санпрандер в червях, Леандр оказался без второго по значению козыря и рисковал проигрышем. *Давид.* Фигуры на французских картах XVIII в. представляли собой изображения библейских персонажей или исторических лиц: Давид, Александр, Юдифь, Карл, Огиер (товарищ героя рыцарских романов Роланда) и др. *Хлап червонный поражает* — козырный валет червей бьет короля пик. *Что тот лабет с стола кодильей не берется, Но сделан был ремиз в игре у них тройной.* Штраф (бет), поставленный Леандром, не достанется другим игрокам, потому что они также не набрали необходимого для выигрыша числа взяток (ремиз). *Уже он ни на что дерзает покупать.* Брать на себя игру (прикупать карты) рекомендовалось правилами для воли — имея на руках три верные взятки; для поляка — имея два матадора; шпадилью и три-четыре короля; три-четыре манильи и т. д. Леандр, отчаявшись, рискует и проигрывает.

Песнь вторая. *Толь красно вещество* — такое прекрасное сооружение (храм). *Что без четырех игр и карт не покупает* — т. е. объявляет, что хочет играть лишь в том случае, если получил при сдаче карты, обеспечивающие не менее четырех взяток. Прикуп может дать ему взятки, дополнительные к этому числу. Для санпрандера необходимо иметь на руках пять взяток. *Один пред них предстал с санпрандерной игрой* и т. д. Майков разбирает два случая, произошедших в игре, по причине — в первом примере неудачного для играющего расклада карт, а во втором — счастливого, что позволило ему выиграть кодилью с сомнительными козырями, которые при ином сочетании карт у противников не могли принести ему взяток.

Песнь третия. *На свете в ломберну игру ввели раскол.* Поляк не предусматривался принятыми в западноевропейских странах правилами ломбера, и распространение его в России сторонниками традиционной игры порицалось. *И вместо каски тот в игре употребляют* — т. е. играют поляк, который говорящий называет «ересью», «расколом». В противоположность ему адские судьи Радамон (Родамант), Минос и Эак утверждают, что поляк — «прямое совершенство». Очевидно, таково мнение и автора. *Возмездие* — здесь: вознаграждение. *Доколе подбирать я карт не научился* —

т. е. пока не стал шулером. *Един лишь Геркулес места сии потряс.* Геркулес спускался в подземное царство — Аид, одолел адского пса Кербера и вывел на землю героя Тезея и жену царя Адмета.

2. Отдельное издание, СПб., 1771. В рукописи было известно уже в 1769 г. (см.: А. Западов, Журнал М. Д. Чулкова «И то и сьо» и его литературное окружение. — «XVIII век», сб. 2, М.—Л., 1940, с. 104 и след.).

К читателю. *Преогромное предисловие.* Намек на предисловие В. Петрова к переведенной им «Виргилиевой Енеиде» (песнь I, СПб., 1770). В обширном, на 14 страницах, «предуведомлении» Петров сообщил сведения о Вергилии, рассказал о трудностях перевода латинских стихов и заранее обругал своих критиков, уподобив их «янычарам, кои прошлого лет с великим остервенением нападали на россов. . .» (с. 13). Объясняя причины, побудившие его взяться за перевод Вергилия, Петров сослался на «одного сединами и премудростью украшенного мужа», который советовал ему не страшиться варваров-критиков и смело приниматься за «высший подвиг» (с. 14). Под *лягушкой,* пытающейся сравняться с быком, подразумевается Петров, пробующий вступить в соперничество с Ломоносовым.

Песнь первая. *Скаррон* Поль (1610—1660) — французский поэт, автор «Перелицованной Энеиды», «Комического романа», сатир против первого министра Франции кардинала Мазарини и др. Здесь: И. С. Барков (см. с. 38). *Против Семеновских слобод последней роты.* Лейб-гвардии Семеновский пехотный полк располагался на окраине Петербурга, между нынешним проспектом Мира и Звенигородской улицей. Неподалеку от Семеновской слободы находилась *Ямская,* там, где теперь улицы Расстанная и Лиговская. *Обида. . . Юноне от Парида* — см. примеч. 112. *Сырная неделя* — Масленица. *Волжаный кнут.* Волжанка — род мелкой ивы, растущей на Волге, тальник. Из прутьев волжанки делали кнутовища. *Под воздухом простер свой ход веселый чистым* и т. д. Майков пародирует строки из I песни «Энеиды» в переводе В. Петрова: «Под воздухом простер поезд веселый чистым, Стремя коней полет по вод хребтам пенистым». *Школьному напеву подражаю.* Намек на то, что В. Петров учился в Славяно-греко-латинской академии и преподавал там. *Противу прать меня* — идти против меня. *Летит попрытче он царицы Амазонской.* Царица амазонок Пентесилея (греч. миф.) привела свой отряд на помощь троянцам и в бою была убита Ахиллом. *Восходит пыль столбом из-под звериных бедр* — см. примеч. 72. *А песенку сию Камышенкой зовут* — см. с. 40. *Подпустил Юноне голубей* — испортил воздух. *Семелея* — Семела, мать Вакха. *Одр Фетидин* — море. *Устюжна.* Близ Устюжны (Новгородская губ.) добывалась болотная железная руда, из которой выделывались сохи, гвозди и пр. *Жена его была у жен честных в ватаге.* Имеется в виду Венера. «Честные жены» — иронически. *Гордились, будто бы учились в Спасской школе* — т. е. в Славяно-греко-латинской академии, Заиконоспасской школе, называвшейся так потому, что находилась она в Китай-городе (в Москве), за иконою Спаса. *Коль славного певца с плюгавцем соравняли.* Намек на В. Петрова. Майков возмущается тем, что кое-

кто из читателей, сравнивая Ломоносова с Петровым, отдавал предпочтение последнему. *Капральский колет* — здесь: мундир.

Песнь вторая. *Чермновидные ложи* — т. е. постели, застланные дорогими багряными тканями. *О вы, преславные творцы «Венециана», «Петра златых ключей», «Бовы» и «Ярослана».* Майков называет лубочные рукописные и печатные повести: «Историю о храбром рыцаре Францыле Венециане и о прекрасной королевне Ренцывене», «Историю о славном рыцаре Златых ключей Петре Прованском и о прекрасной Магелоне», «Сказку о славном и храбром богатыре Бове-королевиче и о прекрасной королевне Дружневне», «Сказание и похождение о храбрости, от младости и до старости его бытия, младого юноши и прекрасного русского богатыря, зело послушати дивно, Еруслана Лазаревича». *Калинкин дом* — казенное заведение, в котором задержанные полицией проститутки выполняли принудительные работы. *Зимогорье* — почтовая станция на дороге Петербург—Москва, близ Валдая. *Новый Валаам.* Валаам (библ.) — месопотамский волхв-прорицатель. За богатые дары он собрался пророчествовать царю моавитян победу над израильским народом. В пути ослица, на которой ехал Валаам, заговорила человеческим голосом, обличив жадность и безумие своего хозяина.

Песнь третия. *В кути* — т. е. в углу избы, наискось от «красного угла». *Стою на сей среде* — посреди богов, держа перед ними ответ. *Премудрость возведу я некогда на трон* и т. д. Имеется в виду Екатерина II, издавшая 1 августа 1765 года манифест, по которому служба откупщиков признавалась государственной, кабаки переименовывались в питейные дома и отмечались государственными гербами как учреждения, находящиеся под царским «защищением». *На чьих часах то было?* — т. е. кто в это время стоял на часах, был в карауле? *Портки его, камзол в печи своей сожгла* и т. д. Карфагенская царица Дидона, покинутая Энеем, приказала развести громадный костер, взошла на него, закололась мечом и сгорела (Вергилий, «Энеида», кн. 4).

Песнь четвертая. *Уж Феб чрез зодиак Близняток проезжал* — солнце проходило через созвездие Близнецов, т. е. уже наступил май. *Когда о взятках в свет лишь выпущен указ.* Через три недели после вступления на престол, 20 июля 1762 г., Екатерина II издала указ о запрещении взяток, незаконных поборов, взимаемых чиновниками, и т. д., не произведший, впрочем, впечатления на взяточников. *Его впреки* — вопреки ему. *Вдруг християнския и никакия веры* — т. е. одновременно христиане и безбожники (грабят безбожно). *О жалкий вид очам! о странный оборот!* Ср. у Ломоносова в оде 1762 г.: «О, стыд, о, странный оборот!»

Песнь пятая. *Школьник... спасский* — поэт В. Петров (см. примеч. 72). *Я битву Чесмскую с Херасковым пою.* М. М. Херасков в 1771 г. выпустил в свет поэму «Чесмесский бой». *Павловский замок.* Село Павлово в XVIII в., как и позже, славилось металлическими изделиями. *Чрез два дни у «Руки» кулачный будет бой.* «Рука» — название харчевни в Петербурге у заставы на дороге в Москву. Кулачные бои между обитателями Семеновской и Ямской слобод происходили нередко и собирали большое количество зрителей.

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ БАСНИ

3. НБ1, с. 3. Стихотворное переложение басни Гольберга (с. 327) под тем же названием.

4. НБ1, с. 4. Сокращенный перевод басни Пильпая «О двух путешественниках и о льве, сделанном из белого камня». Источником, очевидно, послужили «Басни политические индейского философа Пильпая. Прозою перевел Борис Волков», СПб., 1763, с. 59. Басню на этот сюжет написал также А. Г. Карин («Два прохожих и река». — «Свободные часы», 1763, с. 169).

5. НБ1, с. 6.

6. НБ1, с. 7. Источник — басня Эзопа (с. 119). Та же басня у Федра (с. 8).

7. НБ1, с. 10.

8. НБ1, с. 11.

9. НБ1, с. 13. Сюжет басни, по-видимому, почерпнут в народных анекдотах. *«Ехал пан, ехал пан, Ехал пан от князя пьян...»* — строки из народной песни. *Как собака рьяет* — т. е. задыхается после бега.

10. НБ1, с. 16. Переложение басни Гольберга (с. 290).

11. НБ1, с. 17. Сюжет заимствован из басни Эзопа «Лев и медведь» (с. 72). У Эзопа сюжет взял Федр для басни «Корова и коза, овца и лев» (с. 9). Этот сюжет есть у Лафонтена, Сумарокова, Державина.

12. НБ1, с. 20.

13. НБ1, с. 21. Сходная по теме басня у Федра — «Лисица и дракон» (с. 46). У Сумарокова на ту же тему басня «Сторож богатства своего» (с. 53). *Гарпагон* — главное действующее лицо в комедии Мольера «Скупой» (1668).

14. НБ1, с. 23. У Федра есть басня «Эзоп — толкователь завещания» (с. 39). Сходны вмешательство и решение Эзопа, но условия иные.

15. НБ1, с. 26.

16. НБ1, с. 27. Переложение распространенного анекдота. *Клавдии* — здесь вместо: Клавдий.

17. НБ1, с. 28. *По времени* — со временем.

18. НБ1, с. 30. Переложение басни Эзопа «Тело и Члены», заключенной в русском переводе таким «учением»: «Народ — тело;

а монарх ему глава. Ежели один член должных главе своей услуг не принесет, то его за такого бунтовщика почитать надлежит, который леностью и ослушанием то ж, что другой равный ему самым делом упускает» (с. 206). Басня переведена также Тредиаковским (с. 215) и Сумароковым (с. 95).

19. НБ1, с. 31.

20. НБ1, с. 32.

21. НБ1, с. 33. Л. Н. Майков замечает: «Если допустить, что в этой басне заключается личный намек на какого-нибудь писателя, современного Майкову, то всего вероятнее, что намек относится к В. П. Петрову, против которого Майков не раз вооружался... Некоторые захвалили начинающего поэта, сравняв его с Ломоносовым, вследствие чего он и возымел о себе высокое мнение. Соответственно тому в басне Майкова сова задумывает петь не хуже хоть кого и своим пением удивить слушателей, которые уже слыхали соловья» (СП, с. 547). Это предположение весьма вероятно: басни Майкова вышли в том же 1766 г., что и стяжавшая себе печальную известность в среде литераторов ода В. Петрова «На карусель». *По зву* — по зову.

22. НБ1, с. 34.

23. НБ1, с. 35.

24. НБ2, с. 3. Литературная обработка фольклорного сюжета. Сумароков развил тему в басне «Пени Адаму и Еве» (с. 142).

25. НБ2, с. 6.

26. НБ2, с. 7.

27. «Свободные часы», 1763, август, с. 469. Печ. по НБ2, с. 10. Переложение одноименной басни Эзопа (с. 263).

28. НБ2, с. 12.

29. НБ2, с. 14. Сходную мысль часто развивал Сумароков. *Хлебопашества художник* — земледелец, крестьянин.

30. НБ2, с. 16. У Эзопа — «Галка в чужом перье» (с. 153). У Тредиаковского — «Ворона, чванящаяся чужими перьями» (с. 215). Сумароков басню на эту тему «Осел во львовой коже» (с. 68) направил против Ломоносова.

31. НБ2, с. 18. Сходная по содержанию басня Сумарокова — «Отпускная» (с. 74).

32. НБ2, с. 19.

33. НБ2, с. 20.

34. НБ2, с. 21.

35. НБ2, с. 22. Переложение анекдота фольклорного происхождения.

36. НБ2, с. 23.

37. НБ2, с. 24.

38. НБ2, с. 25. Источник — притча из древнерусской повести о Варлааме и Иоасафате.

39. НБ2, с. 26. У Тредиаковского — «Облако и Земля» (с. 189).

40. НБ2, с. 28.

41. НБ2, с. 32. Переложение басни Эзопа «Отец с сыновьями» (с. 324).

42. НБ2, с. 33. На ту же тему и с тем же названием ранее опубликовал басню В. Золотницкий (Новые нравоучительные басни, СПб., 1763, с. 73). *С одра Фетидина* — т. е. из-за моря.

43. НБ2, с. 34. Переложение народной сказки (ср.: А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, вып. 4, М., 1860, с. 61, сказка «Медведь, лиса, слепень и мужик»).

II

ОДЫ

44. Отдельное издание, без указания места и года, без строф 6-й и 15-й. Печ. по РС, с. 3. *Тезоименитство* — праздник соименного святого, именины. День Екатерины — 24 ноября. Ст. 48. *То знают Франкфурт и Полтава.* В ходе Семилетней войны 1756—1763 гг., разбив близ селения Кунерсдорф 1 августа 1761 г. армию прусского короля Фридриха II, русские войска заняли Франкфурт-на-Одере. В бою под Полтавой 7 июня 1709 г. русская армия под командованием Петра I нанесла тяжелое поражение шведам. *Ст. 60. Позорно заперт Янов храм.* Петр III, предав интересы России, заключил с побежденной Пруссией выгодный для нее мир.

45. Отдельное издание, М., 1763. Печ. по РС, с. 13. *Ст. 35. Враги оружье оставляют.* Оставляется намерение начать войну против Дании. Екатерина II, вступив на престол, поспешила отозвать из Пруссии корпус под командой гр. З. Г. Чернышева, двинутый Петром III на помощь недавнему противнику России в Семилетней войне — армии прусского короля Фридриха II. *Ст. 94—120.*

Убийца царский Годунов и т. д. Майков напоминает о событиях начала XVII в.: убийстве царевича Димитрия, польско-шведской интервенции, воцарении первых Романовых — Михаила и Алексея.

46. РС, с. 13. Захватив русский престол 28 июня 1762 г., Екатерина II в августе выехала в Москву для коронации и провела там несколько месяцев. В мае 1763 г. она предприняла пешее путешествие в Ростов Ярославский, оттуда проехала в Ярославль. *Ст. 43—44. Как, на целебные шед воды, Великий Петр починул здесь.* Петр I несколько раз бывал в Ярославле, начиная с 1694 г. Целебными источниками, однако, он заинтересовался только после второй поездки за границу: указ доктору Шуберту об отыскании минеральных лечебных вод подписан 24 июля 1717 г. Очевидно, Майков имеет в виду поездку Петра на Липецкие воды весной 1724 г., когда он приезжал в Москву для коронования Екатерины I, побывал в Липецке и 16 июня возвратился в Петербург.

47. Отдельное издание, М., 1767. Печ. по РС, с. 29. Манифестом 14 декабря 1766 г. Екатерина II распорядилась созвать Комиссию для составления нового Уложения, т. е. собрания российских законов, которой написала свой Наказ, составленный из отрывков, заимствованных у западноевропейских юристов и писателей. Депутаты в Комиссию избирались от всех сословий, исключая крепостных помещичьих крестьян, от учреждений и воинских частей. Комиссия собралась в Москве и открыла заседания 30 июля 1767 г. *Ст. 41—42. Одетая жена героем Геройский заключает дух.* Екатерина II в день государственного переворота 28 июня 1762 г. была одета в преображенский мундир; на белом коне, с обнаженной шпагой, она ехала впереди гвардейских батальонов, вышедших в Петергоф на поиски свергнутого императора Петра III. *Ст. 96. Текут от дальных стран народы К обширной области твоей.* Екатерина II 22 июля 1763 г. опубликовала манифест, приглашавший немецких колонистов поселяться на Волге. *Ст. 101. Там класы на полях желтеют* — реминисценция из оды Ломоносова 1747 г. («И класы на полях желтеют»).

48. Отдельное издание, СПб., 1768. Печ. по РС, с. 43. Написано ко дню шестой годовщины вступления на трон Екатерины II. *Ст. 31. Я хладный прах твой уважаю.* М. В. Ломоносов скончался 4 апреля 1765 г. и был похоронен на кладбище Александро-Невского монастыря в Петербурге.

49. Отдельное издание, СПб., 1769. Печ. по РС, с. 52. В русско-турецкую войну 1768—1774 гг. генерал-аншеф князь Александр Михайлович Голицын (1718—1783) командовал 1-й армией и 29 августа 1769 г., разбив войска визиря Молдаванжи, взял крепость Хотин в Молдавии, за что был награжден чином генерал-фельдмаршала. *Ст. 12. Мустафа* — Мустафа III (1717—1774), султан Турции с 1757 г., развернувший в 1768 г. войну против России. *Ст. 50. Эвксинский понт* — Черное море. *Ст. 68. И только в мысль его приводит* — т. е. и как только мысленно произносит имя Екатерины. *Ст. 102. Дни Августовы.* Октавиан Август (63 до н. э. — 14) — пер-

вый римский император, почитавшийся образцом правителя. *Ст. 105. Меценат* Гай Цильний (I в. до н. э.) — друг римского императора Августа, покровитель наук и искусств и, в частности, поэтов Вергилия и Горация. Имя его сделалось нарицательным.

50. Отдельное издание, СПб., 1770. (Вместо «Чесма» в заглавии «Сисма».) Печ. по РС, с. 59. После начала русско-турецкой войны, для подкрепления сухопутных армий, действовавших в Молдавии и Валахии, правительство Екатерины II решило направить летом 1769 г. эскадру военно-морского флота в Эгейское море, к берегам Греции и Турции. Общее командование принял на себя граф Алексей Орлов. 24 июня 1770 г. в проливе между островом Хиос и малоазийским берегом был встречен и разбит турецкий флот в составе 60 вымпелов. Остатки его укрылись в Чесменской бухте. В ночь на 26 июня русские моряки скрытно подвели к турецким кораблям брандеры — легкие суда, начиненные горючими материалами, и подожгли их. Из 15 тысяч турецких матросов спаслось едва 4 тысячи. Одним из результатов Чесменской победы были восстания против турецкого владычества, вспыхнувшие почти на всех островах Архипелага с греческим населением. Русский флот блокировал Дарданеллы. *Ст. 66. Когда ты ботик свой поставил.* Петр I в юности, увлекаясь мореплаванием, построил на Переяславском озере гребное судно с парусом — бот, получивший впоследствии наименование «дедушки русского флота» и доныне хранящийся в г. Переяславле-Залесском. *Ст. 96. И жупелом обремененны* — насыщены серою, т. е. порохом. *Ст. 129. Как Курций, жертвовал собою.* По преданию, когда в Риме на форуме внезапно открылась пропасть, угрожавшая гибелью городу, юноша Марк Курций верхом на коне прыгнул в бездну, и она, приняв эту жертву, сомкнулась.

51. Отдельное издание, СПб., 1770. Печ. по РС, с. 77. Генерал-аншеф Петр Иванович *Панин* (1721—1789) в русско-турецкую войну командовал 2-й армией и после длительной осады захватил крепость Бендеры в Молдавии. *Ст. 6. Сожгли турецкий флот Орловы.* Имеется в виду сражение при Чесме. *Ст. 9. И смирнские трепещут стены.* Смирна — ныне Измир, крупный турецкий порт на берегу Эгейского моря. *Ст. 25. Отверз град горда Магомета* — т. е. взял крепость Бендеры. *Ст. 26—27. И брани нынешнего лета Победой сею заключил.* Майков не совсем точен: кампания 1770 г. после падения Бендер еще продолжалась, и Румянцев 10 ноября взял Браилов, закончив овладение всей территорией между Дунаем и Прутом. Лишь в конце ноября 1-я армия расположилась на зимние квартиры в районе г. Яссы. *Ст. 73. Подвиглись жупельные горы* — т. е. облака порохового дыма.

52. Отдельное издание, СПб., 1770. Печ. по РС, с. 70. После неудачного для России начала войны, объявленной Турцией в 1768 г., командующий 1-й армией князь А. М. Голицын был смещен и на его место назначен П. А. Румянцев, до этого стоявший во главе 2-й армии. Под его командованием русские войска успешно провели кампанию 1770 г., одержав ряд побед над турками (см. с. 28). В то же время на морском театре Турция в сражении при Чесме потеряла

свой военный флот. *Ст. 10. Содом* (библ.) — город в Палестине, жители которого, предавшиеся разврату, навлекли на себя божий гнев. Содом был сожжен упавшим с неба огнем, и пепелище провалилось в бездну. *Ст. 13. Шары, селитрой раскаленны* — пушечные ядра; селитра входит в состав пороха. *Ст. 33. Изобильными притворства* — изобильными притворствами. *Ст. 55—56. Забыв, когда владела Анна, Была тогда еще попранна* — т. е. забыв, что Турция была попранной еще тогда, когда в России царствовала императрица Анна Иоанновна, т. е. забыв о поражении в войне с Россией 1736—1739 гг. *Ст. 69. Морея стала в нашей власти.* Морея — южная часть Греции, в древности Пелопоннес. Название произошло в XIII в. от слова «море» и было дано славянами, переселившимися в Грецию. «Нашу власть» распространил в Морее русский флот после сражения при Чесме. *Ст. 95. Румянцев войски побеждает.* Речь идет о победах, одержанных 1-й армией (см. с. 28). *Ст. 96. Там Панин грады осаждает.* Генерал граф П. И. Панин, командующий 2-й армией, с 24 июля вел осаду крепости Бендеры. *Ст. 97—98. Орловы вражески страны Оружьем храбро покоряют.* Алексей Орлов командовал русским флотом в Архипелаге Эгейского моря. Его брат Федор был участником морского похода, отличился при взятии крепости Корона и в Чесменском сражении. *Ст. 111. Салим* — Иерусалим. *Ст. 112. Годефред* — Готфрид Бульонский, один из вождей первого крестового похода (конец XI в.) в Палестину. Подвиги Готфрида описаны в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» (XVI в.). *Ст. 128. Август* — см. примеч. 49, ст. 102.

53. Отдельное издание, СПб., 1771. Печ. по РС, с. 84. Болезнь наследника престола Павла в августе—сентябре 1771 г. вызвала тревогу среди той части дворянства, которая усматривала в Екатерине II склонность к тирании и возлагала надежды на будущего царя — ее сына, воспитанного руководителем дворянской оппозиции Н. И. Паниным. «Слово на выздоровление» Павла написал также Д. И. Фонвизин. *Ст. 65. А ты, усердный попечитель* — Н. И. Панин.

54. Отдельное издание, СПб., 1773. Печ. по РС, с. 97. В июле—августе 1772 г. в Фокшанах (Молдавия) происходили мирные переговоры между Россией и Турцией, окончившиеся безрезультатно. Пользуясь перемирием, турецкое командование собрало все уцелевшие после Чесменского разгрома корабли для того, чтобы одним ударом покончить с русской эскадрой. Этот план стал известен Алексею Орлову, и он предупредил о нем капитана Коняева, командира эскадры, плававшей в Архипелаге. Коняев приступил к розыскам турецкого флота и вскоре обнаружил его у Патраса в составе 8 фрегатов и 14 шебек. В эскадре Коняева было всего семь вымпелов, из них лишь два линейных корабля и два фрегата. Тем не менее он решил атаковать противника. Сражение продолжалось в течение двух суток и закончилось блестящей победой русской эскадры: из турецкого флота спаслось только 6 шебек. Замечательно, что при этом потери в эскадре Коняева ограничились семью ранеными матросами и убитым лейтенантом. Победа приписывается Алексею Орлову — на самом деле героями ее были капитан Коняев и личный состав эскадры. *Ст. 21. Минерва* — здесь: Екатерина II. *Ст. 22.*

Агарь — здесь: Турция. *Ст. 51. Мои, упившись вод Секваны.* Секвана — латинское название реки Сена. Турки вступили в войну с Россией, надеясь на поддержку французского короля. Такую же аллегорию применил Ломоносов в оде на победу при Вильманстранде 1741 г. *Ст. 58. Но их покой им излечил* — т. е. раны, нанесенные туркам русским оружием, излечил мир, наступивший после окончания русско-турецкой войны (1736—1739 гг.).

55. «Вечера», 1773, ч. 2, с. 91. Печ. по РС, с. 90. Конкретные имена и факты в оде отсутствуют, однако последняя строфа позволяет предположить, что речь идет о польских событиях 1768—1769 гг. Борьба правительства Екатерины II, конфедератов и гайдамаков, резня и погромы, отличавшиеся жестокостью, составляют исторический фон оды. Россия ввела в Польшу войска, начавшие усмирение восстания. Об этом, по-видимому, и говорит Майков: «сотрет враждующих мечи» «десница» российской императрицы, и «несчастный смертных род» — поляки, испытавшие ужасы «мятежей», — должны быть вручены ей во власть. Польскую гражданскую войну Майков называет «неправедной бранью»; этих слов он никогда не употребил бы, говоря о русско-турецкой войне. Таким образом, написание оды следует отнести примерно к 1769 г. Несмотря на свой актуальный смысл, она не могла быть напечатана своевременно; пацифистский элемент слишком перевешивал, а война с Турцией уже началась. Ко времени выхода «Вечеров» война длилась уже почти пять лет, усталость от нее сильно чувствовалась в стране, и антивоенная ода смогла появиться в свет с бо́льшим основанием.

56. Отдельное издание, СПб., 1773, вместе с сонетом на тот же случай. Печ. по РС, с. 105. Наследник престола Павел Петрович 29 сентября 1773 г. был обвенчан с дочерью ландграфа гессендармштадтского, принявшей после крещения по обряду православной церкви имя Натальи Алексеевны. *Ст. 31. Под Минервиной рукою* — под рукой Екатерины II. *Ст. 87. Игорь* (ум. 945) — великий князь киевский; совершал походы на Византию. *Ст. 117. Петрова внука* — Екатерина II. *Ст. 122. Восточные края* — здесь: Турция. *Ст. 217. Будь Наталия вторая.* Первая — Наталия Кирилловна, урожденная Нарышкина, жена царя Алексея Михайловича и мать Петра I.

57. Отдельное издание, СПб., 1774. На с. 19 (ненумер.) припечатано восьмистишие «Его высокопревосходительству Григорию Александровичу Потемкину», подписанное буквами «В. М.» (см. с. 305). Мир с Турцией был подписан Румянцевым 10 июля 1774 г. в деревне Кучук-Кайнарджи, в Болгарии, близ крепости Шумла, где укрылись турецкие войска. По договору Россия получала часть северного Причерноморья между Днепром и Бугом, Азов с окрестной территорией, Кабарду, в Крыму крепости Керчь и Еникале, Крымское ханство объявлялось независимым от Турции государством. России предоставлялось также право свободного судоходства на Черном море. Мирный договор приносил России значительные выгоды, но вовсе не снимал территориальных споров между нею и Турцией, в особенности по поводу Крыма, что повело затем к новой русско-турецкой

войне, развернувшейся в 1787—1791 гг. *Ст. 24. Минервин... трон* — трон Екатерины II. *Ст. 101. А ты, о Белая Россия.* По первому разделу Польши в 1772 г. Белоруссия была воссоединена с Россией. *Ст. 181. О вождь российския Минервы* — генерал-аншеф А. М. Голицын (1718—1783), см. с. 27. *Ст. 201. Кагул со Чесмою вещает.* В этой и в предыдущей строфе Майков говорит о заслугах П. А. Румянцева и А. Г. Орлова (см. примеч. 50, 52). *Ст. 212. Румяна всходит где заря* — намек на фамилию Румянцева; этот прием позднее встречается у Державина. *Ст. 219. Луна* — Турция (полумесяц — официальная эмблема Турции). *Ст. 221. Искусный россов предводитель* — генерал П. И. Панин (см. примеч. 51). *Ст. 229. Преемник твой* — генерал князь В. М. Долгорукий-Крымский (см. примеч. 84), который сменил Панина на посту командующего 2-й армией и занял Крым. *Ст. 251—252. А вы, которы составляли Во храме мудрости совет.* Характерное для Майкова благодарное упоминание о штабных и тыловых военных, к числу которых относился и он сам.

58. «Собрание новостей», 1775, декабрь, с. 39, вместе с одой Майкова Екатерине II на день коронования 1775 г., с примеч. издателя: «Мы охотно здесь включаем, к украшению нашего журнала, присланные к нам две пьесы от самого сочинителя господина бригадира и главноприсутствующего в Мастерской и Оружейной конторе Василия Ивановича Майкова» (с. 33); «Покоящийся трудолюбец», 1784, ч. 1, с. 82, под загл. «Ода время», с примечанием, что ода сочинена «известным свету российским стихотворцем покойным г. Майковым», публикуется по рукописи и в печати еще не бывала, как уверила «особа, доставившая нам сей манускрипт». Печ. по первой публикации.

59. «Описание увеселительных огней, которые представлены в продолжении мирного торжества, заключенного между Российскою империею и Оттоманскою Портою. В высочайшем присутствии... Екатерины Второй и их императорских высочеств при многочисленном народном собрании, близ Москвы на Ходынке 1775 года июля 16 дня», М., 1775. Книжка открывается прозаическим вступлением, содержащим похвалы Екатерине II в обзоре различных сторон ее государственной деятельности, затем следует описание четырех действий увеселительных огней; «Спокойная Россия», «Обеспокоенная Россия», «Торжествующая Россия», «Утешенная Россия», после них «Стихи к фейерверку» и ода. *Ст. 11. Се ею гидра низложенна* — т. е. побеждена Турция. *Ст. 46. Калигула* Гай Цезарь (12—41) — римский император, известный жестокостью и самодурством. *Нерон* Клавдий Цезарь (37—68) — римский император, отличавшийся крайней свирепостью и деспотизмом. *Ст. 48. Тит* (41—81) — римский император. *Ст. 72. Привольский край* — Поволжье. *Ст. 95. Казань, из пепла возвышаясь.* Казань пострадала во время крестьянской войны 1773—1775 гг., и город отстраивался.

60. Отдельное издание, М., 1776, без титульного листа и пагинации, с подписью «В. М.», вместе с «Ответом на оду Василью Ивановичу Майкову», подписанным инициалами: «А. С.» *Прадон* (1632—

1698) — французский драматург, пытавшийся соперничать с Расином. Узнав, что Расин готовит к постановке трагедию «Федра», Прадон наскоро сочинил свою пьесу на тот же сюжет, стяжавшую успех у невзыскательной публики. Имя Прадона затем стало обозначать бездарного и завистливого поэта.

61. «Собрание разных сочинений и новостей», 1776, июль, с. 19. *Граф З. Г. Чернышев* (1722—1784) — начальник и друг Майкова. При Екатерине II был сначала вице-президентом Военной коллегии, затем (с 1773 г.) ее президентом и одновременно губернатором Белоруссии, воссоединенной с Россией в результате раздела Польши. *Ярополчь* — Ерополец, или Казанское село, по дороге в г. Зубцов, в 115 верстах от Москвы; принадлежало З. Г. Чернышеву, проводившему там летние месяцы. В «Историческом и топографическом описании городов Московской губернии» (М., 1787) сказано, что это село «достойно примечания огромным строением и садами, так что красотою и великолепием с наилучшими в Европе увеселительными домами равняться может» (с. 255—256). *А там, позадь хинейска храма* — т. е. позади беседки, выстроенной в китайском стиле. *Срацинска храма красота.* Имеется в виду беседка в мавританском стиле.

62. «Утренний свет», 1778, т. 2, с. 182. Известно, что Майков в 1772—1773 гг. в Петербурге начал посещать масонскую ложу «Урания», увлекся учением «братьев» и в 1775 г. занимал один из видных постов в Великой провинциальной ложе. Ода обращена к масонам, обычно заявлявшим, что они «ищут мудрости». В первой строфе Майков называет их «чадами утреннего света», как бы подчеркивая масонский смысл названия журнала, в котором печаталась его ода. *Премудрости троякий луч.* По христианским представлениям, бог существует в трех лицах — отца, сына, святого духа, оставаясь при этом единым. *Пусть злоба ядовиты очи На вас, свирепствуя, прострет.* Масоны часто жаловались в печати (см. «Полезное увеселение», 1760—1762 гг.) на клевету и преследования неразумных и злых людей. *Я стану ждати от Востока.* Именем «Востока» обозначались масонские ложи.

63. «Утренний свет», 1778, т. 2, с. 251. В редакционном примечании говорилось, что ода «писана к его превосходительству Михаилу Матвеевичу Хераскову и сообщена нам при письме из Москвы для напечатания». *Александр или Дюген?* Александр — Александр Македонский (356—323 до н. э.), Дюген — Диоген (414—323 до н. э.) греческий философ-циник. По легенде, Александр, посетив Диогена, жившего в бочке, спросил, нет ли у него какой-либо просьбы, на что философ ответил: «Не заслоняй мне солнца». Противопоставление Александра — завоевателя полумира — и Диогена — мудреца, в своем самоуглублении презирающего мирские блага, было обычным для моралистических произведений XVIII в. в русской и европейской литературах. *Аристотель* (384—322 до н. э.) — греческий философ, воспитатель Александра Македонского.

64. СП, с. 526.

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

65. «Вечера», 1773, ч. 2, с. 166. Печ. по РС, кн. 1, с. 5. Ранее псалом 1 переложил в стихи Ломоносов, также заключивший его в шесть строф четырехстопного ямба.

66. «Вечера», 1773, ч. 2, с. 174. Печ. по РС, кн. 1, с. 12. *Сава* — область в Аравии, в древности известная благовонными веществами и золотом, добывавшимся в ее пределах.

67. РС, кн. 1, с. 16. Этот псалом позднее переложил Державин под названием «Властителям и судиям». *Наследуй меж языки* — т. е. царствуй между народами.

68. «Свободные часы», 1763, февраль, с. 148. (др. ред.). Печ. по РС, кн. 1, с. 27. Строфа 15 (появляется во 2-й ред.) связана с развитием масонских воззрений поэта. У Майкова бог на Страшном суде не только отделит грешников от праведных, но и удостоит праведных своих тайн, откроет им часть судеб. *Ст. 35—36. Со действом вышнего предела Облекся плотью всяк своей* — т. е. когда наступило время, указанное всевышним, мертвецы предстали перед судом, приняв тот вид, который имели в земной жизни.

69. «Труды Вольного российского собрания при Московском университете», 1778, т. 4, с. 299. *Платон* (Левшин, 1737—1812) — с 1767 г. архимандрит Троицкой лавры, с 1770 г. архиепископ тверской, с 1775 г. — московский и калужский. Ученый монах, придворный проповедник, Платон был одним из учителей наследника престола Павла Петровича.

ПИСЬМА

70. РС, с 129. Датируется 1770 г., когда погиб Козловский. Было известно в рукописи: Н. И. Новиков привел несколько строк из «Письма» в заметке о Козловском, напечатанной в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (СПб., 1772) *В. И. Бибиков* (1740—1787) — брат генерала А. И. Бибикова (см. примеч. 97), офицер, участник возведения на престол Екатерины II, затем помощник кабинет-секретаря И. П. Елагина по управлению русским театром, с 1768 г. — директор театра, которым управлял до 1783 г. Бибиков имел склонность к литературе, сочинил комедию «Лихоимец», с успехом шедшую на сцене. Князь Федор Алексеевич *Козловский* учился в Московском университете, служил в Преображенском полку, откуда был взят секретарем в Комиссию для составления нового Уложения. Во время русско-турецкой войны был назначен в заграничную эскадру и служил на линейном корабле «Евстафий». Погиб при взрыве этого корабля 24 июня 1770 г. в морском сражении при Чесме. Козловский писал стихи, сочинил комедию «Одолжавший любовник», трагедию «Сумбека» (незаконченную), был дружен с Майковым, Новиковым, Фонвизиным, Херасковым, который помянул его в поэме «Чесмесский бой». *Орлов* — см. примеч. 50.

71. Отдельное издание, СПб., 1770. Печ. по РС, с. 133. *Чернышев* — см. примеч. 61. *Румянцев, Панин, Орловы* — командующие 1-й, 2-й армиями, морские начальники (см. примеч. 50, 51, 52).

72. СП, с. 503. Печ. по автографу ГПБ. После ст. 6 четыре зачеркнутых:

Которого пред сим число великих дел
Ты в песнях, я в письме, дивясь ему, воспел.
А сей писателей и муз пренебрегает,
Кощунствуя, стихи нестройны протягает.

Стихотворение не закончено. Датируется по содержанию предположительно 1772 г. *Певец под Чесмою геройских дел Орловых.* В 1771 г. Херасков (1733—1807) опубликовал поэму в пяти песнях «Чесмесский бой», в которой воспел подвиги русских моряков. *Орловы* — командовавший флотом Алексей и его брат Федор (см. примеч. 50, 52). *Некий школьник* — В. П. Петров (1736—1799), поэт, близкий к правительственным кругам, переводчик при кабинете императрицы и ее личный чтец. Сын московского священника, он учился в Славяно-греко-латинской академии и затем преподавал там риторику. *Гудит... преславного героя.* В 1771 г. Петров написал стих. «На прибытие графа Алексея Григорьевича Орлова из Архипелага в Санктпетербург», ранее он хвалил А. Орлова в стих. «На победу российского флота над турецким» и «На победы в Морее» (1770). *Поднявшись из-под бедр как конских легкий прах* — пародия на стихи Петрова. Этих «бедр» нет в известных произведениях поэта, однако первая редакция его оды «На карусель» до нас не дошла, а именно после нее неудачное выражение Петрова было отмечено в пародии Сумарокова «Дифирамб Пегасу»:

Храпит Пегас и пенит губы,
И вихрь выходит из-под бедр, —

и Майковым в «Елисее»:

Хоть пыль не из-под бедр восходит, как известно,
Но было оное не просто, а чудесно.

73. Отдельное издание, СПб., 1775. *П. А. Румянцев* — см. примеч. 52. *Под коею рыдал Кагул о визире.* Кагул — река в Молдавии, на берегах которой войска 1-й армии под командой Румянцева 21 июля 1770 г. нанесли поражение турецкой армии. *Стенал о участи несчастного Гирея.* 6 июля 1770 г. войска 1-й армии на реке Ларга в Молдавии разбили соединенные силы турок и татар, которыми командовал крымский хан Каплан-Гирей. *Хитрый Мазарин* — Джулио Мазарини (1602—1661), кардинал, французский государственный деятель, после смерти Людовика XIII в 1643 г. — первый министр при королеве-регентше Анне Австрийской, фактический правитель страны. *Храбрый Мальборух* — Мальборо Джон Черчилль (1650—1722), английский полководец и государственный деятель, командовал английскими войсками в войне за испанское наследство,

одержал победы над французскими и баварскими войсками при Бленгейме, Рамильи, Мальмлане. *Омир* — Гомер. *Мароновых стихов* — т. е. стихов Вергилия. *Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) — афинский политический деятель и полководец, создатель военного флота Афин. *Перикл* (490—429 до н. э.) — афинский государственный деятель. *Филипемен* — вероятно, Филипп II (382—336 до н. э.), царь Македонии, расширивший войнами пределы своей страны, отец Александра Македонского. *Довольно хитрости той будут изученны* — т. е. достаточно научатся искусству войны. *Покажет Колберг им своею то судьбою.* В декабре 1761 г. войска под командой Румянцева овладели сильной приморской крепостью в Пруссии Кольберг, прикрывавшей с северо-востока подступы к Берлину. *Где Вейсман мертв упал.* Генерал-майор Вейсман во главе корпуса численностью 5 тыс. человек 22 июня 1773 г. близ деревни Кучук-Кайнарджи в Болгарии разбил 20-тысячную турецкую армию Наман-паши и в этом бою был убит.

74. СП, с. 523. Печ. по автографу ГПБ. Датируется 1776 г. по содержанию. *Архаров* Николай Петрович (1742—1814) — с 1772 г. московский обер-полицмейстер. *Князь* — М. Н. Волконский (1713—1789), с 1771 по 1780 г. был главнокомандующим Москвы, от него зависело назначение антрепренеров. *Медокс* — французский антрепренер, в 1776 г. хлопотал о разрешении содержать в Москве театр, и Майков намеревался быть его компаньоном. Однако их соглашение не состоялось, и Медокс вошел в компанию с князем П. В. Урусовым. *Поше* — личность, в летописях русского театра следа не оставившая.

75. СП, с. 502 (не совсем исправно). Печ. по автографу ГПБ. Стихотворение, возможно, не окончено. Два последних стиха: «Когда он мудростью своею бесконечной Меж всеми положил такой порядок вечный» — зачеркнуты. *Гавриил* (Шапошников, 1730—1801). 28 февраля 1768 г. был определен депутатом от духовенства в Комиссию для составления нового Уложения, а 20 марта избран в Дирекционную комиссию, где секретарем был Майков. В 1770 г. стал петербургским архиепископом. В этом же году в журнале Н. И. Новикова «Пустомеля» было напечатано «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. И. Фонвизина. Ходившее в рукописи с начала 60-х годов, «Послание» это тем не менее могло оставаться неизвестным Майкову, но журналы он читал, в них участвовал и в печатном виде это стихотворение Фонвизина пропустить не мог. В начальных строках своего письма Гавриилу Майков воспользовался «Посланием» Фонвизина, изменив, однако, ироническую интонацию автора на тон серьезной душеспасительной беседы. У Фонвизина:

Скажи, Шумилов, мне, начто сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
и т. д.

НАДПИСИ, ЭПИГРАММЫ, ЗАГАДКИ

76. СП, с. 501. Датируются 1768 г., когда Екатерине II была привита оспа. Автограф ранней ред. — ГПБ. *Димздаль* — Томас Димсдаль (1712—1800), английский военный врач, вызванный из Лондона президентом Медицинской коллегии А. И. Черкасовым для введения в России прививок от натуральной оспы. 12 октября Димсдаль привил оспу Екатерине II и ее сыну Павлу, что было расценено как подвиг гуманности и сопровождалось официальными торжествами. Димсдаль получил звание лейб-медика и баронский титул. Майков написал также «Сонет ко дню празднования о благополучном выздоровлении от прививныя оспы ее величества» и театральный пролог «Торжествующий Парнас», разыгранный придворными актерами. *Гиппократ* (около 460—377 до н. э.) — греческий врач, основоположник античной медицины.

77. Отдельное издание, СПб., 1769. В 1769 г. в доме сановника И. И. Бецкого в Петербурге были выставлены образцы разноцветных мраморов, отысканных на Урале и по своим достоинствам признанных не уступающими знаменитым итальянским мраморам. Стихотворение написано после осмотра коллекции.

78. РС, с 127. В память Чесменской победы у гроба Петра I в Петропавловском соборе 15 сентября 1770 г. был поставлен столп в честь морских побед Петра I и Екатерины II, по поводу чего Майков сочинил свои надписи.

79. Г. Дружеруков, «Разговор о царстве мертвых Ломоносова с Сумароковым», без указания места и года, с. 8 (ненум.). Печ. по СП, с. 155. *Расин, де Лафонтен, Кино со Молиером.* Майков называет виднейших писателей Франции XVII столетия.

80—83. «Санктпетербургские ученые ведомости», 1777, № 22, с. 171. Предприняв издание этого журнала, Н. И. Новиков в предисловии к № 1 объяснил его задачу: «Уведомление о напечатанных книгах по всей Европе с присовокуплением критических оным рассмотрений... известия о делах ученых и об успехах их в науках» и обещал, сверх того, «иногда вносить в ... «Ведомости» мелкие стихотворения». Новиков пригласил также «господ российских стихотворцев к сочинению надписей к личным изображениям ученых мужей и писателей» и предложил список: Феофан Прокопович, А. Д. Кантемир, Н. Н. Поповский, А. П. Лосенко, Е. П. Чемезов. Стихотворцы откликнулись, и в № 11 (март) были напечатаны надписи Ф. Козельского, в № 15 (апрель) И. Дмитриева и анонима, в № 22 (июнь) — Майкова. На этом номере журнал прекратился. *Феофан Прокопович* (1681—1736) — архиепископ новгородский, государственный деятель, сподвижник Петра I, писатель, ученый и проповедник. *Златоуст* — Иоанн Златоуст, проповедник раннего христианства. *А. Д. Кантемир* (1708—1744) — писатель-сатирик, дипломат. *Н. Н. Поповский* (1730—1760) — профессор Московского университета, ученик Ломоносова, писатель, переводчик книги английского писателя Александра Попа (у Майкова — Попе) «Опыт о человеке».

84. СП, с. 522. Печ. по автографу ГПБ. Тост, произнесенный Майковым на торжественном обеде в одну из годовщин взятия Кафы, т. е. освобождения Крыма. *Долгорукий*-Крымский Василий Михайлович (1722—1782) — генерал-аншеф, в 1771 г. был назначен командующим 2-й армией, которая нанесла главный удар в направлении Крыма и полностью овладела полуостровом.

85. «Полезное увеселение», 1762, январь, с. 48.

86. М. А. Дмитриев, «Мелочи из запаса моей памяти», М., 1854, с. 9. Предположительно датируется годом выхода в свет переведенной В. Петровым первой песни «Энеиды» Вергилия (1770). Петров сам был заикой.

87. СП, с. 508.

88. «Вечера», 1772, ч. 19, с. 8.

89. СП, с. 501. Печ. по автографу. Разгадка: буква «Б» («Буки»). Датируется предположительно по положению в рукописи.

90. «Вечера», 1773, ч. 2, с. 136. Разгадка: дым.

91. «Вечера», 1773, ч. 2, с. 136. Разгадка: буква «Р» (Рцы»).

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

92. «Полезное увеселение», 1762, январь, с. 46.

93. СП, с. 501. Печ. по автографу ГПБ. Два первых стиха в рукописи были исправлены Майковым:

Увидевши тебя, поверженна судьбою,
Лежаща мертвого, безгласна пред собою. . .

Однако следующих стихов правка не коснулась, а потому предложение исчезло: остались только деепричастные обороты. В таком виде стихотворение было напечатано в СП. В настоящем издании незаконченная правка Майкова не учитывается. *Волков* Федор Григорьевич (1729—1763) — актер и режиссер, создавший (вместе с А. П. Сумароковым) русский национальный театр. На празднествах по поводу коронации Екатерины II в Москве Волков организовал уличный маскарад «Торжествующая Минерва», руководил шествием, простудился и 5 апреля 1763 г. умер. Кончина его вызвала искреннюю печаль всех деятелей русской культуры. Элегию «К г. Дмитревскому. На смерть Ф. Г. Волкова» написал также А. П. Сумароков (см.: А. П. Сумароков, Избранные произведения, «Б-ка поэта» (Б. с.), 1957, с. 157).

94. Отдельное издание, М., 1767. Весной 1767 г. Екатерина II, до сбора депутатов Комиссии для составления нового Уложения,

предприняла путешествие по Волге. Прибыв в Москву, она 28 апреля выехала в Тверь, откуда на галере, сопровождаемой флотилией гребных судов, поплыла вниз по Волге, посетила Ярославль, Кострому, Нижний Новгород и сухим путем 14 июня возвратилась в Москву. *Там видим сиротам прибежище, покров.* Екатерина II учредила в Москве 1 сентября 1763 г. Воспитательный дом для подкидышей и сирот. *Пространная стена.* Речь идет о Великой китайской стене. *Пол нежный, просветясь наукою полезной.* В 1764 г. в Петербурге было открыто учебное заведение для благородных девиц, известное под именем Смольного монастыря. *Мать веселящуся там видели о чадех.* Видели мать, веселящуюся глядя на детей, т. е. Екатерину II. *Во Павловом лице твое лицо мы зрели.* Пока Екатерина II путешествовала по Волге, Павел оставался в Москве.

95. Два одновременных издания, напечатанные в типографиях Морского корпуса и Академии наук, СПб., 1769. Печ. по изданию Академии наук. Русская эскадра под командой адмирала Г. А. Спиридова (1713—1790) 19 июля 1769 г. вышла из Кронштадта и направилась в Эгейское море, к берегам Греции и Турции, чтобы принять участие в войне. *Ревель* (ныне г. Таллин) был последним русским портом, посетив который эскадра начинала свой заграничный поход. *Невинных христиан от лютых бед спаси.* Имеется в виду освобождение Греции от турецкого ига; эту задачу пытались решать русские моряки, действовавшие в Архипелаге.

96. СП, с. 502. Печ. по автографу ГПБ. После ст. 4 зачеркнуто:

Что не громом, не молнией —
Вероломными советами
Загорался восток войной,
Что войною неправильной.
Возгордяся, неверный царь...

После ст. 23 зачеркнуто:

Поднимался со воинством,
Что не со стом, не с тысячей...

Датируется по содержанию 1769 г., временем первой летней кампании русско-турецкой войны. Написано «русским размером» в подражание народным стихам. *Хотин* — см. примеч. 49.

97. «Трутень», 1769, лист 22, 22 сентября, с. 171. Печ. по отдельному изданию, СПб., 1769, где помещено со стих. Майкова «К Александру Андреевичу Беклешову на смерть брата его Арсения Беклешова». Премьер-майор Кабардинского полка Ю. Б. *Бибиков* — двоюродный брат генерала А. И. Бибикова, в 1767 г. выполнявшего роль маршала в Комиссии для составления нового Уложения, а позднее, в 1774 г., воевавшего с Емельяном Пугачевым. Юрий Бибиков явился в Петербург гонцом из армии с реляцией о взятии Хотина 29 августа 1769 г. *Подобен будь тому, кем Вернер побежден* — то есть А. И. Бибикову. Во время Семилетней войны, в

1761 г., при осаде крепости Кольберг, отряд, которым командовал А. И. Бибиков, захватил в плен прусского генерала Вернера.

98. Отдельное издание, СПб., 1770. Написано к годичному акту в Академии художеств, состоявшемуся 25 июля 1770 г. На академической выставке в этом году были представлены картины Левицкого, Лосенко, Акимова, Скородумова, скульптуры Козловского и др. *Апелл* — Апеллес (IV в. до н. э.) — греческий живописец. *Невтон* — Исаак Ньютон (1643—1727). *Колумб мой там летит чрез грозные валы.* В 1769 г. русский флот, под общим командованием А. Г. Орлова, открыл боевые действия против Турции в Архипелаге. *Для избавления несчастных от напасти.* Имеется в виду освобождение греков из-под власти турецкого султана.

99. «Трудолюбивый муравей», 1771, № 1, с. 8, под загл. «Мадригал на прибытие графа Алексея Григорьевича Орлова после Чесменского боя в Санктпетербург 1771 г.». *Орлов* — см. примеч. 50, 52.

100. РС, с. 138. Суворов с 1768 г. был командиром Суздальского пехотного полка, победоносно сражался во главе его с польскими конфедератами, затем был направлен на русско-турецкий театр военных действий, в 1-ю армию, которой командовал П. А. Румянцев. В ночь на 11 мая 1773 г. Суворов с отрядом численностью 700 человек переправился через Дунай и атаковал турецкий укрепленный лагерь у Туртукая, где было сосредоточено 4000 турок. Противник бежал, оставив на поле боя 1500 убитых.

101. «Иллюстрация», 1862, № 221, с. 329. Печ. по СП, с. 125. *Лосенков* — А. П. Лосенко (1737—1773), исторический живописец и портретист. Сын подрядчика в г. Глухове, он был в Петербурге сначала придворным певчим, затем стал учеником художника Я. Аргунова, подмастерьем живописи в Академии художеств, учеником Лоррена и Ротари; в 1763—1766 гг. совершенствовал мастерство в заграничной командировке, работал в Париже у Давида. За картину «Владимир и Рогнеда», о которой упоминает Майков, получил звания адъюнкт-профессора и академика. С 1772 г. был директором Академии художеств. В стихах названа также картина Лосенко «Прощание Гектора с Андрóмахой», сюжет которой взят из гомеровского эпоса.

102. «Вечера», 1773, ч. 2, с. 202. Майков избрал очень редкий в поэзии XVIII в. стихотворный размер — четырехстопный дактиль с мужскими и женскими рифмами. Эклоги обычно писались шестистопным ямбом, как написана и первая эклога Майкова «Цитемель». *Солнцу коней запрягают часы* (греч. миф.). Бог солнца Гелиос выезжает каждое утро с востока на четверке огнедышащих коней и вечером на западе опускается в Океан. *Матерь любови, цитерска богиня* — Афродита. Цитера — Кифера, остров в Эгейском море, один из центров культа этой богини. *С резвым своим прилетела сынком* — т. е. с Эротом.

103. «Ода государыне Екатерине Алексеевне на заключение вечного мира между Российскою империею и Оттоманскою Портою июля дня 1774 года», СПб., 1774, с. 19.

104. Отдельное издание, без указания места и года. Датируется по содержанию 1774 г. М. П. *Румянцев* (1751—1811) — старший сын генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева, в 1773 г. генеральс-адъютант в ранге поручика, командир батальона, с 28 июня того же года — полковник. 23 июля 1774 г. прибыл из армии в Петербург курьером с сообщением о мирном договоре с Турцией, подписанном 10 июля в деревне Кучук-Кайнарджи.

105. Отдельное издание, М., 1775. *Меценат* — см. примеч. 49. *Август* — см. примеч. 49, ст. 102.

106. «Описание увеселительных огней, которые представлены в продолжении мирного торжества, заключенного между Российскою империею и Оттоманскою Портою. В высочайшем присутствии ее императорского величества... Екатерины II и их императорских высочеств, при многочисленном народном собрании, близ Москвы, на Ходынке, 1775 года июля 16 дня», М., 1775. *Страннoприимством же твоим привольский край.* Имеется в виду Поволжье, куда по приглашению Екатерины II переселялись немцы-колонисты. *Ты их смертельный рок им в жизнь преобразила.* Екатерина II ввела в России оспопрививание. *Пресекся сладкий мир.* В 1768 г. началась война с Турцией.

107. «Оды лейб-гвардии Измайловского полка сержанта Михаила Муравьева 1775 года», [СПб., 1775], с. 27. М. Н. *Муравьев* (1757—1807) — поэт, один из зачинателей сентиментального направления в русской литературе. В начале своей литературной работы пользовался дружбой и советами В. И. Майкова. Сонет служит ответом на обращенные к Майкову похвальные стихи Муравьева.

108. «Описание разных увеселительных зрелищ, представленных во время мирного торжества, заключенного между Российскою империею и Оттоманскою Портою. В высочайшем присутствии ее императорского величества... Екатерины II и их императорских высочеств, при многочисленном собрании народа, близ Москвы, на Ходынке, 1775 года июля 16 дня», М., 1775.

109. «Собрание разных сочинений и новостей», 1776, декабрь, с. 46, подпись: В. М.

110. «Рассказчик забавных басен», 1781, ч. 2, с. 17, подпись: В. М. Далее напечатан ответ на мадригал, написанный адресатом, в котором говорится, что похвалу поэта полковник обязан разделить со своими сотрудниками:

Один исправить полк не может властелин;
А развратить его удобен он один.

Издатель журнала А. О. Аблесимов в своем примечании заметил, что оба стихотворения «сочинены такими авторами, которым в их время сограждане наши удивлялись». Адресат не установлен.

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

111. СП, с. 504. Печ. по автографу. Ст. 35—38 и 171—184 разобраны и публикуются в настоящем издании впервые, так же как и ст. 125—132, 164—170 (прочтены не полностью, вследствие неисправимого дефекта рукописи). Редактор СП, не приводя оснований, датирует произведение 1772—1773 гг. В 1798 г. под таким же названием вышла из печати и была поставлена на сцене трагедия М. М. Хераскова, посвященная событиям 1612 г. *Ст. 8. Пленную Литвой Москву. Литва* — здесь: Польша. *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578?—1642?) — русский полководец и политический деятель, возглавивший вместе с Козьмой Мининым вооруженную борьбу с польско-шведскими захватчиками в 1610—1612 гг. В результате предпринятых Пожарским боевых действий, усиленных народным восстанием против поляков, Москва была освобождена 22—24 августа 1612 г. *Ст. 19—20. Шуйский... в литовской области плачевно жизнь скончал.* Царь Василий Шуйский был в июле 1610 г. свергнут с престола, пострижен в монахи и отвезен в Польшу, где и умер. *Ст. 22. Гордый Жигимонд* — Сигизмунд Ваза (1566—1632), польский и шведский (до 1589 г.) король, отец Владислава, возглавлявший в 1604—1618 гг. интервенцию против русского государства. *Ст. 26. Сулит на царство дать боярам Станислава.* Надобно — Владислава. Владислав (1595—1648) — польский королевич, впоследствии король Польши, в 1610 г. был приглашен группой московских бояр-изменников, собравшихся в Тушине, занять русский престол. *Ст. 28. Теснит осадой войска Псков.* Снова авторская ошибка: Майков рассказывает об осаде поляками Смоленска, взятого ими 3 июня 1611 г., и называет его Псковом. *Ст. 39. Болярин тако сей, благочестивый муж* — Михаил Борисович Шеин, боярин и смоленский воевода. В сентябре 1609 г. к Смоленску подошел с армией польский король Сигизмунд. Защитники города героически сопротивлялись в течение двадцати месяцев и нанесли осаждающим крупный урон. Смоленск, несмотря на все трудности обороны, был способен противостоять врагу. *Ст. 62. Андрей Дедешин* перебежал из города в польский лагерь, указал на слабо укрепленные участки городской стены, и в полночь 3 июня 1611 г. поляки ворвались в Смоленск. Воевода Шеин был захвачен живым и девять лет находился в польском плену.

ПЕСНЬ

112. «Утренний свет», 1778, ч. 2, март, с. 225. Для своей песни Майков воспользовался широко известным мифологическим сюжетом. На свадьбе фессалийского героя Пелея с морской богиней Фетидой богиня раздора Эрида *(Дискордия)* бросила гостям зо-

лотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Три богини — Гера *(Юнона)*, Афина *(Паллада)* и Афродита *(Венера)* — заспорили о том, кому из них предназначается это яблоко, и обратились за решением к Зевсу. Тот назначил судьею сына троянского царя Приама — юношу Париса *(Парида)*, который пас стада на горе Ида. Когда богини предстали перед Парисом, Гера предложила ему власть и богатство, Афина — мудрость и военную славу, Афродита — красивейшую женщину. Парис отдал яблоко Афродите, и богиня помогла ему похитить жену спартанского царя Менелая красавицу Елену, что послужило поводом к греко-троянской войне, описанной Гомером. *Ст. 32. Дщи* — звательный падеж от славянского «дщерь» — дочь. *Ст. 42. Владеющий громовыми стрелами* — Зевс. *Ст. 66. Скамандрины струи* — река Скамандр в Трое. *Ст. 83. Каждая... в них* — каждая из них. *Ст. 110. Приступль к ней* — подойдя (приступив) к ней. *Ст. 121. Не напыщенны бо мой видят свет молвами* — ибо мой свет могут видеть лишь те, которые не думают о суетных мирских делах. *Ст. 327. Кифер, Книда, Кипр, Паф* — названия греческих островов и городов, считавшихся особо связанными с Афродитой и служивших главными очагами культа этой богини. *Ст. 349. Нежнейший и мыслями, и леты* — т. е. юный мыслями и летами. *Ст. 351. Познай моих к тебе глаголов сих вину.* Познай причину (цель) моих слов, обращенных к тебе.

III

ТРАГЕДИИ

113. Отдельное издание, М., 1775. На обороте титульного листа указано: «Представлена в первый раз на придворном театре 1769 года октября 13 дня, в Санкт-Петербурге». Список действующих лиц сопровожден фамилиями актеров: Агриопа — Троепольская, Телеф — Дмитревский, Азор — Волков, Альбина — Волкова, Аристон — Бахтурин, военачальник — Михайлов. См. о трагедии вступ. статью, с. 48.

Действие I. Явление 2. *Не должность нас делит* — не обязанности перед государством нас разлучают.

Действие II. Явление 1. *Вод царя* — Нептуна. *Нептунов внук* — Телеф, сын Геракла и Авги. Прямого родства с Нептуном не имеет, назван здесь его внуком, вероятно, потому, что Авга, спасаясь от гнева отца, бросилась вместе с Телефом в море и благополучно приплыла в Мизию.

Действие III. Явление 1. *Народу льзя ль тому в желаньи отрицать, Кого защитником он должен почитать?* — Может ли народ отвергнуть желания того, кого он должен почитать как своего защитника?

114. Отдельное издание, М., 1775, с указанием имен актеров: Магомет — Дмитревский, Иеронима — Троепольская, Фемист — По-

пов, Клит — Бахтурин, Осман — Лапин. Написано Майковым в 1773 г. и тогда же взято в репертуар придворного театра, однако болезнь и смерть актрисы Троепольской заставили отменить подготовленный спектакль, и трагедия не появлялась на сцене. См. о трагедии вступ. статью, с. 49.

Действующие лица. *Магомет Вторый* — турецкий султан Магомет II (1430—1481), вступивший на престол в 1451 г.; закончил начатое его отцом завоевание Византийской империи. Отличался крайней жестокостью, но оставил память о себе как об опытном военачальнике и разумном правителе, укрепившем турецкое государство. *Дочь Димитрия Палеолога* — т. е. брата последнего византийского государя Константина Палеолога. *Начальник садов серальских.* Сераль — французская форма персидского слова «serâi» — дворец, большой дом. Так называлась резиденция турецкого султана в восточной части Константинополя, — дворцы, сады, киоски, защищенные со стороны моря зубчатой стеною.

Действие I. Явление 1. *Ужасный оный день* — день штурма Константинополя. *От ран в глазах моих, сражаясь, смерть вкусил* — т. е. на моих глазах, сражаясь, умер от ран. *Зустуней* — Джустиниани, посланный Генуэзской республикой во главе небольшой эскадры на помощь Византии. Ему удалось прорвать турецкую блокаду и высадить десант, удвоивший силы защитников города. *По брани сей возвел в степень сию меня.* После этой битвы возвел меня на эту ступень, т. е. назначил визирем. *Александр* — Георг Кастриот Скандербег (1404—1467), национальный герой Албании; успешно воевал против султанов Турции Амурата II и Магомета II и после падения Константинополя заключил с турками выгодный для Албании мир.

Действие II. Явление 1. *Баязет, Селим, Амулей* (Сулейман?) — имена турецких султанов XV—XVI вв., вступавших на престол и покидавших его в результате дворцовых переворотов, производившихся силами янычар. Явление 2. *Твоей чреды* — участи, назначения, т. е. султанского трона. Явление 4. *Уже Родос главу подъемлет к небесам* — т. е. жители острова Родос, греки, восстают против турок.

Действие III. Явление 1. *Юстиниан* — Джованни Джустиниани, см. с. 486. *Константин* Палеолог, последний византийский император (1449—1453), был убит при взятии турками Константинополя 29 мая 1453 г. Явление 2. *И громы страшными валы его покрыты* — т. е. на крепостных валах установлена сильная артиллерия. *Противуборников я зрю десницы сей* — я вижу противников этой руки, т. е. врагов турецкого султана. *Караман* — самостоятельное мусульманское ханство в Малой Азии, возникшее в начале XIV в. Караман был союзником Венеции, когда она в 1463 г. вступила в войну с Турцией, и после поражения в 1479 г. признал власть султана.

Действие IV. Явление 2. *Области лишу* — лишу власти.

Действие V. Явление 2. *Мне ведомость сию принес* — сообщил известие об этом. Явление 3. *И таинство сие мученьем испытал* — узнал тайну с помощью пыток.

ДРАМА С МУЗЫКОЮ

115. Отдельное издание, М., 1779. Переложение мифа о скульпторе — царе Кипра Пигмалионе, который создал из слоновой кости красавицу и влюбился в нее. Венера оживила статую, и Пигмалион взял ее в жены. Драма шла в Московском театре (см.: «Драматический словарь», М., 1787, с. 105). Явление 6. *Се просьбы мудрого необорима мочь* — такова непреоборимая мощь просьбы мудрого. *Бежит от глаз моих мя крыющая ночь* — покрывавшая меня темнота бежит от глаз моих: я вижу. *Паф* — Пафос, город на острове Кипр, где находился храм, посвященный богине Венере (Афродите). Явление 7. *Твою носяща власть* — т. е. носящего твою власть, подвластного тебе.

СЛОВАРЬ

Абие — скоро, тотчас, вдруг.

Агаряне — турки.

Адамант — алмаз.

Аквилон (римск. миф.) — бог северного ветра.

Алекта — Алекто (греч. миф.), одна из трех эринний, богинь мщения. Две другие — Мегера и Тисифона.

Алкид — Геракл.

Алкиноя (греч. миф.) — была превращена Вакхом в летучую мышь за неуважение к празднествам в его честь — вакханалиям.

Альцеста (греч. миф.) — Алкестида, жена царя города Фер Адмета. Желая спасти мужа от предназначенной ему смерти, добровольно сошла в царство мертвых, откуда ее вывел Геракл, победивший бога смерти Таната.

Амарант — цветок бархатник.

Амфитрита (греч. миф.) — богиня морей, супруга Посейдона (Нептуна).

Арей (греч. миф.) — бог войны.

Ариадна (греч. миф.) — дочь царя Крита Миноса. Она вывела героя Тезея, победившего чудовище — Минотавра, из лабиринта при помощи клубка ниток и бежала с ним, но была покинута Тезеем на острове Наксос.

Асийские — азийские, азиатские.

Ахерон (греч. миф.) — река в подземном царстве мертвых.

Аякс (греч. миф.) — имя двух героев Троянской войны, неразлучных друзей. Большой Аякс победил в поединке Гектора, сына троянского царя Приама, Малый Аякс оскорбил богиню Афину и был за это утоплен в море Посейдоном.

Беллона (римск. миф.) — богиня войны, супруга Марса.

Бельт — Балтийское море.

Бесстудно — бесстыдно.

Буцефал — любимый конь царя Александра Македонского.

Виссон — драгоценная в древности ткань особо тонкой выработки. Употреблялась для царских и жреческих одеяний.

Внезапу — нечаянно, неожиданно, вдруг.

Вои — войско, воины.

Гарпия (греч. миф.) — богиня вихря.
Гермес (греч. миф.) — сын Зевса и Майи (нимфы гор), бог скотоводства, вестник олимпийских богов, глашатай Зевса, покровитель путников, купцов, бог торговли и прибыли.
Гиганты (греч. миф.) — великаны, сыновья Геи (земли) и Урана (неба). Гиганты восстали против власти олимпийских богов. Обломками скал и горящими деревьями они забрасывали Олимп, но боги их победили.
Гимен (греч., римск. миф.) — Гименей, бог брака.

Десница — правая рука, *десная* — правая.
Диван — государственный совет в Турции.
Дидона (римск. миф.) — царица Карфагена, у которой нашел временный приют Эней (см.), спасшийся после разрушения Трои. Дидона влюбилась в Энея и после его отъезда лишила себя жизни.
Диомид (греч. миф.) — Диомед, герой, который кормил своих лошадей человеческим мясом и был за это убит Гераклом.
Дмящихся — надменных, гордых. *Дмение* — надменность.
Днесь — ныне, в настоящий день; *днешний* — нынешний.
Дриады (греч. миф.) — нимфы леса.

Елена (греч. миф.) — жена спартанского царя Менелая, которую похитил троянский царевич Парис (см.), что послужило поводом к войне греков против Трои.
Елисейские поля (греч. миф.) — Элизиум, обитель блаженных, уготованная им после смерти.
Ермий — см. Гермес.

Зоил — греческий критик IV—III вв. до н. э., порицавший Гомера. Имя его стало обозначать недоброжелательного, придирчивого критика.
Зрак — образ, вид.

Игрений — конская масть: рыжий с белесоватой гривой и хвостом.
Ида — гора близ Трои.
Иже — который; кого, которого.
Икар (греч. миф.) — сын строителя Дедала, бежал вместе с отцом из плена с острова Крит, поднявшись на воздух при помощи крыльев, скрепленных воском. Пренебрегая наставлениями отца, Икар взлетел слишком высоко, солнечные лучи растопили воск, и юноша погиб в морской пучине.
Иракл — Геракл.
Исполнь — исполненный, исполнившийся.

Каллиопа (греч. миф.) — муза эпической поэзии.
Караводы — хороводы.
Ков — злоумышление, козни.
Коклюшки — прямоугольные брусочки, подвешиваемые к ниткам во время плетения кружев.
Косник — принадлежность девичьего головного убора, бант с распущенными концами или кисть с шариком на шнурке.

Коцит (греч. миф.) — река в подземном царстве мертвых.
Кошка — многохвостая плеть.
Крин — лилия.
Крючок — чарка для вина на ручке с крючком; чарка вина.

Лепый — красивый, изящный.
Лодия — ладья, лодка.
Лествица — лестница.
Лесть — ложь, фальшь.
Лик — хор.
Лысти — голени.
Люцифер (лат. светоносный) — утренняя звезда, поэтическое название планеты Венера. В христианской мифологии — сатана, падший ангел, повелитель ада.

Мегера (греч. миф.) — см. Алекта.
Медея (греч. миф.) — волшебница, помогавшая Язону добыть в Колхиде золотое руно и ставшая его женою.
Минос (греч. миф.) — царь острова Крит, законодатель. После смерти — судья в подземном царстве.
Мом (греч. миф.) — бог насмешки.

Наряд — снаряжение.
Нелестный — правдивый.
Нижé — ни даже, тем более.
Нослег — ночлег.
Нот (греч. миф.) — южный бурный ветер, нагоняющий дождевые тучи.

Олоферн (библ.) — ассирийский полководец, воевавший против Иудеи. Был убит прекрасной Юдифью, которая соблазнила его, чтобы спасти свой народ.
Омфалия, Омфала (греч. миф.) — лидийская царица, жена Геракла, в угоду которой герой, оставив оружие, прял вместе с женщинами.
Орест (греч. миф.) — сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший свою мать в отмщение за совершенное ею убийство отца.
Орфей (греч. миф.) — поэт, певец, музыкант, чья игра на лире двигала горы.
Оттоман — Оттоманская Порта, наименование Турции, происходящее от царствовавшей династии Османов.

Пан (греч. миф.) — бог лесов.
Пасть — род мышеловки.
Пашует — пасует.
Пентей (греч. миф.) — царь Фив, пытавшийся запретить вакханалии; был растерзан собственной матерью и тетками.
Перекочкать — переупрямить, поставить на своем.
Петиметр — щеголь XVIII в.
Печатлеть — закрывать наглухо.
Пироп — карбункул, полудрагоценный камень.
Подклет — нижнее жилье избы; помещение, где устраивалось брачное ложе молодых.

Подовые — подовые пироги (кислого теста, пеклись на поду русской печи).
Полночный — северный.
Помона (римск. миф.) — богиня плодов.
Понт — море.
Полоть — половина мясной туши, разрубленной вдоль.
Порта — Турция.
Починул — опочивал, имел ночлег.
Претерти — перетереть.
Претить — воспрещать.
Приап (греч. миф.) — бог плодородия, садов и полей.
Приспешник — кухарь, повар.
Протей (греч. миф.) — морское божество, старец, способный принимать различные облики.
Противящись — противящиеся.
Пря — распря, спор.

Рало — соха, плуг.
Рамо, рамена — плечо, плечи.
Раскаты — крепостные укрепления, валы; насыпи под валом для пушек.
Ратай — пахарь, земледелец.
Раченье — любовь, утеха, наслаждение.
Роброн — женское платье с широкой юбкой на каркасе.
Рог — сила, крепость, могущество.
Родамант, Радамант (греч. миф.) — судья в подземном царстве.
Роспуски — дроги.

Сидка — винокурение, перегонка.
Силен (греч. миф.) — старший из сатиров, воспитатель и наставник Диониса (Вакха).
Скончеваю — заканчиваю.
Смурый — темный, черно-серый.
Содетель — творец, строитель, виновник, начальник.
Срацины — сарацины, название одного из арабских племен, употреблявшееся в XVIII в. для обозначения турок.
Сретенье — встреча.
Ста — встал.
Степени — ступени.
Стикс (греч. миф.) — река, окружающая подземное царство Аид.
Стогны — улицы, площади.
Стопы — ступени.
Сторичный — стократный.
Стрещи — стеречь.
Сугубый — двойной, удвоенный.
Суетно — напрасно.
Суки — игра в рюхи или городки, выбиваемые из лунок палками.

Талия (греч. миф.) — муза комедии.
Тантал (греч. миф.) — царь, любимец богов, наказанный за преступления против них вечными голодом и жаждой. В подземном царстве Тантал стоял по горло в реке, и вода отступала, когда он пытался сделать глоток. Ветви с плодами, висевшие над ним, отодвигались, едва Тантал протягивал к ним руку.

Тезей — см. Ариадна.
Течь — быстро идти, бежать.
Тизифона (греч.) — Тисифона, см. Алекта.
Тритоны (греч.) — водяные божества, составлявшие свиту Посейдона.
Тропнуть — ударить.
Тупе, тупей — вид высокой прически.
Турский — турецкий.

Укоснить — замешкаться, запоздать.
Уразина — орясина, жердь, кол, дубина.
Устна — уста.
Ушеса — уши.

Фемис (греч. миф.) — Фемида, богиня права, законного порядка и предсказаний.
Фетида (греч. миф.) — морская богиня, мать Ахиллеса.
Фиоль — цветок желтофиоли.
Флегетон (греч. миф.) — река в подземном царстве мертвых.

Хина — Китай.

Часть — участь, судьба, назначение.
Чумак — прислужник в питейных домах.

Цибела (греч. миф.) — «Великая Матерь», богиня плодородия.
Цербер (греч. миф.) — трехглавый пес, охраняющий вход в царство мертвых.
Церера (римск. миф.) — богиня жатвы; ее дочь Прозерпину похитил и сделал своей женой бог подземного царства Плутон.

Щунять — упрекать, выговаривать.

Эак (греч. миф.) — судья в царстве мертвых.
Эгид, эгида (греч. миф.) — щит Зевса и Афины.
Эней (греч., римск. миф.) — сын царя Трои Приама. Во главе троянцев, уцелевших после падения города, он отправился во Фракию, на Крит, в Сицилию; жил в Карфагене, где в него влюбилась царица Дидона; позднее основал государство римлян.
Эол (греч. миф.) — бог ветров.

Юдифь — см. Олоферн.

Ян, Янус (римск. миф.) — бог начала и конца, изображавшийся с двумя обращенными в противоположные стороны лицами. Во время войны двери в храм Януса не затворялись.
Ярыга — низший служитель полиции.
Ясон (греч.) — сын царя Иолка, отправленный в Колхиду за золотым руном (шерстью волшебного барана) на корабле «Арго» и успешно совершивший этот подвиг.
Яспис — яшма.
Ячный — ячменный.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* В. И. Майков. Портрет (масло) работы Ф. С. Рокотова (1770-е годы. Третьяковская галерея).

2. *На с. 72.* Титульный лист поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх». СПб., 1771.

3. *Между с. 192 и 193.* В. И. Майков. Портрет работы Г. И. Скородумова (миниатюра на кости; 1770-е годы).

4. *На с. 290.* Автографы В. И. Майкова: «Стихи на смерть Ф. Г. Волкова» и загадка «Глеб имеет назади...» (Рук. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

5. *На с. 310.* Автограф В. И. Майкова: начало эпической поэмы «Освобожденная Москва» (Рук. отд. Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

II

ОДЫ

ОДЫ ДУХОВНЫЕ

ПИСЬМА

НАДПИСИ, ЭПИГРАММЫ, ЗАГАДКИ

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА

ПЕСНЬ

III

ТРАГЕДИИ

ДРАМА С МУЗЫКОЮ

Майков Василий Иванович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1966, 504 стр.
Тем. план вып. 1966 г., № 416

Редактор *К. К. Бухмейер*
Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *М. А. Ульянова.* Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 18/XII 1965 г. Подписано в печать 9/IV 1966 г.
М 34076. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$, № 1. Печ. л. $15^3/_4$ + 2 вкл. (26,67).
Уч.-изд. л. 26,02. Тираж 20 000 экз. Заказ № 2021. Цена 98 коп.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение,
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета
по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
45	3 сн.	храниился	хранился
71	11 сн.	воздержней	воздержнее
142	11 св.	рычат	рачат
171	9 сн.	спасет	спасает
443	3 сн.	мрамор	мармор
489	6 сн.	*На с. 290*	*На с. 291*

Василий Майков.